

Вяч.Вс. Иванов

Славянский,
балтийский
и раннебалканский
глагол

Индоевропейские
истоки

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Вяч. Вс. Иванов

Славянский,
балтийский
и раннебалканский
глагол

Индоевропейские
истоки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

В монографии рассматривается история двух основных типов индоевропейского спряжения в славянских, балтийских и древнебалканских языках. Устанавливается отражение атематического типа спряжения, его расширение в разные периоды развития этих диалектных групп и последующее постепенное отмирание. Выявляется наличие регулярных соответствий между второй индоевропейской серией глаголов и глаголами на долгий гласный в балтийском и славянском. Исследуются границы аугментного ареала и хронология образования сигматического аориста. Выявлены синтаксические истоки славянских видовых оппозиций. Реконструирован ряд общих для балтийского и славянского видовых сочетаний глаголов с синтаксическими частицами и превербами.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
В. Н. ТОПОРОВ

Предисловие

Около четверти века назад автор этой книги пришел к некоторым из излагаемых здесь выводов, которые заставили его пересмотреть взгляды на индоевропейский глагол, в то время общепринятые. Стало ясно, что существует определенная закономерность, связывающая один из двух типов хеттского спряжения (на *-hi*) с корневыми аористами в тех языках (древнеиндийском и древнегреческом), на основании которых было принято со времен Боппа восстанавливать индоевропейский глагол. Новые точки зрения на древнеиндийский, балтийский и славянский глагол совместно обсуждались автором и В. Н. Топоровым и нашли отражение в их совместных публикациях. В дальнейшем удалось выявить некоторые явные следы в балтийском и славянском, отчасти и во фригийском и в албанском, той более архаичной системы форм, которую удается восстановить с помощью анатolianских и тохарских фактов, открытых в XX столетии. Совместная работа с Т. В. Гамкрелидзе позволила уяснить некоторые проблемы типологии индоевропейского. В предлагаемой вниманию читателей книге автор занимался исключительно этими архаическими чертами. Разумеется, необходимо далее последовательно рассмотреть и позднейшие этапы в развитии глагола в сопоставляемых диалектах. Но эта тема выходит за хронологические рамки настоящего сочинения.

Первоначальный вариант настоящей книги был написан в апреле—мае 1978 г. После этого со всем текстом или с его основными положениями познакомились В. И. Абаев, А. В. Десницкая, Г. Б. Джаукян, И. М. Дьяконов, В. А. Дыбо, С. Д. Кацнельсон, Е. А. Крейнович, В. А. Лившиц, В. П. Мажюлис, Ю. С. Маслов, А. П. Сабалаяускас, А. Н. Савченко, А. Е. Супрун, О. Н. Трубачев, каждый из которых сделал существенные замечания, по возможности учтенные автором. Вместе с тем именно за последние годы появился целый ряд публикаций, где излагаются гипотезы, близкие к предположениям автора, ранее им высказанным. Оказалось нужным отметить эти совпадения, быть может, свидетельствующие о слишком медленном вхождении в науку тех выводов, которые теперь кажутся очевидными. К сожалению, груз уже установленных условностей в сравнительно-исторической грамматике пропорционален длительности истории этой науки. Автор считал своей задачей выполненной, если он побудит своих коллег по-новому взглянуть на некоторые из явлений, окутанные туманом давно выдвинутых (хотя и не всегда обоснованных) теорий. Всем, кто помогал ему в завершении работы над

книгой, автор приносит самую сердечную благодарность. С особой теплотой он вспоминает Я. Эндзелина, Х. Станга и Ю. Куриловича, помогавших ему советами и воодушевлявших своей поддержкой на первых порах занятий балтийским языкознанием. Автор надеется, что отблеск их блестящих гипотез виден в соответствующих главах книги.

50 лет назад в письме Р. О. Якобсону Н. С. Трубецкой говорил об исключительной трудности выявления индоевропейских истоков славянского спряжения (Trubetzkoy 1975, с. 156). Хочется думать, что в некоторых случаях эти трудности можно считать преодоленными, в других же приоткрывается путь, следуя которому, можно постепенно понять, как менялась глагольная система каждого из описываемых индоевропейских диалектов.

Индоевропейские прототипы славянских, балтийских и раннебалканских систем глагольных окончаний

§ 1. Проблема двух серий глагольных форм в индоевропейском языкознании

Идея противопоставления в праиндоевропейском двух основных типов спряжения (как и ряд других мыслей, имеющих наиболее глубокое значение для переосмысления реконструкций индоевропеистики, в частности, предположение о ностратическом единстве), была высказана Хольгером Педерсеном еще в первом десятилетии нашего века (Pedersen 1907) и развита им же через четверть века (Pedersen 1933, с. 311—315). В то время Педерсен опирался в основном на внутренние структурные данные, прежде всего на параллелизм предположенных им соотношений в глагольной системе и ранее еще намеченных Шухардтом (Шухардт 1950, с. 105), Уленбеком (Уленбек 1950) и следовавшими за ними языковедами (см. историю вопроса: Климов 1973, с. 32 и след.; 1977, с. 19 и след.) семантически сходных противопоставлений в именной системе. Последние в то время большинством ученых интерпретировались как оппозиция эргативного и абсолютного падежей. В соответствии с этим глагольное противопоставление мыслилось Педерсеном как оппозиция переходности—непереходности. Эта семантическая интерпретация и именного, и глагольного противопоставления в последние десятилетия по мере изучения проблемы активного типа языка подверглась пересмотру. Но самый факт наличия и в глаголе, и в имени основной бинарной оппозиции, по своей функции одинаковой для обоих грамматических классов слов, был намечен Педерсеном правильно.

Самому Педерсену удалось позднее совершить дальнейший шаг на пути к конкретизации предложенных им в ранних работах реконструкций двух групп глагольных форм. Основываясь на данных открытого уже после опубликования первой из его работ хеттского языка, он предположил, что для индоевропейского можно допустить наличие двух спряжений — одного с окончанием $*-m(i)$, $*-s(i)$, $*-t(i)$ в единственном числе и $*-(e)nt(i)$ в 3 лице множественного, которое он охарактеризовал как преимущественно переходное, и другого с окончаниями $*-a/\bar{o}(-cH)$, $*-iha/-e(i)$, $*-e/-e(i)$; $*-j$, которое с его точки зрения было преимущественно непереходным; к нему он возводил тематическое спряжение (в частности, греческое), хеттское спряжение на $-hi$ и перфект в других индоевропейских языках (Pedersen 1938, с. 80—86).

Как и в более ранних построениях Педерсена, наиболее спорным является истолкование характера оппозиции как противопоставления переходных и непереходных глаголов. Обнаружение же возможности сравнить различие двух спряжений в хеттском с двумя группами индоевропейских глагольных форм было несомненно плодотворным, хотя многие детали реконструкции флексий нуждались в уточнении.

Продвижение по этому пути стало возможным благодаря открытию, которое независимо друг от друга в 1932 г. сделали два крупнейших индоевропейста следующего поколения — Станг (Stang 1932) и Курилович (Kurjłowicz 1932). Им удалось показать, что окончания индоевроп. (и, в частности, хеттского) медиума (среднего залога) в конечном счете тождественны окончаниям перфекта. Этот вывод основан на формальном тождестве древних парадигм и он остается незабываемым при любых дальнейших объяснениях судьбы этих глагольных категорий в отдельных диалектах (и даже при допущении древности медиума, который для определенного периода может считаться общиндоевропейским, что свидетельствует о древности соотношений, выявленных Стангом и Куриловичем).

Таким образом, уже к середине 30-х годов были заложены основы нового понимания древнейших форм индоевропейского глагола. Но несмотря на это большинство исследований, посвященных глаголу в отдельных диалектах, в том числе и для своего времени замечательная по полноте материала и ясности классификационных схем книга Станга о балтийском и славянском глаголе (Stang 1942), оперировали в качестве исходных индоевропейских категорий с теми именно традиционными представлениями, реальность которых становилась более чем сомнительной. В какой-то мере исключением были работы Куриловича, который, в частности, вплоть до самых поздних своих публикаций (Kurjłowicz 1964; 1977; 1979) настаивал на новом подходе к становлению индоевропейского перфекта. О медленности, с которой пробивал себе путь новый подход к истории индоевропейского глагола, свидетельствует, в частности, сравнительно-историческая грамматика хеттского языка Стертеванта (Sturtevant 1951). Существенно отделяя хеттский язык от других индоевропейских, Стертевант возводил его к «индо-хеттскому», но тем не менее стремился найти в хеттском следы таких категорий, как аорист, наличие которого в общиндоевропейском уже тогда казалось гадательным. Более последовательной можно признать точку зрения Коутилла, который в последние годы пробует обосновать индо-хеттскую теорию, доказывая принципиальные отличия хеттской глагольной системы от той, которую ему хотелось бы сохранить в традиционном виде для других индоевропейских языков в качестве общиндоевропейской (Cowgill 1975; 1979). Бесспорно, вопреки мнениям, иногда до сих пор высказывающимся даже в весьма ценных по фактическому материалу исследованиях (Oettinger 1979, с. X), хеттский глагол нельзя вывести из системы,

некогда предположенной Бругманном (попытки доказать обратное, например, Oettinger 1979; ср. Eichner 1975, полезны именно тем, что они привели к обратному результату). Но из этого еще не следует автоматически необходимость признания индо-хеттской теории. Для ее обоснования нужно было бы показать, во-первых, что другие анатолийские (хетто-лувийские) языки могут быть возведены к той же системе, что и хеттский (но не другие индоевропейские, например, тохарский); во-вторых, что все остальные индоевропейские языки (включая и «древнеевропейские» или «западноиндоевропейские») ближе друг к другу, чем к хеттскому. Ни Коугиллу, ни другим сторонникам индо-хеттской теории не удалось этого сделать. Выяснение двух этих вопросов оказывается центральным для современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, в особенности же для исследования тех диалектов, глагол которых (как балтийский, славянский, фригийский) не сводится к традиционной системе, установленной Бругманном.

Ключевое положение, которое занимает хеттский (и в целом анатолийский) глагол по отношению к индоевропейскому благодаря своей архаичности, делает оправданной попытку реконструкции наиболее ранней индоевропейской структуры именно на основе соотношений в анатолийском (с учетом инноваций, осуществившихся и в хеттском и в лувийском) при условии вывода всех отдельных диалектных состояний из этой структуры. На таком подходе и, в частности, на отождествлении лексического противопоставления корневых глаголов на *-mi* и на *-hi* в хеттском, с одной стороны, и длительных и аористических корней в арийско-греческом — с другой, была основана теория двух серий индоевропейского глагола, предложенная в 1957 г. и развитая позднее как по отношению к индоевропейскому, так и к балтийскому и славянскому (Иванов 1957; 1959; 1960; 1965; 1968; Иванов и Топоров 1958; Топоров 1961; 1962). Эта теория в последующие годы детально обсуждалась и частично была принята в некоторых обобщающих работах по индоевропейскому глаголу (ср. Watkins 1969; дальнейшую библиографию вопроса см. Перельмутер 1977). Однако два пункта, представляющиеся центральными, как думается, не привлекали до недавнего времени должного внимания: первичность различия двух серий по отношению к другим грамматическим противопоставлениям (например, презенса, аориста и имперфекта), сформировавшимся в отдельных диалектных ареалах, и отсутствие перфекта в общеиндоевропейском. В предшествующих своих трудах, посвященных соотношению спряжения на *-hi* и перфекта (Rosenkranz 1953; 1958a), Розенкранц показал глубокое семантическое сходство спряжения на *-hi* в хеттском с медиальными депонентными глаголами в других индоевропейских языках. Важнейшим выводом из исследования Розенкранца, как и из ряда гипотез Куриловича, является допущение позднего характера перфекта в той его форме, которая известна в греческо-арийской диалектной области. Этот же вывод подтверждается

и благодаря исследованию редуцированных глаголов в анатолийском в сопоставлении с индоевропейским перфектом (van Brosk 1964). Продолжающееся в ряде работ оперирование перфектом (как и аористом) в качестве общеиндоевропейской (а не диалектной) грамматической категории следует поэтому признать свидетельством крайней медленности перестройки основных положений сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, выработанных еще до открытия хеттского языка.

В недавнее время идея двух серий индоевропейских глагольных форм была вновь высказана (со ссылкой только на Педерсена, но не на других ученых, выдвинувших и обосновывавших ее позднее) как единственное вероятное объяснение происхождения двух хеттских спряжений (Jasanoff 1979). Особенностью последнего варианта теории является подчеркивание атематического типа значительного числа древних основ второй серии, что по существу повторяет точку зрения, изложенную в ряде предшествующих работ (Иванов 1957; 1960; 1963; 1965; 1968; Ivanov 1978). Возврат к высказанным в них предположениям наблюдается и в других вопросах (хотя сами эти работы в данной связи и не упоминаются).

Гипотеза, по которой перфект является инновацией отдельных групп индоевропейских диалектов (Иванов 1963; 1965; 1968; van Brosk 1964), возникшей из формы, общей с праформой хеттского спряжения на *-hi*, близка к точке зрения, которая в последнее время разделяется многими учеными, хотя наблюдается тенденция отделить эту праформу от общей праформы с медиопассивом (Risch 1975, с. 250; Eichner 1975, с. 75; Cowgill 1975; 1979, с. 27), впрочем, не всеми принимаемая (Neu 1976, с. 239—254). Та форма медиопассива, которая обнаруживает наибольшую близость, в частности, в показателе 3 л. ед. ч. на **-o*, ко второй серии форм, некоторыми авторами выделяется как ставив (Oettinger 1976a, ср. Jasanoff 1977; 1978), хотя уже справедливо замечалось, что речь идет о хронологическом различии по отношению к более позднему медиопассиву на **-to* (Cowgill 1979, с. 28, примеч. 9).

Несмотря на общепризнанность вывода Куриловича и Станга о едином происхождении формы медиума и перфекта многие индоевропейцы продолжают утверждать, что для общеиндоевропейского в равной мере были характерны оппозиции актива перфекту и актива медиуму (Watkins 1969, с. 66, 67; Перельмутер, 1977, с. 200, 201 и др.). Но при признании общности формы, давшей позднее перфект и медиум, кажется невозможным допущение одновременного противопоставления этой формы другой единой форме актива по двум признакам, независимым друг от друга. По-видимому, следует отличать период, когда существовали эти две единые противопоставленные формы (или точнее парадигмы — совокупности форм), одна из которых могла иметь несколько контекстно различавшихся значений, и более поздний период, на протяжении которого каждой из двух расщепившихся функций

соответствовало две разные формы. Смещение этих эпох сделало бы описание неадекватным.

Четкое проведение хронологических границ необходимо и при выяснении того, какие именно глагольные лексемы относились к каждой из этих форм. В недавних трудах Ф. Бадер было показано, что традиционные представления об исконной принадлежности нескольких наиболее употребительных индоевропейских глаголов к спряжению на *-mi* должны быть пересмотрены (Bader 1976).

Важнейшим выводом, сделанным в самые последние годы, прежде всего в исследованиях Ф. Бадер, является заключение о большей древности форм второй серии, в том числе и в парадигмах таких глаголов, которые по традиции обычно считались для общеиндоевропейского глаголами первой серии, как **es-* 'быть'. Становление парадигм с преобладанием форм первой серии медленно осуществляется в истории отдельных диалектов. Этот вывод, постепенно утверждающийся в индоевропеистике, требует пересмотра взгляда на соотношение тематических и атематических глагольных форм, до недавнего времени принятого применительно и к таким языкам, как балтийские и славянские; это же относится и к огласовке некоторых глагольных форм (ср. Schmalstieg 1980).

Традиционная точка зрения сводилась к тому, что из двух параллельных засвидетельствованных форм — тематической и атематической — одного и того же глагола всегда следует считать более древней атематическую. Эта точка зрения до сих пор обычно сохраняется в стандартных руководствах и справочных изданиях по балтийским и славянским языкам, где соответственно утверждается, что ст.-сл. *дѣти* — результат вторичной тематизации первоначально атематического и.е. *dhē-mi*, праслав. **dьrǫ*, **dьrati* вторично по отношению к атематическому **derti*, лит. *dūodu* 'даю' — вторичное новообразование по сравнению со ст.-лпт. *dūoti*, праслав. **damb* < **dōmi* и т. п.

Привлечение данных сравнительного индоевропейского языкознания позволяет, напротив, предположить, что при наличии двух параллельных форм — атематической и тематической — часто именно тематические формы отражают архаизм, хотя нередко в преобразованном виде. Это заключение проливает свет как на историю парадигмы отдельных глаголов и целых их групп, так и на судьбу личных окончаний. Но при этом недостаточно только указать на наличие некоторых форм, образованных по типу глаголов второй серии. При наличии двух типов форм должны были существовать случаи позднейших взаимных аналогических влияний. Основным вопросом является то, к какой из двух серий данная лексема относилась в общеиндоевропейском; при рефлексах форм той и другой серии целесообразно выяснить, которая из них зависела от контекстных и иных вторичных факторов.

Реконструкция была бы ненадежной, если бы одновременно не были показаны пути перестройки форм в отдельных диалектах.

При выбранном подходе к реконструкции развитие в анатолийском исследуется одновременно с восстановлением общиндоевропейских форм.

Особая значимость хеттского языка для реконструкции индоевропейского глагола определяется не только архаизмом отдельных хеттских флексий, замеченным уже в упомянутых трудах Куриловича, Станга и Педерсена. Еще более существенным представляется то, что хеттский язык сохраняет основную схему бинарных грамматических оппозиций, соотносимых друг с другом, — противопоставление спряжения на *-mi* спряжению на *-hi*, общего (несреднего) рода имени среднему, именительного (в определенном смысле активного) падежа общего рода винительному падежу общего рода и именительному/винительному среднего (Иванов 1963). Поэтому ориентация на данные хеттского (и других анатолийских) языков позволяет в известном смысле преодолеть изолированный атомизм лоскутных младограмматических реконструкций. Выбор в качестве точки отсчета той грамматической системы, в которой еще сохраняется ряд основных грамматических противопоставлений, в других языках утраченных, позволяет в данном случае пойти дальше отдельных реконструкций флексий и наметить тип соотношений парадигм глагола и имени друг с другом. Сказанное не означает, что хеттская система как таковая отображается на индоевропейскую взаимно-однозначным образом, как это в свое время пробовал сделать Бопп по отношению к санскритской системе. Наоборот, предварительно оказывается необходимым вычленить все многочисленные новообразования внутри хеттского глагола (ср. Kuryłowicz 1958; 1979). Но сделав это, мы получаем модель системы, существенно более близкой к общиндоевропейской, чем те, которые могут быть восстановлены таким же способом для других диалектных групп, в частности, балтийской и славянской, а также и для раннебалканских (фригийской и протоалбанской). Особенно существенно то, что каждая из последних может быть выведена из той, которая реконструирована на основе анатолийского, но обратное неверно.

§ 2. Реконструкция первичных и вторичных окончаний единственного числа первой серии глагольных форм в анатолийском

В анатолийских языках первая серия форм восстанавливается для общеанатолийского на основании сравнения флексий хеттского спряжения на *-mi* и соответствующих форм в других языках, как древнеанатолийских (лувийском, палайском), так и среднеанатолийских (иероглифическом лувийском) и позднеанатолийских (ликийском, лидийском). В хеттской парадигме отчетливо проведено различие «первичных» окончаний настоящего времени с приметой *-i* и «вторичных» окончаний прошедшего времени без этой приметы. Из форм с окончанием 1 л. ед. ч. наст. вр. *-mi*, возводимых к об-

щеиндоевропейскому, можно отметить в др.-хет.¹ *ú-e-ek-mi* 'я требую, я буду требовать' (в Повести о Цальпе, В 32', 34', в плане будущего времени с прямым объектом: Otten 1973, с. 8), где написание *-e-ek-* предполагает ударение на корне с возможной долготой гласного (Oettinger 1979, с. 93, 100, § 34, 136), которая отличала бы форму от индо-иранской: др.-хет. **[wék-mil]*, но ср. **[wék-mi]* > др.-инд. *vaś-mi* 'хочу', авест. *vaś^omi*, в древнеиндийском «длительный» корень без форм среднего залога (Whitney 1962, с. 640); сходный тип спряжения отражен в греч. гом. *ἑκόν* 'самовольно, по желанию, умышленно' (Мейе 1938, с. 217; Brugmann 1913, II, с. 91; Иванов 1965, с. 59). Разбираемым ниже славянским, балтийским и некоторым другим диалектным атематическим формам соответствуют др.-хет. *e-eš-mi* 'есмы', *e-it-mi* 'ем' (с аналогичной интерпретацией сдвоенного написания гласных). Архаическое окончание 2 л. ед. ч. наст. вр. сохраняется только в глаголах типа др.-хет. *e-ku-uš-ši* — *[ek^o-si]*² 'ты будешь пить' (в плане будущего времени с прямым объектом — Завещание Хатгусилиса I II 29) при древнем атематическом типе спряжения родственного тох. АВ *yok-* 'пить' (I класс в обоих тохарских языках, Krause — Thomas I, 1960, с. 197; Иванов 1965, с. 63, 64). Замена этого окончания в значительном числе глаголов с исходом корня на согласный другим окончанием (*-ti*) под влиянием парадигмы второй серии (ср. дублиеты *e-eš-ši* и *e-eš-ti* 'ты будешь' и т. п.) указывает на раннее начало расшатывания противопоставления двух этих типов форм в хеттском. Лучше всего засвидетельствовано окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. *-zi*, ср. от уже упоминавшихся глаголов: др.-хет. *ú-e-ik-zi* 'он требует', *e-eš-zi* 'он есть', *e-ku-zi* 'он пьет'³, а также *še-eš-zi* 'спит, покоится' при др.-инд. *sasti*, др.-хет. *ku-i-en-zi* 'бьет, поражает' (Во TU 12 A II 17; написание предполагает ударение на корне **[k^oén-zi]*) из и.-е. **g^{ch}énti* > др.-инд. *hánti* 'поражает' (палатализованное *t*) > хет. *z*), см. к синтаксису Haudry 1978, с. 212—215.

Древнеанатолийский характер «первичных» окончаний **-mi*, **-si*, **-ti* (> хет. *-zi*) подтверждается совпадением с пал. *-mi*, *-ši* (*ḫa-pa-ri-i-ši*), *-ti* (*ú-e-ir-ti* 'он говорит', ср. хет. *war* 'де, мол', *ú-e-ri-ya-* 'возвещать', лув. *waryi-* 'требовать', греч. *ἔρω* < **wer-yo-* 'говорю': производное на **-yo-* корневого глагола, сохранившегося только в палайском, ср. основу лат. *verbum*, англ. *word*, нем. *Wort*), Kammenhuber 1959 (Камменхубер 1980); Carruba

¹ Сокращение др.-хет. здесь и далее относится к наиболее ранним датировым древнехеттским формам либо в текстах, записанных посредством особого «древнего пошиба» клинописи не позднее XVI в. до н. э. (Rüster 1972, Neu — Rüster, 1975), либо в копиях этих последних, составленных в последующие века.

² Интерпретация согласного как лабиовелярного подтверждается параллельным др.-хет. *e-uk-ši* КВо XXII I Rs. 28'.

³ Ср. *e-uk-zi* КUB XX 53 V 6 с таким же обратным порядком письменной фиксации различительных признаков огубленности и заднеязычности у лабиовелярной фонемы.

1970. Тот же набор окончаний характерен для лувийского глагола, но только во 2 л. и 3 л. ед. ч. наст. вр.: лув. *awiši* 'ты приходишь', *āyaši* 'ты делаешь', *iiti* 'он идет', *ati* 'он делает', Laroche 1959 (Ларош 1980), иерогл. лув. *wali-mi-sá-si*, *wa-i-mi-sá-ti*, *á-ya-ti-i* 'он делает', *á-s(a)-ti* 'он есть' (Meriggi 1966; Мериджи 1980); окончание 3 л. ед. ч. **-ti* (*-di*, *-ti*) сохраняется и в ликийском.

Для хеттского удается восстановить четкие соотношения «первичных» окончаний с «вторичными», которые датировались временем до изменения **t' > z* (хеттская инновация) и **-m > -n* (в исходе слова, инновация, общая у хеттского не только с другими анатолийскими, но и с некоторыми остальными индоевропейскими диалектами, ср. о них уже Gauthiot 1913).

Ряд хеттских «первичных» окончаний ед. ч. наст. вр. *-mi*, *-ši* (< **-si*), *zi* (< **-ti*) соответствует ряду «вторичных» окончаний **(u)-n* < **-m*, *-š* < **-s*, *-t* < **-t* в хеттской парадигме прошедшего времени глаголов спряжения на *-mi*. Из архаических форм, возводимых к общеиндоевропейским праформам, следует отметить 1 л. ед. ч. пр. вр. др.-хет. *e-ip-pu-un* 'схватил' (завещание Хаттусиля I, I): предполагается ударный долгий *ē*, соответствующий долготе в др.-инд. *āpnoti* 'он достигает', авест. *āp-ana-* 'достижение', др.-арм. *unim* 'владею' (отыменный глагол к **ōp-no-*), Oettinger 1979, с. 88; предположение об отражении в этом хеттском глаголе корневого аориста (Eichner 1975, с. 82) ошибочно уже потому, что в древнеиндийском родственный атематический глагол реконструируется на основании тождества др.-инд. *apta-* 'достигнутый' (причастие от глагола, образующего не корневой аорист, а значительно более редкий аорист на *-a-* и редуцированный аорист, Whitney 1962, с. 847, 859) и лат. *aptus* (Иванов 1965, с. 60). Так же, как в настоящем времени «первичное» окончание **-si* вытесняется *-ti*, соотносившееся с ним «вторичное» окончание **-s* в прошедшем времени глаголов спряжения на *-mi* с исходом на согласный вытесняется *-ta*. «Вторичное» окончание *-š* сохраняется только в немногих глаголах с основой на гласный: др.-хет. *i-e-eš* 'ты сделал' (при другом типе окончаний в родственном тох. А *ya-* 'делать', см. ниже), *ḫa-at-ra-a-eš* 'ты написал'. Форма 2 л. ед. ч. пр. вр. на *-š* представлена, в частности, от нескольких глаголов в тексте Маддуваттаса, в настоящее время интерпретируемом как среднехеттский (Otten 1969): *daškeš* 'ты часто (много) брал' (Маддуваттас, II, 35), *piddaiš* 'ты часто убегал' (там же, I, 3). Продвинувшееся в последние годы исследование наиболее архаичных хеттских текстов, связываемых еще с городом Неса (ср. Иванов 1977, с. 7), позволяет утверждать, что в языке этих текстов 3 л. ед. ч. пр. вр. глаголов спряжения на *-mi* всегда образуется с помощью окончания *-t* (Neu 1974, с. 89—94), пишущегося посредством знака *-ta* после согласных. В древнейшей датированной надписи Аниттаса (не позднее XVIII в. до н.э., если не XIX в. до н.э., см. о хронологии Mellaart 1979, с. 18) встречаются следующие формы: *i-e-et* 'он сделал', с прямым объ-

ектом (Vs.* 9), от глагола *iya-* 'делать', 3 л. ед. ч. наст. вр. *i-e-iz-zi*, часто сопоставляемого не только с родственным тох. А *ya-*, принадлежащим к другой серии, но и со сходным по типу спряжения греч. гом. $\iota\psi\mu$ 'посылаю', 'бросаю', 'мечу', 'стреляю', 'стремлюсь' и т. п. (Gusmani 1961; Иванов 1965, с. 140, 141 примеч. 6, но ср. Oettinger 1979, с. 26, 347—349, § 15, с. 241—242, где, однако, в парадигме глагола данная древнехеттская форма не приведена); *ú-e-et* 'он пришел' (Rs.** 66; от глагола *uça-*, представляющего собой результат сложения в анатолийском приставки *u-* с корнем общеиндоевропейского глагола **ei-/i-* 'идти', что имеет точное соответствие в аналогичных сложениях в балтийском и славянском, Иванов 1957а, с. 25; Benveniste 1962, с. 32, 33; Иванов 1965, с. 224, 225, прим. 141; соответствующая форма 3 л. ед. ч. наст. вр. представлена в др.-хет. *ú-e-iz-zi*, *ú-iz-zi* [uězzi] 'приходит' с возможным ударением на *ú*: Oettinger 1979, с. 131—133, § 53); *lu-uk-ki-it* 'он сжег' (Rs. 69; от глагола *lukki-*, соответствующая форма 3 л. ед. ч., наст. вр. которого *lu-uk-ki-iz-zi* 'подожжет' представлена в древнехеттском тексте законов, § 100, 59; глагол образован от и.-е. **leuk-*, по-видимому, с помощью тематического суффикса *-i/-a-* < **-e/o-*, ср. др.-инд. *rocate* и т. п., Hoffman 1968; Neu 1974, с. 79, 80; Oettinger 1979, с. 271—275, § 168); *e-eš-ta* 'он был' (Vs. 2, 3; от глагола *eš-* 'быть' < и.-е. **es-*), *tak-ki-iš-ta* 'причинил' (Vs. 8, Rs. 45; от глагола *takš-* < и.-е. **teks-*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *tak-ki-e-eš-zi*, Oettinger 1979, с. 217, ср. др.-инд. *takṣati* 'обрабатывает', авест. *taša'ti* 'изготавливает', лит. *tāšyti* 'тесать', лтш. *tešu* 'тешу', ст.-слав. *тѣсати*, *тѣшж*, ср. Трубачев 1966, с. 248). Для сравнения с балтийским и славянским особый интерес представляет встречающееся в той же надписи др.-хет. *u-ça-te-et* 'он привел' (Vs. 37; от глагола спряжения на *-mi iwate-*, родственного др.-ирл. *fedid* 'он ведет', авест. *vad-*, ст.-слав. *ведж*, лит. *vedù*, Benveniste 1962, с. 34—35; Иванов 1965, с. 35; 1975). Эта древнехеттская форма, интерпретируемая как [uçatet], при отождествлении ее с соответствующими балтийскими и славянскими могла бы считаться косвенным доводом в пользу классической (по Стангу) интерпретации древней формы 3 л. ед. ч. как утратившей конечное **-t*. Однако вполне вероятным представляется альтернативное решение, по которому исходная форма **wede* (с тематическим гласным, позднее реинтерпретированным как окончание: **wede-θ* > *wed-e*, ср. к истории формы Mažiulis 1971, с. 106) могла быть заменена формой с вторичным окончанием **-t* только в отдельных диалектах, в том числе в хеттском (но не в балтийском). В недавно открытом близнечном мифе о детях царицы Канеса, в котором можно найти отголоски общеиндоевропейской древности (Иванов 1977, с. 6; 1977а, с. 254—256; 1977б, с. 58, 59), обнаруживается форма этого типа *zi-ke-e-et* (= [tsket]), глагол с суффиксом **-šké-* > *-ške-*

* Vs. — здесь и далее передняя сторона таблички.

** Rs. — здесь и далее обратная сторона таблички.

от хет. *de-* < и.-е. **dheH-* 'класть, ставить' с архаической нулевой ступенью огласовки корня **dhH-* (Иванов 1963, с. 111; Oettinger 1979, с. 107—108, 328, 483, где предполагается общеиндоевропейский характер формы), имеющей возможные соответствия в сходных суффиксальных производных в позднеанатолийских языках: лик. *tas-* (Laroche 1957—1958, с. 194—197; Pedersen 1946, с. 26, 27), лид. ↑ *es-* (Gusmani 1961a, с. 181, примеч. 19; Иванов 1965, с. 43).

Древнехеттское соотношение 3 л. ед. ч. наст. вр. *lukkizzi* 'зажигает', *iḫzzi* 'делает', *takkēši* 'мастерит': 3 л. ед. ч. пр. вр. *lukkīt* 'сжег', *iḫt* 'сделал', *takkišta* 'приготовил, причинил' показывает, что до изменения *zi* < *ti, происшедшего в хеттском языке после его отделения от других анатолийских, элемент *-i* мог функционировать в качестве отдельного морфа со значением приметы настоящего времени.

Древнеанатолийский характер «вторичных» окончаний 2 л. **-s* и 3 л. **-t* и соответственно соотношений **-s-i*: **-s*, **-t-i*: **-t* (и **-t-o*) подтверждается палайскими и отчасти лувийскими формами: пал. *-š*, *-t*; лув. *-š* (*ayaš* 'ты сделал'), ср. 3 л. *-ta* (с возможным объяснением из **-to*: Oettinger 1979, с. 561, примеч. 6), иерогл. лув. *-s*, 3 л. *-ta*, лик. *-te*, *-de* (Камменхубер 1980; Ларош 1980; Нойман 1980; Иванов 1980).

§ 3. Анатолийские, индоевропейские, славянские и балтийские окончания первых двух лиц множественного и двойственного числа

Сделанный выше вывод подтверждается и данными синхронного анализа хеттских форм 1 л. и 2 л. мн. ч., где «первичные» окончания наст. вр. 1 л. мн. ч. *-weni* (*-umeni*)⁴, *-wani* (последний

⁴ Формы с окончаниями *-umeni*, *-umen* в хеттском встречаются преимущественно в глаголах спряжения на *-hi*: *pedummen(i)*, *tumment*, *innummen*, *utummen(i)*, *zinnumeni*, ср. также *arrirumen*, *hullumen* (ср. Neu 1968, с. 129; 1974, с. 75), хотя встречаются и такие существенные исключения, как формы древнего глагола спряжения на *-mi* *kuen-* *kuennumeni* (КВо VI 29 II 25), *kuinnummen* (КUB XIII 35 III 26 наряду с *kueren* КUB VI 49 II 15, см. попытку чисто фонетического младограмматического объяснения этих и других аномальных форм этого глагола Oettinger 1979, с. 118, примеч. 118), но ср. древнехеттские формы 2 л. ед. ч. того же глагола, тоже построенные по типу спряжения на *-hi*: *kuenti* (текст Телепниуса, А II 45), *kueti* (Завешание Хаттусилиса I II 16). Согласно гипотезе, развивавшейся Стертевантом (Sturtevant 1951), а Курловичем обобщенной и на общеиндоевропейский (Курлович 1964, с. 150, 151), появление *-m* вместо обычного *-w* объясняется действием того же фонетического закона, которым объясняется и развитие этого же типа в древнеиндийском: **-uw-* > *-um-* (на стыке двух морфов, из которых первый кончается на *-u-*, а второй начинается с *-w-*). Но наличие аналогичных двух основ (**w(e)-* и **m(e)-*) и в индоевропейских личных местоимениях (где их объясняют двояко — либо в связи с противопоставлением дв. ч. и мн. ч., либо в связи с противопоставлением энклитива и инклитива, см. ниже), и в анатолийских окончаниях 1 л. ед. ч. (см. ниже) ставит под сомнение правильность этого чисто фонетического объяснения хеттских и других анатолийских (Oettinger 1979, с. 566, примеч. 12) вариантов глагольных флексий.

вариант в древнехеттских формах типа *pa(-a)-i-wa-ni* 'мы пойдём': Повесть о Цальпе, А 15; Otten — Souček 1968, с. 78; Otten 1973, с. 33; Houwink ten Cate 1970, с. 18), 2 л. мн. ч. *-teni*, *-tani* (последний вариант в нескольких архаических древнехеттских формах типа *pa-it-ta-ni* 'вы идете', ср. Otten — Souček 1968, с. 78; Oettinger 1979, с. 388, § 283) противостоят «вторичным» окончаниям прош. вр. 1 л. *-zen* (*umen*), 2 л. *-ten*. Для определения хронологии эта группа форм представляется особенно показательной, потому что их нельзя возвести к общеиндоевропейскому. Нельзя быть вполне уверенным и в наличии единой общей исходной формы (во всяком случае для первого лица, различающегося и в единственном числе) и для всех анатолийских языков. Если пал. *-wani* (1 л., мн. ч.) и лув. *-tani*: *-tan* (2 л. мн. ч., наст. вр.: пр. вр.), лик. *-tēni* < **-tani* практически совпадают с древнехеттскими (при регулярном фонетическом развитии **-ten* > лув. *-tan*), то лув. иер. *-min* (*hi-s(ā)-hi-mi-n(a)*) 'мы связали', Sekke fr. 17. ср. Oettinger 1979, с. 568, примеч. 15) предполагает форму **-mēn* (лик. *-āni*, *-ēni* остается не вполне ясным, допускается исходное **-wēni*, Oettinger 1979, с. 566, примеч. 12). Можно предположить нечто вроде дополнительного распределения форм с **m-* и **w-* по числам в двух группах анатолийских языков. В хеттском и палейском начальное **m-* характеризует формы 1 л., ед. ч. (хет., пал. *-mi*), в лувийском — 1 л. мн. ч. (лув. иерогл. *-min*), тогда как обратное соотношение наблюдается между окончаниями ед. ч.: лув. *-wi* и 1 л. мн. ч. др.-хет., пал. *-wani*. Наличие в других диалектах соотносительной пары глагольных окончаний и местоимений дв. и мн. ч. **w-* и **m-* заставляет видеть здесь сохранение архаизма.

Для общеиндоевропейского 1 и 2 л. мн. ч. восстанавливается только исходная схема флексий типа **-me/o* (с вариантом *-we/o* в анатолийском), **-te/o*, которые в некоторых языках получали дополнительные показатели множественности *-n-* (как в анатолийском), *-s*: «окончания **-me(s/n)*, **-mos*, **-ve(s)* развились как формы множественного и двойственного чисел от **-m* и *-u*; окончания **te(s/n)* развились как формы множественного и двойственного чисел от **-t*» (Schmalstieg 1980, с. 106). Исходные окончания **-me/o* (*-we/o*) и **-te/o* в некоторых диалектных группах выступали без последующих окончаний: тох. В 1 л. мн. ч. действ. зал. *-m(o)* < **-mä* < **me* (Adams 1978, с. 286—287; предлагавшееся ранее допущение исчезнувшей конечной группы **-es*, Krause — Thomas 1960, с. 259, § 465, не кажется обязательным с фонетической точки зрения, так как тогда следовало бы ждать аналогичного рефлекса и в тохарском А, Van Windekens 1976, с. 130), др.-инд. *-ma* как окончание формы 1 л., мн. ч. инъюнктива (вед. *bhārāma*) и как «вторичное» по функции окончание 1 л. мн. ч. (в формах типа имперфекта, аориста, опатива, конъюнктива, императива), а также окончание перфекта, древность которого удостоверяется этимологическим тождеством форм, восходящих к общеиндоевропейскому источнику древнеиндийского перфекта:

др.-инд. *vid-mā* 'мы узнали', гот. *vitum*. В кельтских формах тематической конъюнктивной парадигмы типа 1 л. мн. ч. **beram* < **bheromo* (Meid 1963, с. 54—60, ср. Cowgill 1975 a; Kortland 1979) при теоретической возможности допущения конечного **-s* (как в лат. *-mus*, ср. Thurneysen 1946, с. 360, 361) более вероятно возведение к тому же исходному **-mo* (Watkins 1969, с. 61). Исходное окончание *-mé* представлено в германском в формах типа гот. *witum* < [*witum*] < [*witm*] < [*witme*] (Polome 1964, с. 874), тогда как в опитативе типа гот. *bairaima*, *beraima* обнаруживается долгий гласный, сходный с редким вариантом *-mā* (совпадающим с исходным **mē-n(i)*) > лув. перогл. *-min*), который выступает наряду с *-mā* в ведийском. Такая же форма 1 л. мн. ч. с конечным долгим гласным (ступень растяжения, очевидно, связанная с положением в абсолютном исходе словоформы, ср. Gauthiot 1913), реконструируется для балтийского (Stang 1966, с. 416) на основании литовских форм на 1 л. мн. ч. *-me*, возвр. *-mės(i)*, ср. диалектные возвратные формы (Zinkevičius 1966, с. 331, § 581—482, с. 336, § 592, с. 345, § 618, с. 347, § 624) типа *-mėsi*, *-mės*, *-mėse* (в аукштайтских говорах), *-mos* (в жемайтских), а также архаические атематические формы *esmė* (*esmā*), *eimė* (при *eimā*, *aimā* в Зиедела, Лаунах и т. п.). В латышском в формах с окончанием *me* (ср. при лит. *eimė*, латыш. диал. *āime* в Ляясциемс, латг. *eimē*, о других диалектных формах типа *aima*² в Калупе ср. Rudzīte 1964, с. 359) следует видеть согласно Эндзелину соответствие лит. **-mē* и указанным готским и ведийским формам (Endzelīns 1951, с. 712, § 598, там же предшествующая литература), тогда как диалектные формы на **-mā-(s)* > *-ma-(s)* соответствуют жемайтским формам на *-mos* и, видимо, вместе с этими последними должны считаться более поздними образованиями (Endzelīns 1951, с. 713; Stang 1966, с. 417). По-видимому, индоевропейское окончание **-mǝ* (> *mā*) в сочетании с последующей частицей *-i* (Stang 1966, с. 417) или *ai* (Schmalstieg 1974, с. 152) представлено и в многочисленных прусских формах 1 л. мн. ч. типа *asmai*, *perėimai*, *giwammai*, *turrimai*, *galbimai*, *postānimai*, *waidimai*, *immimai*, *ersinnimai*.

При всем многообразии возможностей индоевропейской реконструкции, допускаемых законами конца слова в славянском (ср. в данной связи Мейе 1951, с. 252, § 341), окончание 1 л. мн. ч. *-mъ* (ст.-слав. *веремъ*, *пресинъ*, *юемъ*, ср. формы болгарского, русского, чешского и древнепольского языков с родственным окончанием) с вариантами *-me* (в древнерусском, чешском, болгарском), *-my* (в языке некоторых частей Супрасльской рукописи, древнерусском, польском, лужицком, древнечешском), *-mo* (в сербо-хорватском, словенском, словацком, украинском, белорусском, ср. Мацкевич 1959, с. 154, 183, карта 7; Дьялекталагічны атлас 1963, карты 154, 161; Бевзенко 1960, с. 286; Дем'янчук 1928, с. 103; Kuraszkiwicz 1934, с. 124; Shevelov 1977, с. 253—255) может быть в конечном счете возведено к тому же индоевропейскому окончанию **-me/o* (большая часть указанных вариантов

могла возникнуть на собственно славянской почве, что, в частности, предполагается ввиду поздней хронологии появления варианта *-mo*, ср., однако, о возможности его возведения к индоевропейскому Vaillant 1966, с. 76; см. о сравнении с балтийским **-ma*, отраженным в латыш. *-mās*, жем. *-mos* Schmalstieg 1974, с. 152; также Stieber 1973, с. 26).

Германо-балто-славянская диалектная группа, как и индоиранский, представляют особый интерес для сравнения с хеттским 1 л. мн. ч. *-wen(i)* потому, что в перечисленных диалектах наряду с окончанием 1 л. мн. ч. *-me* засвидетельствовано также и окончание 1 л. дв. ч. *-we*, формально сходное с хет. *-we-n(i)*, пал. *-wa-n(i)*. Гот. *-wa* в формах конъюнктива 1 л. дв. ч. типа *bairaiwa*, *bindaiwa*, *sitaiwa* может быть этимологически отождествлено, с одной стороны, с древнеиндийским «вторичным» по функции и перфектным окончанием 1 л. дв. ч. *-va* (в имперфекте типа *ābharāva*, опативе типа *bhāreva*, перфекте *vidvā*, ср. авест. *ṣvāva*), с другой — с балтийскими и славянскими окончаниями, отражающими, как и германские формы, долгий гласный (а не краткий, как в древнеиндийском). В балтийском на основании литовского окончания *-va*, возвр. *-vos(i)* (аукшт. *sūkav(a)*, *sūkavos*, *tikiva*, *tikivos*, *rašov(a)*, *rāšovos*, ср. Zinkevičius 1966, с. 337, § 594, с. 341, § 603, с. 343, § 611) восстанавливается окончание **-vā*, которое на первый взгляд только долготой отличается от др.-инд. *-va*, но это последнее может быть возведено к окончаниям с различными индоевропейскими гласными в исходе слова, как и гот. *-wa*, ср. Stang 1966, с. 419. В славянском обнаруживается несколько вариантов соответствующего окончания: наряду с **-vě*, отраженным в старославянском, старосербском, словенском (в формах ж. р.), древнерусском, древнечешском, в качестве его варианта представлено также и *-va* в древнерусском, в старосербском, в словенском (в формах м. р., ср. Tesnière 1925), в древнепольском и современных польских диалектах, в древнечешском (Meiє 1951, с. 260, § 352; Stang 1942, с. 223; 1966, с. 419). Возможно, что общим для балтийского и славянского было окончание **-wā*, тогда как параллельная форма **-wě* в славянском возникла под влиянием личного местоимения (ст.слав. *кѣ* 'мы оба'), но нельзя полностью исключить и вероятия отражения и.-е. **-we* в славянском **-vě*, как и в неясных по качеству гласного готской и древнеиндийской глагольных флексиях 1 л. дв. ч. И.-е. форма 1 л. дв. ч. **-we* давно уже рассматривалась в качестве «рифмующегося» образования к форме 1 л. мн. ч. *-me* (ср. Thumb—Hau-schild 1959, II, с. 199).

Проблема соотношения форм 1 л. дв. ч. **-we* и 1 л. мн. ч. **-me* приобретает особый интерес в свете хеттского и палайского языков, где форма 1 л. мн. ч. хет. *-we-n(i)*, пал. *-wa-n(i)* предполагает исходное **-we*, формально совпадающее с формой 1 л. дв. ч., а функционально — с формой 1 л. мн. ч. в других индоевропейских диалектах. В исторический период двойственное число в хеттском языке отсутствует, но отдельные его реликты можно

предположить в таких древнехеттских именных формах, как *šakuwa* 'глаза' (ср. аналогичное сохранение пережиточных форм двойственного числа в таких языках, как славянские, Milewski 1954, с. 23, Иванов 1957а), в частности, в конструкциях типа *ša-ku-wa-aš-ma* '(перед)глазами их' (Дворцовая хроника, 2 ВоТУ 12 А — КВо III 34 I 18), где *šakuwa*, по-видимому, выступает еще в архаической функции им.-вин.-дат. п. (первоначально дв. ч.). Если в именных формах типа *šakuwa* можно было бы видеть след им.-вин. п. дв. ч. на *-a* (< **-ō*) (ср. Sturtevant 1951, с. 83, § 126b; Sommer 1947, с. 49—51), то оправданным представился бы и поиск остатков двойственного числа в глаголе, в частности в *-wen(i)* при параллельном *-u-men(i)*. На этом пути можно было бы попробовать найти объяснение *-n* как показателя множественности в анатолийской глагольной форме 1 л. мн. ч. Для **-s* в формах типа тох. А 1 л. мн. ч. наст. вр. *-mās* значение множественности отчетливо выявляется из соотношений в самой тохарской глагольной парадигме и подкрепляется явным параллелизмом с аналогичной ролью *-s* в личных местоимениях и в парадигме имени. Поэтому представляется возможным (хотя и далеко не обязательным) сопоставить *-n* в анатолийском 1 л. мн. ч. с окончанием дв. ч., в частности, в тохарских формах «парного» числа (см. Krause 1954; 1955) типа тох. В *wene* 'мы оба' (при *wes* 'мы', мн. ч.), *yene* 'вы оба' (при *yēs* 'вы'), *ešne* 'глаза' (*ek* 'глаз'): тох. А *ašām* 'глаза' (*ak* 'глаз'), где кажется возможным отождествление с типом др.-инд. род.-мест. п. дв. ч. *akṣaṇī* (при основе *akṣi-*, где *-i*, однако, чередуется с *-n* и в других числах, Бенвенист 1955). Судя по единичным сохранившимся примерам примета *-n* характеризовала дв. ч. и в тохарском глаголе: тох. А *tiṃ wu ślyokañ tāken[als]* 'эти две шлоки являлись' (при 3 л. ед. ч. пр. вр. *tāk*, 3 л. мн. ч. конъюнкт. *tāke, tāke-ñc*); тох. В *āntpi mā nestem* 'обой не существует' (при связке 3 л. ед. ч. *ste*), ср. греч. 2—3 л. дв. ч. наст. вр. *ἔστω-ν*, буд. вр. *ἔστωθ-ν*. Поэтому допущение исторического тождества хет., пал. *-n* в 1 и 2 л. мн. ч. и тох. *-n* в указанных формах «парного» числа кажется вероятным. Трудность заключалась бы, однако, в объяснении того, почему форма двойственного числа стала использоваться в значении множественного (ср., однако, многочисленные грамматические типологические параллели такому развитию, в частности, в славянском имени).

С семантической точки зрения представляется правдоподобным возведение различий между формами с окончаниями 1 л. мн. ч. **-me* и 1 л. мн. ч. (в хеттском) и палайском или дв. ч. (в балтийско-славянско-германской диалектной группе и в древнеиндийском) **-we* к такому же противопоставлению, которое обнаруживается и для двух сходных по анлауту форм личных местоимений (ср. Seebold 1971), ср., с одной стороны, лит. *mēs* 'мы' (в диалектах также *mēs*, ср. Zinkevičius 1966, с. 302, § 495), прус. *mes* (*mas*, ср. Palmaitis 1976, с. 160), латыш. *mēs* (с вторичной долготой *ē*, ср. Endzelīns 1948, с. 163), ст.-сл. *мы* (с вокализмом, испытывавшим, возможно, влияние формы 2 л. мн. ч., ср. лит. диал. *mūs* 'мы',

род. пад. *mūsu*, при *jūs* 'вы', прус. *nison*, *nousan* = [*nusan*] 'нас', род. п., Schmalstieg 1974, с. 127, 138), с другой стороны, хет. *weš* 'мы', тох. В *wes*, А *was*, гот. *weis*, др.-инд. *vayāt*, авест. *vaēt*, др.-перс. *vayam*.

Формы типа лит. *mēs*, ст.-сл. *mzi* рассматриваются как бесспорно образованные от **m(e)*- с помощью показателя мн. ч. -*s* (Szemerényi 1979, с. 276, ср. Palmaitis 1974; 1976), тогда как соответственно формы типа хет. *we-š* могут быть образованы от **w(e)*- посредством того же показателя. При других окончаниях от той же основы образуется местоимение 1 л. дв. ч.

В тохарском наряду с формой В *wes* (А *was*) засвидетельствована и форма «парного» (двойственного) числа — тох. В *wene* 'мы оба'. Древность этого значения подтверждается др.-инд. вед. *vām* 'мы оба' (RV VI 55, 1), род. пад. *vā* (RV IV 41, 2), авест. вин. п. *vā*, Wackernagel — Debrunner 1930, III, с. 462—466, 476; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 129. В балто-славяно-германской диалектной области эта же основа используется в значении 1 л. дв. ч.: ст.-слав. *кѣ* и гот. *wit* 'мы оба', отождествляемое обычно (Haudry 1979, с. 62) с лит. жем. *vedu*, ж. р. *vėdvi*, которые представлены в диалектах наряду с аукшт. *midu*⁵, ж. р. *mīdvi*. Отличительной особенностью приведенных литовских диалектных форм (как и готской) является то, что они представляют собой сложение местоименной формы (**we-*) с числительным 'два' (ср. также аналогично построенные формы двойственного числа типа *tubdu*, ж. р. *tiėdvi*; *abūdu*, ж. р. *abīdvi*, Zinkevičius 1966, с. 322, § 557).

Такой способ образования форм двойственного числа (или названий парных органов — «парного» числа) имеет широкие типологические параллели, ср. сходную позицию числительного 'два' в формах двойственного числа в восточно-австронезийских, в частности, меланезийских языках (арагу 1 л. инклюз. *gida-ru* 'мы оба', 1 л. эксклюз. *kama-ru* 'мы оба без него', 2 л. *kimi-ru* 'вы оба', добу *si-te-rua* 'они вдвоем', Capell 1971, с. 335, с постпозицией числительного *drusa или **D₁ewSa-* 'два' Schuhmacher 1972, Иванов 1977д, при препозиции числительного 'два' в соответствующих формах анудха *ro-gita*, *mo-ro-gami*, *tu-ru-gamu* и т. п.), в названиях парных предметов в абхазско-адыгских языках (кабард. *lā-q^oa* 'нога, ноги', *bža-q^oa* 'рог, рога', абхаз. *a-1^oə-γ^oa* 'рог, рога' с постпозицией (*t*)*q^o* 'два') и в бурушаски (*lt-ur* 'рог', *lt-umal* 'ухо', *lt-anc* 'нога' с препозицией (*a*)*lt-* 'два', Климов — Эдельман 1974, с. 160). Типологическое сопоставление с такими формами подтверждает гипотезу, согласно которой

⁵ Форма, напечатанная в LT III 417 как *nuodu* и принимавшаяся ранее за архаическую форму шауляйского диалекта, сопоставимую со ст.-слав. вин. п. дв. ч. на 'нас обоих', греч. им.-вин. п. *ὡ*, др.-инд. вин.-дат.-род. пад. *nau* (энклит.), авест. род. пад. *nā* 'нас обоих' (Endzelins 1948, § 311; Graenkel 1950, с. 71; 1955—1965, с. 442; Otrebski 1956, III, с. 139; Zinkevičius 1966, с. 306, § 509; Stang 1966, с. 257), оказалась реально не существующей, так как в соответствующем фольклорном тексте следует по рукописи читать *midu*, Sabaliauskas 1976; Palmaitis 1976, с. 161.

и в индоевропейском *-u в качестве словообразовательной приметы подобных названий, позднее переосмысленных как формы двойственного числа (Суну 1924, ср. Szemerényi 1972, с. 163 с дальнейшей библиографией) типа др.-инд. *pādau* 'обе ноги', некогда совпадало с формой числительного 'два' ($w < (d)u-/*a^w-$, Гамкрелидзе — Иванов 1980, I) в галл. *vo-*, зап.-греч. *ῥίχτι*, лат. *vīginti* '20' и т. п. Для подтверждения этой гипотезы, в частности, представляет интерес типологическое сопоставление формы такого типа и.-е. **oktō-u* '4' (др.-инд. *aṣṭāu*) и бурушаски *wā-lt* '4' (с постпозицией *-lt* '2'). При этом, как уже отмечалось (Наур 1969, с. 340, Иванов 1977д) типологически сходны названия степеней числа 2 в бурушаски (абстрактн. ф. *alti*, *alto* '2', *w-alt* '4=2²', *ālt-ambi*, *ālt-am* '8=2³') и в индоевропейском, где числительные до 4 (форма на *-u* типа **oktō-u*, ср. Erhart 1965) включительно выделяются как склоняемые, а названия '4' и '8' могут быть родственны друг другу (Bremer 1923; Muller 1927; Ebbinghaus 1950; Knobloch 1952; Rosenfeld 1956/1957; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 162; Гамкрелидзе — Иванов 1980, II).

Литовские диалектные формы типа *vedu*, *tudu* типологически построены так же, как предполагаемые общиндоевропейские сложения с **(d)u-* и подобные им формы в других указанных языках. Представляется существенным то, что в подобных случаях основа со значением 'два' прибавляется к форме, которая сама по себе не имеет значения двойственности как таковой. Кажется поэтому возможным, что и в лит. диал. *vedu* (*vėdvi*), представлена местоименная основа **we-*, которая сама по себе могла первоначально и не иметь значения только двойственности (хотя формы типа *abūdu* показывают, что это значение или ему подобное значение 'парности' и нельзя исключить полностью). По тонкому замечанию И. М. Тронского, «двойственное число индоевропейских языков... в известной мере тяготеет к множественному; в корневой оппозиции супплетивных личных местоимений корню единственного противостоит общий корень двойственного и множественного» (Тронский 1946, с. 68); поэтому возможно оперирование с единым «двойственным / множественным числом» как с древней категорией (Palmitis 1974; 1976; ср. о единой основе местоименной основе **we-* для этих двух чисел Haudry 1979, с. 62).

§ 4. Проблема индоевропейской оппозиции инклюзива и эксклюзива

Для выяснения того, каким могло быть исходное праиндоевропейское значение местоименных основ **we-*, **no-*, (**ne-*) и противопоставленной им основы **me-*, представляется возможным привлечение гипотезы о наличии противопоставления инклюзива и эксклюзива в индоевропейском. С точки зрения утверждающегося в последнее время представления об общиндоевропейском языке как языке с бинарным противопоставлением активных имен

инактивным (отвечающим и оппозиции двух серий глагольных форм) существование в нем оппозиции инклюзива и эксклюзива представляется вероятным (Климов 1973; 1977; Гамкрелидзе — Иванов 1980, I), так как в языках типа картвельских с древним отражением подобного противопоставления двух именных классов обычно имеется и оппозиция инклюзива—эксклюзива (Гамкрелидзе 1959, с. 43—47, ср. Ivanov 1973, Дондуа 1975, с. 79—85 и 229, где отмечается, что инклюзив—эксклюзив в картвельском исследовался еще Боппом). Наличие эксклюзивного **ne-* в общепалеоиндоевропейском было предположено сперва Йенсеном (Jensen 1930), а затем независимо от него Уоткинсом, который, впрочем, сам не настаивал на этой реконструкции. Уоткинс, оставаясь в рамках метода внутренней реконструкции, считал выдвинутую им гипотезу «в лучшем случае недоказанной» (Watkins 1969, с. 45). Однако в настоящее время ряд фактов говорит в пользу этой гипотезы. Гипотеза Уоткинса основана на предположении об отсутствии развитого двойственного числа в индоевропейском глаголе, что мотивируется полным его отсутствием в хеттском, кельтском и итальянском глаголе (Watkins 1969, с. 46) и возможностью обоснования исходного единства некоторых глагольных окончаний мн. ч. и дв. ч. (ср. Kuryłowicz 1964, с. 151—155). Для **ne-* реконструируется значение эксклюзива, поскольку эта форма употребляется только в значении 1 л. дв. ч. (ст.-слав. *на*, греч. *νό*, др.-инд. *nau*, авест. *nā*; предполагалось сравнение и с тох. В *-ne* в *we-ne*, но это едва ли верно уже в виду тох. В 2 л. дв. ч. *ye-ne*, см. выше) и 1 л. мн. ч., как в вин. п. лат. *nōs*, авест. *nā*, хет. *anz-aš*, гот. *uns* и в энклитических формах винит.-род.-дат. типа др.-инд. *naḥ*, авест. *nō*, ст.-слав. *нѣ*. Ст.-слав. род. п. личн. мест. 1 л. мн. ч. *нѣзъ*, дат. п. *намъ*, твор. п. *нами* (ср. лат. *nō-bis*) находят соответствие в родственном начальном элементе в прус. род. п. личн. мест. 1 л. мн. ч. [*nusan*], передаваемом написанием *nusun*, *nusun*, *nusan*, *nusen*, *noūson*, *noūsou*, *noson*, *noūsan*, *noūsen*, *nouson* (Schmalstieg 1974, с. 138; Palmaitis 1976, с. 160 и след.), ср. аналогичное сходство между славянским и прусским и в форме притяжательного местоимения 1 л. мн. ч.: ст.-слав. *наша*, прус. дат. п. ед. ч. м. р. *naūsesmu*, *nousesmu*, *noūsmu* [*nūsasmā*], вин. п. мн. ч. м. р. *noūsons*, *nousons* (*nūsans*), им. п. ед. ч. ж. р. *noušā* (*nūsā*), Schmalstieg 1974, с. 127. Для местоименной основы (и соответственно глагольного окончания) *we-* Уоткинс предполагал значение инклюзива, исходя из ее употребления как в функции 1 л. дв. ч. и 1 л. мн. ч., так и в функции 2 л. дв. ч. (вед. *vam*, Thumb — Hauschild 1959, II, с. 129; Барроу 1976, с. 251; ст.-слав. *ка*) и 2 л. мн. ч. (др.-инд. *vaḥ*, авест. *və*, *vo*, лат. *uos*, ст.-слав. *кѣ*, прус. *wans*, вин. п., ср. Palmaitis 1976, с. 162). Такое совпадение функций объяснимо только при предположении, что первоначально формы были инклюзивными. Эта гипотеза по отношению к **we-* была типологически обоснована Прокошем (Прокош 1954, с. 308, 309) и принята рядом других индоевропейцев (Liebert 1957; Benveniste 1959; Гамкрелидзе 1959, с. 11).

Если в типологической интерпретации $*we$ как инклюзива многие индоевропеисты сходятся, то существуют разногласия в определении того, что этой форме противопоставлялось как эксклюзивив. В пользу предположения об эксклюзивности $*ne$ говорят как приведенные данные индоевропейских языков, так и факты ностратического внешнего сравнения. Недавнее открытие эксклюзивного n - в чадской группе семито-хамитских (афразийских) языков (Пильщикова 1959, с. 217, 218) и одновременно осуществленная реконструкция эксклюзивности na - в картвельском (Гамкрелидзе 1959, с. 46—47) позволили В. М. Иллич-Свитычу дать реконструкцию, согласующуюся с рассмотренным пониманием и.-е. $*ne$ (Иллич-Свитыч 1976, 2, с. 56, ср. Иванов 1979б, с. 27—30).

Если в свете ностратических сближений кажется весьма вероятной интерпретация $*ne$ как эксклюзива, то истолкование противостоящей ему формы (или форм) вызывает большие трудности. Для $*we$ Иллич-Свитыч предполагал не значение инклюзива (представляющееся вероятным в силу указанных соотношений в индоевропейском), а функцию древней формы двойственного числа, имевшей значение 'мы с тобой' (Иллич-Свитыч 1976, 2, с. 54). Хотя в пользу такого объяснения можно было бы привести давно выявленные А. Кюни доводы в пользу рассмотрения $*w$ - (ср. выше о $*d^w$ -/ $*d-w$ - 'два') как морфемы со значением двойственного числа (Cuny 1924, ср. Erhart 1965), тем не менее само значение 'мы с тобой' является типичным для инклюзива. Это последнее значение Иллич-Свитыч реконструировал на основании данных внешнего сравнения для $*mā >$ и.-е. $*me$ -. Ранее для этого морфа, позднее отраженного в формах 1 л. дв. ч. и мн. ч., предполагали, напротив, значение эксклюзивности (Прокош 1954, с. 308—309; Liebert 1957, с. 95—107; Benveniste 1959; Гамкрелидзе 1959, с. 11 и след.).

Если (как это представляется несомненным) рассматриваемые формы $*ne$, $*me$, $*we$ не выводятся друг из друга фонетически ⁶, а должны рассматриваться как отдельные морфемы с самостоятельными значениями, то эксклюзивное значение следует предположить для $*ne$ - (по указанным причинам), тогда как для $*we$ - правдоподобным для общиндоевропейского оказывается реконструкция инклюзивного значения ⁷. Последнее вероятно и для $*me$ ввиду наличия этого элемента в формах 1 л. мн. ч. $*ys-me$ (др.-

⁶ По отношению к $*me$ и $*we$ такая гипотеза предлагалась на основании указанных выше (§ 3) хеттских фактов, не являющихся, однако, достаточными. Для пары $*me$ и $*ne$ попытку свести их вместе предпринял Прокош (Прокош 1954, с. 309), но он опирался на нейтрализацию $*m$ и $*n$ в контексте перед $*s$ в индоевропейском, что не дает оснований для постулирования одной и той же фонемы в позиции перед гласным (позиция типа $*ms$ могла и не быть представлена на том более раннем этапе, который существен в данном случае.)

⁷ Предположение (Palnaitis 1974; 1975; 1976) о противопоставлении $*ye$: $*no$ как основ абсолютного и эргативного падежей нуждается в коррекции в свете гипотезы о соотношении иактива и актива в индоевропейском.

инд. *asma-*, основа косвенных падежей 1 л. мн. ч., авест. гат. *āhmtā*, мл. авест. *ahma*, греч. лесб. *ἄμμε* < *āsmē) и 2 л. мн. ч. *us-me (др.-инд. *yuṣma-*, основа косвенных падежей 2 л. мн. ч., авест. *yūšma-*, греч. лесб. *ὕμμε* < *ūsmē). Основываясь на типологических соображениях, согласно которым инклюзив 1 л. включает и элементы показателей 2 л. (Forchheimer 1953, p. 98 и след., 114 и след.), в формах типа *psme, *usme уже находили инклюзив (Ethart 1970, с. 38—41; 1973, с. 253). При этом выделяли, однако, в качестве инклюзивного показателя *-sm-*, что маловероятно, так как морф *-me* присоединяется к **ps(nes)*, **us(wes)*, Benveniste 1962, с. 75—76. Для этого периода *-s-* в **ns-*, **us-* едва ли выделим.

Формы *ps-me, *us-me ограничены греческо-арийским диалектным ареалом и поэтому еще не давали возможность делать окончательные выводы об общеиндоевропейском.

Но инклюзивный характер этих индоевропейских местоименных форм с последним элементом *-me* стал более очевидным благодаря открытиям последних лет в области древнехеттских местоимений. Удалось выяснить, что в древнехеттском притяжательное местоимение 1 л. мн. ч. имеет форму *šum-mi-*, ср. ^D*Ši-ū-šum-m[i-in]* 'Бога нашего' (вин. п., надпись Анитаса, Vs. 39, там же, 41, Neu 1974, с. 66, 119—120, 128—129 с параллелями из архаических текстов, где представлено полуидеографическое написание ^D*UTU-šum-mi-in*, КВо XVII 88 Rs. III 11' и др.), *ni-e-ku-šum-mi-uš* 'сестер наших' (Повесть о Цалье, Vs. 19, Otten 1973, с. 35, там же, примеч. 65 о параллели в древнем переводе легенды о Саргоне ⁸ *LÜ.MEŠ UR. SAG-šum-mi-iš* 'герои — наши' в смысле 'мы — герои', Во 68/28 IV 18 и след.). Эта форма прит. мест. 1 л. мн. ч. своей основой совпадает с личным местоимением 2 л. мн. ч. *šumeš* 'вы', для которого Бенвенист предположил связь с *usme (Benveniste 1962, с. 75—76), ср. также др.-ирл. *sí* < *swī 'вы', валл. *chwi* 'вы'. Следовательно, представленные в других индоевропейских диалектах (в частности, в греческо-арийском) формы с вероятным древним инклюзивом на *-me* (для которого характерна особая связь с притяжательными формами на **-me*, ср. Cowgill 1965, с. 69—70) оказывается возможным связать с хеттскими (в частности, притяжательными) формами, в которых обнаруживается тождество основы 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.:

Местоимения множественного числа на <i>-m(e)</i>		
Лицо	Греческо-арийский	Хеттский
1	* <i>ps-me</i>	<i>šumi-š</i> (прит.)
2	* <i>us-me</i>	<i>šume-š</i> (личн.)

⁸ Обнаружение следов связи Эблы с Малой Азией (в том числе и представляющееся вероятным обнаружение в топонимике, отмеченной в текстах Эблы, таких индоевропейских анатолийских названий мест, как *Hašuwā*, Pettinato 1979, ср. др.-хет. *Hašuwā*, букв. 'царское': хет. *haššu-*, иерогл. лув. *hasu-* 'царь', др.-инд. *asura-* 'бог-повелитель', др.-исл. *æsir* 'боги — асы') делает вероятным удревление даты первоначального составления таких текстов, которые повествуют о III тыс. до н. э. (в частности, о Саргоне, разрушившем Эблу).

В таком случае возникает вопрос: как объяснить существование наряду с эксклюзивным **ne* двух инклюзивных форм — **we* и **me*? Ответ на этот вопрос дает типологическое сравнение с языками, в которых засвидетельствовано противопоставление инклюзивных и эксклюзивных форм. Эксклюзивность в таких языках может выражаться формами, обозначающими множество говорящих без слушающих (с дополнительным включением третьих лиц в единственном и множественном числе), тогда как инклюзивность может выражаться формами, обозначающими множество говорящих и слушающих (с дополнительным различением единственного и множественного числа слушающих), например, 'мы вместе с ним (без тебя)', 'мы вместе с вами (без них)'. В бамилеке (центральная часть Объединенной Республики Камерун) по данным, записанным у информатора А. Зумафо (в бытность его студентом Университета им. Лумумбы в 1964 г.), представлены формы *pa* 'мы с вами', *pi* 'мы с тобой', *p'he* 'мы с ним' (без тебя), *p'a pi* 'мы с ними', ср. противопоставление пяти притяжательных форм: *ndz-eyo*⁹ 'наша ткань', *ndzayoqpa* 'наша с вами ткань', *ndzeyoqpi* 'наша с тобой ткань', *ndzeyoqphe* 'наша с ним ткань', *ndzeyoqpharu* 'наша с ним ткань', Иванов 1966, с. 259, ср. о грамматических формах бамилеке Виноградов 1978, Atlas 1976.

Типологическое сравнение с языками этих типов дает основание предположить, что **we* и **me* могли относиться к разным видам инклюзива (например, 'мы с тобой' и 'мы с вами'⁹). Но независимо от достоверности этих гипотез (основывающихся на типологических интерпретациях и потому допускающих переформулировку на позднейших этапах развития теории) в индоевропейских диалектах относительно позднего периода **we* и **me* выступают в качестве морфем двойственного и множественного числа, частично находящихся уже в дополнительном распределении по диалектам.

⁹ Менее вероятно предположение, по которому **we* означает множество, включающее говорящего и слушающего, тогда как **me* означает множество, включающее и третье лицо, чем объяснялось бы часто отмечавшееся сходство форм типа **us-me*, **us-me* и *-m-* в местоименных формах косвенных падежей единственного числа типа др.-инд. дат. п. ед. ч. *ta-sm-ai*, отл. п. ед. ч. *ta-sm-at*, мест. п. ед. ч. *tā-sm-in*, авест. *aē-tahmai*, умбр. *esmei* 'huic', *pusme* 'cui', гот. *þamma* (*-mm-* < **-sm*), прус. дат. п. ед. ч. м. р. *tenneismu*, *tennijsmu*, *tenesmu*, *tennesmu* [*tana(i)smā*]; *maiāsmu* [*mojāsmā*], *noūsesmu* [*nū-sasmā*], *twaiāsmu*, *twaismu* [*iwajāsmā*]; *ioūsmu* [*jūs(a)smā*]; *subbsmu*, *supsmā* [*sub(a)smā*], *swaiāsmu*, *swaiāsmu* [*swajāsmā*]; *schismu* [*šismā*], *stēismu*, *stēsmu*, *stēismu*, *stesmu*, *stessemu*, *stesme*, *stasma*, *steismo* [*stesmā*, *staismā*], *kasmu* [*kasmā*], *kawiāsmu*, *kawiāsmu*, *kawiāsmu* [*kaviā(a)smā*], *stawiāsmu*, *stawiāsmu* [*staviā(a)smā*], Schmalstieg 1974, с. 125—136, ср. Mažiulis 1970, с. 162—169 о возможном историческом объяснении. С другой стороны, иногда предполагается (Pedersen 1938, § 59; Sommer 1947, с. 133) родство этих форм с хет. энклит. мест. дат. пад. 2 и 3 л. мн. ч. *-šm-aš* 'вам, им'. Бенвенист, анализируя хеттскую форму как содержащую *-m-* со значением множественности, сомневается в возможности прямого сопоставления хет. *-šm-* с *-sm-* в других приведенных формах и с *-m-* в формах типа ст.-слав. *тс-м-еу* (Benveniste 1962, с. 76), где элемент *-m-* никак не связан со значением множественности.

§ 5. Флексии повелительного наклонения в анатолийском, индо-иранском и фригийском

В глагольной парадигме множественного числа двум рассмотренным окончаниям 1 л. **-we* и **-me* (на позднем этапе становящимся вариантами одного, как в хеттском) противопоставлялось окончание 2 л. **-te*, ср. древнехеттскую парадигму с первичными окончаниями *-wen-i*, *-wan-i* (1 л. мн. ч. наст. вр.), *-ter-i*, *-tan-i* (2 л. мн. ч. наст. вр.) и вторичными *-wen* (1 л. мн. ч. пр. вр.), *-ten* (2 л. мн. ч. пр. вр.). Характерной особенностью древнехеттской парадигмы является совпадение вторичного окончания *-ten* в прошедшем времени с таким же окончанием 2 л. повел. накл.: *û-wa-te-en* 'приведите' (Повесть о Цальпе, А 15; Otten 1973, с. 6, 33; написание *-te-en*, характерное для текстов с древним дуктусом, предполагает ударение на конце: [uwatén]); *še-iš-te-en* 'спите, лежите'. Общанатолийский характер этого явления подтверждается соответствием в пал. *-tan* (вероятное окончание 2 л. мн. ч. повел. накл.), лув. 2 л. мн. ч. повел. накл. *-tan* (с вероятным продолжением в иерогл. лув. *-ta*¹⁰).

Для выяснения первоначального фонетического облика формы 2 л. мн. ч. повел. накл. в лувийском (и соответственно в общанатолийском) существенно лув. *a-da-ri-ta-an* 'накормите' (КУЗ IX 31, II § 2; НТ I II 8; Laroche 1959, с. 34; Otten 1953, с. 58) от основы лув. *atari-* (3 л. ед. ч. пр. вр. *ataritta*) 'накормить', др.-хет. *etrija-* (спряжение на *-mi*) 'кормить', о скоте в хеттских законах, § 100, *etri-* (*-it-ri-*, *it-ri-*) 'корм для скота' (ср. Laroche 1955, с. 82; Friedrich 1959, с. 104; Goetze 1962, с. 30), родственно лит. *ėdroti*, *ėdrinėti*, *ėdrąuti* 'есть' (о скоте) 'пощипывать траву', *ėdrà-* 'корм (для животного)', *žuv-ėdra* 'чайка' (сложное слово со значением 'рыбод'), *ėdrūs* 'прожорливый, всеядный' (Иванов 1957, с. 15¹¹; 1961а, с. 298; 1965, с. 45); общеиндоевропейский характер пменной основы **ēd-r-* подтверждается благодаря ее отождествлению с греч. гом. *εἶδω* 'еда как объект, который приносят, корм' (Chantraine 1964, с. 16), рэд. пад. *εἶδωτος* (< **ēd-ŋ-t-*, в гетероклитическом чередовании с **ēd-ŋ* > **ἦδω* > **ēδω*, Schmidt 1889, с. 173; Schwyzler 1939, I, с. 227). Если гетероклитическая основа **ēd-r-(-n-)* 'корм (для скота)' может быть реконструирована для общиндоевропейского, то ко времени не позднее анатолийско-балтийской диалектной общности (здесь и далее под подобными терминами имеется в виду период возникновения изоглосс, объединяющих индоевропейские диалекты) может быть возведен и

¹⁰ Возможно, что формы на *-tan(a)* представлены и в более поздних иероглифических лувийских текстах, но чтение и интерпретация соответствующих мест надписей (UR-*rnuwatanā*, Meriggi 1962, с. 139; 1966, I, с. 64; Mittelberger 1963) остается спорной (в позднеанатолийских языках античного времени способы выражения 2 л. мн. ч. повел. накл. неизвестны).

¹¹ Значение, предположенное в указанных работах на основании сближения с лигвским, было позднее подтверждено собственно филологическим исследованием вновь изданных хеттских текстов, в частности, КВо Х 37 II 17.

производный от нее глагол, общий для лувийского (где глаголы этого типа засвидетельствованы в очень малом числе), хеттского (где число глаголов на *-riṭa-* крайне ограничено, Иванов 1957в; Eichner 1979, с. 53—54; ср. об ограниченности аналогичного типа в древнеиндийском Барроу 1976, с. 337) и восточно-балтийского (хотя в нем наблюдается ряд типов производных глаголов от основы **eḍr-*, лишь один из которых соотносим с анатолийским).

Лувийская форма 2 л. мн. ч. повел. накл. *a-da-ri-ta-an* от этого архаического глагола интересна тем, что (при нормальном для лувийского развитии **e > a*) она соответствует обычной древнехеттской графической передаче родственного окончания как *-te-en*: [-tén], лувийское [-tán]. При этом окончание **[-ten]* в функции 2 л. повел. накл., по-видимому, восходит в периоду диалектного единства, в который входил и анатолийский, и индо-иранский. Как предположил Барроу (Барроу 1976, с. 289), с мнением которого согласились и другие исследователи (ср. Thumb — Hauschild 1959, II, с. 203, прим. 237; Oettinger 1979, с. 97), хет. *-ten* может быть отождествлено с др.-инд. вед. *-tan-a* с конечным тематическим наращением (вариант более частого вторичного окончания *-ta < *te*, ср. др.-инд. *á-bhū-ta*, гр. ἔφοτε, др.-инд. *bhā-re-ta*, авест. *baraē-ta*, гр. φέροτε, гот. *bairaiþ*, ср. также ведийский вариант *-thana* при более частом первичном окончании *-tha*). Эта гипотеза основывается на таких бесспорных соответствиях, как этимологическое тождество ср.-хет. *kuenten* ' (раз)бейте', 2 л. мн. ч. пов. накл. (договор Арнуванды с людьми Исмирлика, KUB XXVIII 68 I 26), формально совпадающее с новохет. *kuenten* 'вы убили' (письмо Суппилулиумы I египетскому фараону, KUB XIX 20 II § 1) и вед. *hántana* (*hantana tám* 'убейте его' в гимне Марутам, RV VII 59, 7; *áva rudrā aśáso hantānā vād-hah*, RV II 34, 9, гимн Марутам). Форма может быть возведена к и.-е. **g^{wh}en-ten* (к ударению, трудность реконструкции которого затрудняется синтаксически обусловленной безударностью обеих ведийских форм, ср. 2 л. мн. ч. наст. вр. *hathá* при 2 л. мн. ч. имперф. *áhata*, Whitney 1962, с. 241, § 637). Вероятность общей для хеттского и древнеиндийского праформы увеличивается благодаря наличию приведенной выше формы **g^{wh}énti >* др.-хет. [*kwenzi*], др.-инд. *hanti* 'поражает', а также общей формы 3 л. мн. ч. повел. н.: совпадают не отдельные формы, а существенные части всей парадигмы.

Другой хеттской формой, для которой удается найти соответствие в древнеиндийском, является др.-хет. *e-iz-te-en* 'ешь!'. В этом случае возведение хеттского показателя 2 л. мн. ч. повел. накл. [-ten] к общеиндоевропейскому подтверждается и наличием соответствующих форм в лувийском: вариантная хеттская форма *e-ez-za-at-ten* 'ешьте' в двуязычном хеттско-лувийском тексте ритуала Царнии (Gurney 1977, с. 30) переводится посредством лув. *a-az-za-aš-tan*, интерпретируемого как [*aš-tan*], Otten 1953, с. 46, ср. хет. *e-iz-za-aš-ten* (Oettinger 1979, с. 16, 97, 406, 531, 566). Лувийская форма согласно законам лувийской исторической фо-

нологии (и.-е. *e > лув. a) возводится к и.-е. *ed-(s-)ten (хеттское и лувийское написание могло бы говорить и в пользу ударения на первом слоге, но следует учесть, что последовательности ez-za-, az-za- могут быть необходимы и для передачи сдвоенного -zz-). Обе анатолийские формы из ритуала Царпии могут содержать и суф. *-s(o)-, который в этих языках присоединяется ко многим формам от *ed- (Иванов 1957, с. 15, 1965, с. 101; 1968, с. 240, 241), но структурные соображения заставляют предположить здесь вместе с тем развитие *-d-t- > *-ts-t-, объединяющее анатолийский с другими индоевропейскими диалектами, в том числе с балтийским и славянским (Pedersen 1938, с. 126 и след.; Порциг 1964, с. 118; Oettinger 1979, с. 530—531). Древнеиндийский в этих случаях регулярно показывает группу -it- при -ist- в иранском, греческом, балтийском, славянском и хеттском. Поэтому приведенные анатолийские формы точно соответствуют др.-инд. вед. attana 'ешьте' (RV X, 100, 10, гимн всем богам). Следует подчеркнуть, что генетически соответствующие друг другу хеттская, лувийская и древнеиндийская формы встречаются в идентичных ритуально-мифологических контекстах. В лувийском и хеттском ритуалах речь идет об обращении к богу Сандас (анатолийскому эквиваленту Геракла, Laroche 1973; Gurney 1977, с. 16, 29—30) и к Могущественным богам (лув. Annuramenzi, хет. Innaraqanteš, общиндоевропейская основа, родственная др.-инд. nar- 'мужчина', греч. гом. άνήρ 'мужчина, муж, герой, богатырь'). Богов приглашают отведать мясо жертвенного животного, убиваемого бронзовым топором (археологическая деталь, подтверждающая гипотезу об индоевропейском происхождении ритуала). В древнеиндийском ритуальном гимне сходным образом обращаются ко Всем Богам, приглашая их отведать жертвенный жир — pivo attana 'жир пойте!' Поэтому в данном случае форма *ed-ten может быть реконструирована как часть ритуального индоевропейского текста, что увеличивает надежность реконструкции. Ритуальное употребление хет. ezzašten подтверждается и другими обрядовыми текстами (KUB XXXIII 62 III 10 и др.).

Огласовка архаических форм императива на -tana в ведийском hantana, anaktana, pinaštana, juhutana может считаться восходящей к общиндоевропейской огласовке форм 2 л. мн. ч. Такая же огласовка (полная ступень корня + полная ступень ударного суффикса) характерна, во-первых, для параллельных ведийских форм императива на -ta типа stotā, авест. staota, во-вторых, для хеттских форм 2 л. мн. ч. повел. накл. типа ħarnikten (ср. др.-инд. yunaktana 'запрягайте', принадлежащее к тому же классу глаголов с носовым инфиксом), Watkins 1969, с. 33; Eichner 1975, с. 82; Oettinger 1979, с. 97, 141. Общиндоевропейский характер такого типа структуры форм 2 л. мн. ч. подтверждается лат. estis (см. об огласовке Schmalstieg 1980, с. 108: *ēs-etes > estis), ср. палигн. eite (Vetter 1953, с. 213), вед. éta(na) (Watkins 1969, с. 33, 34), ст.-слав. ѿс-гѣ, лит. es-tė и т. п. Тип образования формы 2 л. мн. ч. *g^{wh}en-té можно считать общиндоевропей-

ским, как общендоевропейским является и самое окончание *-tē*: др.-инд. *-ta*, гр. *-τε*, тох. А *-c* < **-tā* (Adams 1978) < **te*, гот. *-te*, лат. *-te* в императиве, ст.-слав. *-те*. Лит. *-te*, возвр. *-tēs* (< **-tē*, ср. *estē*, Даукша, Stang 1966, с. 416; ср. о диалектных формах Zinkevičius 1966, с. 331 и след., 336, 341, 343, 369, 374) соответствует латыш. диал. возвр. *-tēs* > ж. р. аугшземн. *-tēs*; ср. *jūs celietēs* (2 л. мн. ч. ж. р. возвр. наст. вр.), *jūs cēlētēs* (пр. вр.), *celietēs* (буд. вр.), *celietēs!* (повел. накл.), Kauliņš 1932, с. 8—9; Endzelins 1951, с. 714, 908, §§ 599, 708; Rudzite 1964, с. 381 (где родовая дифференциация связывается с наличием двух дублетных форм 2 л. мн. ч.), ср. дальнейшее фонетическое развитие в *-tēs*, *-tēs* (Rudzite 1964, с. 382). Поскольку для прусского окончания 2 л. мн. ч. известны наряду с *-ti/-ty* (80 случаев) орфографические варианты *-tai* (8 случаев), *-tei* (9), *-te* (4), *-ta* (1 случай), (Endzelins 1943, § 221), это окончание интерпретируется как *[-tel]*, Schmalstieg 1974, с. 153. Поэтому оправдывается предположение (Endzelins 1948, § 332; 1951, с. 714; Stang 1966, с. 418) об отражении в прусском того же балт. **-te*, что и в литовском и в указанных диалектных латышских формах. Поскольку наряду с окончанием *-ta* < **-te* в ведийском представлено также *-tā* (ср. варианты *hata* и *hatā*, рассматриваемые как след колебания между долгим и кратким гласным в конце слова в общендоевропейском, Мейе, 1938, с. 161; Gauthiot 1913), оказывается возможным допустить отражение в балтийском этого варианта с позиционным удлинением гласного в исходе слова¹² (Stang 1966, с. 417, где указано в точности аналогичное соотношение между лит. *-me*, возвр. *-mēs(i)* < **-mē*, латыш. диал. *-mēs* и ведийскими вариантами *-ma* и редко *-mā* в 1 л. мн. ч.).

Наряду с **-te* в функции показателя 2 л. мн. ч. в балтийском выступает также **-tā* > латыш. диал. *-tā(s)*, ср. *celietās*, *šķirietas*, *stiepietās* (Endzelins 1951, с. 908, § 708). В этом окончании видели либо след влияния формы 1 л. мн. ч. на **-mā*, либо свидетельство взаимодействия с формами дв. ч. (Endzelins 1948, § 322; Stang 1966, с. 418).

В функции показателя 2 л. дв. ч. в литовском выступает *-ta* < **-tā*, возвр. *-tos* (жем. *-tau* < **-tavā*, *-tavos*, результаты взаимодействия с 1 л. дв. ч. *-va*, Zinkevičius 1966, с. 337 и след.). Соответствующее окончание представлено в славянском (ст.-слав.

¹² Смелое допущение Мейе о возможности отражения в ведийских явлениях конца слова общендоевропейских фактов согласуется с аналогичным выводом и относительно основ имен существительных на *-r*. К сходному выводу в отношении последнего типа существительных склонялся и Фортунатов на основании отсутствия *-r* в древнеиндийском в формах им. пад. ед. ч. типа *mātd* при лит. *mōtē*, ср. Stang 1966, с. 220; Schmalstieg 1974, с. 77; 1980, с. 59. Правильность возведения этих древнеиндийских (и соответствующих им балтийских и славянских) явлений конца слова к индоевропейскому подтверждается недавним обнаружением отсутствия конечного *-r* в др.-хет. им.-вин. п. ср. р. основ на *-atar*, *-eššar* (др.-хет. *-ata*, *-ešša* в древних памятниках, ср. об. архаичности соответствующих хеттских текстов: Watkins 1972; Neu 1974).

га), но в нем оно имеет и функцию показателя 3 л. дв. ч. (в старославянском языке Зографского и Ассеманиевого евангелий, Супрасельской рукописи и Саввиной книги, в старосербском, древнечешском и польском) наряду со ст.-слав. -ге в той же функции (при -гѣ как вторичном показателе 3 л. дв. ч. ж. р., ср. Мейе 1951, с. 261, § 353, ср. к типологии указанное выше различие форм м. и ж. р. в возвратных глаголах в латышских говорах). Можно предположить, что соединение функции 2 л. и 3 л. мн. ч. у этого показателя дв. ч. является достаточно старым, т. к. аналогичные факты отмечаются в индо-ирано-греческой диалектной группе (греч. 2 и 3 л. дв. ч. на -την < -τᾶν при др.-инд. 3 л. дв. ч. -tām и т. п.), где есть и этимологические соответствия славянским формам: др.-инд. 3 л. дв. ч. *vāhataḥ*, ст.-слав. кезеге, ср. Thumb — Hauschild 1958, II, с. 201, § 424. Давно высказанное предположение (Sommer 1902, с. 526; Щерба 1974, с. 104) о тождестве др.-инд. -taḥ (3 л. дв. ч.) лат. -tis при гот. -ts (2 л. дв. ч.) (Krahe, 1948, с. 116), ср. др.-инд. *bhārataḥ*, авест. *barato* (3 л. дв. ч.), гот. *bairats*, позволяет допустить развитие, во-первых, показателя множественного числа (образовавшийся из общеиндоевропейского *te-) в показателе двойственного, во-вторых, показателя инклюзива (типа 'мы с ними', ср. выше примеры из бамилеке) в показателе 2 л. и 3 л. (о достаточной древности последнего значения свидетельствует в особенности тох. В -tem: *nestem*, *westem*, 3 л. дв. ч., см. выше о древности *-n как возможного индоевропейского показателя множественного числа).

Согласно ностратической реконструкции Иллич-Свитыча, «инклюзивная основа *mā противопоставлялась на ностр. уровне основе 1 л. *exclus.* *na-. . . Форма 1 pl. *inclus.* рассматривалась, по-видимому, как **немаркированная форма pl.** от мест. 1 sg. в отличие от 1 pl. *exclus.*, являющейся самостоятельной местоименной основой», Иллич-Свитыч 1976, 2, с. 56. Эта реконструкция соответствует типологически такому расширению трехчленной схемы категорий лица у Куриловича (Курилович 1962; Kuryłowicz 1964), при которой она переводится в четырехчленную благодаря тому, что в нее кроме говорящего — первого лица как маркированного члена оппозиции (β), слушающего — второго лица как негативного члена оппозиции (Γ) и третьего лица — нейтрального члена (В), включающего все остальное, кроме говорящего и слушающего, входит также и четвертый сложный член оппозиции γ, который одновременно противостоит члену В как обозначающий и участие говорящего и члену β как обозначающий и участие слушающего. В таком случае член γ является инклюзивной формой, член β — эксклюзивной. Член γ может рассматриваться как производное от члена β в подсистеме единственного числа, тогда как для β в подсистеме множественного числа существует маркированное обозначение эксклюзива.

В этих двух несимметричных схемах (см. схемы 1, 2) обнаруживается пропорция *ti(B) : *ta(B=Γ) = *mi(β) : *ma(γ). Иначе говоря, если (в согласии с концепцией Иллич-Свитыча, которая

Схема 1. Подсистема ностратических местоимений единственного числа

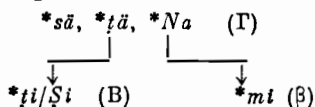
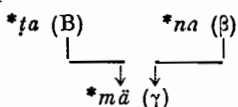

Схема 2. Подсистема ностратических местоимений множественного числа

для более позднего периода совпадает с гипотезами многих индоевропейцев) считать инклюзив 1 л. мн. ч. $*m\bar{a}$ формой мн. ч. от 1 л. ед. ч. $*m(i)$, то следовало бы признать морф 2 л. мн. ч. $*t\bar{a}$ формой, совпадающей с 3 л. ед. ч. $*t\bar{a}$, которая, в свою очередь, связана с формой 2 л. ед. ч. $*ti$. Совпадение индоевропейских глагольных окончаний $*-t$ во 2 л. ед. ч. и в 3 л. ед. ч. в последнее время обратило на себя внимание индоевропейцев, ссылающихся в этой связи и на данные типологии детского языка, свидетельствующего о первичности 3 л. по сравнению с 2 л. (Schmalstieg 1980, с. 102; ср. Краузе 1959, с. 72; Krause 1951; Erhart 1970, с. 58). Вместе с тем хорошо известны случаи переноса формы 3 л. ед. ч. на 2 л. мн. ч., аналогичные тому, который предполагается этими соотношениями между местоименными основами в ностратическом; типологические параллели указываются во многих работах по структуре общения (Svennung 1958; Brown — Gilman 1960; Lambert 1969; Schmalstieg 1980, с. 105—106, ср. в более общем плане Martin 1964). В таком случае $*-t >$ и.е. $*-t$ во 2 л. мн. ч. является новообразованием чрезвычайно древней эпохи.

При развитии форм (древнего эксклюзива) на $*te$, образующих противопоставления, с одной стороны, двойственного и множественного числа, с другой — первичных и вторичных окончаний, использовались приемы, совпадающие в отдельных диалектах: параллельное использование наряду с $*-te$ флексии 2 л. $*-tH_2e$, первоначально имевшей другую функцию (ср. др.-инд. 2 л. дв. ч. $bh\bar{a}rathas$ — 3 л. дв. ч. $bh\bar{a}ratas$), присоединение $-s$ (лат. $estis$ и т. п.) или $-n$: хет. 2 л. мн. ч. $-ten(i)$, др.-инд. $-thana$ при тох. В 3 л. дв. ч. $-tem$ (с возможным соответствием в греч. $-y$ во 2—3 л. дв. ч.).

Общим нововведением, объединяющим на индоевропейском диалектном уровне анатолийский с ведийским, является построение на основе общеиндоевропейских форм 2 л. мн. ч. типа $*g^{nh}en-te$ особых форм, противопоставленных как вторичные первичным. Но, при совпадении самих рассмотренных форм, техника построения этого противопоставления в ведийском и хеттском различна. В ведийском в качестве вторичных форм использованы формы типа $*-te$ и $*-tene$, противопоставленные форме $*-tha$ ($*tHa < *tH_2e$), выступающей в качестве первичной (что явно представ-

ляет собой результат переосмысления древнего окончания, известного во всех других диалектах в иной функции, ср. Барроу, 1976, с. 288, 294). В хеттском 2 л. мн. ч. повел. накл. и прош. вр. на *-ten* противопоставлено как вторичное окончанию 2 л. мн. ч. наст. вр. *-ten-i* так же, как в 1 л. мн. ч. *-wen* противопоставляется *-wen-i* (ср. аналогичные противопоставления типа **-mes*: **-mesi* в других диалектах). Следовательно, противопоставление первичных и вторичных окончаний в этих лицах множественного числа оформилось позднее, чем были построены формы на **-ten*, объединяющие анатолийский и ведийский (допущение развития **-tene + i > -tteni* в анатолийском, Oettinger 1979, с. 144, представляется излишним усложнением, нужным лишь для искусственного сохранения праформ, реконструированных для древнеиндийского, в качестве исходных и для анатолийского, что, однако, не диктуется реальными соотношениями).

Наибольший интерес для сравнительно-исторического исследования индоевропейского глагола представляет то, что окончание 2 л. *-ten* как в хеттском, так и в древнеиндийском используется одновременно в двух функциях — временной (показатель прошедшего времени) и модальной (показатель императива). Следовательно, можно утверждать, что уже в период складывания общих черт в хеттском и древнеиндийском глаголе (что может отчасти быть и явлением уже диалектным, хотя и происходившим в рамках общиндоевропейской общности) одна и та же флексия могла использоваться в значении настоящего (прошедшего) времени и косвенного (неизъявительного) склонения. В этом смысле можно говорить об особом «вторичном» окончании еще до оформления противопоставления первичных и вторичных окончаний.

Такой характер использования вторичного окончания показывает, что первоначальная функция его не могла быть собственно временной. Типологически сходное явление наблюдается в енисейских языках, где форма прошедшего совершенного времени (кетское *boγ-na* 'разжег-огонь' при настояще-будущем времени *bok-s-it* 'разожгу-огонь') совпадает с формой повелительного склонения (*boγ-na* 'разожги-огонь'). Применительно к этим соотношениям крупнейший исследователь енисейского глагола Е. А. Крейнович делает следующий вывод: «Отмечаемое совпадение форм повелительного склонения прошедшего совершенного времени в этих глаголах отчетливо свидетельствует, что интересующие нас форманты не являются показателями времени. Ведь повелительное склонение указывает на действие, которое только еще должно осуществиться. Как же могут транспонироваться аффиксы со значением прошедшего времени в словоформы, соотносимые с будущим? Следовательно, это показатели завершенности действия (перфекта), а не времени» (Крейнович 1968, с. 15). В качестве типологической параллели Е. А. Крейнович указывает соотношения в аккадском, что подтверждено дальнейшими исследованиями, где обосновано единство категории времени-склонения в прото-

аккадском (Gelb 1969). Возможный след невременного значения **-ten* можно было бы видеть в пал., лув. *-tan*, засвидетельствованном только как показатель 2 л. мн. ч. повел. накл., но остается возможность того, что в других (временных) значениях оно не представлено только из-за ограниченности текстов. Однако не представляется возможным при современном состоянии знаний лувийского языка и разных его диалектов реконструировать форму 2 л. мн. ч. пр. вр. **-tan* в этой функции (как это делается в недавнее время, Oettinger 1979, с. 561), потому что система соотношений между первичными и вторичными окончаниями в лувийском отличалась от хеттского. Совпадение формы 2 л. мн. ч. наст. вр. *tan-i* < **-ten-i* с хет. *-ten-i* делает вероятным то, что некогда использовалась и флексия **-ten* > **-tan* как вторичное окончание (реально в лувийском представленное только как флексия повел. накл.), но нельзя быть полностью уверенным в форме и функции этого окончания в позднейшем лувийском. Не исключено, что лувийский дольше сохранил исходную невременную его функцию.

Тесная взаимосвязь в древних индоевропейских диалектах, в частности анатолийском и древнеиндийском, оппозиций «изъявительное наклонение — повелительное наклонение» и «настоящее время — прошедшее время» обнаруживается и при исследовании в этих диалектах глагольных форм 3 л., с синхронной точки зрения построенных агглютинативно. Этот принцип построения позволяет применить к ним методы грамматики порядков, благодаря чему выясняется, что за глагольной основой следует сначала показатель лица (**-i-* в ед. ч., **-nt-* во мн. ч.), затем — показатель либо времени, либо наклонения (*-i* в настоящем времени, **-ŕ* в прошедшем времени / инъюнктиве, *-u* в повелительном наклонении). Соответствующие формы совпадают во всех анатолийских языках и в индо-иранском, ср. др.-хет. *e-eš-zi* 'он (она, оно) есть', 3 л. ед. ч. наст. вр., пр. вр. *e-eš-ta* (надпись Анитты, Vs. 2, 3; фонетически [éšt], Neu 1974, с. 91, 92), повел. накл. *e-eš-tu* (надпись Телепинуса, II 69, фонетически [éštu], Oettinger 1979, с. 15—16), 3 л. мн. ч. повел. накл. *a-ša-an-du* (фонетически [asantu]), лув. *a-aš-ta* (пер. лув. *a-s²-ta*, в билингве из Каратепе соответствует фин. *kn.*, Каратепе VII, XII низ, XXVII, варианты *i-s²-ta*, Каратепе XVII, *a-s-ta*, Каратепе XX верх, *a⁴-s⁴-ta*, Каратепе XX низ, *a-s-ta-á*, Каратепе XII верх, *s²-ta*, Каратепе XXXVI, *s²-ta* Каратепе XL, ср. также Meriggi 1967, II, № 9, fr. 5, с. 23, № 10, fr. 12, 18; № 18, fr. 2, № 22, fr. 2; № 28, fr. 14; № 32, fr. 8, 9; 1975, II, № 63, fr. 5), лув. 3 л. ед. ч. повел. накл. *a-aš-du* (KUB XXXV 103 Vs. III 7 LTU, с. 95; KUB XXXV 101 Vs. 9), иерогл. лув. *à-s-tu* (в древних надписях времени Новохеттского царства, Мериджи 1980; Meriggi 1975, II, с. 275, № 19—22; надпись из Emir-gazi, fr. II C 3; с. 324, № 161; надпись из Kara-höyük, fr. 17; также в более поздних надписях, там же, с. 241, № 304; с. 253, № 316, fr. 5), пал. *a-aš-du* (Otten 1943, с. 132; Friedrich 1953, с. 210; Kammenhuber 1959; Kammenhuber 1980; Carruba 1970),

ляк. *-esu* (в *nijesu* 'этого не должно быть' Pedersen 1946, с. 18; Neumann 1969, с. 379, § 18, с. 26; Нойман 1980) при др.-инд. *astu*, авест. *astu*. Аналогичные соотношения отмечаются и в формах множественного числа: др.-хет. 3 л. наст. вр. *a-ša-an-zi*, повел. накл. *a-ša-an-du* (надпись Телепинуса, II 13), лув. *a-ša-(a-)an-du* (LTU, 13, 11; 15 III 12, 13; 78, 15; KUB XXXII 7, 6. 79; 5; KBo VII 66, 7; Otten 1953, с. 92; Laroche 1959, с. 33; Ларош 1980), пал. *a-ša-an-du* при др.-инд. *sānti*, *sāntu*, авест. *hāntū* (к огласовке этих форм и им аналогичных хет. *kunandu*, др.-инд. *ghnantu*, см. Иванов 1963, с. 106, табл. 5).

Новейшие исследования фригийского языка привели к выводу, имеющему существенное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и для их ареального исследования. Форма 3 л. ед. ч. повел. накл. на *-t-u* оказалась представленной также и во фриг. ετοϋ 'да будет', αδειτοϋ 'да отойдет', ομειτετοϋ 'да изведает' (Дьяконов — Нерознак 1977, с. 182, 190; Иванов 1979а, с. 65)¹³. По-видимому, речь идет об анатолийско-фригийско-арийской изоглоссе.

Структура всех приведенных анатолийских, древнеиндийских и фригийских форм единообразна: за морфами лица / числа (3 л. ед. ч. **-t-*, 3 л. мн. ч. **-nt-*) следуют показатели, характерные либо для времени (наст. вр. *-i*, прош. вр. *-θ*), либо для наклона (повел. накл. *-u*). Этим подтверждается общий вывод, недавно сделанный в грамматике порядка («ранговой грамматике»), по которому в агглютинативных языках в личных формах глагола выделяются порядок корня, порядок времени / наклона (для индоевропейского и енисейского, включая и повелительное, по ср. Erhart 1972) и порядок лица / числа, что ведет к выводу о категориальном сходстве семантики времени и наклона (Володин — Храковский 1975; 1977; ср.: Ревзин — Юлдашева 1969; Ревзин 1977). Помимо более общей значимости этого вывода для подтверждения гипотезы об агглютинативной структуре словоформ индоевропейского праязыка и его диалектов (ср.: Иванов 1961б), что существенно и для исследования синтаксической типологии индоевропейского (Lehmann 1974), для анализа семантики категории времени — наклона особый интерес представляет вывод о единстве этой категории в агглютинативных языках того типа, к которым следует отнести древние индоевропейские диалекты.

¹³ Параллельное фригийское написание с *-δ-* типа εδο[υ], εγεδο[υ] любопытно как параллель (скорее всего типологическая) к хет.-лув.-пал. *-tu/-du*. Но представляется маловероятным, что в этом единственном случае анатолийский субстрат мог сказаться в морфологии фригийского (хотя стоит отметить, что в данном случае анатолийские и фригийские морфы совпадают полностью). В лексике, отражающей культурные явления, влияние анатолийского субстрата во фригийском представляется несомненным, ср. Иванов 1979 г. и др.

**§ 6. Индоевропейский инъюнктив
и проблема относительной хронологии
форм первой серии с «первичными»
и «вторичными» окончаниями
в индоевропейском, балтийском и славянском**

Высказанная 95 лет назад Турнейзенем (Thurneysen 1885) и лишь теперь получившая широкое признание (см. Watkins 1969) идея роли инъюнктива как источника, с одной стороны, древних модальных форм (в частности, использовавшихся и в качестве повелительного наклонения, ср., в частности, показательное использование инъюнктива с запретительным *mā* в «Ригведе»: Hoffmann 1967, с. 43, 45), с другой стороны, форм прошедшего времени в таких диалектах, как древнеиндийский, согласуется с идеей о первоначальном единстве категории времени / наклонения. С синхронной точки зрения в ведийском, как и в языке «Гат» «Авесты», формы инъюнктива (с вторичным окончанием без аугмента) использовались как в плане прошедшего времени (др.-инд. вед. *rējad bhūmih*, 'тряслась земля', RV IV, 17, 2; авест. *kə mā tašaŋ*, 'кто меня создал?', Y. 29, I), так и в плане модальном (вед. *śiṣṇam pāri pradakṣiṇīd viśvāyave nī śiśnathah* 'Шушна своей десницей ради всего живущего сокуши', RV X, 22, 14; авест. *āxsō vanhəuš ašā ištīm manəho* 'посмотри на силу моих благих мыслей'), в то же время было возможно употребление инъюнктива в плане общего настоящего времени, Kuryłowicz 1925; 1964, с. 146; Renou 1928; Барроу 1976, с. 279, 280; Hoffmann 1967. Поэтому возможным кажется предположение о сохранении в инъюнктиве остатка древнего типа индоевропейских глагольных форм, позднее развившихся в формы типа имперфекта, аориста и ряда других специфических категорий (Иванов — Топоров 1960, с. 115; Иванов 1965, с. 136, 137).

Обсуждая эту гипотезу сразу же после ее выдвижения, Уоткинс писал: «Иванов и Топоров... предполагают, что инъюнктив — это предшественник всей системы изъявительного наклонения, настоящего времени, имперфекта и аориста. Они несомненно правы, когда утверждают, что первоначально временные противопоставления в глаголе отсутствовали; но существование перфекта предполагает наличие во всяком случае одного видового соотношения в системе, и я бы не поручился в том, что настоящее время и аорист первоначально были одним и тем же. Поэтому я предполагаю, что соотношение перфективности существовало по крайней мере в некоторых формах в системе на самом отдаленном из хронологических уровней, доступных для реконструкции. Настоящее время инъюнктивов, нейтрализованных в видовом отношении, не исключает инъюнктивов, маркированных по виду, а в ведийском приблизительно столько же инъюнктивов, образованных от основы презенса, сколько и образованных от основы аориста» (Watkins 1962, с. 113, прим. 3). Однако статистика

Рену (Renou 1928), на которую ссылается в данной связи Уоткинс, допускает и другое толкование, поскольку «чаще всего инъюнктив имеет основу без специальной формальной характеристики презенса и аориста» (Елизаренкова 1960, с. 54). Относительно типичных для ведийского конструкций с *mā* еще Уитни (первым применивший статистический подход к исследованию языка «Ригведы») заметил, что в них инъюнктив преимущественно имеет аористический характер (отношение к имперфектным формам, т. е. от неаористических основ, порядка 5 : 1 в «Ригведе», 6 : 1 в «Ахарваведе», Whitney 1962, с. 218, § 579а), что расходится с утверждением Уоткинса.

Развитие индоевропейистики и хеттологии за последние два десятилетия показало неверность возражений Уоткинса. Значительное число ученых отходит от допущения об изначальной индоевропейской древности перфекта (Cowgill 1975; 1979; Jasanoff 1979). Всего отчетливее ту точку зрения, которая начинает преобладать в исследовании индоевропейского глагола, высказал В. Мейд, четко показавший, что нельзя считать утерянными в хеттском те категории, которые (как перфект, аорист и противопоставленный ему имперфект) не оставили в нем явных следов. Освобождаясь от тех категорий и формальных средств их выражения, следов которых в хеттском не удастся обнаружить, исследователь приходит к первоначальному «инъюнктиву» как к исходной форме (Meid 1979, с. 170). Вся позднейшая видо-временная система не только с видовыми, но и с временными значениями, первоначально в индоевропейском отсутствовавшая, развилась в последующую эпоху. Исходное состояние, близкое к функционированию древних инъюнктивов, по Мейду, отражено в хеттском. Но следует подчеркнуть, что в некоторых отношениях индо-иранский инъюнктив позволяет реконструировать состояние, близкое к тому, которое должно быть восстановлено как исходный пункт эволюции хеттских форм, предшествовавший их перестройке по единообразной схеме (типа *-ten-i: -ten*).

Но для успешного сопоставления анатолийского с древнеиндо-иранским следует и в функционировании арийского инъюнктива выявить те позднейшие черты, которые отмечал Курилович.

В своей последней книге, в буквальном смысле слова ставшей его научным завещанием, Курилович снова обратился к проблеме функций индо-иранского инъюнктива (Kurjłowicz 1977, с. 107—108), составившей предмет одной из первых его работ (Kurjłowicz 1925). Курилович отмечает, что в ведийском инъюнктив, представляющий собой формально безаугментный имперфект или аорист, противопоставлен формам на *-i* и на *-u*, возводимым к древнему периоду, поскольку им есть соответствие в хеттском. Особенности же инъюнктива в ведийском объясняются позднейшим появлением аугментных форм. Инъюнктив был оттеснен ими и поэтому приобрел вторичные функции: 1) вневременные (в отличие от времени — имперфекта и аориста), связанные с констатацией положения вещей («Sachverhalte», «états des choses»); 2) им-

перфектообразные (инъюнктив неаористических основ) и перфектообразные (инъюнктив аористических основ); 3) модальные, среди которых в качестве архаизма Курилович отмечает застывшие сочетания с запретительным *mā*, сопоставимые с хеттским употреблением форм настоящего времени (изъявительного наклонения) с функционально эквивалентным запретительным *le*. Курилович возражает против попытки Гофмана (Hoffmann 1967) свести все употребления ведийского инъюнктива в специальной монографии о нем к одной функции («меморативной»), так как с его точки зрения инъюнктив характеризуется преимущественно негативно — как не аорист и не имперфект; раздробление функций характерно для древней формы, отгесняемой более новыми.

А. Белич, впервые детально исследовавший вероятное отражение индоевропейского инъюнктива в славянском (Белич 1932) предложил интерпретацию его функций, представляющую значительный интерес для выведения последующего временного значения из первоначального модально-временного. Опираясь на свою теорию релятивных значений времени (ср. Пospelов 1966), Белич рассматривает инъюнктив в древних индоевропейских языках как релятив, т. е. как форму, временное значение которой определяется ее соотношением не с событием речи (E^a , Якобсон 1972), а с другой временной формой (Белич 1958, с. 203, 206—207, 223). С точки зрения Белича исследованное Вакернагелем (Wackernagel 1924, с. 212) использование инъюнктива типа гомер. греч. *λύσατε*, греч. *λέγετε*, *πράξατε* можно интерпретировать как перфективный презент. Сходное толкование Белич давал и использованию инъюнктива в запретительной конструкции с *mā*: др.-инд. *mā dhās* 'да не ставь' и т. п.

Под инъюнктивом в узком смысле можно понимать модальное вневременное или «релятивное» по Беличу образование, характерное для «Ригведы» и «Гат». Но в широком смысле инъюнктивом (вслед за Турнейзенем и многими другими учеными, за ним следовавшими) целесообразно называть архаическую индоевропейскую форму с вторичными окончаниями **-m*, **-s*, **-t*, **-nt*.

Отгеснение инъюнктива связано с развитием системы противопоставлявшихся ему форм с первичными окончаниями. Для хеттского, иранского и ведийского (но не для более поздних древнеиндийских текстов, представляющих диалект, отличный в этом отношении от ведийского и иранского) характерно последовательное проведение противопоставления первичных окончаний с *-i* и вторичных без *-i*. Оно проводится не только в ед. ч. (**-m-i*, **-s-i*, **-t-i*: **-m*, **-s*, **-t*) и в 3 л. мн. ч. (**-nt-i* > хет. *-nzi*, др.-инд. *-nti*: **-nt*, в хеттском отраженное только в производных медиопассивных формах, но в функции, сходной с др.-инд. *-nt*, косвенно отраженное в лувийском и палайском 3 л. м. ч. пр. вр. *-nta* < **-nto*), но и в формах 1 л. мн. ч. (хет. *-wen-i*: *-wen*; др.-инд. *-mas-i*: *-mas*, ср. авест. *-mahī*, др.-перс. *-mahiy*), а также в хет. 2 л. мн. ч. *-ten-i*: *-ten*. Это является результатом новообразования хеттского и арийского диалектов, ср. Kronasser 1956, § 182; Thumb — Нау-

schild 1959, II, с. 195, 202; Bader 1976, с. 37. Это видно из различия самих форм, в каждом из диалектов образованных по-разному (ср. уже Мейе 1938, с. 243; Барроу 1976, с. 288, 293), и из истории таких типичных (первичных) окончаний мн. ч., как хет. *-teni* (2 л.). Хеттская форма развилась на протяжении истории самого хеттского языка на основе общей для анатолийского и индо-иранского формы 2 л. повел. накл. (древнего инъюнктива) на **-ten*, которая в свою очередь образована из общиндоевропейского **-te*.

Хеттская глагольная флексия хранит следы явно позднего распространения *-i* как приметы настоящего времени в глагольных формах, образовавшихся после отделения хеттского от других анатолийских диалектов. Для самого хеттского языка в отличие от других анатолийских характерны формы, образованные путем присоединения *-i* к примете второй серии индоевропейских глагольных форм *-Ha* (< **H₂e*).

В анатолийских языках первая серия форм восстанавливается на основании серии, к которой восходит хеттское спряжение на *-mi*, где отчетливо проведено различие «первичных» окончаний настоящего времени с приметой *-i* и «вторичных» без этой приметы, см. выше, § 2. Наиболее ясными во всех анатолийских языках являются соотношения «первичного» окончания 2 л. ед. ч. наст. вр. **-si* (хет. *-ši*, пал. *-ši*, лув. *-ši*, иерогл. лув. *-si*) и «вторичного» 2 л. ед. ч. пр. вр. **-s* (хет. *-š*, пал. *-š*, лув. *-š*, иерогл. лув. *-s*) и 3 л. ед. ч. наст. вр. **-ti* (хет. *-zi*, пал. *-ti*, лув. *-ti*, иерогл. лув. *-ti*, лик. *-ti/-di*): пр. вр. **-t* (хет. *-t*, пал. *-t*, лув. *-ta*, иерогл. лув. *-ta*, лик. *-tel-de*, возможная контаминация с типом на **-to*, см. ниже). Во всех языках представлено и 3 л. мн. ч. наст. вр. **-nti* (хет. *-nzi*, пал. *-nti*, лув. *-nti*, иерогл. лув. *-nti*) при отражении в качестве противостоящей ему только формы на **-nt-o* в анатолийском (хет. мед. *-nta-*, 3 л. мн. ч. пр. вр. пал. *-nta*, лув. *-nta*, иерогл. лув. *-nta*, лик. *-ñtē*); оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний в 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. документирована только в хеттском (см. § 3). В 1 л. ед. ч. оппозиция **-mi*: **-m* реконструируется только для хеттского, но при этом серьезные трудности связаны с объяснением формы пр. вр. *-un* (после основы на согласный), *-nin* (после основы на гласный). Предложенные объяснения все сходятся в том, что так или иначе форма связана с **-m*, но в дальнейшем возможны разные толкования. Фонетическое объяснение ранее исходило из допущения слогового сонанта **-ŋ* > **-ŋ* > **-un* (также и в вин. п. ед. ч. типа *arun* 'того'), но, во-первых, обычным отражением слоговых сонантов является **ŋ* > *an* (*a* в позиции перед **-s*: *haššu* < **Honsu* 'царь' и т. п.), во-вторых, в позиции после гласного слоговой сонант маловероятен и *-nin* фонетически загадочно (ср., однако *-nin-* из инфикса **-ne-* в глаголах типа *har-nin-k-*). Более удовлетворительное фонетическое объяснение было давно предложено Педерсеном (Pedersen 1938; 1953): *-un* < **-om*, что позволяет сопоставить хет. *humant-* 'весь' и лат. *omnis* (Schmalstieg 1980,

с. 39—40), но в таком случае непонятно развитие $-an < * -om$ в вин. п. ед. ч. тематических основ (Педерсен предполагал выравывание по грамматической аналогии, что не вполне ясно с точки зрения направления влияния: почему вин. п. $-an$ перестраивается под влиянием им. п. $-aš$, а не наоборот). Морфологическое объяснение было дано развитию $*-u-m > *-u-n$ в работах, предполагающих древность 1 л. ед. ч. $*-u(-i)$ в анатолийском: Benveniste 1962, с. 16; Иванов 1963, с. 156; Neu 1968, с. 123, 129; 1979, с. 192; Durnford 1977, с. 45, см. ниже об аргументах в пользу этой гипотезы. В этом случае $-n-un$ можно было бы считать аналогом $-hḫ-un$ в спряжении на $-ḫi$: к старому «вторичному» окончанию $*-m > -n$ присоединилось вновь образованное агглютинативное $-un$. Эта последняя гипотеза согласуется с тем объяснением вин. п. ед. ч. $-un$ в местоимениях *arun*, *kun*, которое предложил Бенвенист, считавший, что вин. п. $-n < *-m$ присоединился к тому же вин. п., что и в др.-инд. вин. п. *amit* (Benveniste 1953, с. 259). В пользу точки зрения Бенвениста говорит архаизм недавно выявленной аномальной и потому архаичной парадигмы указательных местоимений в хеттском, где вин. п. $u(-ni)$ противопоставлялся 1 л. ед. ч. одушевл. рода $a-$: ср. р. $e-$; соответственно в $k-u-n$, $ar-u-n$ обнаруживается тот же архаический показатель вин. п. (Laroche 1979, с. 151—152), ср. $-u-$ также в парадигме местоимений типа хет. *zik* 'я': вин. п. *tuk*, пал. *tu*. Вместе с тем только допущение $-u$ как флексии вин. п. позволяет объяснить $*-u-s >$ вин. п. мн. ч. $-uš$ (с возможными параллелями в ряде языков, в том числе балтийских и славянских: ср. лит. $-us$), Иванов 1963, с. 138; Neu 1979, с. 192, § 4.2. Поскольку объяснение флексий вин. п. $-u-n$ и 1 л. ед. ч. $-(n)-u-n$ должно быть единообразным, из рассмотренных истолкований последнего целесообразно выбрать морфологическое, т. е. считать, что в $-(n)-u-n$ (как и во многих других хеттских глагольных флексиях) имеет место агглютинативное нанизывание друг на друга нескольких глагольных окончаний, последнее из которых (повторяющееся в начальном положении в варианте $-n-u-n$) было вторичным (и.е. $*-m$). В пользу предлагаемого истолкования говорят также и соотношения в парадигме лидийского глагола, где 1 л. ед. ч. наст. вр. $-u/-v$ противопоставит 1 л. ед. ч. пр. вр. $-u$, явно тождественному по происхождению хет. $-un$.

Следует подчеркнуть, что часто формы, построенных с помощью оппозиции «первичных» и «вторичных» окончаний, представлены только в хеттском, но не в других анатолийских языках. Продуктивность способа построения форм настоящего времени посредством присоединения $-i$ к «вторичным» окончаниям в хеттском языке следует из истории рассмотренных форм 1 л. и 2 л. мн. ч. $-weni$, $-wen$, $-teni$, $-ten$ и из форм хеттского и лувийского медиопассива 3 л. ед. ч. на $-ri$, $-tari$ типа хет. *kittari* 'он покоится, его положили' при пал. *kittar* (с тем же значением, но без $-i$, которое только в лувийском и хеттском медиопассиве, но не в палайском, является средством построения форм настоящего времени).

При описании синтеза — порождения хеттских глагольных форм целесообразно образовывать «первичные» формы с приметой *-i* (так же как формы повелительного наклонения с приметой *-u*) от «вторичных» без этой приметы (Иванов 1963, с. 145, 156, табл. 14). Здесь, как и в других аналогичных случаях (Зализняк 1962; 1964; Халле 1963; Lunt 1966, с. 138; Топоров 1966, с. 129), порядок применения правил в синтезирующей порождающей модели синхронного описания согласуется с реальным диахроническим порядком образования таких форм, как *-te-n-i*, *-ta-r-i* и т. п.

Исходя из этого принципа, можно предположить более поздний характер и флексий ед. ч. наст. вр. хеттского спряжения на *-hi*, как 1 л. ед. ч. наст. вр. *-hi*, др.-хет. *-he*, где *-e* из дифтонга на *i* типа **ai* > хет. *e* (Rosenkranz 1958, с. 215—216; Иванов 1965, с. 114, 135, сн. 241; 1968, с. 227), 2 л. ед. ч. наст. вр. **-tai* > др.-хет. *-te* (Watkins 1969, с. 79, § 62), 3 л. ед. ч. наст. вр. *-e* (например, др.-хет. *ma-az-zé* 'он держится', Laroche 1965, с. 51). Во 2 л. ед. ч. наст. вр. в глаголах спряжения на *-hi -ti* < *-te*: отсутствие палатализации *-t* перед *-i* показывает, что в эпоху палатализаций дифтонг **ai* не претерпел еще изменения **-t(H)ai* > *-te* > **-ti*. Благодаря изменению монофтонга *e* < **ai* в *i* в позднейшей истории хеттского языка окончания этого типа были вновь соотнесены с продуктивной приметой настоящего времени *-i*.

Для установления относительной хронологии процесса распространения показателя *-i* в хеттской глагольной парадигме существенно то, что на спряжение на *-hi* этот показатель в функциях морфы настоящего времени распространяется в течение развития самого хеттского языка. Между тем в формах медиопассива (3 л. ед. и мн. ч.), где агглютинативные цепочки *-t-a-r-i*, *-nt-a-r-i* противопоставляются аналогичным цепочкам со значением повел. накл. в последнем звене *-t-a-r-u*, *-nt-a-r-u*, распространение *-i* осуществляется еще в эпоху диалектной общности лувийского и хеттского языков, но после отделения от них палайского, не участвующего в этой изоглоссе.

Согласно приведенным выводам, сделанным с помощью методов грамматики порядков, оппозиция *-i* : *-u* в агглютинативных формах медиопассива должна была относиться к единой категории времени / наклонения. Следовательно, не только в период образования общих для индо-иранского и анатолийского форм повелительного наклонения на **-t-u*, **-nt-u*, но и в значительно более позднюю эпоху, к которой относятся изоглоссы, общие для хеттского и лувийского (но не палайского), *-i* было приметой не только и не столько времени (настоящего), сколько наклонения (изъявительного, не-повелительного).

Аналогичные заключения относительно функций и.-е. **-i* делались и на основании фактов других диалектов. Мартине (Martinet 1956) предложил типологическое сопоставление функции форм на *-i* с английским Continuous. Согласно Мейду (Meid 1963) в сочетаниях типа **bheret-i* частица *-i* имела актуализирующее значение. Уоткинс предполагает также видеть в *-i* указание на 'hic

et nunc', которого нет в формах без *-i* (Watkins 1962, с. 112, ср. 1969). Иначе говоря, это — шифтер, связанный с обращением к событию речи (акту коммуникации, Якобсон 1972; Володин — Храковский 1977, с. 47—50).

Гипотеза о первоначальном вневременном характере *-i* как приметы индоевропейских «первичных» окончаний глагола основана на сопоставлении этих соотношений в анатолийском с аналогичными выводами о характере индо-иранских «первичных» окончаний в их противопоставлении «вторичным» окончаниям инъюнктива и о сходных соотношениях в других индоевропейских диалектах. Весьма характерны внутрдиалектные различия между двумя тохарскими языками в отношении окончаний актива наст. вр. Тохарский В практически не знает первичных окончаний (Bader 1976, с. 38). Тох. А *-ñc*, 3 л. мн. ч., восходит к первичному **-nt-i*, тогда как тох. В *-m* < **-nt* (Krause — Thomas 1960, 1, с. 259, § 467), т. е. «первичные окончания в А, вторичные в В. Такие различия должны быть очень древними» (Lane 1966, с. 219). В свете других многочисленных сходств тохарского и анатолийского (в частности, лувийского) глагола, указываемых ниже, следует подчеркнуть, что и в анатолийском асимметричность оппозиции «первичных» и «вторичных» окончаний отчетливо видна именно в 3 л. мн. ч., где известны только флексии **-nt-i* (наст. вр.), **-nt-o* (мед. и пр. вр.), **-nt-u* (повел. накл.). Поэтому кажется возможным предположение, что анатолийские и тохарские языки позволяют реконструировать период, когда оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний во мн. ч. еще не сложилась, т. е. существовал только ряд **-m(i)*, **-s(i)*, **-t(i)* в ед. ч.

В кельтских языках отсутствуют следы временных противопоставлений первичных и вторичных окончаний. В кельтском распределение этих окончаний зависит только от древней позиции глагольной словоформы в предложении. В начальной позиции, которая в общеиндоевропейском, как и в балтийском (Иванов 1974, ср. Dressler 1969), была маркированной (инвертированной), в кельтском выступали конъюнктивные формы, этимологически в точности соответствующие индо-иранскому инъюнктиву (Meid 1963; Watkins 1969, с. 45, 160), ср. др.-ирл. **tá* 'есть' < **(s)tā-t*, **tét* 'идет' < **ten-t*, *-t* 'есть' < **d(e) est* при абсолютных формах с первичным окончанием **-ti tāith* < **(s)tā-ti*, *teit* < **ten-ti*, *is* < **es-ti* (Watkins 1969, с. 46, 164; ср. обсуждение проблемы происхождения оппозиции конъюнктивных и абсолютных форм: Cowgill 1975 при возражениях Mc Cone 1979; ср. также Kortland 1979). Исключительный интерес представляет возможность прямого отождествления др.-ирл. *ní* 'нет' < **ne-est* (Thurneysen 1946, с. 487; Mc Cone 1979, с. 3) со ст.-сл. *нѣ*, др.-рус. *нѣ*, ст.-чеш. *né*, *nie* (ср. Иванов 1965, с. 249; Watkins 1969, с. 46; Bader 1976, с. 30), при отражении параллельного сочетания **ne-esti* (то же общеиндоевропейское отрицание в комбинации с формой того же глагола, имеющего первичное окончание) в ст.-сл. *нѣтъ*, др.-инд. *nāsti*, гот. *nist* (A. Sturtevant 1947, с. 92). Согласно такой гипо-

тезе, при которой в о.-слав. **ně* < **ne-est* 'нет, не имеется', **je* < **est* 'есть' (ср., однако, Vaillant 1966, III, с. 10: *je*- как «редукция» **jest*) отражена архаическая инъюнктивная форма в функции настоящего времени (как в тох. В *nesam* < *no-sent*, Klingenschmitt 1975, с. 153; Bader 1975а, с. 398; 1976, с. 30; Schmalstieg 1980, с. 112), можно утверждать, что в о.-слав. **ně*, др.-ирл. *ní* сохранено архаическое сочетание отрицания с индоевропейской инъюнктивной формой **est*. Трудность, однако, состоит в вероятном тождестве слав. **ně* и с латыш. *nē* (в отрицательных предложениях типа *Vai tu nāksi?* — *Nē* 'Ты придешь? — Нет!', где глоттализированный топ — латыш. *lauztā intonācija* — соответствует общefonетической универсалии произнесения отрицательных просодом, ср. Иванов 1973, 1975а), ср. также гот. *nē*, лат. *nē*, др.-инд. *nā*, дающие основание для реконструкции и.-е. **nē* (ср. Mühlenbachs — Endzelins II, 1925—1927, с. 742). Поэтому возможно, что в о.-слав. **ně* совпали и.-е. **nē* и **ne-est*.

Для исследования судьбы индоевропейского инъюнктива в кельтском значительный интерес представляет форма др.-ирл. *ro'ort*, *ro'hort* (фонетически [ro-'hort], Thurneysen 1907; Mc Cone 1979, с. 3, 5; вероятное сохранение индоевропейского ларингального ¹⁴) 'убил' ('has slain', перфектное значение), исторически тождественное хет. 3 л. ед. ч. пр. вр. *para harkta* (фонетически [prō harkt]; ср. Oettinger 1979, с. 9, 43, прим. 34, 191; в древнехеттских текстах представлен только корневым глаголом, см. об этом отождествлении Иванов 1957, с. 35; 1965, с. 62 (вопреки Watkins 1962, с. 158) ¹⁵). В древнеирландском представлен инъюнктив в архаической функции перфективного презенса (по терминологии Белича), формально интерпретируемый как пр. вр. от *orgid* 'он бьет', тематический глагол при атематическом *n-oig*

¹⁴ Изолированный характер данного фонетического явления, обнаруженного более 70 лет назад Турнейзенем в древнеирландских текстах, говорит в пользу высказываемого предположения, согласно которому в кельтском вплоть до конца позднедревнеирландского периода (когда *h*- стало обозначаться из-за изменения орфографии, см. Thurneysen 1946, с. 20 (§ 25), 111, 150) след индоевропейского ларингального перед гласным в начале глагольного корня сохранялся в позиции после преверба.

¹⁵ Не повторяя высказанных 15 лет назад детальных возражений против доводов Уоткинса, следует подчеркнуть, что именно его точка зрения страдает атомистичностью в рассмотрении изолированно этой формы вне более общей проблемы судьбы индоевропейского инъюнктива в кельтском. Возможность отождествления всего сочетания с превербом при сохранении фонетического архаизма, как представляется, усиливает вероятность предлагаемого сопоставления. Праформа **orcht* < **orgt* для др.-ирл. *ort* предположена еще в 1900 г. Турнейзенем: Thurneysen 1946, с. 112, 422 (§ 682, 683, с объяснением из сочетания корня с окончанием **-t*), 438. Обнаружение хеттского соответствия подтверждает правильность самой реконструкции Турнейзена, но заставляет уточнить функцию формы в древности: в то время Турнейзен мог опираться только на древнеиндийскую параллель и поэтому возводил форму к корневому аористу. Уоткинс предполагает здесь сигматический аорист, что не диктуется кельтским материалом, не подтверждается внешними параллелями и поэтому может считаться произвольной и искусственной реконструкцией.

‘он убивает’ (тождественное хет. *nu ħarkzi* ‘и он убивает’). Соотношение др.-ирл. *ort : oirg (orgid)* тождественно хет. *ħarkta : ħarkzi* и восходит к и.-е. *Horg-t : **Horg-(e/o)t-i*, оппозиция инъюнктивной формы и актуализированной формы, относящейся к данному моменту (иначе говоря, противопоставление релятива по Беличу и формы, соотносенной с событием речи или актом коммуникации).

Реконструированное для пракельтского соотношение между конъюнктивной глагольной флексией и начальным положением, абсолютной флексией и другими позициями в предложении представляет интерес для проблемы индоевропейских первичных и вторичных окончаний в нескольких отношениях. Во-первых, благодаря этому удается подтвердить отсутствие связи первичных и вторичных окончаний с временными противопоставлениями в общиндоевропейском. При гипотезе о связи различия форм на *-i* и без *-i* с оппозицией двух времен развитие в кельтском оказалось бы непонятным, тогда как допущение чисто «повествовательной» («меморативной») функции инъюнктива (принимаемой для ведийского, Hoffmann 1967, с. 278—279) сделало бы возможным переход к употреблению типа кельтского. Совпадение общекельтских праформ конъюнктивных форм с индо-иранским инъюнктивом делает несомненным общиндоевропейский характер употребления форм с вторичными окончаниями («инъюнктива» в широком смысле) во вневременном плане. Более того, формы с *-i* (типа др.-ирл. *is < *esti*) в кельтском представлены сравнительно неполно (в особенности в 1 л. и 2 л. ед. ч., ср. Bader 1976, с. 38). Поэтому кельтский примыкает к тем диалектам, которые, как тохарский В, не отражают или в малой степени отражают «первичные» окончания. К этой же группе диалектов примыкают италийские, где не засвидетельствованы окончания **-mi*, **-si*.

Как давно уже предположил Бонфанте (Bonfante 1932), в лат. *s-um < *s-ōm* можно выделить то же окончание **-om*, что и в 1 л. ед. ч. славянского сигматического аориста типа *duxъ, где *-x < *-om*, ср. др.-инд. *ākārṣam*. По словам Бонфанта, «окончание *-ōm* заслуживает того, чтобы его включили в парадигму атематических глаголов (во всяком случае тех, которые имели корень с исходом на согласный). . . Тип лат. *sum*, ст.-слав. *duxъ*, вед. *ākārṣam* показывает нам также, что различие между первичными и вторичными окончаниями чуждо самой древней эпохе в истории общиндоевропейского языка. . . общиндоевропейский язык первоначально не знал в р е м е н н ы х различий в глаголе» (Bonfante 1932, р. 120—121).

Глубина этих идей и самого сопоставления форм типа *sum* и *duxъ* может быть оценена лишь в настоящее время, когда благодаря сравнению латинского с осским, с одной стороны, италийского с тохарским — с другой, удалось выяснить, что формы, использовавшиеся в исторический период в функции 1 л. ед. ч. наст. вр., имели окончание **-om*(**-em*) в архаической группе «периферийных» индоевропейских диалектов (Bader 1976, с. 47—

57, Schmalstieg 1980, с. 108—109, где указывается и гипотетическая возможность привлечения в качестве параллели слав. **som* > **su* > **sъ* с позднейшим преобразованием под влиянием глаголов на **-тъ*, ср. расцениваемые как инновация слов. *set*, сербохорв. *сам*, болг. *съм*, чеш. *jsem* при ст.-сл. љсем, гезм, љзем; гезм во Фрейзингенских отрывках, ср.-болг. љсѣмъ, Мирчев 1963, с. 190). Значение этого вывода, основанного прежде всего на более углубленном изучении истории тохарского глагола, как для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков в целом, так и для истории глагольных форм отдельных диалектов трудно переоценить. Именно здесь в тохарском обнаруживаются факты, не менее архаичные, чем хеттские, но относящиеся к другой диалектной общности, существенно отличной от хеттского.

В тохарском общетохарский характер формы на **-em* (1 л. ед. ч.) следует из совпадения тох. А *yām*, В *yam* 'иду' (1 л. ед. ч. наст. вр.). Тохарская В форма является единственной, в которой в 1 л. ед. ч. наст. вр. не отражается окончание *-и* (по-видимому, из **-ō*, но ср. о других возможных объяснениях ниже), что гарантирует ее архаизм. В тохарском А форма на **-em* характеризует все глаголы I класса, кроме глагола 'быть', 1 л. ед. ч. наст. вр. *na-sam* < **no-som*, где **-som* этимологически тождественно лат. *sum*, оск. *sūm* (при параллельном оск. *sim* < **s-em*, Bader 1976, с. 50). Тохарские А глаголы других классов имеют в 1 л. ед. ч. наст. вр. то же окончание **-om*, что и *na-sam*, ср. тох. А *orsam* (VIII класс) при тох. В *ersau*, греч. буд. вр. ἔρω, тох. А *ākam* (II класс) при тох. В *akau*, лат. *agō*, греч. ἄγω, Bader 1976, с. 52.

Представляется, что эти выводы относительно древней роли вторичного окончания **-m*, **-om* (к *-o-* ср. в 3 л. мн. ч. **-nt*, **-ont*), сделанные на основании данных кельтского, итальянского и тохарского, имеют первостепенное значение для выяснения происхождения конечного носового элемента в окончании 1 л. ед. ч. *-ŏ* в славянском.

Выдвинутое А. Беличем (модифицировавшим идею Мейе) объяснение конечного *-N*¹⁶ в слав. *-ŏ* < **-oN* как окончания

¹⁶ В согласии с традицией, идущей от Н. С. Трубецкого, посредством *-N* обозначается носовая архифонема. Реальность выделения ее подтверждается синхронным анализом старославянских фактов (Trubetzkoy 1954, с. 68, 69, 78, 79, ср. к диахронии Trubetzkoy 1925; 1975, с. 18—20; Трубецкой 1927—1928). Из блестящего описания Трубецкого, однако, вместе с тем обнаруживается, что сочетания гласных с *N* занимают особое дефектное место в старославянской фонологической системе, ср. положения VII и XI по Трубецкому; *N* изолировано в системе, причем для *N* существует только носовой тембр. Поэтому с чисто фонологической (а не морфонологической) точки зрения возможна интерпретация в поздний период *-oN* как монофтонга, ср. Birnbaum 1963, с. 29—34; 1965; 1967, с. 334—339; Stieber 1969; к критике этой точки зрения (которая опирается на данные лехитских и македонских диалектов) Lehr-Splawinski 1926; 1929; Koschmieder 1953; Колесов 1973 (с дальнейшей библиографией); к фонологической синтагматике носовых Дурново 1927—1928; об альтернативном предположении о развитии типа **ā₂* > *āN* > *ā* > *ŏ* (*N*) в лехитском Mareš 1969,

инъюнктива (Белић 1932) в настоящее время может быть подкреплена этими новыми данными, которые подтверждают древность инъюнктива и отсутствие связи древнего противопоставления первичных и вторичных окончаний с временными различиями в индоевропейском (ср. кроме указанных выше фактов недифференцированное во временном плане употребление первичных и вторичных окончаний в архаических контекстах как в древнеиндийском ведийском, так и в гомеровском греческом: $\pi\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$; $\gamma\epsilon$ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\omicron\upsilon\tau\iota$ $\theta\alpha\mu\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\varsigma$ 'раньше ты ко мне не часто хаживал' Σ 86, ср. Wackernagel 1924, I, с. 47, ср. Белић 1958, с. 206, § 286). Идея Белича об инъюнктивном происхождении славянских окончаний настоящего времени согласуется с тем, что в балтийском и славянском отсутствует строгий параллелизм вторичных и первичных окончаний (ср. Топоров 1961, с. 60). Наиболее существенным представляется вопрос о степени отражения в балтийском и славянском противопоставления первичных и вторичных окончаний внутри древних типов глагольных форм. От ответа на этот вопрос зависит не только решение конкретных проблем реконструкции форм этого класса, но и установление древнего облика тематической парадигмы.

Гипотеза о том, что балтийское окончание 3 л. *-a* у тематических и полутематических глаголов восходит к форме с конечным вторичным окончанием **-t* (отпавшим в конце слова, см. выше, § 2 о праформе балт. **vede*, хет. *uwatet*), целиком основывалась именно на тех предпосылках индоевропеистики, которые теперь подвергаются пересмотру. Со свойственной ему точностью формулировок эту мысль выразил проф. Х. С. Станг: «Формы без окончаний *sùka*, *sēdi*, *sāko*, *sùko*, *vēdē*, *sakjys*, *tesukiē* (*te-sukjē*), *te-sākai* все потеряли конечное *-t*; только посредством этого предположения мы можем согласовать их наличие с и.-е. системой. Конечное **-t* было и.-е. вторичным окончанием действительного залога» (Stang 1966, с. 410). Современное индоевропейское языкознание, наоборот, предполагает отсутствие окончания **-t* в наиболее архаичном типе тематических форм, ср. Haudry 1979,

с. 105. Поскольку в глаголице $\text{З}\text{Є}$ может интерпретироваться как $\text{З} + \text{Є}$, $\text{З}\text{Є}$ — как $\text{З} + \text{Є}$, можно было бы поставить вопрос, не были ли (как думал уже Трубецкой) для создателя глаголицы (но не кириллицы!) $\varphi = oN$, $e = eN$ (ср. данные о солунских македонских говорах конца XIX в.). Но возможность употребления Є (а не только $\text{З}\text{Є}$) для передачи e существенно затрудняет решение вопроса, ср. Mareš 1969, с. 107—8, 111—113 (см. очень четкие формулировки уже в палеографических работах учителей Трубецкого, например, Щепкин 1914, с. 9; 1920, с. 17—18 и др.). С чисто диахронической точки зрения наличие конечного носового согласного в конце форм на $-\varphi$ несомненно; отрицание концепции Трубецкого ведет только к отодвижению дальше вглубь истории общеславянского языка процесса перекодирования сочетания $*oN$ в φ . Иначе говоря, спор касается лишь относительной хронологии этого явления. К типологическому подтверждению идей Трубецкого см. Avram 1978 (аналогичное сопоставление типа праславянского и японского предлагает Martinet 1978, ср. уже Поливанов 1928).

с. 77. Следовательно, единственный довод, на котором строилось построение Станга, отпал (хотя следует подчеркнуть, что сама возможность наличия *-t не отвергнута полностью, ср. выше, § 2, об архаических древнехеттских тематических формах с этим окончанием; но поскольку оно не было общеиндоевропейским, исчезла обязательность его восстановления).

Альтернативная по отношению к реконструкции Станга точка зрения, согласно которой форма 3 лица и в балтийском оканчивалась на гласный, была еще более 20 лет назад высказана В. Н. Топоровым. Согласно формулировке В. Н. Топорова, правильность которой подтверждена ходом исследований за последние два десятилетия, «если ни в 1 л., ни во 2 л. ед. ч. настоящего времени тематического спряжения в балтийских языках не было окончаний, параллельных тем, что есть в тех же лицах атематического спряжения, то, конечно, мы не в праве полагать, что и в 3 л. ед. ч. тематических глаголов некогда было -t в соответствии с атематической флексией -ti, как думает Станг» (Топоров 1961, с. 62). Эти идеи В. Н. Топорова получили развитие в известном исследовании Уоткинса об индоевропейских глагольных флексиях, соответствующий раздел которого о балтийских окончаниях суммирует указанные выводы В. Н. Топорова (Watkins 1969, с. 212—214)¹⁷.

В балтийском, согласно В. Н. Топорову система временных противопоставлений «первичных» и «вторичных» окончаний не прослеживается (Топоров 1961, с. 60; 1962, с. 31 и след.). Станг, возражая против такой крайней формулировки, мог сослаться только на наличие окончания -s (с его точки зрения вторичного) в прус. *immais* (оптатив из древнего императива, Stang 1966, с. 421). Противопоставленные вторичному -s первичное -si может быть отражено в прус. *giwassi*, *quoitilaisi*. Как думал Казлаускас, «закономерное написание -si в формах *giwassi* (встретилась 2 раза), *giwasi* (1 р.), *quoitilaisi* (5 р.) заставляет думать, что здесь перед нами окончание -si. Может ли это -si быть представителем окончания *-si (ср. др.-инд. *asi*, гомер. греч. ἄσι и т. д.)?» (Kazlauskas 1968, с. 297). Поскольку в конце слова в прусском -i исчезает, это сопоставление (как признает и Казлаускас) остается, однако, не бесспорным (если не принять возможности дальнейшего смещения *-si и *-sei, там же, с. 298).

Приходится, однако, оговориться, что точная структура и функция форм *giwassi*, *giwasi* в прусском остается не до конца выясненной (ср. Топоров 1979, II, с. 254). Интерпретация *giwassi* как формы 2 л. ед. ч. наст. вр. (см. Schmalstieg 1974, с. 152, 340, 341) основана на немецком соответствии в третьем катехизисе (Trautmann 1910, с. 65, 59, 25): *Sen alkinisquai turei tou tien nostan pomaitat kuilgimai giwassi*, нем. mit Kummer solstu dich darauff

¹⁷ За Уоткинсом (ср. Watkins 1970a) следует В. И. Георгиев, сопоставляющий литовские формы с хеттскими, см. Georgiev 1975, с. 14, 15. Из других новейших работ о соотношении балтийского глагола с индоевропейским ср. также Erhart 1975, особенно с. 26; Kortland 1979a; Mažiulis 1971; 1972.

nehren dein lebenslang 'скорбью будешь ты себя из-за этого кормить всю свою жизнь?' прус. *bhe ilga gīwasi nosemmien*, нем. *und lange lebest auff Erden* 'и ты долго будешь жить на земле', прус. *bhe ilgi giwassi no semien*, нем. *du lange lebest im Land* 'ты долго будешь жить на земле'. Но грамматическое толкование всех трех муст остается спорным: в первом случае немецкий перевод указывает на модальный характер высказывания, который Траутман (Trautmann 1910, с. 339) предполагал и в двух последних предложениях, тогда как по Эндзелину речь идет о сочетаниях с возвратным местоимением 3 л. ед. ч. (Endzelins 1943, с. 104).

Другие балтийские окончания 2 л. ед. ч. в тех случаях, когда (как ст.-лит. *-si* < **-sie*, прус. *-sei, -sai, -se, -si*) они связаны по происхождению с и.-е. **-s(i)*, представляют собой такие преобразования этого последнего, которые не предполагают соотношения *-si*: **-s*, как и в случае слав. **-ši, *-si*, структурно близкого к указанным балтийским окончаниям. Предположение о наличии в славянском исчезнувших вторичных окончаний **-s, *-t* выводится из предполагаемого параллелизма парадигм (Stang 1942, с. 213):

	слав.	греч.	др.-инд.	и.-е.
1 л. ед. ч.	<i>mogъ</i>	ἔφερον	<i>ābharam</i>	<i>*-(o)m</i>
2 л. ед. ч.	<i>može</i>	ἔφερες	<i>ābharah</i>	<i>*-(e)s</i>
3 л. ед. ч.	<i>može</i>	ἔφερε	<i>ābharat</i>	<i>*-(e)t</i>
3 л. ед. ч.	<i>mogъ</i>	ἔφερον	<i>ābharan</i>	<i>*-(o)nt</i>

Однако из этих соответствий с несомненностью можно извлечь для славянского только два вывода — о наличии в форме типа *mogъ* (1 л. ед. ч.) следа индоевропейского тематического инъюнктива (в широком смысле, см. детально об этом типе и его возможных отражениях в балтийском и славянском Watkins 1969, с. 100—104) и о наличии в славянском оппозиции вторичного окончания *-ъ* (< **-om*, ср. выше о сопоставлении с *sum* < **s-om* и о связи с **-g, -oN*) и первичного *-ть* < *-mi*, вторичного *-g* (< **-ont*) и первичного *-otъ* (< **-onti*). Этих соотношений достаточно, чтобы утверждать наличие различия двух видов окончаний в славянском (в отличие от балтийского). При этом кажется правдоподобным выделение двух хронологических слоев — архаического, когда вторичные окончания (как в ряде других индоевропейских диалектов) могли быть не связаны с временными противопоставлениями, и более позднего, характеризующегося утратением форм типа **-mi* > **ть* только в настоящем времени.

§ 7. Реконструкция второй серии глагольных форм и ее соотношение с формами первой серии в свете истории индоевропейского медиопассива

Выделяемые при историческом анализе хеттского спряжения на *-hi* родственные перфекту в диалектных группах первоначальные его окончания, к которым присоединялась позднее примета

«hic et nunc» -i (или окончания прошедшего времени типа -un), совпадают с такими же исходными окончаниями 1 л. ед. ч. -*ha*-, 2 л. ед. ч. -*ta*- и 3 л. ед. ч. -*a*-, которые можно выделить во флексиях хеттского медиопассива, где к исходным окончаниям могли присоединяться другие морфы (-*r-i*-, -*r-u*-, -*ti*-, -*t*), образуя агглютинативные цепочки. Относительно поздний характер становления форм спряжения на -*hi* в хеттском определяется благодаря существенному расхождению между хеттским, в котором в спряжении на -*hi* форма 1 л. ед. ч. пр. вр. -*hh-un*, противопоставленная наст. вр. -*hi*, построена по типу аналогичной формы (-*n*)*u-n* в спряжении на -*mi*, и другими анатолийскими, где в этой функции для глаголов всех спряжений выступает пал. -(*h*)*ha*, лув. -(*h*)*ha* (*ašha* 'я был', иерогл. лув. -*ha(s(a)-hā*, *á-s(a)-ha-à* 'я был'), лик. -*χα*-, -*ga*-. Существенным, но не до конца ясным вопросом сравнительной грамматики анатолийских языков является выяснение первоначальной грамматической функции форм 3 л. ед. ч. спряжения типа хеттского на -*hi* в палайском (*tu-ú-ši* 'насыщаются', *huwarninai* 'оплодотворяет, разбрызгивает', *šarawinai* 'очищает') и лувийском (лув. *tuwai* 'принуждает (?)', *arpašai* 'является неблагоприятным'; иерогл. лув. *la-i* 'берет, отпускает', Коркүн, 9; *pi-ya-i*, *pi-i* 'он дает', (соответствует хет. *pai* 'он дает', спряжение на -*hi*), *tā-i* 'берет' (хет. *dai* 'берет', спряжение на -*hi*), *dam(a)-mā-i* 'строит, замуровывает', *tu-wa/i-i* 'устанавливает', ср. также от редуцированных основ: *pi-pa-sa/i* 'дает то и дело, много дает', *sa₅-sa₅-r(a/i)-la-i* 'много жертвует, обильно жертвует', Van Brock 1964). Это окончание -*i* этимологически тождественно хет. -*i* < *-(*e*)-*i* (см. ниже), выделяемому в 3 л. ед. ч. наст. вр. спряжения на -*hi*. Следовательно, как само это окончание *-*ei*, как и противостоящее ему окончание *-*t-i*, могут быть восстановлены для всех анатолийских языков. Сохранение этой оппозиции *-*ei*: *-*t-i*, бесспорно восходящей к общеиндоевропейскому, представляет собой общий архаизм всех древних и среднеанатолийских языков (в ликийском, где обобщено окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. -*ti/-di*, уже отсутствующий). Окончательное доказательство давно уже высказанного предположения (ср. Rosenkranz 1952) о наличии в лувийском, как и в палайском, четкого противопоставления спряжения на -*i* (3 л. ед. ч. наст. вр.) и спряжения на -*ti* (ср. Mittelberger 1963, с. 93; Neumann 1964, с. 58; Hawkins — Morpurgo-Davies — Neumann 1973, с. 179; Oettinger 1979, с. 559—560, 564, 569) имеет исключительное значение для индоевропейского языкознания. Оно свидетельствует о том, что родственная перфекту других диалектов серия форм, противопоставленных серии с «первичными» и «вторичными» окончаниями *-*m(i)*, *-*s(i)*, *-*t(i)* и по функции отличавшихся как от медиопассива, так и от форм прошедшего времени (хет. -*hh-un*, пал. -*ha*, лув. -*ha*), имела в том диалекте, из которого развился палайский и лувийский. Позднее в палайском и лувийском эта серия функционирует только как определенная подсистема в рамках системы презенса, тогда как в хеттском она рамками системы

презенса не ограничена. Представляется возможным сделать следующий шаг в исследовании этой серии. В неероглифическом лувийском удастся выявить следующие фрагменты парадигмы редуцированных глаголов этой серии в ед. ч. наст. вр.:

- 1 л. $sa_5-sa_5-r(a/i)-la-wa/i$ $pi-pa-sa-wa/t-i$
 3 л. $sa_5-sa_5-r(a/i)-la-i$ $pi-pa-sa-i$

Эти соотношения позволяют предположить, что специфическая для лувийского флексия 1 л. ед. ч. наст. вр. *-wi* (ср. § 6), лик. *-v* (после гласных: *ko-v*, *-tro-v*), *-u* (после согласных: *-tor-u*, Heubeck 1969, с. 414), была первоначально характерна именно для серии с 3 л. ед. ч. наст. вр. на *-i* и лишь потом распространилась на другие глаголы. Косвенный аргумент в пользу этой точки зрения представляет также флексия архаичных полутематических форм типа лув. *ti-ya-ni-eš-šu-i*, соответствующих полутематическим глаголам на *-šša-* хеттского спряжения на *-hi* (Oettinger 1979, с. 58, 510; Bader 1975). Можно думать, что форма на *-wi* < **-w(H)oi* является непосредственным соответствием тох. А 1 л. ед. ч. пр. вр. и имперф. мед. и депонентн. *-we* (при *-wā* в активе), которое, в свою очередь, внешне давно уже было отождествлено с лат. 1 л. ед. ч. перф. *-uī*, *-vī* (Krause 1955; Krause — Thomas 1960, 1, с. 260, § 468, ср. о тох. В *-u* < **-u* Schmalstieg 1980); дальнейшие соответствия в перфекте обнаруживаются в вед. 1 л. и 3 л. ед. ч. перф. типа *paṛá-u* 'я (он) наполнил' (< **-H-u*), алб. *-va* в аористе (из формы второй серии), ср. Lambertz 1957; Bader 1978, с. 33—35; Haudry 1979, с. 78—79. Следовательно, архаическое окончание этой серии в лувийском было обобщено на 1 л. ед. ч. наст. вр. всех глаголов в результате преобразования этой серии тогда же, когда в лувийском (как и в палайском, где окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. неизвестно) древнее окончание 1 л. ед. ч. **-Ho* > *-ha* оказалось закрепленным за всеми формами прошедшего времени. Окончание **w(H)oi*, родственное общетохарскому **-wā* в 1 л. ед. ч. серии форм, отличных от ряда **-m(i)* (Adams 1978), стало использоваться в лувийско-ликийском только в настоящем времени, тогда как **-Ho* > *-ha*, родственное о.-тох. **-(k)ā* < **-Ho* (Иванов 1959; 1968) стало в лувийско-ликийском, как и в тохарском, приметой прошедшего времени (по-видимому, общая инновация, противопоставляющая два эти диалекта вместе хеттскому). Наличие флексий 1 л. ед. ч. **-w(H)oi*: **-H(o)* представляется разительным фактом, объединяющим пралувийскую глагольную парадигму с общетохарской. Но необходимо отметить, что след того же окончания **-w-* сохранился в хет. *-u-n*, *n-u-n*, построенном благодаря соединению этого окончания с «вторичным» окончанием ряда *-m(i)*, и в хет. *-hḫ-u-n*, где друг с другом соединены все три известных окончания 1 л. ед. ч. (к функции ср. тох. В *-wa*, А *-wā* как окончания 1 л. ед. ч. пр. вр.). Следовательно, все три окончания должны быть восстановлены и для того древнего анатолийского диалекта, из которого развился хеттский (как и для общетохарского и для лувийского, где косвенный след ряда *-m(i)*

отражен не только в слишком гипотетическом лув. 1 л. мн. ч. пр. вр. *-un*, см. о *la-a-ū-un* Oettinger 1979, с. 67, но и в иерогл. лув. 1 л. пр. вр. *-min*, ср. § 3).

На основе внутренней реконструкции, учитывающей структуру древних окончаний **-H₂-o/e*, **-t-H₂-o/e*, **(-H-)o/e*, представлялось возможным высказать допущение, что **-H₂-* первоначально не обозначал лица, а был показателем значения всей серии.

Внутренний анализ структуры хеттских глагольных форм спряжения на *-hi* и медиопассива позволяет допустить, что в более ранний период предыстории анатолийского общий источник этих форм, который восходит ко второй серии индоевропейских глаголов, характеризовался ларингальным показателем не только в 1 л. ед. ч., где он сохранился вплоть до письменного периода в хет. *-hi* (1 л. ед. ч. наст. вр. спряжения на *-hi*), *-h₂h₂un* (1 л. ед. ч. прош. вр. спряжения на *-hi*), *-ha(ha)ri* (1 л. ед. ч. наст. вр. медиопассива), *-ha(ha)t* (1 л. ед. ч. прош. вр. медиопассива с элементом *-t* < и.-е. *-dh-*, возможно родственным германскому претериту на *-d* < **dh*, ср. G. Schmidt 1977). Во 2 л. ед. ч. след такого же ларингального показателя обнаруживается в окончаниях 2 л. ед. ч. повел. накл. медиопассива хет. *-hut* < др.-хет. *-huti* < **-H-u-dhi*, где медиопассивное **-dhi* (ср. **-dhi* в повел. накл. типа **i-dhi*) следует в агглютинативной цепочке и за показателем повелительного наклонения *-u-* (§ 5), которому предшествует показатель 2-ой серии **-H-*. След такого же окончания **-H-u* сохранился и в изолированной форме др.-хет. *e₂hi* < **ei-H-u* 'приходи!' (в междометной функции), ср. Иванов 1963; 1965; 1968¹⁸). Ларингальный показатель **-H-*, генетически сопоставимый с *-H-* в формах второго лица на **-H-u* (*dhi*) выделяется и в окончании 2 л. ед. ч. второй серии **-tH₂e*, которое реконструируется на основе отождествления хеттских окончаний 2 л. ед. ч. спряжения и медиопассива с окончанием перфекта в языках того ареала (в частности, греческо-арийского), где развился перфект.

Если этот ряд допущений правилен, то в таком случае ларингальный показатель в первых двух лицах, которые (в отличие от 3 л., ср. Бенвенист 1974; Топоров 1961; 1962; Kazlauskas 1968) характеризуются позитивно (наличием показателя), является показателем не лица, а всей серии. Этот вывод представляет значительный интерес для гипотетического истолкования того обстоятельства, что ко второй серии относятся, во-первых, глаголы с суф. **-eH₂-* > *-ā-* (сохраняющие еще в хеттском следы принадлежности к спряжению на *-hi*, Иванов 1965; Bader 1975), во-вто-

¹⁸ Не кажется вероятным объяснение формы *e₂hi* 'приходи' из сочетания **e₂u-* с элементом *u* (тем же, что в *uwa-* 'приходить', Carruba 1976; Cowgill 1979 : 27), так как, во-первых, для хеттского употребление этого типа с постпозицией адверба (как в *hark-₂pe* при *pe hark-*: лат. *postea*) слабо документировано (а для сочетания **uw-* + **ei/i-*, наоборот, весьма древней является его препозиция), во-вторых, кажется невероятным отсутствие связи с повелительным *-u* в 3 л. ед. ч. и с медиопасс. 2 л. ед. ч. повел. накл. *-hut(i)* (Иванов 1963).

рых, глаголы с суф. $*-neH_2-$ > $-nā-$ (др.-хет. *tarnaḥḥe*, *ijanaḥḥe*), с параллелями в других анатолийских языках, в-третьих, значительное число глаголов с исходом на конечный ларингальный типа $*stoH-$, $*doH-$, $*dheH-$ (по Бенвенисту соответственно $*st-oH-$). Если не идти по пути принятия большого числа омоничных глагольных суффиксов и значительного числа ларингальных в одной словоформе (что часто делается в компаративистских исследованиях вслед за Стертевантом, Мартине и другими крайними ларингалистами), наиболее простым решением было бы допущение, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же ларингальном показателе, который был основообразующим элементом в глаголах второй серии.

Предлагаемая внутренняя реконструкция функции $*-H-$ во 2 серии позволяет предложить следующий ранговой анализ хеттских глагольных флексий. В таком случае в последовательности $*-H-u-m-ḡ$ > хет. $-ḥ(h)-u-n$, $*-H-o-i$ > др.-хет. $-ḥ(h)e$ > $-ḥi$ последний порядок ($*-ḡ$, $*-i$) относится к той категории, которая в историческом языке выступает как время, первый (совпадающий) порядок — ко всей серии в целом, значение $-u-$ скорее всего связано с лицом (или с категорией инклюзива / эксклюзива, ср. о $-we-$ вероятно, ему родственном, в 1 л. мн. ч., в § 4). Флексия $-w(i)$ с этим значением лица в лувийском была распространена и на все глаголы, а не только принадлежавшие серии, имеющей форму 3 л. ед. ч. $-i$ < $*(e)y$; как это же произошло и такое же обобщение было проведено и по отношению к окончанию $*-Ho$. В результате оппозиция $*-w-(H)o-i$ > $-wi$: $*-Ho$ > $-ha$ в лувийском приобрела значение противопоставления времен в 1 л. ед. ч., что было явно инновацией¹⁹, ср. характерное сохранение $-u-$ именно в формах 1 л. ед. ч. пр. вр. в хеттском.

В результате действия описанных процессов древнее противопоставление двух серий глагольных форм в лувийском (и вероятно в палайском) ограничено только настоящим временем и только 3 л. ед. ч. Можно думать, что исходным пунктом перестройки парадигмы, приведшим к возникновению форм типа хет. $-ḥḥ-un$, было то, что $-i$ в $*-t-i$ > хет. $-zi$, пал., лув. $-ti$ < $*-t-i$ серии на $-mi$ было отождествлено с $-i$ < $*(e)i$ в окончании 3 л. ед. ч. противоположной серии. Соответственно окончание $-i$ было переинтерпретировано как состоящее из двух порядков: $-ḡ-i$, что привело к построению целого ряда агглютинативных цепочек форм, объясняемых вновь возникшими в системе соотношениями, ср. хет. 3 л. повел. накл. $-t-u$ (спряжение на $-mi$): $-ḡ-u$ (спряжение на $-ḥi$) и т. п. Эти новые процессы были частично общеанатолийскими, что объясняется общеанатолийским характером самого исходного противопоставления, и лишь позднее стали определяться специфи-

¹⁹ Можно ли учитывать здесь возможность влияния собственно лувийских фонетических факторов, ведущих к позднему развитию лув. $-ḥw-$ > $-h-$ (с утерей $-w-$), Otten 1953, сказать трудно из-за очевидных хронологических различий (реально не всякая группа $-ḥw-$ в лувийском устранилась, но судьба $*wH$ в лувийском не ясна).

ческим исключительно для хеттского языка соотношением форм на *-mi* и на *-hi*. Формы прошедшего времени были построены тогда, когда исходный ряд форм в других анатолийских языках развился в прошедшее время (целиком включившее старые формы на **-Ho > -Ha*), уже противостоявшее медиопассиву. Это развитие как в хеттском языке, так и в других анатолийских, осуществлялось на протяжении истории этих двух диалектов после их разделения, что значительно облегчает реконструкцию (до сих пор на эту особенность истории анатолийского в индоевропеистике не обращено достаточного внимания). Стаповление спряжения на *-hi* объясняется таким взаимодействием древней второй (медиопассивной или депонентной, Rosenkranz 1953; 1958; Kuryłowicz 1964, ср. Jasanoff 1979, с. 90; Meid 1974, с. 35; 1979, с. 173—175; Neu 1968; 1976) серии форм на **-Ha*, **-t(H)a*, *-a* и серии форм на **-mi/*-m*, при котором различие первичных и вторичных окончаний, уже связанное с временными противопоставлениями, было перенесено на вторую серию (ср. позднейшие хеттские формы 1 л. ед. ч. наст. вр. *-hi < -he < *-ha-i*, пр. вр. *-h̄hun < *-H-u-m* и т. п.), Иванов 1957; 1960; 1963; 1968; Kuryłowicz 1958; Eichner 1975 (где в качестве исходного значения формы на **-Ha* принимается, однако, значение перфекта, ср. также Risch 1975; семантические возражения см. Cowgill 1979, Jasanoff 1979, с. 80—81). Иначе говоря, введение временных противопоставлений в эту серию форм осуществляется в самом хеттском.

В своей последней книге и посмертной статье Курилович высказал гипотезу, по которой существенным моментом в этом взаимодействии двух систем форм (временных и вневременных) было образование медиопассивных форм на *-ta*, т. е. медиопассива спряжения на *-mi* (Kuryłowicz 1977, с. 64, 65; 1979). Но следует подчеркнуть, что противопоставление двух типов медиопассивных форм, различающихся формой 3 л. ед. ч. **-o-(r)* или на **-t-o-(r)* является общеанатолийским и восходит к периоду диалектной общности хеттского и кельто-италийского, а также хеттского и греческо-арийского (Иванов 1965, с. 122—127)²⁰. Хеттскому различению медиопассивных глаголов на *-ari* (3 л. ед. ч. медиопас. спряжения на *-hi*), *-aru* (повел. накл.) и *tari* (3 л. ед. ч. медиопас. спряжения на *-mi*, ср. Neu 1968a; 1968), *-taru* (повел. накл.) соответствует различие таких же окончаний в лувийском: лув. *a-a-ia-ri* 'становится' (KUB XXXV 54 II 43, 44, 45), *a-a-ia-ru* 'пусть станет' в контексте типа *ma-al-li- a-i-ia-ru* 'мед(ом) пусть станет', KUB XXXV 39 I 26, II 12, 15, 16, 28, 29, Иванов 1958, с. 142;

²⁰ Точка зрения, обоснованная в этой книге, была в основном принята Уоткинсом (Watkins 1969, с. 182—185, § 174—175), который вслед за автором (Иванов 1965, с. 123, примеч. 207) не согласился с гипотезой Куриловича (Kuryłowicz 1965, с. 66—67, ср. Watkins 1969, с. 175 и след.). Единственное отличие заключается в трактовке арм. *berēr* (Watkins 1969, с. 175). См. о хронологии медиопассива, рано обособляющегося от форм, развившихся в спряжении на *-hi* в хеттском и в перфект в других языках: Neu 1968; 1976; Eichner 1975; Risch 1975; Cowgill 1979; Jasanoff 1977; 1979; 1980.

КВо VIII 130 III 5; иер. лув. *aiāru* 'да будет' (Laroche 1960, с. 16—17; Meriggi 1966, I, с. 63, § 117, ср. Каратепе L 280: *a-i-ā-r-ru*, *a-i-ā-rū*) от лув. *aia-* 'делать' (хет. *iā-*, лик. *a-*), лув. *hal-ti-it-ta-ri* 'его позвали' = 'он позван' (КВо IV 11, I 49 от *halta/i-* 'звать', хет. *halzai-*). Следовательно, различие двух типов форм 3 л. медиопассива (соответственно от второй и первой серии глагольных форм) может быть реконструировано для обще-хетто-лувийского. Наличие аналогичного различия также в оскско-умбрском и кельтском позволяет возвести это явление к периоду формирования итало-кельто-анатолийских изоглосс. Хет., лув. *-ari* соответствуют формы типа др.-ирл. *'berar*, *'berr* (конъюнкт. 3 л. ед. ч. пассива), *berair* (абсолют.), умбр. *ferar* (ср. венет. *tolar*), продуктивные в оскско-умбрском, тогда как хет., лув. *-tari* соответствуют формы типа др.-ирл. *carthair* (абсолют. 3 л. ед. ч. пассива), *'carthar* (конъюнкт.), умбр. *herter* 'oportet' и т. п. (Льюис — Педерсен 1954, с. 368; Pedersen 1938, § 72; Thurneysen 1946, с. 369; Иванов 1965, с. 122, 123, 134; Watkins 1969, с. 176, § 165, с. 182, § 172, § 174, с. 183). Наличие противопоставления в оскско-умбрском и кельтском двух типов медиопассивных форм (с *-t-* и без *-t-* в 3 л. ед. ч.) соответствует общему для хеттского и лувийского различию двух типов медиопассива от двух серий глагольных форм. Обобщение показателя **t(e)or* во всех глаголах проводится в древнеирландском в отложительных глаголах в отличие от приведенных пассивных форм, сохраняющихся только у сильных глаголов (обратный процесс осуществлялся в бретонском). Аналогичный древнеирландскому процесс привел к полному вытеснению показателя 3 л. ед. ч. (совпавшего с флексией 1 л. ед. ч. после исчезновения ларингального) в латинском (как и в тохарском), а также, судя по имеющимся формам, и во фригийском, что представляет собой инновацию этих диалектов. Если в анатолийском имелось два типа форм повелительного наклонения (на **-t-u*, см. § 5, и на *-u < *-θ-u*) и два типа медиопассива, соотносящихся с двумя сериями форм, то во фригийском из двух пар окончаний 3 л. мед. **-tor* и **-o(r)*, повел. накл. **-t-u* и **-u* представлены только первые члены, связанные с первой серией глаголов. Но поскольку соотношение двух типов медиопассивных форм реконструируется для всех этой группы индоевропейских диалектов, то некогда во фригийском (как и в италийском и тохарском) должно было иметь место то же различие.

Значительный интерес представляет недавно высказанная гипотеза о том, что фригийская форма на *-tor* может выражать «безличность» (точнее, видимо, обобщенно-личный характер) субъекта (Дьяконов — Нерознак 1977, с. 188)²¹. Согласно давно уже

²¹ В этом случае, однако, не оговорено, как интерпретируется начальное фриг. *τος* *νι* в зачине формулы проклятия. Если принять согласующийся с обычным пониманием формулы (Frager 1937, с. 537 и след. Rysiewicz 1956, с. 319) перевод '(любой) тот, кто' (Дьяконов — Нерознак 1977), то скорее нужно говорить о значении типа логического квантора общности: 'любой субъект' ('для всех субъектов верно, что...').

высказывавшейся точке зрения, недавно получившей вновь подкрепление, первоначальной функцией форм 3 л. ед. ч. типа др.-ирл. (ro-) *fitir* 'знает' (вал. *gwyr*, корн. *gor*, брет. *goar*) было именно безличное значение, что доказывается отождествлением с вед. *vidur* 'они знают' (лат. *uidere*) (Иванов 1965, с. 123), ср. также умбр. *ier* < *(i)ier (развитие 3 л. ед. ч. мед. в безличном употреблении из 3 л. мн. ч. медиопасс.); «можно далее предположить, что соответствующий безличный тип на *-er* был унаследован в кельтском, где он дал начало таким формам, как ср.-валл. *hebyr* 'он сказал' < *sek^{uo}er и регулярным бретонским безличным образованиям на *-er* (ср. *caner* 'он любим' и т. п.)» (Jasanoff 1977, с. 167). С этой точки зрения и обобщенно-личное значение фригийских форм на *-tor может оказаться архаизмом, сходным с развитием в кельтском.

Хотя наличие двух типов медиопассива в архаической группе диалектов, к которой принадлежат анатолийские, кельтский и италийский, можно считать общепризнанным²², из этого факта до сих пор еще не сделаны все необходимые выводы. Наличие такого противопоставления двух форм медиопассива возможно лишь при условии существования двух четко противопоставленных серий глагольных форм. Поэтому принятие вывода о противопоставлении двух форм медиопассива ведет и к дальнейшему заключению о существовании этих двух серий форм (оттого непоследовательна позиция Уоткина, ср. Watkins 1969, с. 66 и 176—183). В кельтском и оскско-умбрском медиопассив на *-or образуется, в частности, от тематических глаголов (см. Льюис — Педерсен 1954, с. 363, § 466, прим. 1; ср. о гласном *-o в *-or Thurneysen 1946, с. 369). Поэтому структура и функции медиопассива на *-or представляются серьезным доводом в пользу связи тематического типа глаголов (типа *bher-ō, ср. др.-ирл. *berar*, умбр. *ferar*) с второй серией глагольных форм.

Формирование типа медиопассива 3 л. ед. ч. с *-t-, характерным для спряжения на *-mi*, следует отнести к эпохе, предшествующей разрыву связей анатолийского с носителями не только диалектов кельто-италийско-тохарско-фригийского ареала (в котором имеется медиопассив на *-t(o)r), но и диалектов греческо-арийского ареала. Армянский, в других отношениях (как и фригийский) примыкающий по типу инноваций в глаголе к греческо-арийскому, по-видимому, обнаруживает следы форм, родственные анатолийско-кельтско-италийско-тохарскому: арм. поздн. *beriw*r (3 л. имперф. акт.) может быть возведено к *bheretor, ср. фриг. αβερτορ, Meillet 1936, с. 124; Watkins 1969, с. 175, § 163, тогда как *berēr*, очевидно, происходит из формы типа *bheretri (Jasanoff 1977, с. 165: *-etor > арм. *-wr*).

²² Часть исследователей (Oettinger 1976; 1979, но ср.: Cowgill 1979, с. 28; Jasanoff 1977; 1979; 1980) считает флексии без *-t- (начинающиеся с *-o-) особым «стативом», но это является скорее вопросом терминологии.

В греческо-арийско-фригийском некоторые медиальные образования на *-to(i)*, греч. *το, -τοι* (диал. кипр. и микен.), др.-инд. *-ta, -te* можно сравнить с хеттскими на **-to > *-ta*.

Хеттский атематический медиопассив *kitta* 'он лежит' соответствует др.-инд. *seti* (в брахманах), *sete*, авест. *saēta, saēte*, греч. кипр. *χεῖτοι* (архаический тип, совпадающий с микенским, Watkins 1969, с. 128, § 114), *χεῖτο* (хеттский и греческий совпадают также и в использовании этих форм как супплетивного пассива к хет. *dai-* 'ставить, класть', греч. *τίθημι* Иванов 1965, с. 127, там же подробная библиография). Параллельная дублетная медиопассивная форма *kittari* восходит по крайней мере к древнеанатолийскому, судя по пал. *kitar* < **kēi-to-r* (Oettinger 1976, с. 113; 1979, с. 525, 556; Eichner 1973, с. 78). Хеттские дублетные формы типа *kitta: kittari* отражают то диалектное состояние, из которого мог произойти как греческо-арийский тип медиопассива, так и италийско-кельтский.

По существу аналогично соотношение между фригийским 3 л. ед. ч. имперф. мед. *αββερετορ* 'нанес бы' и *αββερετο* 'нанесет' (Дьяконов — Нерознак 1977, с. 189, 190, 195). Наряду с формами типа *αδδαχεται, δαχεται(ι), αββερεται* 'причинит', *ισυ(ι)ουτ-αι* (если их окончания не являются грецизмами во фригийском), толкуемыми как 3 л. ед. ч. наст. вр., представлены формы на *οι* типа *ισυ(ι)ουατοι* (желат.-буд. мед.), а также 3 л. ед. ч. имперф. мед. др.-фриг. *τεδατοι* 'сделал', *εστατοι* 'станет', *εγερτοι* 'взял', *εχτετοι* 'основал' (аор. мед.) при ново-фриг. *αδδαχετορ* 'причинил бы', *αββερετορ*, *αδδαχεтера* (безличные формы мед. зал., имперф. и наст. вр., Дьяконов — Нерознак 1977, с. 188). Следовательно, фригийский, как и анатолийский, следует отнести к диалектам, занимающим промежуточное положение между такими, в которых (как в италийско-кельто-тохарском) имеется только медиопассив на *-r* (и, в частности, на **-lor*), и такими, в которых (как и в индо-иранско-греческом) медиопассив имеет формы на **(H)o(i), *-to(i)*.

Совпадение по форме и функции анатолийских, индо-иранских и греческих форм столь далеко идет, что образование медиопассива **kēi-to* (откуда далее **kēi-to-r-i, *kēi-to-i*) приходится отнести ко времени формирования изоглосс, связывавших названные диалекты. Наличие в ведийском реликтовой формы *asayat* показывает, что сохранились следы более древнего типа (ср. ср.-хет. *ki-i-ya*, KUB XXXVI 109 I 11), предшествующего образованию медиальных форм на **-to* (Watkins 1969, с. 85, § 68; Wackernagel 1953, I, с. 498—502), но этим не снимается несомненная диалектная древность приведенных форм.

Внутри хеттского аналогичные следы более древних форм, предшествовавших появлению медиопассива на **-to*, можно выявить при исследовании таких этимологически связанных пар, как *ar-* 'достигать', 'быть принесенным' (спряжение на *-hi*), *ar-* 'вставать, быть установленным, быть принесенным'. Формально хеттские медиопассивные формы второго глагола типа 3 л. ед. ч.

наст. вр. *arta* (при дублете *artari*) можно отождествлять с греческо-арийским медиальным аористом: греч. ἄρτο, вед. *ārta* (ср. Елизаренкова 1960, с. 88; Иванов 1965, с. 95, 96, 128, 129; Oettinger 1979, с. 523—524). Древний тип образования сохранился в хеттском в глаголе на *-hi* (депонентном, по Куриловичу), тогда как более поздний тип медиопассива 3 л. ед. ч. наст. вр. на **-to* от того же корня объединяет хеттский с греческо-арийским.

Противопоставление актива глагола его медиопассиву по двум сериям форм, прослеживающееся в целом ряде хеттских глаголов (ср. подробнее об этой поляризации и ее параллелях в других языках, в том числе славянских, Иванов 1965, с. 124—134), позволяет восстановить историю глагола **ēs-* 'сидеть, садиться', который в древнехеттском еще сохраняет формы без *-t-* в 3 л. ед. ч. (Watkins 1969, с. 86; статив по Oettinger 1976, с. 124; 1979, с. 514), хотя не позднее чем в среднехеттском (Маддуватас, ср. к датировке текста Otten 1969)²³ засвидетельствованы формы 3 л. ед. ч. типа *eštari* (наст. вр.), *eštat* (пр. вр.), по своему типу совпадающие с греч. гом. ἔστην, др.-инд. *āste*, авест. *āste*. Тип образования медиопассива на *-t-* в хеттском согласуется с тем, что и в активе этот глагол спрягается по типу на *-mi* (как атематический, тогда как след спряжения на *-hi* в древнехеттском — вопреки реконструкции, предложенной Oettinger 1979, с. 431 — сохраняется только у производного редуцированного глагола *ašešhe*, 1 л., ВоТУ 10 γ 23, основа которого *ašeš-* может соответствовать ст.-лит. *sėsti* < **sesti*, диал. латыш. *sęst*, Иванов 1965, с. 96). В древнеиндийском ведийском и в гомеровском греческом известны только медиальные формы глагола на **-to*.

Хотя во всех приведенных случаях несомненно, что в древнейший период истории общеиндоевропейского праязыка формы с медиальным значением должны были образовываться по типу второй серии без **-t-* в 3 л. ед. ч., тем не менее очевидно, что характер целого ряда конкретных медиопассивных форм на **-to* в 3 л. ед. ч. объединяет греческо-арийский с анатолийским. При этом в арийском сохраняются и архаические медиальные формы с первичным окончанием *-e* < **-ai* типа вед. *duhé*, *śáye*, *cakré*, *vidé*, *dadhé* (авест. *dai δ-e*), Wackernagel 1953, I, с. 429—433, 498—502; Burrow 1957; Barrou 1976, с. 291; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 208; Leumann 1952, с. 7—14; Birwé 1956, с. 10, 42; Whitney 1962, с. 233, § 613, с. 249, § 669, с. 251, § 685, с. 261, § 719, с. 377, § 1007с; Watkins 1969, с. 88—90, §§ 71—72. До настоящего времени наличие в ведийском двух типов медиопассива на *-e* и на *-te(-ta)* исследовалось преимущественно с целью доказать вторичность последнего типа. Но особенно существенным представляется другое: противопоставление двух этих видов медиопассива подтверждает наличие в индо-иранском тех же двух серий глаголь-

²³ Эта датировка текста еще не могла быть учтена Уоткинсом, поэтому его определение формы как «позднехеттской» неверно. В соответствующих параграфах своей книги Уоткинс явно преувеличил возможности параллельного образования совпадающих форм в родственных языках.

ных форм, которые на основании аналогичного противопоставления реконструируются для кельто-оскско-умбрского, с одной стороны, анатолийского — с другой. Следовательно, возникновение оппозиции форм 3 л. ед. ч. на **-to* и **-o* в медиопассиве отодвигается к периоду общности большинства индоевропейских диалектов. Поскольку формы на **-to* бесспорно возникают позднее, чем формы на **-o*, то диалекты (латинский, тохарский, греческий, фригийский), в которых представлены только формы на **-to*, в доисторический период тоже должны были характеризоваться этой оппозицией. Таким образом, оказывается возможным реконструировать противопоставление форм на **-o* и на **-to* для подавляющего большинства индоевропейских диалектов. Тем самым для них с надежностью восстанавливается и наличие двух серий глагольных форм в относительно поздний период развития этих диалектов.

§ 8. Соотношение форм второй серии с тематическим типом в индоевропейском, балтийском и славянском

Наиболее существенные выводы, сделанные в работах последнего времени по истории форм медиопассива в индоевропейском (ср. Neu 1968; 1976; Cowgill 1972; 1975a; Oettinger 1976; 1979, с. 520—521; Rix 1976) касаются функции и качества тематического гласного в этих формах. Предполагается, что основное противопоставление между медиопассивом и формами серии на **-H₂e* (> хет. *-he* > *-hi*), когда она (еще в общеиндоевропейском или в достаточно обширной группе диалектов) обособилась от медиопассива, было различие **-e* в этой серии и **-o* в медиопассиве (ср. Jasanoff 1977, с. 163, 167; 1980). Для медиопассива характерно и последующее построение форм, включающих гласный **-o*. Эти выводы позволяют уточнить и некоторые существенные аспекты истории анатолийского спряжения. По-видимому, формы типа лув. 3 л. ед. ч. пр. вр. *-ta* < **-to*, 3 л. мн. ч. *-nta* могут быть соотнесены с архаическим медиопассивом так же, как и хет. *-ta* в формах типа *lukta* 'рассвело' (ср. Oettinger 1979, с. 273, 561; Eichner 1975, с. 80 с другой интерпретацией форм). В этом случае вся парадигма лувийского прошедшего времени оказывается так или иначе связанной со второй серией.

Поскольку формы типа **-t-o*, **-r-o* в настоящее время признаются новообразованиями, получившимися при распространении **-o* в медиальном значении (ср. Jasanoff 1977), возникают и новые возможности интерпретации соотношения форм второй серии на **-H₂e*/**-H₂e* (мед. **-Ho*) и тематических на **-oH*. Если формы типа **-H₂e/o* были построены по типу медиальных с тематическим *-e/o* после приметы первого порядка (**-t-* и т. п.), то тогда формы тематического спряжения могут представлять собой архаизм, отражающий период до подобного расширения.

Для выяснения проблемы происхождения тематических форм на **-ō* хеттские глаголы типа *šipantahhi*: греч. *σπέδο*; хет. *dahhi*:

лат. *dō* могут иметь решающее значение, т. к. они показывают, что древние глаголы с показателем *-H- после тематического гласного *-o- после падения ларингальных могли непосредственно дать *-ō (ср. Иванов 1963, с. 170; 1965, с. 83, 101; 1968, с. 229, примеч. 15; Watkins 1969, см. возражения Szemerényi 1970, с. 308; Jasanoff 1977, с. 168; Haudry 1979, с. 77). Тематический тип спряжения лат. *dō* более архаичен (ср. Pedersen 1938, с. 82), чем хеттское спряжение на *-hi* (*dahhi*) в том отношении, что в нем за окончанием второй серии *-H не следует флексий *-o-i. Поэтому лат. *dō* (1 л. ед. ч. наст. вр.) может быть непосредственно отождествлено с гат. авест. *dā(-ne)* (1 л. аор. кон. мед.; Y. 44, 9), пер. лув. *tā-ha* (Meriggi 1966, I, с. 95; Мериджи 1980; Oettinger 1979), 1 л. ед. ч. пр. вр., ср. лат. *stō*, гат. авест. *xstā* (Watkins 1969, с. 109, § 95, с. 134, § 119, с. 158—159, § 145—146).

При предположении, по которому о.-слав. $*-Q < *-oN$ восходит не непосредственно к вторичному окончанию $*-oN^{21}$, а к сочетанию тематического окончания $*-ō$ с $-N$ (из вторичного окончания первой серии), присоединение «вторичного» окончания инъюнктива $-N (< -m)$ к тематическому $*-ō (< *oH_2)$ в славянском оказывается характерным для промежуточного этапа развития архаических глагольных форм. Если на первом этапе, достижимом с помощью сравнительно-исторической реконструкции, формы второй серии характеризуются своими первоначальными окончаниями (ряда $*-H_2o$), а на последнем во многих языках (в том числе в старолитовском, см. Stang 1962) вытесняются формами первой серии (ср. позднее распространение атематического типа в 1 л. ед. ч. во многих славянских языках, Мейе 1951, с. 250—251, § 338), то на промежуточном этапе происходит контаминация этих окончаний. «С точки зрения эволюции флексий между 1 л. ед. ч. мед. атематических глаголов типа хет. *paḥḥas-ḥa*, гр. *ῥῶρα* и 1 л. действ. зал. атематических глаголов типа тох. А *pās-am*, *ars-am* существовал промежуточный этап, где 1 л. было тематическим (при древнем окончании среднего залога $*-ō < *o_2o$): ст.-слав. *pas-ḡ* ($*-ō + *m$)», Vader 1978, с. 39, примеч. 62 (более вероятно, однако, не $ō < *oH_2o$, а $ō < *oH$). Этот тип можно было бы сравнить с типом образования претерита хеттских глаголов на *-hi*: *teḥḥun*, *dahḥun*, *šipandahḥun*, где *-n*, с *-n*-, восходящим к $*-N < *-m$, присоединяется к ларингальному показателю (ср. присоединение первичного *-mi* к $-ō < -oH$ в др.-инд. *bharā-mi* и т. д.). Сходное присоединение вторичных показателей к древней

²¹ Гипотеза Шмальштига (Schmalstieg 1974, с. 148, 152; 1980), представляющаяся вполне вероятной с функциональной точки зрения, но наталкивающаяся на серьезные трудности фонетического порядка: развитие и.-е. $*-oN$ (если не ступени растяжения $*-ōN$) $> -ō$ представлено в лит. *akmiū* (Schmalstieg 1974, с. 148), но не в соответствующем ему слав. *kamy* (ст.-слав. *камы*, ср. Mažulis 1970, с. 73), которое с этой точки зрения уже разбиралось в связи с данным окончанием Стангом (Stang 1942, с. 214, примеч. 1; обзор других точек зрения на происхождение слав. *-ḡ* см. Кузнецов 1961, с. 89 и след.).

основе второй серии характерно и для ведийских форм типа $\acute{a}-d\bar{a}-t$ (аорист), ср. вед. (аномальное) наст. вр. $d\bar{a}-ti$.

За последние годы существенно продвинулось и исследование проблемы соотношения второй серии в целом (а не только медиопассива, некогда от нее отщепившегося) с тематическим типом форм. По-видимому, для этого типа наиболее ранняя система флексий представлена рядом: 1 л. ед. ч. $*-oH_2$ (Jasanoff 1977, с. 168; Haudry 1979, с. 77; ср. Иванов 1963; 1965), 2 л. ед. ч. $*-eHi > *-ei$ (Bader 1976; Haudry 1979, с. 77; Kortland 1979, с. 37, § 8; 1979a; Schmalstieg 1980, с. 103), 3 л. ед. ч. $-(H)e(o)(i)$. Окончания 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч. легко соотносятся с типичными окончаниями второй серии: 1 л. ед. ч. $-H_2e$ и 3 л. ед. ч. $-(H)e(i)$ (соответственно мед. 1 л. $-H_2o$ и 3 л. $-(H_2)o(i)$). Форма 2 л. ед. ч. представляет существенный интерес как архаическое свидетельство ранних различий между второй серией (с показателем $*-t-H_2e$, мед. $*-t-H_2o$) и тематическим типом, однако не исключено, что разгадку следует искать в соотношении $*-t$ с местоименной основой (ср. $-m-$ в 1 л. ед. ч.). Эти результаты новых исследований показывают, что весьма архаической является балтийская глагольная парадигма. Еще более 20 лет назад В. Н. Топоров правильно реконструировал основные соотношения в прабалтийской тематической парадигме, окончания которой были им восстановлены в виде $*-\bar{o}$ (1 л.): $*-\bar{e}i$ (2 л., вслед за Я. Эндзелином): $*-\bar{o}$ (окончание, интерпретировавшееся В. Н. Топоровым как нулевая флексия по отношению к тематической основе на $*-\bar{o}$). При этом В. Н. Топоров указал на наличие индоевропейских соответствий каждому из этих окончаний, в частности, на аналогичное окончание 3 л. ед. ч. в хеттском в медиопассиве. Им было отмечено и особое центральное положение 3 л. в балтийской глагольной парадигме, чему находятся существенные типологические параллели (Топоров 1961, с. 63; 1962; 1966, с. 124). Этой реконструкции позднее следовал Уоткинс.

Отличие состоит лишь в признании древности окончаний 2 л. $-ai$ из $*-o(i)$, ср. ст.-лит. 2 л. ед. ч. $mekstai-s(i)$: Станг, на которого в данном случае ссылается Уоткинс, полагал, что «форма окончания $-ai$ может со своей стороны входить к $*-ei$, потому что вокализм $a-$ был обобщен в тематической флексии, ср. лит. $\dot{s}i\dot{k}a$, $\dot{s}i\dot{k}ate$ при греч. $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\epsilon$ » (Stang 1966, с. 407). Исходя из распространения вокализма на всю парадигму, Уоткинс (в согласии с идеями В. Н. Топорова) признает форму 3 л. на $-a$ центральной для всей парадигмы. Но он ее считает не формой с нулевым окончанием, а выделяет в ней окончание $*-o$, родственное $*-a$ (из $*-o$) в хеттских медиальных формах типа $neu-a$ и в греческих сложениях типа $\phi\upsilon\gamma\omicron-\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\rho\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\omicron-\Gamma\epsilon\pi\acute{\eta}\varsigma$.

Дальнейшее продолжение эти идеи находят в последних работах Ф. Бадера, которая показала, что в 3 л. ед. ч. «единственным общеиндоевропейским окончанием является окончание второй серии $*-e/o$, единственное окончание 3 л. презенса в двух тохарских диалектах, окончание спряжения на $-hi$ в хеттском, оконча-

ние тематического спряжения во всех других языках, иногда в виде чистой основы: лит. *vėda*, др.-ирл. *beir*» (Bader 1976, с. 38, ср. с. 33, 34, 57, 58). Другим существенным выводом оказалось доказательство вторичного характера деиктического элемента *-i* (под влиянием императива) в окончании 2 л. $*-ei < *-e + -i$ ²⁵. Особый интерес представляет детальный анализ хеттских тематических глагольных форм, восходящих к типу окончаний 3 л. ед. ч., который, как и в тохарском (тох. В *ste*, 3 л. ед. ч. глагола-связки, где $-e < *-o$ и т. п.), полностью тождествен балтийскому тематическому типу (Bader 1975).

Эти открытия позволяют возвести балтийскую тематическую парадигму к серии окончаний $*-o-H$, $*-e(-i)$, $*-o$ (с вероятным ранним прабалтийским выравниванием вокализма: $*-o-H$, $*-o-i$, $*-o$). Основной инновацией, объединяющей балтийский с такими индоевропейскими диалектами, как славянский, греческий и кельтский, в отличие от анатолийского и тохарского, является форма 2 л., где не отражено окончание $*-t(H)o$, вместо которого выступает $*-o-i$. Архаизм формы 3 л., напротив, выделяет балтийский среди других диалектов как сохраняющий исключительно древний пережиток раннего состояния, сопоставимый с ситуацией в пратохарском и праанатолийском.

Представляется весьма важным то, что балтийский, как и славянский, сохраняет некоторые архаизмы в тематических формах, восходящих ко второй серии, при почти полном отсутствии каких бы то ни было следов медиопассива. В свете данных балтийского и славянского тезис о том, что медиопассив обязательно отщепился от первой серии в общеиндоевропейском, на чем настаивают сейчас многие исследователи (Cowgill 1975a; 1979; Eichner 1975; Risch 1975; Jasanoff 1977; 1979; 1980), нуждается в более четкой ареальной спецификации.

§ 9. Проблема диалектного преобразования двух серий при становлении новых видо-временных систем

По мере развития новых видо-временных систем, включающих аорист, имперфект и перфект, в отдельных диалектных группах осуществлялась перестройка древних соотношений, но при этом первоначальное различие двух серий отражалось в преобразованном виде.

Для греческо-армяно-арийской диалектной группы оказывается возможным выявить четкое отражение того же противопоставления двух серий глагольных форм. Противопоставление конкретных глаголов, образующих формы двух этих серий в анатолийском, непосредственно можно сравнить с противопоставлением длительных и аористических корней в греческо-армяно-

²⁵ Bader 1976, с. 65—74. Неудачной представляется недавняя попытка Маттиассена (Matthiassen 1975) возвести окончание к $*-a + i$, где $*-a < *-atH$. Иначе Hilmarsson 1978.

арийской диалектной группе. В этой группе те глаголы, которые в анатолийских языках принадлежат к спряжению на *-mi*, относятся к числу длительных, присоединяющих «первичные» окончания настоящего времени непосредственно к глагольной основе: хет. *uek-mi* 'требую, прошу' (см. выше, § 2), др.-инд. *vas-mi*, авест. *vas^o-mi*; хет. *šeš-zi* 'он спит', др.-инд. *sas-ti*. Глаголы же, в хеттском принадлежащие к спряжению на *-hi*, в греческо-армяно-арийской диалектной группе относятся к числу «аористических» корней, к которым непосредственно первичные окончания (типа *-mi*) не присоединяются (Иванов 1957, 1960, 1961a, 1965 Cowgill 1975, с. 567—568; 1979, с. 38).

При присоединении же к этим корням вторичных окончаний (и аргумента) образуется корневой аорист: вед. 3 л. дв. ч. аор. *ā-ni-tam* (Елизаренкова 1960, с. 65, 71) от корня *nī-* 'вести' при хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *neh^hhi* 'отправляю', вед. 3 л. ед. ч. мед. аор. *ārta*, греч. гом. *ἄρτο*, хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *ar^hi*, мед. 3 л. ед. ч. *arta(ri)*. Первичные окончания настоящего времени у таких глаголов в греческо-арийской группе присоединяются к редуцированной основе, которой в хеттском может соответствовать редуцированная основа с длительным значением (Van Brock 1964, с. 148; ср. Баюн 1979; 1980; Иванов 1980г). В ведийском такие «глагольные корни, для которых редуцированная основа является единственной основой презенса, в самом лексическом значении выражали, видимо, действие недлительного однократного характера» (Елизаренкова 1961, с. 144): вед. 3 л. ед. ч. наст. вр. мед. *mīmite* 'он отмеривает' от корня *mā-* 'мерить' (хет. *mai-* 'расти, созревать', спряжение на *-hi*, ср. отражение древнего значения в архаическом производном *mehur* 'время'), ср. также итеративно-интенсивные редуцированные формы типа 3 л. ед. ч. наст. вр. *i^yar-ti* от *ar-*; хет. *ar^hi*. Сравнение этих редуцированных форм с удвоением в хеттском позволяет прийти к выводу, что первоначально редупликация была средством выражения подобного длительного или итеративного значения, прямо никак не связанного с перфектом (Van Brock 1964, с. 148—153)²⁶ и со второй серией форм. От основ, образовавших формы по второй серии и характеризовавшихся значением недлительности, для выражения длительности регулярно использовались редуцированные основы, противопоставленные нередуцированным недлительным (о параллелях в анатолийском ср. Баюн 1979; 1980; Иванов 1980). Позднее (при формировании в греческо-арийской диалектной группе противопоставления перфекта, аориста и презенса) из этих основ развились редуцированные формы перфекта (с результативным значением). Согласно излагаемой точке зрения, в греческо-арийской диалектной группе образовалось, с одной стороны, противопоставление корневого аориста и

²⁶ Наличие противопоставления перфекта и аориста только в этой группе отмечалось и ранее, но иногда объяснялось как сохранение архаизма, см. Vigwé 1956, с. 26. Однако эта точка зрения опровергается сравнением с анатолийскими языками.

перфекта ²⁷, соответствующих (первый — по конкретному набору основ, его образующих, второй — по окончаниям) второй серии форм, с другой стороны, различие редупликации в презенсе и в перфекте. Следовательно, греческо-арийский перфект в тот период, когда он потерял связь с аористическими корнями и стал характеризоваться редупликацией, является инновацией этой группы (архаизмом являются *perfecta tantum*, см. Перельмутер 1977 с библиографией).

В свете выявляемых при сравнении анатолийской редупликации с греческо-арийской соотношений между глаголами второй серии и удвоением особый интерес представляют факты западной («древнеевропейской») группы индоевропейских диалектов. В этих диалектах глаголы, принадлежащие в хеттском к спряжению на *-hi*, образуют (при определенной морфологической структуре корня) редуплицированные формы претерита (в кельтском и германском) и перфекта (в латинском): хет. *šakhi* 'я знаю', др.-ирл. претерит *siacht* (удвоение **sesag-/*sisag-*, Watkins 1962, с. 167; см. там же о регулярности такого типа претерита от корней типа *TanT-* или *Tan-* в западных индоевропейских языках; к структуре корней, образующих в этих языках претерит с удвоением, ср. Мейе 1952, с. 100—101); хет. *gang(a)hhi* 'я вишу', гот. *hāhan*, претерит по VII классу (*haihān*, *haihāhum*); хет. *š(i)pantahhī* 'приношу жертву, совершаю обряд'; лат. *spondā*, ст.-лат. *spondā* при соответствующем тематическом настоящем времени в греч. *σπέω*; хет. *tehhi*; ст.-лат. *fhefhaked*; хет. *dahhi*: лат. *dedi* (при *dō*, см. Иванов 1965, с. 100).

В греческо-армяно-арийской диалектной группе обособлению перфекта как архаического продолжения (с указанными инновациями) второй серии форм способствовало возникновение другого способа выражения прошедшего времени — имперфекта, образуемого из аугмента посредством вторичных окончаний первой серии. В этой же диалектной группе вторичными окончаниями (в сочетании с аугментом) характеризуется и аорист, но, согласно проведенной выше гипотезе, корневой аорист восходит к древним глагольным основам, ранее принимавшим окончания второй серии.

В случае, если Казлаускас (и еще ранее Ульянов 1891—1895, по ср. возражения: Фортунатов 1897) был прав, непосредственно возводя литовские диалектные аукштайтские формы типа 3 л. пр. вр. *dé*, *stó*, *sė* (ср. Zinkevičius 1966, с. 353, § 648) к праформам, общим с др.-инд. *(a-)dhāt*, *(a-)sthāt* и т. п. (Казлаускас 1962; Kazlauskas 1968, с. 340—347, но ср. возражения: Zinkevičius 1966; Girdenis — Žulys 1972, с. 200, при сочувственном обсуждении точки зрения Казлаускаса: Schmalstieg 1974, с. 155 и след.), в этих фактах литовских диалектов (и сходных с ними латыш. *gā*,

²⁷ Греческо-арийскую обязательную редупликацию в перфекте как инновацию, свойственную только данной диалектной группе, для которой общей инновацией является и грамматикализация аугмента в аористе, предложил рассматривать еще Пизани (Pisani 1956, с. 161).

bi, Endzelins 1951, с. 875, 977, 882, § 683а, в, § 686; Rudzite 1964, с. 137) можно было бы видеть сохранение архаизма того периода, который по существу предшествует периоду формирования системы аориста и имперфекта в арийско-греческом. Поскольку нет других надежных оснований для того, чтобы реконструировать в прабалтийском формы противопоставленного друг другу аориста и имперфекта, признание древности форм типа лит. *dė*, латыш. *gā* не должно было бы вести к реконструкции балтийского аориста или имперфекта (ср. Ульянов 1891, с. 86; Bezzenberger 1907; Specht 1928, с. 170; Fraenkel 1950а, § 59).

Напротив, в этих балтийских диалектных формах, при допущении их древности, что необязательно (ср. Endzelins 1951, с. 877), можно было бы видеть след того времени, когда формы второй серии в значительной группе индоевропейских диалектов были использованы в функции прошедшего времени. Для этого не всегда к ним присоединялись вторичные окончания первой серии (ср. другой путь переосмысления самих форм второй серии в плане прошедшего времени в лувийско-ликийской подгруппе анатолийских языков, в тохарском и др.). Если бы были другие основания для восстановления в балтийском вторичного **-t* во временной функции, то его можно было бы предположить и в данных формах. Однако по существу единственным аргументом является наличие первичного окончания 3 л. ед. ч. наст. вр. ст. лит. *-ti*, латыш. *-iet*, прус. *-t(i)* (реконструкция вторичного **-t* в формах предполагаемого Стангом инъюнктива типа прус. *quoi*, Stang 1942, с. 230, не необходима, см. § 6). При наличии первичного окончания **-ti*, вторичное **-t* вероятно, но из этого не следует необходимость их временного противопоставления. Поэтому прабалтийские отношения нельзя отождествить с индо-иранскими периода существования инъюнктива.

Исходный пункт развития для имперфекта и аориста можно видеть в индо-иранских формах инъюнктива с вторичными окончаниями первой серии (см. § 6), противопоставленного перфекту и еще не имеющего временного значения, ср. к оппозиции инъюнктива и перфекта («примитивных» и перфектных форм по Швицеру) Lehmann 1963, с. 164, Елизаренкова 1960, с. 131. Дальнейшие новообразования характеризуют процесс разложения древней глагольной системы, при котором менялось и постепенно стиралось противопоставление двух серий глагольных форм. Особенно существенным в этот период было формирование временных противопоставлений, которые отразили более древние вневременные.

В лувийско-ликийской группе анатолийских языков (в клинописном и иероглифическом лувийском и в ликийском) показатель второй серии глагольных форм (1 л. ед. ч. лув. *-ḫa*, иер. лув. *-ha*, лик. *-ḫa*) служит для образования форм прошедшего времени, см. § 7. Сходным образом для образования претерита в обоих тохарских языках используются морфемы, которые можно вывести из второй серии индоевропейских глагольных форм. Особый интерес представляет окончание 1 л. ед. ч. *-ā* в тохарском А, ко-

торое в точности соответствует лувийскому окончанию претерита на *-ha* и греческому окончанию перфекта *-a* по фонетическому закону, согласно которому тох. $\bar{a} < *Ho > \bar{a}$ в «европейских» языках (тох. А *ārki-* ‘белый’, греч. *ἀργι-* ‘бело-ослепительный’, хет. *harki-* ‘белый’, Иванов 1959, с. 14; 1965, с. 13; 1968, с. 229). Наличие подобных тохарско-лувийских изоглосс не только представляет большой интерес для исследования истории индоевропейского глагола, но и позволяет по-новому осветить некоторые проблемы развития балтийской морфологии.

Основообразующий элемент $\bar{a}$ - ($< *-\bar{a} < \text{и.е. } *oH$ -), составляющий основную характеристику тохарского претерита во всех лицах, отождествляется с $\bar{a}$ - в балтийском прошедшем времени (Иванов 1965, с. 120—121, Watkins 1969, с. 192, § 183). В этом плане новый смысл приобретает сопоставление балтийских основ на $\bar{a}$ - с аналогичным показателем в славянском имперфекте (при аналогичных соотношениях между балтийскими формами прошедшего времени на $\bar{e}$ - и славянским имперфектом на $\bar{e}$, см. детально Vaillant 1939; 1966, III; Топоров 1961, с. 51; 56—59; Иванов — Топоров 1958; Leumann 1959; Kǎlln 1969, с. 43 и след.; Pohl 1975; см. более раннюю литературу: Кузнецов 1961, с. 110—126). Претерит или функционально близкое наклонение на долгий гласный ($\bar{a}$ - и $\bar{e}$ -) оказывается характерным для балтийского и славянского и значительной группы других (западных или древнеевропейских) индоевропейских диалектов за пределами арийско-армяно-греческой диалектной области. В особенности показательны итальянские факты. В итальянском можно обнаружить следы древнего претерита на $\bar{a}$ - (Safarewicz 1953; Pohl 1977, с. 30—50). В западноевропейском, как и в тохарском, формы на долгий гласный служат и для образования сослагательного наклонения (Иванов 1965, с. 120—124). Развитие в таких западных индоевропейских языках, как германские (Polomé 1964, с. 870—880) и кельтские (Schmidt 1964, с. 134—143, ср. Meid 1963; Watkins 1962; 1969), где архаические формы претерита образовались из второй серии индоевропейских глагольных форм, представляется сходным с историей прошедших времен в тохарском.

Анализ тохарских форм претерита и сослагательного наклонения на $\bar{a}$ в сравнении с родственными формами в балтийском, славянском, германском, итальянском и кельтском привел Дж. С. Лэйна к выводу, что «уже в индоевропейском существовало образование на $\bar{a}$, которое в сочетании с первичными окончаниями дает настоящее время, а с вторичными окончаниями — претерит» (Lane 1959, с. 172, ср. Иванов 1959, с. 32). Этот вывод следует модифицировать. Присоединение первичных или вторичных окончаний (первой серии глагольных форм) к основам на $*-oH > \bar{a}$ -, первоначально принадлежавших ко второй серии глагольных форм, было новообразованием позднейшего времени (ср. позднейший переход глаголов на $-ahh-$ $< *oH-$ в тип спряжения на $-mi$ в хеттском). Как архаизм можно рассматривать и сохранение связи между отыменными глаголами на $*-\bar{a} < *oH-$ (хет. $-ahh-$)

и соответствующими формами сослагательного наклонения в германском (II класс слабых глаголов, ср. Lane 1959, с. 171) и в кельтском (ср. Watkins 1962, с. 5, с другим истолкованием). Древним суффиксом в них было только *-H-, присоединявшееся к тематической основе. Сходным образом представляется возможным объяснить и то, что в итальянском и кельтском формы сослагательного наклонения на -ā-, сопоставимые с балтийским и славянским претеритом на -ā- (Trubetzkoy 1926; Benveniste 1951), характерны именно для тематических глаголов. В этих формах можно видеть след ларингального показателя второй серии индоевропейских глагольных форм, присоединявшегося к тематической основе. Многократно высказывавшееся предположение о том, что претерит на долгий гласный, реконструируемый для балтийского, славянского, итальянского, кельтского, тохарского (и возможно раннебалканского), не является исходной общеиндоевропейской формой, соответствует этой общей картине. В таком случае этот претерит (и соответствующие ему модальные формы) можно считать специфическим для данной группы диалектов результатом развития второй серии индоевропейских глагольных форм, что имеет существенное значение для исследования диалектного членения индоевропейской языковой области.

Ситуация, сходная с западными (или «древнеевропейскими»), включая балтийский и славянский) индоевропейскими диалектами и с тохарским, имела место и в лувийско-ликийской подгруппе анатолийских языков (см. § 7). В этой подгруппе некоторые формы второй серии были использованы для образования претерита к любому глаголу (независимо от того, был ли он глаголом первой или второй серии), в то время как в хеттском были образованы две разные парадигмы претерита (в единственном числе) в зависимости от того, к какой серии первоначально принадлежал глагол. Типологически позднейшее развитие претерита в хеттском можно было бы сопоставить с историей глагольных форм в литовском, где выбор претерита на -ā- или на -ē- зависит от дополнительных факторов: переходности—непереходности глагола (ср. объяснение как депонентного спряжения на -hi у Kuryłowicz 1964; 1977; 1979).

§ 10. Отношение сигматических глагольных форм ко второй серии

Еще в классической индоевропеистике было выдвинуто предположение, по которому сигматический аорист и другие сигматические (первоначально словообразовательные, но становящиеся в отдельных диалектах словоизменительными) глагольные формы (будущего времени, дезидератива) связаны с основами настоящего времени на *-s- и должны быть датированы относительно более поздним временем (Meillet 1908; Brugmann 1911—1916, II, с. 336—337, 390). Во многих работах последнего времени эта точка зрения была развита на основе данных тохарских и анатолийских

языков, где при отсутствии сигматического аориста представлен ряд форм, позволяющих выяснить предысторию этого образования. В свете данных этих языков особое значение приобрели и древнеиндийские формы прекатива, позволившие выявить последовательные этапы грамматикализации *-s- и доказать вторичность сигматического аориста (Burrow 1954; 1957; Барроу 1976, с. 316; Lane 1949, с. 339; Иванов 1957, с. 21—23; 1959, с. 30; 1965, с. 139—174; Топоров 1961, с. 52—54, 69; Иванов — Топоров 1960, с. 115; Watkins 1962; 1969; Kuryłowicz 1964, с. 104, 110 и след.). Родство анатолийских словообразовательных сигматических форм с аористическими или им соответствующими формами в других языках доказывается значительным числом убедительных соответствий типа хет. *tekkauššai-* 'указать, показать, проявить', др.-инд. *adikṣi*, греч. *ἔδειξα*, лат. *dixi*. На основе анализа этих форм был сделан вывод о связи глаголов на -s-, как и отдельных сигматических глагольных форм в хеттском, со второй серией индоевропейских глагольных форм, что подтверждено и многочисленными медиальными соответствиями в других индоевропейских языках (Иванов 1961; 1965, с. 139 и след., 173—174). Этот вывод был принят в последующих исследованиях, посвященных истории сигматических форм индоевропейского глагола (Watkins 1962, с. 97; 1969; Bader 1978). В настоящее время обнаружены существенные новые данные, касающиеся древнехеттского языка, имеющие важное значение для подтверждения этой точки зрения.

В наиболее архаических древнехеттских текстах, связанных с литературой города Несы, регулярно противопоставляются формы 3 л. ед. ч. пр. вр. на -t (спряжение на -*ti*, см. соответствующие примеры в § 2 настоящей главы) и на -s (спряжение на -*hi*): *a-ra-iš* 'поднялся' (надпись Анитты, 12); *a-ar-ša* (Повесть о Цальье А Rs. 7; фонет. [ars], Neu 1974, с. 91, прим. 182) соответствует греч. аор. ἄρσεν при тох. В *ersam*, А *ars-am* (сигматическая основа настоящего времени, Bader 1978, с. 38, § 5); *ú-da-aš* 'доставил' (надпись Анитты, 75, древний приставочный глагол с префиксом *u-*, ср. *pedaš* от той же основы); *da-a-li-iš* 'оставил'; *i-ya-an-ni-eš* 'шел' от архаического глагола с носовым элементом *iyannai-* (спряжение на -*hi*, др.-хет. *iyannaḥḥe*, Otten — Souček 1969, с. 114, родственно лит. *einù*, латыш. диал. *īnu* < *ienu, лат. *īnunt* в *prodūnunt*, *obīnunt*, ср. Endzelīns 1951, с. 722, § 601-b, ср. тох. В *uṇeto* 'мы идем', *yanet*, Krause 1952, с. 61, § 63, 1; Иванов 1965, с. 179, 180), *pi-iš* (от *pai-* 'давать'), ср. Neu 1974, с. 89—92. В древнейших текстах другие формы 3 л. ед. ч. пр. вр. спряжения на -*hi* практически отсутствуют. Поэтому исследование архаических глагольных форм подтверждает вывод, согласно которому -s включается в глагольную парадигму сначала в глаголах второй серии. Это согласуется и со структурой хеттских парадигм типа *daḥḥun* (1 л. ед. ч. пр. вр.), *daš*, *daš* (с обобщением формы 3 л. на 2 л. вместо более древнего *datta*, ср. Bader 1978, с. 34). Сложное окончание -*šta* (3 л. ед. ч.) является результатом

позднейшего развития. Принятие предположения о родстве хеттских форм с окончаниями типа *datta* (2 л. ед. ч. пр. вр.), *daš* (2—3 л. ед. ч.), *dašta* (3 л. ед. ч.) и прус. *dāst*, ст.-лит. *dūosti*, о.-слав. *dastъ* (Топоров 1961, с. 69; Иванов 1965, с. 82) вело бы к допущению о том, что в балтийском и славянском можно видеть след периода частичного распространения сигматических форм, предшествующего возникновению в дальнейшем сигматического аориста. Допущение, согласно которому *-š* в архаических формах 3 л. ед. ч. пр. вр. спряжения на *-hi* сопоставимо с загадочным *-š* в авестийских формах типа гат. 3 л. мн. ч. перф. *cikōitarəš* (Y. 32.11) и с одной из возможных праформ др.-инд. *-uh* < **-rš* (если не просто **-r*) (Cowgill 1979: 27, § 13), означало бы, что при формировании позднейшей парадигмы множественного числа в индо-иранском древнее **-s* было обобщено и перенесено с ед. ч. на мн. ч.

В тот период, когда разрушалось противопоставление двух серий индоевропейских глагольных форм, сменявшееся более поздними противопоставлениями двух времен (настоящего и прошедшего), сигматические формы, включавшиеся некогда в парадигмы глаголов второй серии, дали начало сигматическому аористу, тогда как корневые формы были переосмыслены как корневые аористы. В то время как дальнейшее развитие сигматических форм в славянском шло по этому пути, балтийские языки сохранили следы более древнего состояния в таких архаичных формах, как лит. *aišta*, соответствующее типу хет. *aušta*, мед. *auštāt*. Эти балтийские формы давно уже сопоставлялись с медиальным сигматическим аористом на **-s-to*, но сейчас их можно признать более архаичными, чем этот последний, так как *-s-* здесь сохраняет еще древнюю словообразовательную функцию и связь с непереходностью (ср. Агумаа 1957, с. 118 и след.), которая хотя бы отчасти (как и в претерите на *-ā-*) может быть связана с архаической семантикой второй серии глагольных форм (хотя для раннего периода можно говорить лишь о ее инактивности, но не о непереходности, ср. Перельмутер 1977). В славянском аналогичный период развития отражен в формах типа ст.-слав. *дастъ*, соответствующих хеттскому типу на *-šta* в спряжении на *-hi*, и находящихся соответствия в тохарском, венетском (Rosenkranz 1955, с. 129; Bader 1976a), латинском (Bader 1978). Если верен вывод Кёлльна о преимущественно «эффективном» (позднее соответственно переходном) значении славянских сигматических аористов (Kølln 1969), в них можно было бы видеть продолжение не этих архаических словоизменительных форм, включавшихся в парадигму глагола второй серии, а словообразовательного типа глаголов на *-s-*, косвенно отраженных и в интенсивных основах на *-s-* в славянском (Machek 1952; 1953; 1954; Иванов 1957, с. 23; 1965, с. 172). Характерно в этом смысле, что слав. *pasq* по Кёлльну входит в эту группу эффективных глаголов (Kølln 1969, с. 29); для него в то же время доказывается словообразовательная связь с глаголами на *-s-* в хеттском и тохарском (Иванов 1961; 1965, с. 172).

Распространение сигматического аориста в славянском было связано с формированием позднейших видовых соотношений, в известной мере сходных с греческими (Kølln 1969). В обоих языках распространение сигматического показателя на всю парадигму должно было быть связано с взаимодействием форм, где *-s* (как в тохарском и в лувийско-ликийской подгруппе анатолийских языков) было показателем основы глагола, и форм, где *-s* было морфемой определенных чисел в древней медиальной парадигме, ср. параллелизм иерогл. лув. *pipasai* 'много дает': др.-хет. *piš* 'он, дал'. Для балтийского по косвенным данным можно восстановить парадигму второй серии, включавшую и формы на *-s*, но допущение существования развитых сигматических аористических форм в общепольском не представляется возможным подтвердить фактическим материалом²⁸. Сопоставление славянских форм с балтийскими делает несомненным вывод, по которому исходное для обеих групп состояние предполагает отнесение сигматических глагольных форм ко 2-й серии глагольных форм, соответствующей медиопассиву в других языках.

§ 11. Возможная предыстория индоевропейских форм двух серий в свете ностратического внешнего сравнения и типологических данных

Как следует из ностратических реконструкций местоименных форм (§ 4, § 5), формы первой серии на **-mi*, **-si*, **-ti* в индоевропейском могли бы быть выведены из сочетаний с древними местоимениями. Но местоименную основу можно предположить и в одном из двух вариантов окончания 2 л. ед. ч. второй серии.

Согласно предложенной гипотезе, флексия **-tH₂e* > **-tH₂o* (> хет. *-tta*) должна была состоять из показателя второй серии *-H-*, присоединившегося к местоименному элементу **-t* того же происхождения, что и личное и притяжательное местоимение 2 л. ед. ч.

Для проверки этой внутренней реконструкции можно было бы привлечь сравнение индоевропейской формы **w(o)id-H-* 'знать' и семитского глагола **jd* 'знать' (Иванов 1979; 1980а):

Лицо	Староаккадский	Индоевропейский
1	<i>id-e</i>	<i>*woid-H₂e</i>
2	<i>t-id-e</i>	<i>*woid-t-H₂e</i>
3	<i>id-e</i>	<i>*woid-H₂e</i>

Возможность отождествления двух этих парадигм может быть прежде всего предложена на основании функциональных соот-

²⁸ Высказывавшееся и ранее предположение о синонимии славянского сигматического аориста и балтийского прошедшего времени на *-s* (Stang 1966, с. 388) было развито в недавнее время, причем на основании греческих параллелей высказывается предположение о древности этих соотношений (Степанов 1978, с. 354). Но остается еще доказать аористический характер соответствующих форм для балтийского, где никаких явных следов употребления *-s* в этой функции не обнаруживается.

ношений. В обоих сравниваемых языках парадигма уникальна. В семитском (в приведенной парадигме — в древнеаккадском) от *jd'* образуется только претерит, используемый как статив. Это вполне соответствует функции индоевропейской формы второй серии *woidH₂e в тех языках, где она сохраняется как перфекто-презенс или функционально сходные формы (латыш. *nevaid* < *nevaid, ст.-слав. кѣдѣ и т. п.). Возможность отождествления парадигм следует из идентичности окончаний. Во 2 л. наблюдается характерное различие в префиксации (первоначально местоименного) *t-* в семитском при его суффиксации (инфиксации перед *-H-* в позиции после корня) в индоевропейском ²⁹.

Отсутствие *w-* в семитском **jd'* при и.-е. **w(o)id-H-* можно сравнить с особенностями спряжения аккадских инактивных глаголов состояния типа *warāqum* 'зеленеть, быть зеленым' (при отсутствии *w-* в *irriq, īriq, itariq*) и с образованием перфекта без *w-* (с начальным *t-*) от глаголов типа *wabālum* 'нести' (*ittabal* 'он принес', *itbal* и т. п.), *wšī* 'выходить' (*ittāši* 'он вышел'). Иначе говоря, в формах со значением состояния или перфекта *w-* отсутствует (ср. и.-е. **w-* в типе лат. *uēscor*). Поэтому (при принятии обычного объяснения *o как рефлекса ступени редукции) индоевропейская и семитская парадигма тождественны.

Из предлагаемого сопоставления индоевропейских инактивных глаголов второй серии с семитскими стативами следует, что некоторые из морфологических элементов в индоевропейском выступавшие в качестве суффиксов, в других ностратических языках могли выступать как префиксы (что объясняется первоначально разницей в исходных синтаксических конструкциях, к которым восходят эти формы). Но в таком случае предполагаемая общекартвельская парадигма субъектных форм (противопоставленная объектным с 1 л. ед. ч. на *m-*) с 1 л. ед. ч. **xw-*, 2 л. ед. ч. **x-* (Климов 1977, с. 295; реконструкция никак не связывается с индоевропейской, ср. Иванов 1980а) воспроизводит соотношения, реконструируемые для второй серии индоевропейских глагольных форм, но на уровне префиксов, а не суффиксов (к **w-* в формах 1 л. ед. ч. ср. выше § 7; лув. *-wi*, лат. *-ui*, тох. В *-wā, -we*, алб. *-va* — в формах аориста типа *piva*, см. также выше о возможности возведения хет. *ḫḫ-u-n* к **-H-u-*).

Функционально противопоставление в картвельском имеет место между аффиксами субъектного ряда (сван. *xw-i-ked* 'я беру (то)', *x-i-ked* 'ты берешь (то)', ср. и.-е. **bher-o-H-*, **doH-w-* и т. п.) и аффиксами объектного ряда. Сопоставление с двумя индоевро-

²⁹ Многочисленные примеры подобного препозитивного использования одного и того же элемента, первоначально самостоятельного, в семитском при позиционном в индоевропейском см.: Иллич-Свитыч 1974, 1, с. 258, 259; 1976, 2, с. 45—48. Индоевропейское окончание *-l-* в анатолийском и балтийском волонтиative и родственных формах с суф. *-l-* типа тохарских герундивов находит соответствие в семитском префиксе волонтиative (аккад. *l-* в *lušpur* 'да напишу я'). Происхождение *l(u)* из отдельного слова вероятно в виду сочетаний типа аккад. *lū baltāta* 'да живешь ты долго' (ср. ниже, см. также о параллели в юкагирском, Иванов 1968).

пейскими сериями оказывается возможным при предположении, что второй ряд в картвельском (как и в индоевропейском) выводится из аффигированных местоименных основ, ср. о сопоставлении картв. **m-* и и.-е. *-m*, Иллич-Свитыч 1971а, с. 400—401; 1976, II, с. 64). Функциональное различие между субъектной функцией и.-е. *-m* и объектной картв. *m-* в существенной мере снимается при предположении об исходном посессивном значении индоевропейского ряда форм. Сопоставление же субъектного картвельского ряда со второй серией индоевропейских форм может позволить уточнить их древнее значение, которое нельзя считать интранзитивным (см. Перельмутер 1977 с библиографией). В таком случае общекартвельская глагольная система в своих существенных чертах совпадает с индоевропейской:

Ед. ч.	Общекартвельский (префиксы)	Общепейский (суффиксы)
1 л.	*- <i>x-w-</i>	*- <i>H-w-</i>
2 л.	*- <i>x-</i>	*- <i>H-</i>
3 л.	-(?)	*-(<i>H-?</i>)

Из восточно-ностратических языков с приведенными фактами западно-ностратического сопоставимы уральские глагольные формы на *-k-* в 1 л. ед. ч. (венг. *-k*, сельк. *-k*), императиве и фактитиве (Rosenkranz 1966; 1966а; Иванов 1968). Поэтому исключительный интерес представляет уральская реконструкция противопоставления оппозиции субъектного и объектного спряжения, проведенная Е. А. Хелимским (Хелимский 1979, с. 17—18), указавшим и на возможность сопоставления с данными индоевропейскими соотношениями. Индоевропейской первой серии и картвельским префиксам объектного ряда отвечает в уральском ряд 1 л. объект. спряж. самод. *-*m(э)*, венг. *-m*; 2 л. объект. спряж. самод. *-δ(э)*, венг. *-d*; 3 л. объект. спряж. самод. *-tэ*, венг. *-ja, -i* (урал. *-*sэ*). Индоевропейской второй серии и картвельским префиксам субъектного ряда отвечает в уральском ряд 1 л. субъект. спряж. самод. *-*k*, венг. *-k*; 2 л. субъект. спряж. самод. *-*ntэ*, венг. *-*ntэ*; 3 л. субъект. спряж. сам. *-θ*, венг. *-θ* (ср. также *-k* в рефлективном спряжении). При наличии некоторых сложных проблем (в частности, относящихся к форме 2 л. ед. ч., вызывающей трудности благодаря наличию двух дублетов во 2 серии и в индоевропейском) наличие соответствий между соотношениями в индоевропейском, картвельском и уральском бесспорно. Согласие двух последних ностратических языков заставляет предположить древность исходной оппозиции субъектного и объектного рядов, которые в этом случае должны быть предположены и как исходная семантическая интерпретация для различия двух серий в индоевропейском. Та (первая) серия, которая отвечает ностратической объектной, характеризуется суффиксацией местоименных основ. Поэтому можно было бы думать, что исходная структура этой серии была посессивной. В качестве параллели можно было бы привести историю енисейского глагола.

Представляется оправданной (в частности, в свете енисейских и других типологических параллелей) постановка вопроса о том, не являются ли древние индоевропейские глагольные формы типа *es-m(i)* в определенном смысле типологическим соответствием древнехеттских конструкций, выражающих неотчуждаемую принадлежность, типа *meni-mmet* 'мое лицо', *attaš-maš* 'моего отца', *šer-šit* 'для него' (из 'его верх'). В этом случае субъективный характер глагола, который вслед за Леви считают характерным для индоевропейского (см. Lehmann 1974), является результатом вторичного развития. Для более раннего индоевропейского тогда следует предположить развитие, типологически сходное с енисейским. Как предположили еще Кастрен (Castren 1858, с. 60), а много спустя Каргер (Каргер 1934, с. 235) и следом за ним Мещанинов (Мещанинов 1948, с. 509), а затем доказал сопоставлением различных доводов Е. А. Крейнович (Крейнович 1964, с. 140, 141; 1968, с. 25; 1968а, с. 185; ср. Вернер 1974, с. 43, 44; Иванов 1976, с. 16; 1977в, с. 23), в енисейском произошло развитие личных глагольных форм из притяжательных конструкций с местоимениями: «генетически показатели группы Б указывали не на субъект действия, а на принадлежность действия лицу: *бамбада* 'мое — вытаскивание — этого' (а не 'я — вытащу — это'), подобно тому, как префикс 1 л. ед. ч. именной категории притяжательности указывает на принадлежность вещи лицу: *бам*, также *абам* 'моя мать' (*ам* 'мать')» (Крейнович 1968, с. 24). Кетская типологическая параллель помогла бы прояснить, почему глаголы первой серии часто использовались в безличных конструкциях.

Соответственно и для индоевропейского представляется вероятным изначальное тождество сочетаний глагольной основы с притяжательным местоимением и таких же сочетаний с энклитическими местоимениями неотчуждаемой принадлежности типа др.-хет. *kir-mit* 'сердце мое', *pirammit* 'перед—мой' (= 'передо мной') и т. п. Это подкрепляется данными ностратического внешнего сравнения (ср. § 4, 5), согласно которым и.-е. *-mi*, *-si* могут быть возведены соответственно к ностратическим личным местоимениям **-mi*, **-si* для первых двух лиц единственного числа, тогда как и.-е. *-ti* должно быть построено по типу двух первых окончаний на основе указательного **-t* после того, как во флексиях местоименного происхождения *-mi*, *-si* было выделено *-i* уже на почве индоевропейского. С точки зрения ностратической реконструкции такое выделение было вторичным.

В более поздний период истории индоевропейского (после его отделения от других ностратических) древнее объектное (посесивное) спряжение функционировало как активное, древнее субъектное — как инактивное.

Характерной чертой восстанавливаемой для этого периода общиндоевропейской системы является наличие в ней основного доминирующего отношения, которое может быть определено как противопоставление по активности — инактивности (Гамкрелидзе — Иванов 1980, I). Именно реконструкция двух серий индоевропей-

ского глагола и связанных с ними оппозиций в имени послужила одним из стимулов для развития общей теории языков активного типа (ср. Климов 1973; 1977). В свою очередь обнаружение в значительном числе индийских языков Северной и Южной Америки соотношений, типологически сходных с реконструированными индоевропейскими, служит одной из гарантий надежности реконструкции.

С. Д. Кацнельсон, привлеченный для типологического сопоставления с общеиндоевропейским такие эргативные языки Австралии, как аранта, где различаются два падежа объекта — активный и инактивный, отметил, что «именно эргативная конструкция с двумя падежами-объектами может послужить исходным пунктом для историко-типологической реконструкции индоевропейской падежной системы, в которой хорошо прослеживается различие объектных форм имен активного и пассивного класса» (Кацнельсон 1967, с. 41). Этот вывод позволил примирить выявленный в значительном числе предшествующих исследований эргативный («раннеэргативный» или активный) тип конструкции праиндоевропейского предложения с наличием в индоевропейском винительного падежа, что ранее воспринималось как противоречие (Десницкая 1946; 1947; 1951; см. к истории вопроса Климов 1977, с. 22; Иванов 1976, с. 14). При таком подходе противопоставление двух глагольных серий интерпретируется не как различие переходного и непереходного спряжения (по Педерсену, см. § 1), а как противопоставление активной серии глагольных форм инактивной. Таким образом, предположение Педерсена о параллелизме противопоставлений в индоевропейском глаголе и имени сохраняет силу — семантически оба противопоставления определяются как оппозиция **актива и инактива**.

Противопоставляемые в общеиндоевропейском парадигмы являются асимметричными, что сказывается и в семантических соотношениях, и в структуре флексий, и в ограничении на сочетании с другими категориями, в особенности, с категорией числа (Тронский 1946). Соответствующее соотношение оказывается универсалией, действительной по отношению ко всем языкам активного типа (Иванов 1958, с. 39; 1960, с. 140; Климов 1977, с. 156—157).

Проблема реконструкции двух серий глагольных форм в индоевропейском связывается тем самым с вопросом о характере асимметричных языковых систем и методах их восстановления, что представляет интерес с точки зрения приложения к лингвистике идей общей теории симметрии, о значимости которой в этом плане в последнее время писал акад. Г. В. Церетели (Церетели 1973). В то время как симметричные бинарные структуры (типа регулярных соотношений между «первичными» и «вторичными» окончаниями в таких исторических индоевропейских языках, как санскрит и хеттский) являются обычно результатом новообразования, приводящих к заполнению пустых клеток в системе, наличие таких пустых клеток дает возможность выявить некоторые черты

более древней системы. По общему правилу развития асимметричных структур из асимметричных же, существенными оказываются именно те звенья, которые в системе отсутствуют, как бы далеко ни пытались мы отодвинуть хронологический уровень реконструкции. Эти общие принципы, достаточно хорошо изученные в последнее время на материале фонологии (ср. Иванов 1977в, с. 67), применимы и к рассматриваемым грамматическим соотношениям.

Другим общим вопросом, возникающим при восстановлении асимметричной общиндоевропейской грамматической системы, является проблема бинарности основных оппозиций внутри этой системы, которые сводимы к некоторой единой общей схеме. В своем опыте внутренней реконструкции протоаккадского выдающийся семитолог И. Гельб пришел к аналогичному выводу, в связи с чем он поставил вопрос о необходимости проверки того, в какой мере бинарная структура категорий характерна только для восстановленного им праязыка (Gelb 1969). Работа над проблемами, связанными с противопоставлениями двух серий глагольных форм, позволяет прийти к заключению, что бинарные оппозиции основных категорий, являющиеся разными воплощениями одного основного противопоставления, характерны и для структуры общиндоевропейского. Это в свою очередь может предствать интерес для исследования проблематики бинарных структур в семитических системах (Ivanov 1973; 1974). При реконструкции необходимость отвлечения от некоторых деталей делает более ясной основную бинарную асимметричную схему.

Существенное значение для конкретной реализации основного семантического противопоставления имеет выяснение вопроса о том, в какой мере восстановление одной формы предполагает единственность и неизменность ее функции. По-видимому, самое противопоставление и материальные способы его воплощения (типа **-m(i)*: **-H* начиная с ностратического) могут сохраняться, но конкретные его семантические интерпретации могут быть различными для разных периодов и, соответственно, требуют использования разных методов (внутренней реконструкции, типологического анализа, внешнего ностратического сравнения).

Устанавливаемые с помощью сравнительного метода внутренние соотношения допускают различные семантические интерпретации. Но сам факт наличия этих соотношений несомненен. В этом состоит аналог разным фонетическим интерпретациям реконструируемых систем фонем. При задании разных фонетических признаков меняются детали реконструкции, но основная схема остается неизменной. Поэтому в сравнительно-историческом языкознании и целесообразно разделение формального аппарата реконструкции и его интерпретации, что полностью аналогично методам, используемым в точных науках и постепенно внедряющимся и в другие гуманитарные, в этом смысле ориентирующиеся на лингвистику (ср. Иванов 1978).

Атематический класс глаголов и отражение индоевропейских глагольных форм первой серии в балтийском и славянском

§ 1. Проблема атематического класса глаголов в балтийском и славянском

Те общеиндоевропейские корневые атематические глаголы, которые в классическом индоевропейском языковедении на основании сравнения греческого с индо-иранским и армянским (т. е. по данным греческо-армяно-арийского диалектного ареала) определялись как глаголы с «длительным значением» (Мейе 1938, с. 214—215), а в хеттском принадлежат к спряжению на *-mi*, в старолитовском (и пережиточно в некоторых литовских диалектах) относятся к классу атематических глаголов. Этот класс в старолитовском представлен значительной группой глаголов (73 или 76 глаголов по Казлаускасу, Kazlauskas 1968, с. 305; Sabaliauskas 1957; Stang 1962; Senn 1934—1935, Specht 1935). Ряд глаголов перешел сюда из другого древнего типа (Stang 1962; 1966), в конечном счете возводимого ко второй серии. Однако сходный процесс в глубокой древности реконструируется и для общеиндоевропейского (Bader 1976). Поэтому факты предьстории литовских атематических глаголов приобретают особый интерес для индоевропеистики; литовские инновации в какой-то степени продолжают процесс, начавшийся в более ранние периоды истории индоевропейских диалектов (вместе с тем поиск архаизмов старолитовского в свете этих новейших данных индоевропеистики направляется по несколько иному пути). В других балтийских языках число атематических глаголов (с формами первой серии) очень ограничено, как и в славянском, где они представлены немногочисленными глаголами V класса (по Лескину).

§ 2. Спряжение глагола *es- 'быть' и его история

Ст. лит. 1 л. ед. ч. наст. вр. *esmi* (130 раз в «Постилле» Даукши с акцентуацией *ěsmi, esmì*, Senn 1934—1935, с. 93—97; Skardžius 1935, с. 192—193; Sabaliauskas 1957, с. 89; 15 раз в катехизисе Петкявичуса, Kaslauskas 1968, с. 293, 307, ср. *es̃ch es̃me, Bretkūnas*), арх. диал. *esmì* (говор Salantaĩ, Stang 1929, с. 145; Kybartai, Kazlū Rudà, N. Utà, Senkus 1958, с. 129; Kařaskiškis, Zinkevičius 1966, с. 345, § 129) иногда непосредственно отожде-

ствляют с внешне совпадающими формами первой серии типа хет. *ēsmi*, др.-инд. *āsmi* (ср. из последних работ Kazlauskas 1968, с. 293, 309). Однако этому простейшему (и в принципе вполне возможному) отождествлению препятствует несколько обстоятельств.

Во-первых, в литовских говорах засвидетельствована частично сходная с тематической форма *esmū*, в частности в дайнах (*as esmu mergelė*, говор Ūnauškis, Volteris, 1904, с. 394; *O ir aš esmu Kriukavos vaitaitė*; *Aš ne liūtas esmu*, *Aš esmu vyras*. . ., Juška, 1954, I, с. 109, № 45, 3, с. 155, № 71, 1, с. 635, № 324, 4), ср. о диалектах Specht — Baranowski 1920, I, с. 21, 132, 209, 230, 270. Практически совпадает с ней латыш. *esmi* (в диалектах *asmi*, *asu*, *eisu*, *esu*, Rudzīte 1964, с. 129, 359), наряду с которым в латышских текстах XVII в. и XVI в. засвидетельствованы формы *esmi* (словарь Эльгера) и *esme* (Endzelins 1951, с. 704). Форма, близкая к латышской, предполагается прусскими написаниями *asmi*, *asmai* наряду с *asmai* (предположение о сведении всех трех форм к [esmā], Schmalstieg 1974, с. 213, не вполне обосновано).

Во-вторых, как предположил Эндзелин, и ст.-лит. *esmi* восходит к *esmei (ср. ст.-лит. возвр. *duomie-s*, Endzelins 1948, с. 176). Как эта предполагаемая литовская форма, так и реально засвидетельствованная прус. *asmai*, близкая к *esmei, представляют собой результат взаимодействия формы первой серии типа **es-m(i)*, существование которой следует предположить в общепольском, и формы второй серии *es-H₂e > *es-H₂o (1 л.), *es-ei (2 л.). Форма *esH₂o реконструируется в качестве наиболее древней для 1 л. ед. ч. и.-е. **es-* на основании соответствия тох. В *-sau* (в сложении *-sau* < *(*no*)-*sāb* при тох. В *na-sam* < *no-som), лув. *ašha* 'я был', греч. *ἦα*, Vader 1976. В литовских и латышских диалектных формах типа латыш. *esu*, *asmi*, *e:smi* едва ли можно видеть прямое продолжение этой архаической формы, так как (как лит. *esu* в литературном языке) их скорее всего следует объяснить аналогией с тематическими глаголами, ср. Schmalstieg 1980, с. 115. Но формы типа прусских могут быть свидетельством наличия в древности двух параллельных форм, образованных от *es-* по типу первой и второй серии. Форма *es-mi могли существовать параллельно с *es-mei, *es-mai (которая сама явилась результатом взаимного влияния первой и второй серий, как греческие формы на *-mai*, давно с ней сопоставленные). Но при продуктивности в старолитовском глаголов на *-mi* не исключена и замена формы типа *esmai* формой *esmi*.

Сходное объяснение возможно и по отношению к форме 2 л. ед. ч.: ст.-лит. *esi* (120 раз в «Постилле» Даукши с ударениями *ēsi*, *ešī*, 36 раз в катехизисе Петквявичюса, Kazlauskas 1968, с. 307, ср. *esje* у Бреткунаса) восходит к *esie судя по ст.-лит. *essiegu* (Endzelins 1948, с. 176, Sabaliauskas 1957, с. 84). К этой же форме *esie < *esei может быть возведено и латыш. *esi*, как и прус. *essei*, *assei*, *assai*, *asse*, *aesse*. Однако по отношению к этой форме

наряду с объяснением ее взаимодействием первичного **-si* и формы типа **-mei* более вероятным представляется выделение в ней балтийского окончания 2 л. ед. ч. **-ei* (см. о нем гл. 1, § 8). В таком случае древнейшей формой могло быть **es-ei* с окончанием, аналогичным греч. *-ei* (ср. Bader 1976, с. 72—74, § 17, ср. Haudry 1979, с. 77). Развитие того же окончания, специфического для глаголов второй серии, могло привести к его взаимодействию с окончанием первой серии, откуда **-s-ei* (ср. Bader 1976, с. 60). Замена более архаического **es-ei* (отражающего спряжение **es-* по второй серии глагольных форм) позднейшим новообразованием **es-s-ei* могла осуществиться в истории отдельных балтийских языков.

Форма 3 л. (ед. ч., дв. и мн. ч.) ст.-лит. *esti* (12 раз в «Постилле» Даукши; 52 — в катехизисе Мажвидаса, ср. *este* у Бреткунаса), *est* (15 раз в катехизисе Мажвидаса), диал. лит. *ēsti, esti* (говор Zietela, Zinkevičius 1966, с. 345, § 617), прус. *ast, aest, asch, hest, asti-ts* позволяет реконструировать балт. **esti*, соответствующее форме 3 л. ед. ч. с первичным окончанием типа хет. *eszi*, др.-инд. *asti*.

Ст.-лит. *ēsti* имеет характерное для длительных индоевропейских корней первой серии дуративное значение 'бывает (по обыкновению), длится' в отличие от *yrà*, выступающего в роли связки или как *verbum substantivum* без значения длительности (Stang 1966, с. 316, 412—414, Станг 1963, где рассматривается результат проникновения *yrà* в древнюю сферу глагола бытия; Endzelins 1951, с. 711—712, ср. об *ira* Rudzīte 1964, с. 129). Совпадение с индоевропейским представляет собой архаизм. Поэтому нельзя считать полностью исключенным, что в восточнобалтийском **īrā*, лит. *yrà*, латыш. *ir* отражена форма второй индоевропейской серии с недлительным значением в отличие от длительного **esti* > ст.-лит. *ēsti*. В таком случае *-r*, предшествующее гласному, можно было бы сравнить с формами второй серии на *-r* типа хет. *ešir* 'они были', ср. др.-инд. перфект 3 л. мн. ч. на *-r āsur* 'они были' (Whitney 1962, § 800) и позднейшие новообразования с гласным после *-r*: лат. *-ēre*, тох. В *-re*. Форма 3 л. мн. ч. второй серии на **-r*, обычно сравниваемая с 3 л. ед. ч. **-r* в медиопассиве (Jasanoff 1977, см. выше, гл. 1, § 7) в общеиндоевропейском противопоставлялась 3 л. мн. ч. первой серии на **-nt* (ср. подробно Cardona 1965, с. 108—110). Это противопоставление, видимо, аналогично противопоставлению основ на **-r* и на **-nt* в гетероклитических именах (Иванов 1963, с. 153, 163; 1965, с. 130; Polomé 1964, с. 876; Watkins 1969, с. 42—43, 21), ср. хет. *ešri-* 'существо': *ašant-* 'сущий', 'существующий, настоящий, истинный, верный' (причастие от **es-* с общеиндоевропейским значением: др.-англ. *sōð* 'правдивый, действительный', др.-исл. *sannr* 'истинный', лат. *sōns* 'виновный', 'истинный', что позволяет реконструировать и общеиндоевропейское значение глагола, близкое к ст.-лит. *ēsti*). Поскольку древнейшие глагольные формы на *-r* этого типа могут иметь именное происхождение, предлагаемое объяснение не

исключает полностью обычного возведения **irā-* к именной форме (вслед за Готью).

Согласно гипотезе Эндзелина, процесс исчезновения старой индоевропейской формы 3 л. мн. ч. в балтийском (существенным этапом которого многими признается вытеснение этой формы глагола бытия **es-* связкой **irā-* во всяком случае в восточно-балтийском) был вызван внешним совпадением этой формы (со «вторичным» окончанием **-nt*) типа **son̄t* > **sant̄* с причастной формой **sant-* (ср. ст.-лит. *sanzio*, *santi* у Даукша, прус. *sent*, Stang 1952, с. 205) выступавшей в качестве Modus relativus (Endzelins 1948, с. 177—178, § 330; 1951, с. 711, § 597; Stang 1966, с. 411). При допущении же пзначального отсутствия флексии 3 л. мн. ч. **-nt(i)* в балтийском (Pisani 1959, с. 66; Мажюлис 1958, с. 9; см. 1; Топоров 1961, с. 70, прим. 85; 1962, с. 54—55; Kazlauskas 1968, с. 301—303) следовало бы принять обратную гипотезу. Исходя из сходства окончаний **-nt(i)* и огласовки корня в личной форме 3 л. мн. ч. и в причастии, можно было бы объяснить его не омонимией, а родством. Пришлось бы думать, что в балтийском (в отличие от других индоевропейских диалектов, в том числе и от праславянского) причастие (или отглагольное имя) па **-nt* еще не дало (при предикативном употреблении) формы 3 л. мн. ч. глагола.

Здесь пришлось бы видеть один из глубоких архаизмов балтийских языков, что заставило бы отделить их в этом отношении от других индоевропейских диалектов (в том числе и от праславянского). Однако правильный типологический вывод об особой роли 3 л. среди других лиц еще ничего не позволяет утверждать о хронологии морфологического выявления этой роли в конкретных языках¹, в частности, балтийских. Более того, именно отчетливость в современном литовском языке специфической отмеченности глагольной формы 3-го л., являющейся «исходной и центральной в парадигме флексий» (Топоров 1966, с. 124) и наличие в восточноаукштайских наречиях конструкций, где эта форма выражает действие вообще, не соотнесенное с 3 л. (Kazlauskas 1968, с. 302—303), заставляют усомниться в исконности этого явления, в самом функционировании не обнаруживающего своего реликтового характера.

Можно привести яркие типологические параллели более поздней нейтрализации противопоставлений по числам в 3 л. в других индоевропейских языках — различение ед. ч. и мн. ч. в тохарских В формах действительного залога настоящего времени и конъюнктива, где в обеих функциях выступает *-ŋ* < **-nt*. В тохарском В это явно следует считать новообразованием, ср. отчет-

¹ Базисную (но немаркированную) роль 3 л. в разных индоевропейских языках последовательно анализирует в своей книге об индоевропейской глагольной флексии Уткинс, согласно которому тенденция выразить эту форму нулевым окончанием постоянно взаимодействует с противоположной тенденцией к поляризации форм, Watkins 1969, ср. Kuryłowicz 1977.

ливое противопоставление 3 л. ед. ч. *-tār*: 3 л. мн. ч. *-ntār* в настоящем времени медиопассива и различие 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. *stare* в глаголе-связке (ср. реконструкцию общетохарской парадигмы: Adams 1978). Но в отличие от балтийских форм типа лит. *esti* в тохарском В обобщена форма множественного, а не единственного числа (ср. частичную параллель восточнобалтийскому также и в сохранении противопоставления по длительности в глаголе бытия при замещении длительного индоевропейского **es-* 'быть' сложением тох. В *no-som, тох. А *no-sāō, противопоставленным недлительному тох. А, В *tāk(ā)*, см. Winter 1965, с. 204).

Соотносившаяся с формой первой серии на **-nt* форма второй серии на *-r* представлена как в 3 л. мн. ч. (в большинстве древних индоевропейских языков — индо-иранских, хеттского, тохарских, латинского, на основании которых эта функция проецируется и в общеиндоевропейский), так и в 3 л. ед. ч. (формы медиопассива на **-tor*, **-or* в кельто-италийско-фригийско-тохарской группе, ср. выше, гл. 1, § 7). Поэтуемо с такой формой кажется возможным сблизить лит. *yrà*, латыш. *ir*.

Предполагаемое гипотетическое объяснение истории лит. *yrà* можно было бы подтвердить сравнением с тох. В 3 л. мн. ч. *stare* в глаголе-связке, распространение которого на единственное число характерно для форм с энклитическими местоимениями (Krause — Thomas 1960, I, с. 163, § 264, 2 в, с. 196, § 350. 1, с. 198, § 354. 2): *se nomiyeṣṣe bhājam rerinu star-me epe mā* 'Эта чаша из драгоценного камня вами подана или нет?' Тох. В *stare* является формой с архаическим окончанием 3 л. мн. ч., сопоставляемым с флексией др.-инд. *sere*, авест. *sōire*, *āphaire* (Bader 1976, с. 38). Наиболее близким этимологическим соответствием тох. В *stare* может быть вед. *asthīran* 'они распространились' (ср. о формах Watkins 1969, с. 92, 124, 200, без предлагаемых здесь сопоставлений).

Характерной особенностью форм с этим архаическим окончанием второй серии, в большинстве древних диалектов вытесненным формой первой серии на **-nt*, является то, что за ним следует обычно вторичный гласный элемент (чаще всего **-o*). Это позволяет предположить, что в ст.-лит. *yrà*, латыш. *ir* следует выделить гласный элемент (вост.-балт. **-ā*), следовавший за древним окончанием *-r* второй серии (в конечном счете родственным и хет. 3 л. мн. ч. пр. вр. *-r*, *-r* в перфекте и показателю *-r* в медиопассиве). Замена глагола существования другим глаголом второй серии нашла бы типологические параллели не только в тохарском, но и в кельтском.

Для установления контекстов, в которых *yrà* позднее стало замещать ст.-лит. *ēsti*, существенно открытое Стангом (Stang 1966, с. 412—413; Ford 1967) соотношение между старолитовским использованием *nērà* в предложениях о существовании (*Nera Diewo*, эквивалентное польск. *Nie masz Boga*, «Punktay Sakimu» Шпривада, с. 30, 9) и отрицательной формы связи *ne esti*, экви-

с. 195, 213; Топоров 1959, с. 290—292; 1960, с. 9; Иванов 1963, с. 179; 1965, с. 69, 266; 1968, с. 237; Watkins 1967; Haudry 1978, с. 52—56; Порциг 1964, с. 173—174; Allen 1964, с. 338²), ср. также употребление с род. п. хет. *kuelka* 'какого-нибудь' (Oettinger 1979) при других индоевропейских параллелях, в том числе славянских: Haudry 1979.

В конструкции с отрицанием в старолитовском, по-видимому, нейтрализовалось противопоставление по длительности—недлительности, в связи с чем недлительное *yrà* заменило длительное *esti*. Любопытной типологической параллелью, подтверждающей предлагаемую интерпретацию развития в литовском, может быть нейтрализация противопоставления между длительно-итеративными глагольными формами на *-šk-* (функционально соответствующими древним редуцированным) и недлительными (неитеративными) в отрицательной конструкции (являвшейся синтаксической позицией нейтрализации для этого противопоставления) в хеттском языке (Bechtel 1936; Иванов 1963, с. 144).

Для объяснения того, почему именно ст.-лит. *yrà* заменило *esti* в этой позиции нейтрализации, можно использовать предложенную выше гипотезу, сопоставляющую *yrà* с формами второй серии на *-r*. Перфект, развившийся из форм второй серии и обозначавший то, что не очевидно говорящему (Thumb — Hauschild 1959, II, с. 189), мог употребляться с отрицанием. Эту закономерность можно продемонстрировать и на примере позднего славянского перфекта, по происхождению связанного не с греческо-арийским, а с древними формами на *-l*: перфект с отрицанием ст.-слав. *нѣста сътвори* противопоставляется аористу *сътвори* (Бородич 1963, с. 9, 12, 15; Grünenthal 1933). Предлагаемое объяснение ст.-лит. *nèrà* согласуется и с недавно предложенным Стангом (развившим ранее высказанную гипотезу Эндзелина) объяснением синонимичного латышского отрицательного *nāv* < *navaid* < *nevaid* из древней формы типа перфектной (или точнее родственной перфектной и перфектно-презентным в других индоевропейских языках), т. е. происходящей из второй серии, Stang 1966, с. 416. Семантическое развитие сочетания, отраженного в латыш. *nevaid* 'отсутствует', реконструируется как 'нет, отсутствует' из более древнего **ne vaid* 'неизвестно', ср. частичную типологическую параллель в изменении значений типа 'знать' > 'испытать' (*know* > *experience*) в отрицательной конструкции (Buyskens 1959, с. 2)³.

² Приводимая Алленом из Варрона архаичная латинская формула *antique fere formula utuntur, cum emptor dixit: Tanti sunt mi emptae (sc. oves)? et ille respondit: Sunt* подтверждает реконструкцию сходной формулы для объяснения значения причастия: лат. *sōns* 'виновный', др.-исл. *sannr* (ср. Порциг 1964, с. 169), что особенно существенно ввиду важной для гипотезы Эндзелина связи между причастием на **-nt* типа лат. *sōns* и формой 3 л. мн. ч. типа лат. *sunt*.

³ Указанная статья Бейссанса представляет особый интерес для обоснования гипотезы Станга (как и выдвинутого выше объяснения лит. *nèrà*), так как в ней собран обширный материал, иллюстрирующий семантические изме-

Следует отметить, что допущение о параллелизме форм второй серии на *-r* (типа позднейшего перфекта в индо-иранском, претерита в анатолийском и тохарском) и форм от основы **woyd-* имеет особые основания еще и потому, что именно от этой основы образована сохранившаяся в ряде диалектов архаическая форма 3 л. мн. ч. на *-r* типа **w(o)yd^d-(e)r*, переосмысление которой как 3 л. ед. ч. рассматривается часто как источник древнейших форм на *-r* (с семантическим развитием от безличного 'они знают' к медиопассивному 'он знает' = 'ему известно', ср. Иванов 1965; Jasanoff 1977; 1979, см. выше, гл. 1, § 7), ср. также об *yrà* Торогов 1978.

В пользу предположения о том, что в древних индоевропейских языках в конструкциях (не) обладания могла выступать форма глагола бытия (существования), образованная по второй серии, говорит и контекст в др.-перс. *avahyā ka(n)būjiyahyā brātā bradiya nāma āha* 'у (этого) Камбиза был брат по имени Бардия' (Бехистунская надпись I, 29—30). Здесь перфектная форма *āha* (от **es-* 'быть', авест. *ānha* = *ASA*) употреблена в конструкции, где обычно др.-перс. *astiy* < **esti* (ср. ст.-лит. *esti*), ср. Benveniste 1966, с. 179; Бенвенист 1974, с. 195; Schmidt 1964, с. 8 (лит. диал. *ēsa* 'yrà' является очевидно новообразованием, Zinkevičius 1966, с. 345, § 618, и поэтому совпадение с др.-перс. *āha*, авест. *ānha*, по-видимому, объясняется конвергентным развитием); в связи с исследованием контекстов (в частности, отрицательных), в которых **esti* еще сохранялось в старом употреблении в балтийском, существенны конструкции типа прус. *sta ioumans ni ast labban*, 57, 7 (по смыслу — лит. *tai jums nėra gera*, ср. Stang 1966, с. 179; Ambrazas 1977, с. 29, прим. 16).

В парадигме глагола бытия в славянском (как и во многих других индоевропейских языках, вплоть до современных романских и германских) в качестве индивидуальной словарной особенности этого глагола сохраняется след общеиндоевропейского морфонологического чередования огласовки корня **e* в единственном числе — и нулевой — в 3 л. множественного числа настоящего времени в формах первой серии: ст.-сл. *єсмъ*, *єстѣ* : *сѣтъ*, по вокализму корня совпадающее с типом др.-инд. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ásti*; мн. ч. *sánti*, ср. хет. *ešzi* : *ašanzi* (и аналогичные соотношения по огласовке между формами 3 л. ед. и мн. ч. пов. накл. в анатолийском и индо-иранском, см. гл. 1, § 5). Эта древняя структура парадигмы глагола 'быть' сохраняется и в западных индоевропейских («древнеевропейских») диалектах: лат. *est* : *sunt* (ср. Foley 1965, с. 64; Szemerényi 1964, с. 191, и след.); гот. *ist* : *sind*. В балтийском она отражена не непосредственно, поскольку особая форма 3 л. мн. ч. отсутствует, а косвенно. След того же чередования сохраняется в соотношении личных форм типа лит.

нения, обусловленные отрицательной трансформацией конструкции, ср. также Падучева 1974, с. 143—169.

Относительно особых соотношений между видами в негативных контекстах ср. также комментарии: Маслов 1962.

1 л. ед. ч. наст. вр. *esmì*, ст. лит. *ēsmi*, *esmì*, 3 л. *ēsti* с огласовкой *e и старолитовских форм причастия наст. времени на **nt-* *sant-* типа *sanczio*, *santi*, *sāncziam*, прус. [-sans] < **snt-* в *emprijkisins* (Schmalstieg 1974, с. 212, ср. о об огласовке прус. *-sins* и возможного аномального *sent-* Stang 1942, с. 250), ср. родственные формы причастия с нулевой огласовкой корня: ст.-сл. *szj*, др.-инд. *sant-*, авест. *hant*, др.-англ. *sōð*, др.-исл. *sannr*. Сделанное в новейших исследованиях индоевропейских форм глагола 'быть' предположение, по которому форма 3 л. мн. ч. **-elonti* (представленная в хеттских и тохарских В парадигмах глаголов обеих серий, в греч. -ουσι (сосл. накл. и т. п.) древнее формы 3 л. ед. ч. **-ti* (Bader 1976, с. 37—39, § 5), может быть оставлено в силе только в случае, если (вопреки обсуждавшейся гипотезе об исконном отсутствии в балтийском формы на **-nt-i*) будет реконструирована форма 3 л. мн. ч. типа **se/ont(i)* для общепалтийского (для чего в настоящее время нет достаточных оснований), так как существование в нем формы *esti несомненно. В противном случае нужно будет предположить, что общепалтийский отражает чрезвычайно архаичное состояние, при котором причастие (или отглагольное имя на **-nt-*) с огласовкой, отличной от форм ед. ч., еще не втянулось полностью в систему личных имен глагола (где в других индоевропейских диалектах оно и дало форму 3 л. мн. ч.). Если этот же вывод распространить на формы на *-r* (которые находились в гетероклитическом чередовании с **-nt-*; ср. Cardona 1965; Polomé 1964; Watkins 1969), то эту последнюю особенность балтийского можно было бы связать и с отсутствием в нем глагольных форм второй серии на *-r* (в функции, отраженной в других языках как 3 л. мн. ч. перфекта или прошедшего времени или как 3 л. ед. ч. медиопассива), единственный косвенный след этих форм (или именных форм, из которых они возникли) можно было бы видеть в *irā.

Предположение о том, что причастная форма типа ст.-лит. *sant-* в определенный период истории архаичных индоевропейских диалектов могла выступать в именном предложении в функции, эквивалентной форме 3 л. глагола бытия, в настоящее время является не просто гипотезой, а может быть достаточно точно доказано. Это предположение было сделано для выяснения истоков значения лат. *sōns* 'виновный', др.-исл. *sannr* из причастия **sont-*/**snt-*. Как предположил Порциг, латино-германское слово несомненно является также древним, но предполагает существование уже прочно утвердившейся правовой процедуры, так как толчком для развития **snt-* в 'виновен' могла послужить только некая формула наподобие **qⁱis esti? So estil!* (Порциг 1964, с. 169; ср. выше о прямом подтверждении этой гипотезы на уровне глагольных предложений приводимой Варроном архаичной латинской формулой диалога: *Tanti sunt mi emptae? sunt!*). Независимо от Порцига к реконструкции юридического и ритуального контекста, необходимого для объяснения развития значений **snt-*, подошел Уоткинс, ссылающийся в этой связи (Watkins 1967a,

с. 191) на проведенное автором ранее исследование архаического значения глагола *es- в именных производных на -nt (Иванов 1965, с. 56, 266; ср. 1968, с. 237), где отражено то же значение, что и в ст.-лит. *ėsti*.

Во-первых, удалось выяснить, что производное от *sánt-satyá-* в архаическом гимне «Ригведы» VII, 104, употребляется в именном предаточном предложении *yád satyám* 'которое (из двух соперничающих слов) правдивое' (мотив борьбы правдивого и ложного слова, возводимый к общеиндоевропейскому ввиду наличия ряда точных параллелей, в том числе славянских). Во-вторых, в хеттских молитвах против чумы в формуле, возводимой к общеиндоевропейской, за признанием вины (*waštul tarnahhun* 'виноу я признал') перед одним и тем же заключительным предложением (*iyawen-at* 'мы-сделали — это', *iyanun-at* 'я это сделал') следует в двух случаях личная форма 3 л. *ešziy-at* (дословно 'Есть — это'), в одном — причастие *ašant-* в точно такой же конструкции: *waštul tarnahhun ešziy-at iyawen-at* 'я признал свою виноу: «Это истинно так. Мы это сделали»' (2-ая молитва во время чумы, § 6.3, § 9.5, см. Иванов 1977, с. 188, 293), *waštul tarnahhun ašan-at iyanun-at* 'я признал грех: «Это истинно так. Я это сделал»'. (там же, § 10.6, Иванов 1977, с. 190).

Архаизм *ešzi* < *esti в данном тексте может быть прямо подтвержден семантическим сравнением с ст.-лит. *esti*: возможен и перевод 'Это так и бывает (на самом деле)', 'Это так и происходит', ср. о значении в литовском Senn 1966, с. 287, § 549a; Станг 1963.

В-третьих, с диахронической точки зрения отношение между *ašant-* и *ešzi* может быть обратным: именная формула, по-видимому, древнее глагольной (в которой скорее ожидался бы и иной порядок слов в случае ее первичности, ср. возможное *na-at ešzi* и т. п.). Но особенно важным представляется то, что восстанавливаемая архаическая форма является делокутивной (*Watkins* 1967a, с. 193, ср. о понятии делокутивных глаголов Бенвенист 1974, с. 320—323, см. о перформативных высказываниях с. 301—310). Суть всего реконструируемого индоевропейского перформативного высказывания заключается в объявлении некоторого факта истинным (а человека — виновным). В отношении древности такого индоевропейского текста можно согласиться с Уоткинсом (*Watkins* 1967a, с. 194). Косвенные следы аналогичного употребления именных производных от **sont-* (рус. *суть* и т. п.) можно найти и в языке славянского права (ср. Иванов — Топоров 1978).

Наибольший интерес реконструкции этого архаического индоевропейского перформативного высказывания заключается в том, что в нем представлен прототип тех именно восточно-балтийских употреблений форм, восходящих к причастию на -nt, в которых Эндзелин видел главную причину отсутствия 3 л. мн. ч. на -nt в балтийском. В предложениях типа ст.-лит. *netik diewa santi* 'non credunt deum esse' (Bretkūnas «Postilla», II, 176, по изд.: Leskien

1919, с. 224, § 241, с. 110) при наличии согласования причастной формы с косвенным объектом отражена та же архаическая конструкция, которая при дальнейшем развитии в косвенное наклонение получила широкое распространение в части литовских диалектов и в латышском (Ambrazas 1977; 1979). Уже у Вайшнораса косвенное наклонение представлено в ряде случаев после глаголов говорения и писания — *sakyti*, *perkalbėti*, *taryti*, *pastiprinti*, *rašyti*, Ambrazas 1977, с. 14; 1979.

Развитие косвенного наклонения в восточно-балтийских диалектах привело к формированию особой глагольной категории, типологически сопоставимой (ср. Ambrazas 1977, с. 45 и след.) с аналогичным употреблением форм со значением «засвидетельствованности» в ряде славянских языков (болгарском, македонском), других балканских (албанский адмиратив), а также в тюркских, семитских, картвельских языках. Но именно эта грамматическая категория как таковая может считаться относительно поздним результатом развития, охватывающего не весь восточно-балтийский ареал, а лишь часть его (в частности, латышский, жемайтский, часть западноаукштайтских говоров). Между тем истоки такого употребления причастных форм на **-nt-* (и **-us-*) восходят не только к общепалтийскому, но и к общиндоевропейскому, как было показано выше на примере перформативного употребления причастия **spt-* в делокутивном значении.

В старолитовских текстах обращает на себя внимание широкое распространение предикативного и абсолютного употребления причастных форм на **-nt-* (в частности, от глагола *byti*); их превращение в косвенное наклонение может датироваться историческим временем, но тенденция, приведшая к такому использованию, в таких случаях, как ст.-лит. *sant-*, восходит к глубокой древности.

Поэтому кажется возможным дать предварительный ответ на вопрос, поставленный Стангом (Stang 1942, с. 233; 1966, с. 411) при обсуждении гипотезы Эндзелина, согласно которой наличие косвенного наклонения могло быть причиной исчезновения формы мн. ч. на **-nt* в балтийском (Endzelins 1948, § 330, с. 177—178; 1951, § 597, с. 711). Станг считал необходимым выяснить, в какой мере *Modus relativus* уже существовал ко времени исчезновения формы 3 л. мн. ч. **-nt*, и задавал вопрос, не могло ли развитие идти в обратном направлении: отсутствие формы на **-nt* в функции 3 л. мн. ч. могло способствовать появлению косвенного наклонения. Приведенные данные позволяют думать, что предикативное употребление причастий (а на самом раннем этапе — отглагольных имен) на **-nt-* типа ст.-лит. *sant-* может восходить к общиндоевропейскому. Это употребление могло послужить (на значительном ареале, охватывающем почти все индоевропейские диалекты) причиной вовлечения **-nt* в глагольную парадигму. Невключение **-nt* в парадигму глагола (предполагаемое гипотезой об исконном отсутствии дифференциации чисел в 3 л. в балтийском) лучше согласуется с гипотезой об архаическом использовании причастия на **-nt* как предикатива, так как при допущении

исчезновения 3 л. мн. ч. *-nt пришлось бы допустить вторичное возрождение такого использования.

Согласно новейшим исследованиям парадигмы и.-е. *es- 'быть' в 1 л. мн. ч. особенно древней оказывается тематическая форма *-s- o-melo(s), реконструируемая на основании соответствия тох. А -sama, В -sem (в древнем сложении с начальным *no-), лат. *sumus*, др.-исл. -rom (энклитика в *verðom*), ср. с огласовкой *e др.-исл. *erom* (Bader 1976, с. 101, § 101). Бонфанте, одним из первых пересмотревший традиционные взгляды на парадигму *es-, предположил, что та же древняя форма отражена и в лит. *ėsame*, латыш. *esam* (Bonfante 1932, с. 114—116); в этом за ним следуют и исследователи последнего времени (Bader 1976, с. 101). Однако эта интерпретация наталкивается на трудности, связанные с характером древнейших засвидетельствованных форм: ст.-лит. *esmè, ėsme* (обе формы вместе 120 раз в «Постилле» Даукши, Senn 1934—1935; Skardžius 1935, с. 192—193; Sabaliauskas 1957, с. 89; 24 раза в катехизисе Петкявичюса) при весьма редком *ėsame* (1 раз у Даукши, ср. Kazlauskas 1968, с. 307—308), ср. лит. диал. *ėsame* (объяснимое как новообразование при архаическом *esmè, Zinkevičius 1966, с. 345, § 618*), латыш. диал. *esame* (диалект Valmiera, ср. о диалектах с этой формой Rudzīte 1964, с. 130, 232), аугшземн. *asam*, также *asòm* (Rudzīte 1964, с. 359—360; Endzelīns 1951, с. 712, § 598, 717, § 601a, ср. примеч. 333 о ст.-латыш. *ehssem = *esam*, в тексте, впервые напечатанном в 1587 г., см. изд. Bezenberger — Bielenstein 1886, 16, 4; 29, 24), *esim* (влияние основ на -i, Rudzīte 1964, с. 130). Совпадение старолатышских и диалектных латышских форм с некоторыми (хотя и весьма редкими) старолитовскими позволяет с известной долей вероятности допустить существование наряду с атематическим *esme тематического *esame в восточно-балтийском, но возможность прямого возведения последней формы к общему источнику с др.-исл. egom и другими архаическими индоевропейскими формами еще нуждается в дополнительном обосновании.

С большей определенностью можно предположить наличие в общебалтийском формы 1 л. мн. ч. *es-mei, предполагаемой ст.-лит. *esmi* (*mes esmi*, Бреткунас, также в Катехизисе Петкявичюса, Sabaliauskas 1957, с. 86) при формах типа возвр. *linksmīnāmiēs* (Bezenberger 1877, с. 193): -mi < *-mie < *-mei (Endzelīns 1948, § 331; 1951, с. 712—714, § 598); ст.-латыш. *esmi* (написание также *essemi*) при прус. *asmai* (форма, совпадающая с 1 л. ед. ч.). Эту форму можно было бы истолковать так же, как рассмотренные выше (гл. 1, § 3) анатолийские и индо-иранские формы, где за общеиндоевропейским окончанием 1 л. мн. ч. *-me следует (после *-n- или *-s-) первичное окончание -i. В балтийских формах это -i непосредственно присоединяется к *-me (без промежуточного элемента); с удлинением эта же древняя флексия представлена в балт. *-mē (гл. 1, § 3).

Аналогичная структура (в принципе совпадающая с хет. -te-n-i) предполагается и в прус. *estei, astai, asti*, сопоставляемым

Эндзелином с латыш. *esti* (Endzelins 1951, с. 714—715; 1944, с. 159), ср. ст.-лит. *esti* (Bezenberger 1877, с. 199; возможный вариант *este*). Параллелизм **-te-i/*-te* тогда аналогичен параллелизму **-me-i/*-me*.

С учетом этих вариантов флексий балтийская парадигма глагола **es-* в ед. ч. и мн. ч. может быть реконструирована для древнейшей эпохи следующим образом (формы дв. ч. с окончаниями, указанными выше, гл. 1, § 3 и 4, здесь не приводятся):

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>*és-m(e)t</i>	<i>*es-méi/*es-(o)-mé</i>
2 л.	<i>*és-(s)ei</i>	<i>*es-téi/*es-té</i>
3 л.	<i>*és-ti</i>	

Из рассмотрения этой парадигмы (в основных чертах установленной Эндзелином, прозорливость которого подтверждается новейшими исследованиями) вытекает, что тот ее вариант, который, по-видимому, отражен в прусском и в латышском, характеризуется распространением приметы *-i* по всей парадигме⁴. В этом отношении единообразие западно-балтийской парадигмы (и одного из вариантов восточно-балтийской) вполне сопоставимо с единообразием хеттской (и в меньшей степени индо-иранской). Но речь идет о параллельном развитии в сходном направлении, так как сами формы не совпадают в подавляющем большинстве случаев. След взаимодействия со второй серией форм (в ее архаическом тематическом варианте, характерном для балтийского, см. гл. 1, § 8) обнаруживается в форме 1 л. ед. ч. **-mei*, 2 л. ед. ч. **es-(s)ei* и в 1 л. мн. ч. **es-o-me*, если эта последняя форма может быть признана достаточно древней для балтийского.

Опыт функционального анализа соотношения тематических и атематических форм внутри парадигмы **es-* в разных индоевропейских диалектах в своей последней книге предпринял Шмальшгиг. Он предположил на основе сравнительно-исторических, типологических и онтогенетических выводов, что существенное противопоставление разделяло три группы форм: А) 1 л.; В) 2 л. ед. ч., дв. ч. и мн. ч. и 3 л. ед. ч. и дв. ч.; С) 3 л. мн. ч. (с точки зрения предположения о наличии в индоевропейском инклюзива, см. выше, гл. 1, § 4, к нему нужно было бы отнести формы группы В по Шмальшгигу, тогда как группу А образовали бы эксклюзивные формы). Группы А и С в архаических диалектах противопоставляются группе В наличием в них тематических окончаний и нулевой огласовкой корня: лат. 1 л. ед. ч. *sum* < **s-óm*, мн. ч. *sumus* < **s-ómos* (А); 3 л. мн. ч. *sunt* < **s-ont* (С) при 2 л. ед. ч. *es* < **es-s* (если не **es-θ*), 3 л. ед. ч. *es-t*, 2 л. мн. ч. *estis* < **es-(e)te* (Bader 1976; Schmalstieg 1980, с. 108). Общеславянская парадигма (где возможны следы старой огласовки в 1 л. ед. ч. в формах типа

⁴ Изолированно положение форм лит. дв. ч. 1 л. *es-và*, *ēs-a-vi*, 2 л. *es-tà*, *ēs-a-ta*, известных только из литовского (см. об окончаниях дв. ч. гл. 1, § 3, 4).

*sъ < *sū < *som, косвенно отраженные в южнославянских языках, если слов. *set*, сербохорв. *сам*, болг. *съм* не являются новообразованиями, см. выше, гл. 1, § 6) выводится из аналогичной латинской при допущении вторичности атематического типа и огласовки *e* корня в 1 л. ед. ч. *es-ть, дв. ч. *es-вѣ, мн. *es-ть* (А, где ожидалось бы по Шмальштигу соответственно формы типа *s-g или *s-омъ, *s-овѣ, *s-омъ, Schmalstieg 1980, с. 109). Вместе с тем противопоставление атематических форм и огласовки *e* во 2 л. ед. ч. **es-(s)i*, дв. ч. *es-ta, мн. ч. *es-t, 3 л. ед. ч. *es-t, дв. ч. *es-te, *es-te (В) и тематической формы с нулевой огласовкой 3 л. мн. ч. *s-отъ (С) хорошо сохраняется. К такому же архаическому типу по Шмальштигу относится и древнеармянская парадигма, хотя огласовка форм 1 л. ед. ч. *em*, мн. ч. *emk'*, 3 л. мн. ч. *en* безусловно объясняется перестройкой ожидаемых из *s-em (или *s-om), **s-en(t)* или **s-on(t)* по Шмальштигу при сохранении архаической структуры форм 2 л. ед. ч. *es*, мн. ч. *ēk'* (Schmalstieg 1980, с. 109). Балтийские формы Шмальштиг относит к такому диалектному типу, где осуществилось дальнейшее выравнивание форм за счет устранения противопоставлений по огласовке и замены тематических форм атематическими, как в 1 л. ед. ч. и мн. ч. (А), где тематические формы «скорее всего здесь являются результатом позднейшего развития, хотя в более ранний период они несомненно должны были существовать» (Schmalstieg 1980, с. 115). По огласовке форм группы А Шмальштиг объединяет балтийский с тохарским, хеттским, древнеиндийским и греческим (ср. 1 л. ед. ч. тох. В *nes-au*, А *nas-am*, хет. наст. вр. *e-eš-mi*, пр. вр. *e-šū-un*, др.-инд. *ās-am*⁵, греч. *εἶμι* при сохранении тематической формы в буд. вр. ед. ч. *ἔσ-ο-μαι*, мн. ч. *ἔσ-όμε-θα*, Schmalstieg 1980, с. 111—114). Принимая вслед за Бадер (Bader 1976, ср. выше гл. 1, § 1, 8) архаичность тематических форм типа лат. *sum* < *s-o-m, Шмальштиг предложил реконструкцию парадигмы **es-* 'быть', основанную на допущении редукции гласных в слабой безударной позиции (надстрочное *w* 'weak' — 'слабый') при сохранении их в сильной (надстрочное *s* 'strong' — 'сильный'). Различаются три этапа в истории индоевропейского. На первом этапе (I) ударение обычно характеризовало окончания группы А и С, тогда как окончания группы В оставались безударными, чем предопределилось дальнейшее их развитие на втором и третьем этапах истории индоевропейского (Schmalstieg 1980, с. 126—129):

		I	II	III
А	1 л. ед. ч.	* ^w <i>es-óm</i>	* <i>s-óm</i>	* <i>s-óm</i>
В	3 л. ед. ч.	* ^w <i>és-et</i>	* <i>es-t</i>	* <i>es-t-</i>
А	1 л. мн. ч.	* ^{s i w} <i>es-óm-é-</i>	* <i>es-mé-</i>	* <i>s-me</i>

⁵ Предлагаемое Шмальштигом отождествление др.-инд. *-am* с хет. *-un* основано на спорном фонетическом развитии (выше гл. 1, § 7) и поэтому не кажется правдоподобным, как и реконструкция огласовки для тохарского (ср. Bader 1976, с. 29: тох. В *nes-* < *no-s).

След формы **s-om* можно видеть в лат. *sum* (и тох. *A na-sam*, арм. *em* по Шмальштигу), **es-t(i)* — в лат. *es-t*, хет. *eš-ta*, др.-инд. *ās < *(ē)ēs-t* 'был'; лит. *ēs-ti*, ст.-слав. *ѣсѣ*, греч. *ēs-ti*, хет. *e-eš-zi*, др.-инд. *as-ti* 'есть', **s-me* — в др.-инд. *smāḥ* и в о.-слав. **es-mъ* (если в нем огласовка вторична, как полагает Шмальштиг). Некоторые из форм существующих в диалектах парадигм, согласно Шмальштигу, объясняются аналогическими новообразованиями в огласовке и акцентуации корня и в образовании тематических форм, осуществившимися в более поздние (второй, третий и последующие) этапы истории праязыка:

		IIa	IIIa
A	1 л.	<i>*ēs-om</i>	<i>*es-m</i>
A			<i>*es-om</i>

След формы **es-m-* можно видеть, по Шмальштигу, в греч. гомер. $\eta\zeta < *(e)\acute{e}sm$ (сходная праформа предлагается и для алб. ю.-тоск. диалект. $(j)esh\acute{e}$, Сытов 1976; 1978, но нельзя в обоих случаях исключить и сближения с лув. *ašha < *es-Ho* 'я был'), **es-m(-i)* в ст.-лит. *es-mi*, о.-слов. **es-mъ*, хет. *e-eš-mi*, др.-инд. *as-mi*; **es-om* — в др.-инд. *ās-am* 'я был' (Шмальштигом, видимо, ошибочно сравнивается с хет. *ešun*, ср. выше, примеч. 5), греч. $\acute{\epsilon}\zeta\text{-}\sigma\text{-}\mu\alpha\iota$, ср. лат. *er-o* 'я буду' (последнее сближение, однако, основано на принимаемом в работе Schmalstieg 1980, с. 41, чередовании **-om*: *-ō*; при общепринятом объяснении $-\acute{o} < *oH\ er-\acute{o} < *es-oH$, архаическая тематическая форма второй серии, согласующаяся с другими латинскими формами парадигмы **es-*).

При спорности объяснения отдельных форм (в частности, хеттских и тохарских) в гипотезе Шмальштига привлекает установка на глубинную реконструкцию, заставляющая его возражать против тезиса Куриловича о невозможности «восстанавливать до бесконечности»; Шмальштиг верно говорит, что в таком случае сравнительно-историческая реконструкция вообще невозможна (стоит заметить, что именно аргументом невозможности реконструировать до бесконечности еще недавно обосновывалось и неприятные идеи двух серий индоевропейских глагольных форм, Watkins 1969). Практически отказ от глубинной реконструкции означал бы сохранение прежних реконструкций, нередко искажавших временную перспективу. Шмальштиг, как и Бадер, которой он следует, бесспорно прав в предпринятом ими пересмотре хронологии атематических форм типа ст.-лит. *esmi*. Совпадение балтийской формы с хеттской, древнеиндийской и греческой еще не гарантирует их относительной древности, в особенности потому, что в самом балтийском *-mi* может восходить к **-mei*, а атематический тип на **-mi* был в дописьменный период истории восточно-балтийского продуктивным и мог вобрать в себя глаголы других классов, перестроившиеся по этой модели. Тох. *nesau* (где *-u* восходит либо к *-o < *oH*, либо к **-u* второй серии, ср. Schmalstieg 1980, с. 105), лув. *ašha*, хет. *eš-u(-n)* отражают явно не менее (а скорее всего более) архаический тип

спряжения **es-*. Хотя лингвистам нелегко будет привыкнуть к тому, что *es-mi могло быть общей инновацией нескольких диалектов, тем не менее это новшество им придется принять⁶.

В реконструкции Шмальштага существенно введение четких различий ударных и безударных морфов. Система акцентологических валентностей морфов была предложена В. А. Дыбо на основании типологического сопоставления с абхазо-адыгским: Дыбо 1973; Dybo — Nikolayev-Starostin 1978; сходная модель с учетом более ранних публикаций В. А. Дыбо также используется в работе Kiparsky — Halle 1977, ср. Kiparsky 1973.

В хетском глаголе во 2 л. мн. ч. повел. накл. противопоставлены формы типа *kuen-tén* (см. гл. 1, § 5, о написании *te-en=tén*), соответствующие окситонированному индоевропейскому типу, и *sék-ten* (с написанием *-ten*, а не *te-en*, как в первом случае), соответствующие индоевропейскому баритонированному типу. По-видимому, сходную оппозицию удастся выявить и в причастиях: ср. *a-da-a-an* 'съеденный'=[adán], но *ša-ak-kan*=[sákan] от *šak-* 'знать' (лат. *sciō*). Противопоставление окситонированных и баритонированных форм соотносится с противопоставлением двух серий, ср. о балтийских и славянских акцентуационных парадигмах Иванов 1968; Николаев—Старостин 1977.

В виду противоречивости данных памятников проблема древней акцентуации парадигмы глагола бытия **es-* достаточно сложна для западно-балтийского и восточно-балтийских диалектов в поздний период их предписьменной и ранней письменной истории. Для раннебалтийского на основании сравнения с другими индоевропейскими языками реконструировался ранее подвижный тип парадигмы (I по Стангу, Stang 1966, с. 449 и след.). В старолитовском у Даукши глагол, по-видимому, относится к другому — неподвижному (баритонированному) типу, ср. у Даукши *ne ést'*, *éssqs* (Skardžius 1935, с. 192, 193; Senn 1934—1935, с. 93—97; 1966, с. 288; Stang 1966, с. 451). Представленные у Даукши формы 1 л. ед. ч. *esmi* (Daukša «Postilla», 29₂₁, 150₃₉, 164₆, 164₁₁, 190₄₄, 216₅, 245₁₇, 259₁₅, 261₁₁, 269₄₂, 365₁₆, ср. *něsmi* 22₄₉, *ne esmi* 219₁₅, *ne essmi* 313₂₃), 2 л. ед. ч. *esi* (там же, 127₁₈, 157₁₆, 163₁₁, 169₂₂, 172₂₃, 172₃₁, 360₄₈, 395₂₂, 530₃, 530₄, ср. *estegu tu* 21₂₄, также Vilentas 168₂₇, в Kat. 146₁₈) рассматривались как свидетельство древности акутированных окончаний *-mī*, *-sī*, переносящих на себя ударение по закону де Соссюра (Kazlauskas 1968, с. 293, ср. Stang 1966, с. 127). Но относительно поздний характер этой акцентуации па-

⁶ В свете ностратического внешнего сравнения праформы местоименных элементов, давших атематические окончания первой серии (*-m(i)*, *-s(i)*, *-t(i)*), древнее объектное спряжение) являются не менее древними, чем праформы второй серии (древнего субъектного спряжения, см. выше, гл. 1, §§ 4, 5, 11). Поэтому речь идет не об отсутствии форм на *-m(i)* в древнейшую эпоху истории индоевропейского, а о возможном функционировании их праформ — синтаксических сочетаний с местоимениями, которые могли образовываться первоначально от корней других глаголов (или от данного глагола только в строго определенных семантических контекстах, напр. **est(i)* в контексте обладания).

радигмы ед. ч. нельзя считать полностью исключенным в виду соответствия вероятного прусского ударения во 2 л. ед. ч. этого типа глаголов древнеиндийскому (Stang 1966, с. 452). Окончательно не решен вопрос о происхождении акцентуационных вариантов тех же окончаний у Даукши *esmi* (158₄₂, 194₁₂, 256₂₃, 381₂₀, 446₄₈, 447₆), *esi* (237₂₈, 252₆, 277₅₀, 363₂₈, 381₁₈, 466₃, 542₄₈, 578₁₄, 579₁₃), которые Шпехт и следом за ним Хирт прямо отождествляли с древнеиндийскими *āsmi*, *āsi* (Sprecht — Baranowski 1922, II, с. 31; Hirt 1929, V, с. 304), хотя совпадение ударений здесь может быть результатом типологического параллельного развития. Те же трудности возникают и по отношению к *ēsti*, несущему ударение на корне во всех диалектах кроме в ряде отношений архаического говора Знетелы, где представлено *estī* (Zinkevičius 1966, с. 345, § 617), ср. ударение на окончании в двух первых лицах ед. ч.

Отраженный у Даукши в редких случаях перенос ударения на корень явно вторичен во мн. ч.: 1 л. (Daukša «Postilla», *ēsme*, 404₂₁, 450₁₃, 455₁, 568₄₈, 568₅₀) при *esmè* (там же, 31₁₉, 33₁₈, 44₄₅, 55₅, 96₃₂, 96₃₈, 103₂₀, 111₄₃, 115₁₁, 116₄₇, 128₅₀, 130₇, 177₂₆, 187₅₂, 188₃, 202₁₆, 220₄₄, 233₁₁, 259₅₀, 259₅₁, 280₄, 283₃₄, 294₄, 296₂₉, 296₃₁, 252₂₈, 359₃₉, 366₃₀, 366₅₁, 398₃₈, 414₃₁, 414₃₄, 423₃₁, 453₄₈, 462₄₉, 521₄₆, 522₄₇, 522₅₃, 523₃₄, 542₃₈, 542₃₉, 572₅₂, 575₃₂, 576₃₈; Kat., 47₂₄, 49₃), 2 л. *ēste* (Daukša «Postilla», 458₂₁, 491₂₁, 415₂₂, 528₇, 572₄₉) при *estè* (там же, 324, 99₁₅, 128₂₀, 129₄, 136₁₀, 136₁₆, 191₁₁, 199₃₅, 199₄₄, 199₅₄, 222₁₅, 231₂₈, 233₁₆, 233₃₀, 260₄₉, 261₁₄, 272₁₈, 272₂₁, 319₂₄, 354₁₀, 433₂₀, 433₄₃, 434₄₀, 531₁₄, 532₁₂, 556₁₄, 572₄₈). На нереальности форм мн. ч. и дв. ч. с начальным ударением настаивал Буга (Buga 1959, II, с. 702, 723; 1961, III, 656). Но это ударение реально в формах тематического типа *ēsame*, *ēsate*, *ēsava*, *ēsata* (Zinkevičius 1966, с. 345, § 618), одна из которых (*ēsame*) может быть древней (см. выше).

Если след чередований в парадигме личных форм настоящего времени глагола бытия *es- в славянском сохранился благодаря наличию формы 3 л. мн. ч. (в отличие от балтийского), то характерная для индоевропейского (и хорошо еще отраженная в древнеиндийском, но не в балтийском) связь этих чередований с подвижным ударением была устранена. Парадигма этого глагола перешла в окситонированный тип (в славянском соответствующий древнему подвижному): шток. 2 л. ед. ч. наст. вр. *jěsi*, 1 л. мн. ч. *jěsme*, 2 л. мн. ч. *jěste*, отражающие древнее конечное ударение, как и чакав. 3 л. мн. ч. *sū*, с новоакутовой интонацией из окситонированной формы (ср. отражение новоакутовой интонации в западнославянском: чеш. *jsou*, польск. *sq*, словинц. *sóu*), чакав. 3 л. ед. ч. *jé* < *jěstь < *jěstь; окситонированные формы типа *ecū*, *esmī*, *estē* в русских церковно-славянских текстах (при ударении на корне в дв. ч., объясняемом воздействием церковно-славянского произношения), Stang 1957, с. 127—128; Garde, 1976, 1, с. 110, § 149, с. 117, § 157, с. 163, § 229.

В славянской реконструированной парадигме обращает на себя внимание среди других окситонированных форм 3 л. мн. ч. *sqtb <

*soNti. Обычно ударение реконструированной индоевропейской формы **sénti*/**sónti* мыслится по типу др.-инд. *sánti* (с которым при различии в огласовке корня в остальном совпадают и анатолійские формы, гл. 1, § 5, ср. реконструкцию **h₂s-énti* > микен. греч. *e-e-si*, хет. *a-ša-an-zi*, Oettinger 1979, с. 89), ср. Watkins 1969, с. 25—26, § 2; однако уже греч. дор. *ἐντι* не обязательно согласуется с такой реконструкцией. В др.-англ. *sind*, *sinđon*, др.-сакс. *sind(un)* «*d*- указывает на действие закона Вернера, что находится в противоречии с ударением в санскрите; возможно, наряду с формой **sénti* следует предположить и.-е. **sentí*» (Прокш 1954, с. 234, § 75а). Однако слав. **soNti* может быть не продолжением последней архаической формы, а результатом более позднего преобразования подвижной индоевропейской парадигмы в окситонированную. Древнеиндийская акцентуация форм мн. ч. легко объясняется из колонного принципа, по которому строятся древнеиндийские ведийские парадигмы, а потому в случае 3 л. мн. ч. может и не быть архаической:

- 1 л. $\bar{s}$ -más(i)
- 2 л. s-thá(na)
- 3 л. s-ánti

В формах с вторичными окончаниями в греческо-арийском представлен перенос ударения на аугмент: вед. *ásan* < *á-as-an*, греч. *ἄεν* < **é-es-ent* (Watkins 1969, с. 41, § 19). Был ли возможен аналогичный перенос не на начальное *é-*, а на конечное *-í* (**s-ent-í*, предполагаемое германским и, возможно, славянским) в более ранний период, остается неясным, но это соответствовало бы принципу «эвклитики, они же проклитики», предполагаемому в индоевропейском Жюкуа (Jucquois 1970), ср. закон Васильева-Долобо — Дыбо в славянском.

Славянская парадигма настоящего времени **es-*, (где в формах дв. ч. и мн. ч. представлены окончания, рассмотренные выше, гл. 1, § 3, 4) представляет собой в ряде форм отражение позднеиндоевропейского диалектного типа **ésmi* (о.-слав. **jesmb*; ср. др.-инд. *ásmi*, хет. *e-eš-mi*, вероятно [*ésmil*]), **ésti* (> о.-слав. **jestb*, рус. *есѣ*, др.-рус. *ѣстѣ*, ср. ст.-пол. *jeśc*; ср. др.-инд. *ásti*, хет. *e-eš-zi* согласно Oettinger 1979 [*észil*]), **se/onti* > о.-слав. **soNtb* > **sob*, ср. др.-англ. *sind* < **sentí*, греч. дор. *ἐντι* и т. п. На формы 3 л. ед. ч. и мн. ч., с точки зрения индоевропейской диалектологии существенные для распространения этого позднего типа (Bader 1976, с. 38, 106), в славянском вызывают значительные трудности, т. к. несомненна древность форм **jestb* (ст.-слав. *ѣстѣ*), **soNtb* (> ст.-сл. *ѣтѣ*), существовавших как праславянские диалектные варианты. Отрицание связи этих славянских окончаний *-tb*, *-qtb* с медиальным **-to* (Мейе 1951, с. 256, § 345; Stang 1942, с. 216), **-nto* было основано только на допущении, что окончания этого типа не должны входить в парадигму **es-*. Но со сравнительно-исторической индоевропейской точки зрения это допущение не может считаться состоятельным (см. гл. 1, § 7, 8).

Анатолийские формы 3 л. ед. ч. и мн. ч. парадигмы **es-*, как лув. пр. вр. **-to*, **-nto* > **-ta*, **-nta* бесспорно содержат конечный гласный, который целесообразно сопоставить с **-o* в показателе 3 л. второй серии (Watkins 1969, с. 561; иначе Eichner 1975, с. 80; Oettinger 1979, с. 9, примеч. 5, с. 561—562, примеч. 6). Особый интерес представляет тождественная с о.-слав. *jestь форма 3 л. ед. ч. пр. вр. хет. *ešta* (*e-eš-ta*, *e-eš-za*) < *esto, восходящая к общепанатоллийскому, ср. лув. *a-a-aš-ta*, иерогл. лув. *s(ā)-ta*, *ā-s(a)-za*, *s(a)-ta*; ее сопоставляют и с греч. ἔστο (Bader 1978, с. 30, примеч. 11), что позволяет считать и огласовку хет. [ésta], лув. [ásta] древней. Иерогл. лув. 3 л. мн. ч. пр. вр. *ā-s(a)-ta*, *a-sa₄-ta* [*asata] < *esonto в таком случае соответствует о.-слав. *soNъ > *sotъ (и обнаруживает типологически весьма сходное фонетическое развитие, ср. о типологии развития о.-слав. *oN*, *eN* выше, гл. 1. §).

Если в лувийском формы пр. вр. 3 л. ед. и мн. ч. на **-ta*, **-nta* образуются от всех глаголов, то в хеттском соответствующие формы представлены регулярно только в среднем залоге (где они восходят к общепанатоллийскому, см. выше гл. 1, § 7). В хеттском медиопассивном спряжении окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. *-ta(-ri)*, *-anta(-ri)* противопоставлено 3 л. ед. ч. пр. вр. *-ta-d(i)*, *-anta-d(i)*, где вторичное **-dh-i* в медиальном значении стало приметой пр. вр., тогда как его первоначальные инъюнктивные функции показателя единой категории времени—наклонения свидетельствуются формами 2 л. ед. ч. повел. накл. на **-dhi*.

Расщепление форм 3 л. мед. ед. и мн. ч. **-to*, **-nto* по временным противопоставлениям осуществилось на протяжении дописьменной истории хеттского языка, как и расщепление формы 1 л. ед. ч. **-Ho*, давшей мед. наст. вр. *-hḫa(-ri)*, пр. вр. *-hḫad(i)*. Но так же, как **-Ho*, соответствующее лув. 1 л. пр. вр. *-ha*, функционирует и в составе флексии 1 л. ед. ч. пр. вр. *-hḫ(-u-n)*, **-to* могло сохраниться во флексии 3 л. ед. ч. пр. вр. акт. *-ta* типа *eš-ta*. В пользу предлагаемого объяснения, выводимого из структурного сравнения хеттской и лувийской парадигм, говорят такие формы 3 л. ед. ч. пр. вр. акт., как др.-хет. *mer-ta* 'исчез' (мед. *martari*, др.-инд. аор. *ā-mṛta* 'умер', ср. Иванов 1965; Oettinger 1979, с. 105); др.-хет. *luk-ta* 'рассвело', *nu-mu*. . . *lukta* 'и мне стало светло' = 'и меня осветило'. Иванов 1965 (в древнехеттском по аспектоидному признаку совершенности действия эта форма отличается от медиопассивных форм и поэтому никогда не имеет варианта на *-ri*, Oettinger 1979, с. 273), ср. характерную архаическую парадигму др.-хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. акт. *nekuzzi* 'темнеет, вечереет' при 3 л. ед. ч. пр. вр. мед. *ne-ku-ut-t* [*a-at*] (Oettinger 1979, с. 209). Для обоих глаголов, возводимых к общепанатоллийскому (поскольку от них образованы общепанатоллийские корневые имена **leuk-* и **nok^{wt}-*) можно восстановить исходные соотношения **l(e)uk-t-i*: **l(e)uk-t-o* = **n(e)k^w-t-i*: **n(e)k^w-t-o*. Формы на **-t-o* представляют собой производное с **-o* второй серии от исходных на **-t(-i)*, но в хеттском и лувийском

*-o- могло иметь не только медиальное, но и временное значение. Объяснение подобных форм из агглютинации древнего местоимения *-t-, по-видимому, оправдано для очень древнего периода истории языка (Schmalstieg 1980, с. 92—93, 101, 107; ср. выше, гл. 1, § 4, 11, о функционировании *-t-i, *-t-ä как местоименной основы в ностратическом), но едва ли следует принимать повторное развитие этого типа в славянском для объяснения форм типа *jestь, *soNtь (присоединение местоимения *-to- по Фортунатову, Кузнецов 1956; 1961, с. 95; Обнорский 1941; 1953; Watkins 1969, 217—219, § 209—219, Schmalstieg 1980, с. 104, но ср. Stang 1942, с. 219, 232)

В самом славянском при отсутствии четкого противопоставления первичных и вторичных окончаний след *-to обнаруживается в других (сигматических) типах образований (гл. 1, § 10). Поэтому представляется возможным вернуться к такому (с индоевропейской точки зрения простейшему) объяснению этих форм как альтернативе по отношению к возможному фонетическому или синтаксическому (хотя объяснение из синтаксического сложения вполне вероятно по отношению к значительно более ранней эпохе). Возведение -tь < *-to согласовалось бы и с пониманием формы 2 л. ед. ч. настоящего времени *jesī, где, как и в балт. *es-(s)ei, выделяется окончание *-(s)ei (Bader 1976, § 11, с. 59, § 17, с. 73—74). Это окончание предполагает наличие в древности того типа спряжения, который образовался при взаимодействии двух серий глагольных форм. Такое же взаимодействие было необходимым для возникновения медиальных форм на *-to, общих для большинства индоевропейских диалектов (гл. 1, § 7, 8). В таком случае форма *jestь могла бы быть признана архаической (а не результатом позднейших фонетических процессов отвердения, объяснение которых остается в большинстве случаев неясным), как и соотносившаяся с ней форма *soNtь, но окончательное решение этого вопроса зависит от того, удастся ли последовательно объяснить эти формы как фонетические (или синтаксические по Фортунатову) инновации (тогда гипотеза об индоевропейском архаизме отпала бы). В противном же случае, если реконструкция *es-to, *s-onto окажется возможной, она относилась бы к такой ранней эпохе, когда формы этого типа еще могли не иметь конкретной временной (а возможно и залоговой) характеристики, противопоставляясь «актуализирующим» формам типа *es-t-i, инъюнктивным формам типа *es-t, модальным типа пов. накл. *est-u и т. п.

§ 3. Глагол *ed- 'есть'

В старолитовском представлены (наряду с тематическими формами, в частности у Бреткунаса) такие атематические формы глагола ed-, как 3 л. *ēst*, 1 л. мн. ч. *ēme* (Daukša «Postilla», см. Senn 1934—1935; Kazlauskas 1968, с. 307). Для середины XVII в. атематический тип свидетельствуется грамматикой Клейна: «Tertia conjugatio est Verborum in *mi*, ut: . . . *emī* 'edo' третья спряже-

ние — это спряжение глаголов на *mi*, а именно: . . . *mī* 'ем') Klein 1957, с. 212—213 (=116—117 по пагинации первого издания), но для 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр. указываются тематические формы *edi*, *ed* (там же, с. 216—120) наряду с атематическим *est* (характерно, что эта форма добавлена в конце книги, с. 272=176); те же формы *emī* 'ich esse' 'я ем', *ēdi*, *ēd*, *ēst* даются и в «Компендиуме» Клейна (там же, с. 370=90). Два столетия спустя Шлейхер приводит атематическую парадигму: *ēdmi* (auch *ēmi*), *ēst*; *ēdme*, *ēste*; *ēdva*, *ēsta* (Schleicher 1856, с. 253, но ср. Kurschat 1876, с. 304). Тематическая форма 1 л. ед. ч. *iš-ēdu* дается в словаре в начале XVIII в. в «Dictionarium trium linguarum» Ширвида наряду с атематической формой *iš-emi* (Sabaliauskas 1957, с. 101; Senn 1966, 1, с. 295, § 553). В современных диалектах атематическая форма 1 л. отсутствует, ее след сохранился в диалектах Лазун и Зиетелы: *ēmu* (с обобщением *ēm-* на другие лица, Zinkevičius 1966, с. 347—348, § 625), ср. аналогичную форму — латыш. диал. *ēmu* (диалекты Valmiera, Mazsalaca, Blidiene, Endzelins 1951, с. 728, § 601 с; Rudzīte 1964, с. 131) при более распространенном тематическом латыш. диал. *ēdu*, аугшвемн. *ādu*, *ādu* (Aknīste, Ancītis 1977, с. 231, § 360).

Атематическая парадигма (ст.-слав. ед. ч. наст. вр. 1 л. ѣмъ, ѣмь, 3 л. ѣстѣ, ѣстѣ, мн. ч. 3 л. ѣдѣтъ) в славянском представлена с большей отчетливостью, чем в балтийском (в прусском формы настоящего времени к инфитиву *ist* 'есть' не засвидетельствованы). Славянская парадигма полностью соответствует позднеиндоевропейской, отраженной в некоторых лицах в анатолийском (хет. *ītmil*) и во всей парадигме в древнеиндийском (*ādmi*), тогда как раннее обнаружение тематических форм наряду с атематическими в балтийском может свидетельствовать об архаизме, ср. замечание Бадера о др.-ирл. *ithim* (супплетивный глагол 'есть'): «формы презенса, где раньше всего было введено *-mi*, вполне могли быть именно теми, в которых существовало колебание между атематической и тематической флексией, например, *ithim* 'я ем' при греч. *ἔδω* (полностью тематическом), лат. *edō* (полутематическом: *ēs*, *ēst*, и т. п.), др.-инд. *admi* (полностью атематическом), хет. *edmi* (супплетивный глагол)», Bader 1976, с. 97 (ср. с. 30, 108). В этой типологии парадигм настоящего времени глагола **ed-* восточно-балтийский, как и латинский, занимает промежуточное место между преимущественно тематическими парадигмами второй серии (греческой, но ср. *ἔδ-μεναι*) и преимущественно атематическими первой серии (славянской; где, как и в рассмотренной выше, § 2, парадигме **es-*, можно вслед за Шмальштигом считать архаизмом тематическую флексию 3 л. мн. ч. *-eNtъ* < **e/onto*, и отчасти древнеиндийской, где только 2 и 3 л. ед. ч. имперф. *ādaḥ*, *ādat* имеют тематический гласный). Др.-хет. 3 л. мн. ч. пр. вр. *eter* своей огласовкой и окончанием свидетельствует о принадлежности ко второй серии — «доанатолийскому инфинитиву перфекта», как Эттингер называет форму, реконструируемую им с удвоением первого слога: **h₁e-h₁d-*

$eh_1-re^7 > [ēdēr]$, Oettinger 1979, с. 113. Специфическая редупликация предполагалась ранее в др.-ирл. $ēod-$ от $ed-$ (Thurneysen 1946, с. 345, § 534, с. 426, § 689, с. 471, § 766): $dufuetar$, $dofeotar$, $deotar$, $duatar$ (с преобразованием формы на $-r$, которая изначально могла быть родственна $-r$ в окончании хет. $eter$, см. гл. 1, § 7). По-видимому, к числу родственных древних форм второй серии от $*ed-$ относится др.-инд. 1 л. ед. ч. перф. $āda < *ēd-$ Но (см. Schwyzer 1939, I, с. 650.3; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 284, § 520.1), долгота (или редупликация) соответствует не только лат. перф. $ēdi$, но и специфической редупликации др.-ирл. $ēod$ в совершенных формах; к типу образования $āda$ ср. др.-инд. $āsa$, гр. $ἦα$ (алб. $jeshē?$) от $*es-$ (гл. 1, § 7, 9; гл. 2, § 2). Соответствие др.-инд. $āda$: лат. $ēdi$: др.-ирл. $ēod$ позволяет установить общеиндоевропейский характер долготы гласного в этих формах второй серии, как и в хет. $[ēd-ēr]$.

Поскольку больше нельзя утверждать, что тип вед. $admi$ бесспорно древнее, чем тип ст.-лат. $edō$ (вопреки частым утверждениям: Thumb — Hauschild 1959, II, с. 251—252, Watkins 1969, с. 159, § 146, ср. о балтийском и славянском с. 31, § 8), огласовка приведенных архаичных форм второй серии с долгим e в корне может быть использована для объяснения загадочных форм наст. вр. и отглагольных имен с такой же огласовкой корня.

В глагольной парадигме 1 л. ед. ч. лит. $ēmu$, ст.-лит. $ēmi$, латыш. $ēmu$, возможно и прус. $[ēst]$, $[ēstvei]$; $[ēduns]$, $[ēdaitē]$ (Schmalstieg 1974, с. 216), написания ist , ist (инфинитив), $istwei$, $istwe$ (инф.), $iduns$ (прич.), $ideiti$, $idaitti$, $ydieyti$, $edeitte$ (2 л. мн. ч. пов. накл.); ст.-слав. $ѣма$, 3 л. мн. ч. $ѣматъ$ обобщено долгое e (Мейе 1951, с. 68, § 99; с. 166, § 205; Stang 1942, с. 21; Kortland 1975, с. 23, с. необязательным объяснением долготы из ларингального, но ср. выше о реконструкции Эттингера). В таких древних отглагольных именных производных, сохраняющих связь с глаголом, как лит. $ēda$, латыш. $ēda$ 'наживка, приманка', рус. $eda < *ēdā$, укр. ida , болг. $яда$, соответствие долготу гласному обнаруживается в греч. $ῥδῆ$ (см. об этом слове и его соответствии рус. eda Benveniste 1964, с. 32; к долготу $ō$ в греческом ср. также арм. $utem$, 1 л. ед. ч. наст. вр. от $ōd-$), др.-исл. $át$ 'еда' (общеиндоевропейский характер $*ē$ в лит. $ēda$ предположен в кн. Stang 1966, с. 123). Древность долготу e в балтийской и славянской глагольной парадигме (Meillet 1906, с. 336—337) подтверждается сравнением с долгим e , характеризующим корень в атематических формах

⁷ Подобная реконструкция, как и $*h_1e-h_1s-eh-re$ для $*[ēsēr] >$ хет. $ēšir$ 'они были' (см. об этой форме § 2 настоящей главы), напоминают индо-хеттские реконструкции Стергеванта комбинацией некоторых младограмматических грамматических концепций (редуплицированный перфект) с умножением числа ларингальных. Даже если ностратическая реконструкция (как это представляется возможным) приведет к необходимости принятия рано исчезнувшего ларингального в начале корней типа $*es-$, $*ed-$, пока что нет достаточных данных для постулирования их в рассматриваемый период, непосредственно предшествующий распадену праязыка на древнейшие исторически известные диалектные группы.

(в отличие от краткого *ē* в тематических) лат. *edō*, согласно латинским грамматикам (Эрну 1950, с. 218, § 257; ср. о различных возможных объяснениях долготы Тронский 1960, с. 253, § 610; Safarewicz 1969, с. 246—247, § 308.2). Высказанная Куриловичем (Kuryłowicz 1956, с. 306—308; 1968, § 387—388, с. 305—307) и принятая Уоткинсом (Watkins 1969, с. 32, § 8) гипотеза о том, что долгая ступень *ēd-* в латинском и славянском не унаследована от общиндоевропейского, основана на предположении о первичности др.-инд. *átti* по отношению к лат. *ēst*, ст.-лит. *ēst(i)*. Однако принимаемая при этом безусловная древность атематического индоевропейского типа форм от **ed-* по сравнению с тематическим в свете приведенных данных ставится под сомнение. Кроме того хетский язык (при всех трудностях в интерпретации форм, которые частично смешиваются фонетически с формами, имеющими суф. *-s-*, см. ниже) свидетельствует о древности огласовки *ē* в [*éd^sti*] (по Эттингеру из **h₁éd^sti*, Oettinger 1979, с. 89, там же сопоставление е огласовкой в балтийском и славянском).

Из приведенных соответствий видно, что долгий **ē* выступает в тех индоевропейских диалектах, где на границе морфов перед начальным *-t-* флексии конечное *-d-* корня изменилось в *-s-* (см. гл. 1, § 5). Эта закономерность особенно отчетливо видна в парадигме латинского инфекта, где чередуются алломорфы *es-* перед *-t* (3 л. ед. ч. изъяв. н. *ēs-t*, ср. зал. *ēs-tur*, 2 л. мн. ч. изъяв. н. *ēs-tis*, 2 л. мн. ч. наст. вр. повел. н. *ēs-te*, 2—3 л. ед. ч. буд. вр. повел. накл. *ēs-tō*, 2 л. мн. ч. буд. вр. повел. н. *ēs-tōte*) и *ed-* перед всеми другими окончаниями, начинающимися с гласной. Два исключения из этого правила дистрибуции алломорфов (2 л. ед. ч. изъяв. н. и наст. вр. повел. н. *ēs*) должны объясняться отраженным у латинских авторов расширительным его толкованием, согласно которому в парадигме *edō* перед всяким окончанием на согласный появлялся долгий гласный в корне (*ed-s* > *ēs*; в аномальной форме повел. н. *ēs* с синхронной точки зрения нулевое окончание выступает в функции согласного, причем автоматически меняется и конечный согласный корня). Однако эти морфологические правила, видимо, не восходят к общиндоевропейскому (ср. хет. *ēter*).

В последнее время было предложено несколько фонетических объяснений долготы гласного в корнях этого типа: ее связывали с исходом корня на звонкий согласный (закон Винтера, Winter 1979), который при интерпретации его как глоттализованного (Гамкрелидзе — Иванов 1980, I) мог бы послужить источником удлинения гласного (Kortland 1977). Но независимо от возможного древнего фонетического источника долготы позднее она использовалась в отдельных диалектах как морфонологическое средство организации парадигмы. В хетском парадигма, по-видимому, перестроена из-за введения чередования *ē* в ед. ч.: *a* во мн. ч.: др.-хет. ед. ч. 1 л. *e-it-mi*, 2 л. *e-iz-ši*, мн. ч. 1 л. *a-tu-e-ni* (*e-du-wa-a-ni*, KUB XXIX 1 I 15, *e-du-e-[ni]* с возможным отражением древней огласовки), 3 л. *a-da(-a)-an-zi* (Oettinger 1979, с. 90, предполагает обобщение типа чередования *ē*: *a* во всех глаголах этого

подкласса). В иерогл. лув. 3 л. ед. ч. повел. накл. *a-za-tu* [*ad^ztu*] 'да съест он' (но см. ниже о возможном *-s-* в этой форме) тип огласовки тот же, что и в родственных индо-иранских формах. Несовпадение хеттской и ведийской парадигмы видно в обобщении полной ступени в др.-инд. 3 л. ед. ч. *át-ti*, мн. ч. *ad-ánti* (ср. полностью аналогичное греч. ἄδωντι), прич. *adant-*, тогда как в хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *et-mi* 'я ем', 3 л. мн. ч. *ad-anzi* отображено чередованием *e* в ед. ч. и ступени редукции во мн. ч., аналогичное **es-*: **s-* (хет. *eš-*: *aš-*) в др.-инд. *ásti*: *sánti* (ср. гл. 1, § 2, 5), ср. греч. дор. ἐντι при атт.-ион. εἰσι < *s-enti. Подобное чередование в балтийском (и может быть славянском) могло бы быть восстановлено только на основании названия 'зуба': ст.-лит. род. п. мн. ч. *dantu*, *Dauksa* «Postilla», 83, лит. *dantis* 'зуб' (Fraenkel 1950, с. 108—109; 1955—1965, с. 82), прус. *dantis* 'зуб', *dantimax* 'десна' (Топоров 1975, I, с. 298—300 с литературой), ср. предполагаемое слав. **dętel-* в рус. *дятлина* 'клевер, Trifolium', сербо-хорв. *дѣтелина*, болг. *детелина*, словен. *d'ętelja*, пол. *dzięcielina* и др.⁸ и в рус. *дятел*⁹, а также *dent-* (*mok-sna*) в *dęsna по Махку, Machek 1957, с. 111.

Давно уже предлагавшаяся интерпретация этого общеиндоевропейского названия зуба как старого производного на *-nt-* (отглагольного прилагательного или причастия, ср. о слабых падежах с огласовкой *dat-* в древнеиндийском Thumb — Hauschild 1959, II, с. 119, § 346) от индоевропейского корня *ed-* 'есть' стала еще более вероятной благодаря открытию у хет. *adant-* (прич. наст. вр. от *ed-*) двойственного залогового значения 'съеденный; едящий' = 'съевший' (к значению 'едящий' ср. хет. акт. *-nt-*: Иванов 1965; Tchekhoff 1978). Оно является архаичным в виду обычной однозначности пассивного значения хеттских причастий на *-nt-* от переходных глаголов (возникшей после исчезновения в хеттском общепанатолійских медиопассивных причастий на *-mo-*, объединяющих лувийско-ликийскую группу с балтийским, славянским и албанским, ср. также следы этого типа в др.-хет. *lalukkima-* 'лучезарный' и т. п.: Oettinger 1979, с. 276, 341; Иванов 1957, с. 24; 1963, с. 152; ср. о параллелях в развитии причастий на *-nt-* в балтийских и других языках (Иванов 1963а; 1976а, с. 227; 1978а, с. 71; Benveniste 1962, с. 27—32; Stang 1966, с. 466). Правдоподобно возведение хет. *adant-* (ср. *ašant-*, выше, § 2), ст.-лит. *dant-*, прус. *dant-* (ср. *sant-* как основу причастия с той же огласовкой) к индоевропейской основе старого отглагольного имени (позднее

⁸ На основании типологической параллели во фриульском названии клевера *dint di cian* возводятся к **dent-* 'зуб', Pisani 1953, с. 11, Фасмер — Трубачев 1964, I, с. 562. Другое объяснение предлагал Махек (Machek 1954а, с. 121, но там же указаны и случаи названия клевера по животным, в частности, коно, что можно было бы использовать и для сближения с названием дятла).

⁹ Возведено к **dent-* 'зуб' Погодиным (Преображенский 1910—1914, 1, с. 211; Поливанов 1928). С семантической стороны эту этимологию можно подтвердить ритуальным отождествлением клюва дятла с человеческим зубом, например, при лечении зубной боли у якутов, Lévi-Strauss 1962, с. 16 (со ссылкой на материалы Зеленина).

прилагательного) на *-nt-*, причастия, откуда позднейшее значение активного причастия или же специализированное употребление в качестве обозначения зуба (Иванов 1963, с. 107); отсутствие названия зуба от этой основы в латышском и славянском объясняется семантической инновацией, охватывающей тохарский, албанский, македонский (Топоров 1975, I, с. 299; в хеттском название зуба образуется также от другой основы). Существен полный параллелизм производных в хеттском, напоминающих парадигму с чередованием *-r/-nt* (и с соответствующим чередованием огласовок корня): *ešri* 'существо': *ašant-*, прич. от *eš-* (выше, § 2); *etri* 'корм для скота': *adant-*, прич. от *ed-* при греч. гом. *εἶδρα* 'еда, корм': *εἶδατα*, лит. *éd-rà* 'корм для скота': *éd-rù-s* 'прожорливый, всеядный' (гл. 1, § 5): *dant-(i)* 'зуб'. Но в балтийском (и тем более в славянском, где этимологии **deŕel-* остаются спорными) связь между **deŕont-* и **ed-* была утрачена уже в очень древний период. В хеттском сохраняется связь огласовки причастия *adant-* с формой 3 л. ед. ч. наст. вр. *adanzi* (при расхождении огласовки названия зуба с 3 л. мн. ч. *adanti* и причастием *adant-* в ведийском).

Форма названия 'зуба' **deŕont-* и сохранение в нем следов активного значения, характерного для архаических хеттских именных производных с суф. *-nt-*, но не для других причастий от переходных глаголов кроме *akuwant-* 'выпитый; пьющий' свидетельствуют о древности времени образования слова, которое было «не правильно построенным причастием, а древним именным производным, сохранявшим первоначальное значение корня» (Oettinger 1975, с. 62). В этом случае слово не должно использоваться непосредственно для реконструкции древней глагольной парадигмы, как это часто делалось для обоснования ее древней подвижности, засвидетельствованной в чередовании ударений, но не в огласовке в древнеиндийском (*átti: adánti*), ср. в хеттском [*éd'zi*] : [*adanzi*]).

У Даукши и в диалектных записях Куршата отражен подвижный тип старолитовской парадигмы — прич. *ėdas*, в. п. *ėdanti* (Skardžius 1935, с. 212, 216; Stang 1957, с. 127, 164; 1966, с. 451, 458). Балтийской подвижной парадигме отвечает окситонированная славянская, восстанавливаемая на основании рус. *edám*, чеш. *jeďí* и следов подвижности в сев.-слов. (вост.-штир.) супине (Stang 1957, с. 127; Дыбо 1958, с. 60; 1980; Garde 1976, 1, с. 163, § 229; иначе Kølln 1969, с. 23, Николаев — Старостин 1977, с. 53).

§ 4. Глагол **ei-* 'идти'

Атематическая парадигма глагола засвидетельствована в старолитовском (Sprecht 1935, с. 83—85; Senn 1934—1935; 1966, с. 295; Sabaliauskas 1957, с. 95—98; Kazlauskas 1968, с. 307): *eimi* (1 л. ед. ч., 20 раз у Даукши), *eisi* (2 л. ед. ч.), *eiti*, 3 л. (Petkevičius 1598, 92, Psalmas 122, ср. Zinkevičius 1971, 2, с. 78, 4), *eit* (220 раз у Даукши). Клейн дает парадигму: *eimi/jeo*, *eisi/eiti/eit* (Klein

1957, с. 217—121). До настоящего времени в архаичных говорах сохраняются формы *eiml* (в Лазунах, Senkus 1958, с. 189), *eit* (< *eiti*) (в Лазунах и Зиетеле, Zinkevičius 1966, с. 374, § 624), ср. латыш. *iet*. В старолатышском сохранилась форма 2 л. ед. ч. *ese* (= *iesi*, Endzelīns 1951, с. 704, § 596а, с. 720, § 601в) 'gehest' (катехизис 1586 г.); атематический характер форм мн. ч. наст. вр. 1 л. *ëimē*, 2 л. *ëitē* сохранил диалект Aknīste (Ancītis 1977, с. 231, § 360), форма 1 л. ед. ч. в архаических диалектах сохраняет след атематического образования наряду с тематическим: *iēmu²/eju* (Rudzīte 1964, с. 130, 359; 1970). Прусская атематическая форма 2 л. ед. ч. *ēisei* указывает на наличие ударения на корне, как в др.-инд. *ēsi* (Stang 1966, с. 452). Но наличие прерывистой интонации в лат. *iēt* (в диалектах Центральной и Восточной Латвии) представляет трудность для восстановления точного облика древней восточно-балтийской парадигмы, продолжающей древнюю подвижную (Stang 1966, с. 58—59 и 458; Garde 1976, 1, с. 153).

Форма 3 л. наст. вр. лит. *eti*, латыш. *iet*, прус. *eit* соответствует др.-инд. *ēti* < **eiti*, авест. *aēiti* (= AY. TI), греч. *εἶ-τι* < **ē-τι* (мик. прич. *i-jo-te* = *ἰοντες*), лув. *iti* (< **ei/iti*, Иванов 1958а, с. 145—146; 1965, с. 74), иерогл. лув. *i-di* 'он идет', хет. *pa-izzi*, ст.-лат. *it* (у Плавта) < **eit* с огласовкой **e*, проводимой во всех формах ед. ч. наст. вр. От огласовки **e*, отраженной в этих формах, отлична ступень редукции в основе о.-слав. *jьd-g* (Stang 1942, с. 51, там же о польск. *odejzie*). Эта ступень хорошо согласовалась бы с гипотезой о происхождении **jьd-* из и.-е. 2 л. ед. ч. повел. накл. **i-dh(i)* (Поливанов 1923; Kořinek 1938, с. 452, прим. 1; Иванов 1965, с. 75, прим. 65; Иллич-Свитыч 1967, с. 81), ср. греч. *ἴθι*, др.-инд. *ihī*, авест. *iθi*, др.-пер. *idiy*, хет. *it* < **i-dhi* (Иванов 1963; Oettinger 1979, с. 348, 389). Предлагаемое этой гипотезой сохранение императива **i-dh(i)* в славянском можно было бы сопоставить типологически с сохранением хеттского императива *it* 'иди!' в парадигме хет. *pai-* 'идти' < **po-(e)i-*. Но, по видимому, более правильным было бы объединение этой точки зрения с такой, где *-d-* сопоставляется с **-dh-* в медиальной функции в индоевропейских основах (Stang 1942, с. 51; о значении суффикса см. Бенвенист 1955).

В хеттском языке с глаголом первой серии *i-*, *pai-* < **po-(e)i-* соотносился медиопассивный глагол *iya-* 'идти, ходить, шагать, идти походом, ехать (на колеснице)' (последнее значение в среднехеттских гимнах Богу Солнца), родственный др.-инд. *yā-* 'идти, ходить, ехать', тох. В *iya-* 'приезжать', тох. А *yā-* (долгий гласный в части форм чередуется с тематическим гласным, что и в тохарском, и в других диалектах можно было бы объяснить влияние приметы **-H-* в этих формах); лит. *jója*, *jójo*, *jóti* 'ехать', латыш. *jāj*, *jāja*, *jāt*, ст.-слав. *ѣдѣж*, *ѣхати* 'ехать', сербо-хорв. *jāhati*, рус. *ехать*, *ехала* (Иванов 1957, с. 25—26; 1965, с. 117—120; 1968, с. 246; Лейн 1959, с. 173; Garde 1976, 1, с. 149, 300 — расхождение между баритоническим типом славянского глагола и латышской прерывистой интонацией). Значения хеттского глагола на-

ходят соответствие в семантике др.-инд. $yā-$; одно из значений хеттского и древнеиндийского глаголов ('ехать') вместе с тем близко к значению указанных тохарских, балтийских и славянских слов (поэтому нуждаются в исправлении замечания Мейе 1951, с. 405, § 577). Следует также отметить архаические производные имена существительные, возводимые к той же основе: лат. $iānna$ 'вход, дверь' (ср. вед. $yāna$ 'повозка'), см. Иванов 1965, с. 118; Watkins 1969, с. 54, § 33.

Хеттское соотношение $i-$, $iya-$ (актив первой серии, др.-хет. 3 л. мн. ч. наст. вр. $ya-an-zi$, Повесть о Цальпе; КВо XXII 2 Vs. 7, Eichner 1974, 184, Oettinger 1979, с. 349): $iya-$ (медиопассив, объясняемый из древней второй серии) оказывается по происхождению родственными аналогичному соотношению между о.-слав. инф. iti < $*eiti$ 'идти' (ст.-слав. ити, Stang 1942, с. 115), лит. $eiti$: о.-слав. $*jāti$ 'ехать' (ср. Stang 1942, с. 52), ст.-польск. и польск. диал. jat , чеш. $jeti$, лит. $jōti$, инф. к $jōja$, $jōjo$, латыш. $jāt$, инф. к $jāj$, $jāja$. В праславянском к соотносительной паре глаголов $*iti$: $*jati$ были образованы одинаковые основы настоящего времени с суф. $*-d$ $*idq$: $*jadq$, ср. интенсивные образования в балтийском: лит. $jodjti$, латыш. $jādu$, каузатив $jādināt$ (лит. $jodinti$) и лит. диал. $eidinė$ (именная форма), Stang 1942, с. 141—143; 1966, с. 365, 369; Endzelins 1948, с. 201, § 379, с. 209, § 393; 1951, с. 839, § 666. Яунису принадлежит гипотеза, по которой литовские $causalia passiva$ были образованы с помощью $*-dh-$ (> греч. $-θ-$ в пассивном значении), Явнис 1916, с. 201; сходным образом объясняется о.-слав. $*i-d-q$, $*ja-d-q$: Stang 1942, с. 52 (но ср. выше о допущении и импер. $*dhi-$ > $-d$). Различие между образованием основ настоящего времени на $-j-$ в балтийском и на $-d-$ в славянском можно связать с тем, что $-d-$ стало морфологическим средством устранения зияния, функционально сходным с $-j-$.

Балтийская основа на $-j-$ (лит. $jōja$, латыш. $jāj$), включающая возможность образования презентной непереходной основы на $-st-$ (Arutaa 1957, с. 119, ср. отсутствие итератива на $-šk-$ от $iya-$ в хеттском), сходна с другими приводимыми ниже балтийскими глаголами на $*-y^o-$, отражающими индоевропейские глаголы второй серии и поэтому соответствующими греческо-арийским корневым аористам. Поэтому закономерным является наличие в «Ригведе» сигматического аориста к глаголу $yā-$: $ayāsam$, $ayāst$, $ayāsus$, Елизаренкова 1960, с. 104. Поскольку эти аористические формы не принадлежат к числу продуктивных, Уоткинс предположил в них след тех же сигматических образований, которые продолжают и в формах балтийского будущего времени и славянского аориста (Watkins 1969, с. 54, § 33). Поэтому можно считать вероятным, что соотношение $*eiti$: $*jati$ в праславянском и общебалтийском отражает различие двух основ, восходящих к корню $*ei-/i-$, из которых одна спрягалась по первой серии, другая — по второй (ср. ниже об аналогичном соотношении между $*ed-$ и $*ed-s-$). Восстанавливаемая для второго глагола праформа $*iā-$ < $*i-oH_2-$ (< $*i-eH_2-$) отвечает древнейшему типу тех основ на

$\bar{a} < *oH_2$ с корнем в нулевой ступени, к которому можно возвести наиболее архаичные основы прошедшего времени в тохарских и некоторых «древнеевропейских» языках, в том числе в балтийском и славянском, ср. Лейн 1959, с. 173, Anttilla 1969, с. 59, § 5.31.

Наличие форм именно второй серии наряду с атематическими первой серии (типа др.-инд. *émi*) доказывается соответствием лув. 1 л. ед. ч. пр. вр. *iḫa* 'я шел': лат. *iī*: гот. *iddja*: греч. *ῥῖα* 1 л. ед. ч. (ср. 3 л. ед. ч. *ῥεῖ*, (*ῥ*)*ιε(ν)*), лат. *-ieit*, лув. *-ita*, хет. *weda*): хет. *wēr*, от *w-ai-*, лат. *iēre*, 3 л. мн. ч. (Bader 1976, с. 40, прим. 69, с. 51, 84, прим. 302, с. 100; 1978, с. 30). Судя по свидетельству таких пережиточных форм, как др.-инд. перф. *iṅ-āya*, 3 л. мн. ч. *iṅiḥ*, мед. *iṅé*, хет. мед. *iiaḫḫa* (ср. лат. *eō* с другой ступенью огласовки корня), для общиндоевропейского может быть восстановлен тематический глагол второй серии **(e)i-(o)H(o)* (ср. Thumb — Hauschild 1959, II, с. 284—285; Bader 1976, с. 51; 56—57, 80, 85, 100, 107—108), постепенно перестраивавший свой тип спряжения, переводя некоторые формы в первую серию. Не только др.-инд. *yā-mi* оказывается новообразованием по сравнению с типом, отраженным в лит. *jōja* (вопреки Уоткинсу: Watkins 1969, с. 215, § 207, с. 199, § 186, см. критику ошибочного предположения о большей древности атематического презенса: Иванов 1968, с. 246, прим. 98; Bader 1976, с. 51, прим. 121), но и др.-инд. 1 л. ед. ч. *émi* более новой формой (хотя и позднеобщиндоевропейской) по сравнению с др.-инд. мед. *iṅé*; др.-инд. *áyate*, сходное с 3 л. ед. ч. мед. хет. *i-ya-ta-(ri)* основано не на параллельном развитии (Oettinger 1979, с. 349), а на перестройке по типу спряжения на *-mi* (с включением **-t-*) флексии 3 л. ед. ч. второй серии. Древность анатолийских и древнеиндийских медиальных форм от **ei-* делает более правдоподобным и возведение слав. **-d-*, балт. **-d-* в основах, произведенных от этого глагола, к мед. **-dh-*.

Опыт хронологического расслоения и внутренней реконструкции по отношению к исходным тематическим и более поздним атематическим формам от **ei-* предпринял в своей последней книге Шмальштиг, исходящий (как и по отношению к **es-*, см. § 2 настоящей главы) из трех основных периодов (Schmalstieg 1980, с. 130—131):

		I	II	III
A	1 л. ед. ч.	<i>*ey-óm</i>	<i>*y-óm</i>	<i>*y-óm</i>
B	3 л. ед. ч.	<i>*éy-et</i>	<i>*éy-t</i>	<i>*i-t</i>
A	1 л. мн. ч.	<i>*ey-om-é</i>	<i>*ey-mé</i>	<i>*i-me</i>
B	3 л. ед. ч.	<i>*ey-ét</i>	<i>*y-et</i>	<i>*y-et</i>

След формы 1 л. ед. ч. **y-om* Шмальштиг хотел бы видеть в хеттском, где для этого ему приходится предполагать маловероятную этимологическую связь с другим глаголом (*iya-* 'делать', см. гл. 1, § 2), и (вслед за Bader 1976, см. выше, гл. 1, § 8) в тох. В *yat*, А *yāt*; 3 л. ед. ч. **it* — в лат. *it* (если не из **ey-t*, см. ниже); 1 л. мн. ч. **i-mé* (с конечным ударением, явившимся инновацией

периода I) — в др.-инд. мед. *i-make*, лат. *i-mus*; 3 л. ед. ч. *y-et (из *ey-ét с инновацией периода I — конечным ударением по аналогии с *ey-óm) — в хет. мед. *i-ya-at-ta*, 2 л. ед. ч. наст. вр. тох. А *yät*, В *yat* (Шмальштиг при этом сопоставлении исходит из вероятного сближения 2 л. и 3 л. в тохарском, как и в других языках, см. Schmalstieg 1980, с. 101—103).

Некоторые из форм диалектных парадигм Шмальштиг объясняет новообразованиями последующих эпох (Schmalstieg 1980, с. 130—131):

		IIa	IIIa	IIIb
A	прич.	* <i>ye-t-ó</i>	* <i>i-tó</i>	
A	1 л. ед. ч.	* <i>éy-om</i>	* <i>ey-m</i>	
B	3 л. ед. ч.	* <i>éy-et</i>	* <i>ey-t</i>	
A	1 л. мн. ч.	* <i>y-omé</i>	* <i>t-me</i>	
A				* <i>ey-om</i>

След *i-tó Шмальштиг видит в греч. *ítóς*, лат. *itum*, др.-инд. *i-tá*; *ey-á — в греч. гом. *ἴῃα* (видимо, ошибочное объяснение, нужно из *eiHo, ср. лув. *iḫa*, лат. *it*), *ey-t — в др.-инд. *ait* < *ě-ey-t (форма с аугментом) и вероятно ошибочно — в форме *eit* от хет. *iya-* 'делать'; *ey-ti — в ст.-лит. *ei-ti*, греч. *εἶσι*, др.-инд. *e-ti*; *i-mé — в др. инд. *i-máh*, греч. *ἰ-μεν*, *ey-om — в греч. гомер. имперф. *ἴτ-ον*, др.-инд. *áy-am* (*e-ey-om с аугментом) и, очевидно неверно, в лат. *eō*. Ошибкой Шмальштига в излагаемых построениях представляется то, что он не учитывает архаизм форм без окончаний первой серии, имеющих флексию второй серии — типа греч. гом. *ἴῃα*, лат. *eō*. Поэтому Шмальштига можно упрекнуть не столько в грехе слишком большого углубления реконструкции (упрек, против которого он заранее защищается), а, наоборот, в излишнем следовании традиции (в отличие от Bader 1976). Там же, где он от традиции отходит, как в обнаружении относительно позднего (возможно диалектного) характера формы *ei-ti, с ним можно согласиться. Но в его реконструкции не выявлены формы второй серии.

Как и по отношению к другим общеиндоевропейским атематическим глаголам, пересмотр традиционной точки зрения не должен вести к отрицанию общеиндоевропейского характера форм типа *ei-mi (к чему склоняется Бадер, ср. выше, § 2, 3), но рядом с ними следует принять и наличие форм второй серии в качестве архаичных.

Это поможет объяснить существование у **ei-/i-* двух параллельных форм 2 л. ед. ч. повел. накл., из которых одна может быть соотнесена со второй серией форм, другая — с первой (Иванов 1963, с. 108—109; 1965, с. 119—121, ср. также Bader 1976, с. 85, 91 и след.). Эти формы противопоставлялись огласовкой. Одна форма (второй серии) представляет собой древнюю основу в ступени огласовки *e с нулевым суффиксом в диалектах, утративших ларингальный, и с ларингальным показателем второй серии в анатолийском. Другая форма представляет собой сочета-

ние основы в нулевой ступени огласовки с частицей *dhi. Форма второй серии представлена греч. -ει в εἴ-εἰ в надписях, ср. εἴ 'ты идешь' из древнего императива этого типа (Bader 1976, с. 92), ст.-лат. *ei*, *i*, *ab-ei*, лит. *ei-ki*, латыш. *ej*, хет. *eḫu* 'приходи!' (с тем архаическим значением, которое предположено для хеттского, см. Иванов 1965, с. 119; ср. также возможное лув. *ija* 'приходи', Oettinger 1979, с. 349, с нулевым окончанием, сравнимое, очевидно, с алб. *eja!* *ejanu!*, повел. накл. к *vij* 'приходить'). В хет. *eḫu* выделяется окончание -*ḫu*, которое представляет собой агглютинативное сочетание ларингального показателя второй серии *-*H*- (см. выше гл. 1, § 7) и показателя -*u*- повелительного наклонения (см; гл. 1, § 5)¹⁰. Следовательно, можно реконструировать и.-е. *ei-H > *ei-β как архаическую форму второй серии.

Форма 2 л. ед. ч. повел. накл. *i-dhi отражена в др.-инд. вед. *ihī*, авест. *iḍi*, др.-перс. *idiy*, греч. *ἴθι*, хет. *it* < *iti (Иванов 1963, с. 108), возможно также в умбр. *ef* (*ef aserio* = лат. *i obserua*).

Аналогичное различие обнаруживается также между двумя формами императива от **es-* 'быть' где противопоставляется форма с нулевой огласовкой на -*dhi* (др.-инд. *edhi* < *az-dhi с вторичным -*a*- по сравнению с авест. гат. *zdi*, ср. вторичное *i*- в греч. *ἴθι*, Schwyzer 1939, 1, с. 351) и форма с огласовкой *e: лат. *es*, хет. *eš* (Bader 1976, с. 84), но хеттская форма перестроена благодаря включению ее в парадигму глагола на -*mi ešmi* (§ 2). Сохранению оппозиции форм *eḫu* : *it* в хеттском способствовало включению их в парадигмы двух разных производных глаголов (*it* в парадигму глагола *pai-* 'идти', *eḫu* в парадигму глагола *iwa-* 'приходить', причем между ними существовали и залоговые различия: *eḫu* являлось медиопассивной формой в отличие от активного *it*).

Следовательно, в древних индоевропейских диалектах функция глагола в парадигме определялась не его лексической характеристикой, а грамматической функцией, которая могла быть (и часто была) противоположной у глаголов одного корня, нередко образовывавших коррелятивные пары типа *ei-mi (первая серия): *i-Но (вторая серия).

¹⁰ Поскольку лит. -*ki* находится в *ei-ki* в той позиции, где реконструируется ларингальный показатель второй серии, заманчивым было бы его объяснение как архаизма (ср. лит. диал. *eike-l* при прус. *ēilai* с -*l* типа ст.-лит. *esle*, с одной стороны, прус. *eykete* 'komm her' в словаре Симона Грунауца, Mažiulis 1966, см. Endzelins 1943, с. 165; Stang 1966, с. 440; 1975, с. 50, где обсуждается собственно прусский, а не литовский, характер формы — с другой), однако, сопряжено с фонетическими трудностями, см. Иванов 1965, с. 119—120, прим. 197; 1968, с. 232, прим. 27; о других объяснениях лит. -*ki* см. Kazlauskas 1966, с. 427; Stang 1966, с. 427. Илияч-Свитыч 1971, 1, с. 331 (где др.-инд. *kat* нужно объяснить иначе — из *kom). Топоров — Трубачев 1962, с. 249—250 (в большинстве указанных работ принимаются одни и те же сближения, в частности с лит. *gi*, с одной стороны, рус. -*ка*, -*ко* и урал. -*к-* — с другой, но предлагаются разные интерпретации этих сопоставлений).

§ 5. Следы архаических форм второй серии (и первой)

в классе атематических глаголов в балтийском и славянском

Кроме рассмотренных глаголов к классу атематических форм на *-mi*, формально соответствующих первой индоевропейской серии, в балтийском и отчасти в славянском относится ряд глаголов, которые по данным древних индоевропейских языков безусловно относились ко второй серии (как **dheH-*, **doH-*, **yoid-*) и соответственно рассматриваются в следующей главе. Вместе с тем к этому же классу принадлежит и ряд глаголов, которые по предположению Станга (Stang 1962, с. 162; 1966) могли еще в древности перейти в группу форм на *-mi* из форм, восходящих к другим типам. В некоторых случаях эту гипотезу оказывается возможным подтвердить, хотя окончательный выбор между альтернативными определениями грамматического типа глагола по первой или второй серии не всегда возможен.

Исследуя следы исчезнувших атематических основ глаголов первой серии в общеславянском, Мейе открыл пережитки таких форм в целой группе глаголов типа ст.-слав. *стѣмж*, рус. *стону*, чеш. *stůňu*, *stonati*, о.-слав. **stonjg*, ср. лит. *stenù*, *stenėti* (ср. диал. твер. *št'ě^ana : ě št'ě^ana tēⁱ kai sē^añis 'a stęka, to jak starzec'*, Otębski 1934, с. 285), латыш. *steņu*, *stenēt*, прус. *stinons*, *styienuns*, *stenuns* (прич.) при др.-инд. 3 л. ед. ч. инфинитива *stan* 'гремит гром' RV X 92,8 (Meillet 1906, с. 335; Stang 1942, с. 44; Schmid 1963, с. 71 с дальнейшей библиографией по словам этого корня; Иванов 1965, с. 72; 1968, с. 247; Ivanov 1970). Подобные глаголы (слав. **sopg*, **pojg*, **gqdq*) обозначали длящегося ритмическое производство звуков и по своему значению, как указал Станг, могут быть отнесены к той же группе итеративно-интенсивных глаголов, что и глаголы типа ст.-сл. *вожж*, рус. *бороть* (Мейе 1938; с. 180; Stang 1942, с. 41—43, 103). Последнему славянскому глаголу соответствует в старолитовском атематический глагол *barti* 'ругать, бранить', засвидетельствованный у Бреткунаса (1 л. *barmi*, 3 л. *bart*), Даукши и других авторов (Bezzenberger 1877, с. 198; Specht 1935, с. 83; Sabaliauskas 1957, с. 106; Kazlauskas 1968, с. 307; Stang 1962, с. 164; 1966, с. 312, 333, 337). Лит. *bart* подтверждает принадлежность глагола к баритонированному типу в восточно-балтийском, но это можно было бы считать вслед за В. М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 186, там же внешние сопоставления), инновацией, опираясь на ударение лит. *barnis* 'ссора', *barniēs*, *bañi* (Daukša «Postilla», 129, 285), см. Skardžius 1935; 1943, с. 221, 567—568; ср. сербохорв. *brân*, словен. *brân* (дальнейшие сближения Bezljaj 1976, 1, с. 38), к акцентуации рус.-ц. сл. *брáнемь* (XVII в.): Stang 1957, с. 89.

Образование настоящего времени на **-ye/o-* представлено в латышском *baŗu*, где, как и в славянском, это рассматривалось как относительно поздняя инновация (Stang 1966, с. 380). Однако этому противоречит, во-первых, совпадение с другими «древне-

европейскими» (западно-индоевропейскими) формами: др.-исл. *berjask* 'сражаюсь', лат. *feriō* (*ferire*) 'ударяю', во-вторых, сходство с другими глаголами на *-ye/o-, имеющими огласовку *o* корня и продолжающими формы второй серии. Огласовка *o* объединяет балтийские и славянские формы глагола с германской (при *e* в латинском, обнаруживающем несколько отличную семантику при особенно тесной близости грамматического значения *berjask* с аналогичными возвратными конструкциями в славянском типа рус. *борюсь*).

Огласовку *o глаголов типа *sopz, *borjz, необычную для атематических глаголов первой серии, Станг объяснял происхождением всей этой группы глаголов из атематических интенсивных образований типа др.-инд. *ja'ighanti*, ср. об огласовке *o в индоевропейских формах презенса и в интенсивах: Gärtchen 1905; Hiernsche 1963; Pulleyblank 1965, с. 97. Высказанная более 10 лет назад (Иванов 1968, с. 247 и след.) гипотеза, по которой подобные формы могут быть отражением в славянском и балтийском второй серии индоевропейского глагола, недавно была (без учета работ, относящихся собственно к этим двум диалектам) сформулирована как новая (Jasanoff 1979, с. 84 и след.), причем снова было повторено и предположение о том, что в ст.-лит. *barti* может быть представлена архаическая форма второй серии (Jasanoff 1979, с. 85, примеч. 16, с. 90, примеч. 32), однако, семантические особенности данной группы форм, открытые Стангом, при этом не учтены.

Анализируя связь огласовки и семантики глаголов интенсивно-итеративного типа, относящихся к ритмическому производству звуков, Станг обращал внимание и на сходную интенсивную редупликацию рус. *тараторить* (Stang 1942, с. 41), обл. *таратора* 'болтун, говорун'. Интенсивная редупликация в *тараторить* (*таротаторить*), чеш. *trá-toř-iti*, о.-слав. *tor-toriti находит подтверждение в аналогичном удвоении (первоначально, очевидно глагольном) в о.-слав. *golgoliti, *golgolъ, ст.-слав. глаголж (относится к тому же семантическому классу глаголов на *-y^o/o-, видимо, первоначально глагольная редупликация, ср. Buning 1927, с. 56, но ср. возражения: Kožinek 1938, с. 446, сн. 3; Stang 1942, с. 38), ср. ст.-слав. *мръмръж* при лат. *murmuriō*. Древность славянской редуплицированной основы **golgol-*, ранее предполагавшуюся на основании структурных соображений (Мейе 1938, с. 197; 1951, с. 300; Иванов 1965, с. 72; 1968, с. 247), в настоящее время оказывается возможным подтвердить этимологией слова.

Разыскания последних лет в области названий хеттских ритуальных текстов, упоминающих музыкальные инструменты, позволили определить значение *galgalturi* как 'цимбалы, трещотки' (Gurney 1977, с. 34—35). В этом хеттском слове выделяется архаический суф. *-turi*; ср. *ukturi* 'место кремации трупов', ритуальный индоевропейский термин, объясняемый как *uk-turi*, к первому элементу из **weg-* относится др.-инд. *ūpa-vājayati* 'добывать огонь', авест. *ātrə. vazana-* 'орудие для добывания огня' (Bader

1977, с. 117, там же, с. 116—122, § 16, другие свидетельства архаизма индоевропейского суф. *-tur-i*, среди них лат. *vulturus*, ср. о сопоставлении с греч. гом. $\beta\lambda\omicron\sigma\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ Иванов 1978б, с. 24; 1979б). Первая часть сохраненного в хеттском древнего обозначения инструмента для производства звуков *galgal- + -turi* < *golgol-tur-i совпадает с основой хет. *kal-ga-li-na-iz-zi* 'поет (определенным образом)' (Oettinger 1979, с. 33, 368 — с неверным объяснением суффикса), представляющего собой результат перехода в тип на *-mi* основы на носовой *galgal(i)nai-*. Принадлежность хет. *galgal-turi* к архаическому индоевропейскому пласту хеттского словаря подтверждается также и наличием соответствия в ведийском названии музыкального инструмента *gargara-*, засвидетельствованном в «Ригведе»; это соответствие, хотя оно и относится к словам ономастического характера, по своей структуре и семантике достаточно специфично для того, чтобы можно было с уверенностью отнести слово к общеиндоевропейскому. Тем самым не только удостоверяется сближение о.-слав. **golgol-* и др.-инд. *gargara* (ЭССЯ 1978, IV), но и делается возможным уточнить исходное значение слова, которое, по-видимому, относилось к произнесению слов или пению с музыкальным сопровождением. По своей структуре хет. *galgal-*, др.-инд. *gargar-* в точности соответствует о.-слав. *golgol-* (ср. к другим хетто-славянским соответствиям, в которых отражается глагольная редупликация: хет. *rappars-* 'обрызгивать, окроплять', тох. А *rapärs*, прич. действ. кауз. к *pärs-* 'обрызгивать', чеш. *pršeti, prch, prš*, сербо-хорв. *Прпоруша, преперуша, прпац, прпорошити (се), прпошка*, Иванов — Топоров 1965, с. 152—153; 1974, с. 105—113; Иванов 1965, с. 144; 1968, с. 248; Van Windekens 1976, с. 365; Van Brock 1964, с. 138, 144; Oettinger 1979, с. 243). Данное соответствие представляет особый интерес потому, что и для о.-слав. *tortor-iti (рус. *мараморить*, чеш. *trá-toř-iti*) обнаруживается соответствие в анатолийском.

Архаизм о.-слав. *tortor-iti виден уже из наличия соответствий в лит. *tāria, tārė, tārti* 'сказать, произнести, высказать', *tartis* 'произношение', латыш. *terēt* 'болтать', *terināt* 'много говорить' *tirāt* 'выспрашивать', *tārlāt* 'болтать' прус. *tarin* 'голос', возможно и в прус. *attrātwēi* 'отвечать', 3 л. пр. вр. *ettrāi*, пов. н. 2 л. ед. ч. *ettrāis*, 2 л. мн. ч. *attrāiti*, если правильно деление [*at-tratvei*], [*at-trā*], [*at-trais*], [*at-traite*], Schmalstieg 1974, с. 208—209, ср. об этих словах в балтийском Mühlenbachs — Endzelins IV, 133, с. 194; Endzelins 1943, с. 253; Fraenkel 1955, с. 1059. В старолитовском у Даукши глагол имел формы *sutārent, ne tāriant*, инф. *tarūti*, при неподвижной баритонированной парадигме (*tārias*), что можно считать инновацией по сравнению с предполагаемой подвижной парадигмой (Stang 1966, с. 329, 371); эту мысль Станга подтверждает ударение в *tartis* (ср. выше о *bārtis*: *barnis*). В литовском представлен тип основы со смешением форм на **-y'/o-* и на *-i-*, сходный с типом слав. *tortoriti, см. Skardžius 1943, с. 481; Buga 1959, II, с. 454, где обращено внимание на прерывистую

интонацию латыш. *tirdīt* 'выспрашивать' (ср. Mühlenbachs — Endzelins 1933, IV, с. 194, ср. к этимологии Fraenkel 1955, с. 1059—1060; Sabaliauskas 1967, с. 54). Древность значения удостоверяется и соответствием в греч. *τορέω* 'ясно высказывать', *τορός* 'ясный, точный' (Benveniste 1962, с. 119—122; из **ter-* 'говорить ясно' согласно Roos 1976).

Соответствующий балтийскому и славянскому (Machek 1957, с. 533; Benveniste 1962, с. 119—122; Иванов 1965, с. 71—73, 151; 1968, с. 268; Ivanov 1970) глагол *tar-* 'говорить' в древнехеттском представлен как архаическим производным на **-šk-*, совпадающим с балтийским и славянским (см. ниже), так и атематическим глаголом *tar-(dar-)*¹¹ 1 л. мн. ч. *tarḡeni*, ср.-хет. 2 л. мн. ч. *tarteni* при форме 3 л. мн. ч. пр. вр. *terer* (наст. вр. др.-хет. *daranzi*), которую можно было бы считать свидетельствующей о древней форме второй серии. Однако и тип первой серии в анатолийском засвидетельствован достаточно ранними формулами, ср. (диалектную лувийскую) форму 3 л. ед. ч. *tandi* (KUB XXI 52 IV 25) с лув. *-ti* (хет. *-zi*). Тип корневого глагола в анатолийском согласуется с высказывавшимся Стангом допущением о принадлежности в древности балтийского глагола к атематическим первой серии. Но особенно четкое соответствие между хеттской основой от этого корня и балтийскими и славянскими формами обнаруживается в др.-хет. *tariya- < *tor-y/*-* 'призывать': др.-хет. *ši-wa-an ta-ri-ya-at-ta* 'он призовет бога', KUB XXXVII 223 Vs 5 (3 л. ед. ч. мед. в значении буд. вр., объясняемом немаркированным характером хеттской формы «наст.» вр., ср. к типологии Jakobson — Pomorska 1980, с. 97). Глагол *tariya-* принадлежит к *media tantum* (Oettinger 1979, с. 346, 528). Форме *tariya-* точно соответствуют лит. *tāria*, о.-слав. *tortor-iti. Славянской редуцированной основе итеративно-интенсивного типа в анатолийском отвечает нормальная редупликация (ср. хет. *tattarae-* 'мести?', см. Oettinger 1979, с. 34).

В других анатолийских языках в значении древнехеттского итератива на *-šk tar-šk-* представлены редуцированные формы с нормальной редупликацией: лув. *tatariya-* 'проклясть', *tatariyaman* 'проклятие' (Van Brock 1964, с. 141, § 22; Laroche 1959, с. 95, к семантике ср. аналогичные старолитовские значения архаического производного *nuotartis*); иер. лув. *tatar(i)a-* (Laroche 1960, с. 16), лид. *tatro* 'приказывать' при *kan-tro* 'доверять' (*kan-toru* 'доверяю' из **kan tar- < *kom tor-*, см. о сочетаниях этого типа ниже). Сохранение редупликации в лидийском, обычно близком к хеттскому, может быть объяснено позднейшим вытес-

¹¹ Поскольку некоторые из древнехеттских написаний этой основы начинаются со знака *da-* (а не *-ta-*), это в последнее время использовалось для выведения ее не из **tor-*, а из **dher-* 'держатъ' (Oettinger 1979, с. 109; 554, ср. Eichner 1975, с. 93). Однако соответствующее правило (древне)хеттского написания нарушается в этом случае, как и в ряде других. Поэтому на основании согласия семантических и словообразовательных критериев кажется целесообразным сохранить ранее установленную этимологию.

нением родственной редуцированной формы древнехеттским производным на *-šk-*, который уже в архаичных текстах выполняет функции итератива, в роли которого в других анатолийских языках представлены формы с удвоением.

В хеттском языке в некоторых глаголах, обозначающих ритмическое производство звуков, сохранялись следы архаической интенсивной редупликации того же типа, что и в древнеиндийских глаголах, сопоставленных Стангом по огласовке с типом о.-слав. **gōdq.* Хет. *pariprai-* 'дуть' (в рог — *šawatar*, мн. ч. *šawitra*, Gurney 1977, с. 34; Oettinger 1979a; 1979, с. 468—469), по форме близкое к древнеиндийским редуцированным глаголам типа вед. *sanīṣvanat* 'звучит' (о музыкальном инструменте, Watkins 1962, с. 130, прим. 7; 1969, с. 31, § 7, там же сопоставление с типом слав. **golgol-yo-*), представляет собой удвоение к *parai-* 'дуть, раздувать', также 'дуть в рог' (в частности, единократно, Van Brock 1964, с. 155, § 38), ср. греч. гом. ἐπρῆθον, аттич. πῆρπρημι (вторичное образование с другим типом удвоения, Oettinger 1976, с. 46—47, прим. 111), др.-инд. *prāṇa* 'дыхание, жизненное дуновение', и.-е. *proH 'дуть; воздух' (в хеттском и гомеровском греческом, архаический глагол второй серии, хет. 3 л. ед. ч. *pa-ri-pa-ra-i*, мед. *pa-ri-pa-ri-it-ta-ri* 'надут' — о человеке). Следы таких редуцированных форм в хеттском относительно немногочисленны, что позволяет предположить более их широкое употребление в дописьменный период, когда удвоение могло быть представлено и от **tor-*, как в других анатолийских языках. Хеттские ритуальные тексты позволяют проследить связь двух этих типов образования итеративов, ср. частое использование редуцированного глагола *pariparai-* в таком контексте (в сочетании с *šawatar*, мн. ч. *šawitra* 'рог', ср. др.-инд. *su-trakaiṇa-* 'вид барабана'), где известно также и производное на *-šk-*, ср., с одной стороны, ^{SI}*ša-a-ū-i-it-ra pa-ri-ip-ri-is-kán-zi* 'они дуют — трубят в рога' KUB XXV 39 I 24¹—25¹, Laroche 1959, с. 167; Van Brock 1964, с. 155 (ср. о медиальной форме *paripareš-kattari* Dressler 1968, с. 211), с другой стороны, *nu-kán* ^h*ti-i-li ša-a-wa-a-tar pa-ri-pa-ra-a-i* 'и во дворе она дует (трубит) в рог' (KUB XXXV 163=CTH 754 III 17; два последние слова как фразеологизм повторяются: KUB XLV 53 IV 7—8; KBo XX 60 V + KBo XV 52 V 10; I BoT III 48 I 5, KUB XXXIV 116 V 10; к восстановлению разрушенных мест см. Oettinger 1979a, с. 198, там же см. о формах с неудвоенной основой); *nu LÚMES GISBALAG. DÍ-pát sa-wa-a[-tar] pa-ri-pa-ra-an-zi* 'и музыканты (=ударники или барабанщики, Gurney 1976, с. 35) дуют (трубят) в рог', KBo XV 49 IV 8—9.

Хотя образование части подобных итеративных опоматопэтических редуцированных глаголов в хеттском (Van Brock 1964, с. 258; Oettinger 1979, с. 188, с. 8: *ḫaḫḫarš-* 'хочотать' < **ḫarḫar-*, типологически напоминающее др.-рус. *xpoxotati* 'смеяться', хет. *taštašiya-* 'шептать') может быть сопоставлено со сходными ново-

образованиями в разных языках (ср. к типологии редуцированных ономастических слов Jakobson — Waugh 1979, с. 195 с литературой) и отнесено к истории самого анатолийского языка, тем не менее древность в анатолийском итеративно-интенсивной редукации не вызывает сомнения, ср. др.-хет. *ḫu-ul-ḫu-li-ṯa-an-te-eš* 'борющиеся, сражающиеся' КВо III 40 12 (в архаическом тексте о сражении с хурритами, от *ḫulliya-* 'бороться, поражать', используемого в надписи Анитты, ср. к значению ст.-слав. *вѣрж*), *le-il-li-pa-a-i* 'лижет' (ср. др.-инд. *a-lep-i*, Oettinger 1979, с. 207—208, 267, 347); *katkattiya-* 'дрожать, клониться вниз' (от основы *katta-*, греч. *κτά*); *kurkuriya-* 'изувечить' (от *kuer-* 'резать', хет. *ku-e-ir-zi*, лув. *kuwarti* < и.-е. **k^wer-ti*, др.-инд. *apa kar-* 'изувечить') с производным на *-šk-*: 2 л. ед. ч. пр. вр. мед. *kur-ku-ri-iš-ka[lt-ta-ti]*, КУВ XVII 10 I 2, ср. типическую огласовку *o, проводимую, однако, не во всех хеттских глаголах этого типа: 1 л. ед. ч. наст. вр. *ku-wa-ku-wa-ar-* < *aš* > *-ki-mi* < **k^wor-k^wor-*; ср. *kuwarkuwarkimi* (от *kurk-* 'сохранить') и т. п.

При несомненной связи типов образования основы и семантики глаголов, образованных от *parai-/parye-* и *tar-*, между ними есть и существенное различие: *parai-*, как и *pariparai-*, принадлежит к спряжению на *-ḫi*. В этой связи следует напомнить, что Вайан огласовку *o* в балтийских глаголах типа лит. *malu* связывал с огласовкой хеттского спряжения на *-ḫi* (Vaillant 1939, с. 22; 1946; 1966, III). Обсуждая его гипотезу, по существу на 40 лет опережавшую идею недавней работы, где та же мысль высказана в связи с тем же соответствием лит. *malū* 'мелю': хет. *mallahḫi* (Jasanoff 1979, с. 83—84), Станг допускал, что в очень ограниченном числе глаголов в оппозиции корневой глагол : итератив могло отразиться в преобразованном виде противопоставление глаголов «на *-mi*» и «на *-ḫi*» (т. е. двух серий). В таком случае в балтийском и славянском оно продолжается в этой ограниченной семантической группе в противопоставлении глаголов с двумя типами огласовок (Stang 1942, с. 43—44, прим. 3). В этом случае вся группа итеративов типа лит. *barti, tarti* являлась бы продолжением определенного класса глаголов второй серии, рано начавших образовывать формы по типу первой серии, но сохранивших древнюю огласовку, ср. ниже о ряде глаголов, для которых такое объяснение кажется правомерным (следует заметить, что и в тохарском следы второй серии выявляются именно благодаря сохранению огласовки *o в ряде форм, Adams 1978). Приходится пожалеть о том, что эта идея Станга осталась почти незамеченной; оттого и в новых работах, приходящих к близким результатам (Jasanoff 1979), не учитывается семантика соответствующих глаголов в балтийском и славянском. Одним из достоинств гипотезы Станга представляется то, что в ней не предполагается исходная обязательная связь огласовки *o ни со всеми глаголами интензивно-итеративного типа, ни даже со всей второй серией. Речь идет именно о позднейшем выделении данного типа итера-

тивов, который в анатолийском, например, еще не имел обязательной огласовки *o, характеризующей лишь некоторые глаголы данного семантического класса, частично уже перешедшие (как лув. *tar-*) в атематический тип на *-mi*; соответствующий литовский глагол *tāria, tārė, tarįti* (с новообразованием *tārti*) Станг правильно определил как древний итератив (Stang 1966, с. 329), чем объяснил и баритонический тип его акцентуации (ст.-лит. *sutārent, ne tāriant*).

В хеттском корневой атематический глагол *tar-* < **tor-* был сушплетивным. Значительная часть форм этого глагола образовывалась от синонимичного атематического глагола первой серии *te-* 'торжественно заявлять', 'говорить, вещать': др.-хет. 1 л. ед. ч. *te-e-mi*, ср.-хет. 3 л. ед. пр. вр. *te-e-it* и т. п. Точное морфологическое соответствие, которое обнаружено для этого хеттского глагола в др.-чеш. *diem* > *dīm* 'говорю, называю' (см. о древнечешской парадигме: Liewehr 1938, с. 74), заставляет реконструировать соответствующий глагол из *dē-mь также и для праславянского. Поэтому *dē-mi реконструируется и для общиндоевропейского (см. о данном хетто-славянском соответствии Hrozny 1917, с. 52; Götze — Pedersen 1934, с. 38; Pedersen 1938, с. 129; Machek 1949; 1957, 87; Holub — Kopecky 1952, с. 101; Cibař 1955, с. 232; Порциг 1954, с. 52; Иванов 1965, с. 81; 1968, с. 243—244). По данным ностратического внешнего сравнения следует реконструировать и.-е. **deH-*, отличное по анлауту от и.-е. **dheH-*, ср. тюрк. *tē (др.-тюрк. *te-* 'говорить, сказать; называть, именовать', ДТС, с. 545, азерб. *de-*, туркм. *dt-*, якут. *diä-*, Иллич-Свитыч 1963, с. 39), картв. **tx-* 'искать, просить' (груз. 3 л. ед. ч. наст. вр. *s-tx-ov-s* 'просит' др.-груз. масдар *tx-oa-* 'просить', мегр. *tx-u-al-a* 'просьба', чан. *tx-u* 'он попросил', сван. 3 л. ед. ч. *x-e-tx-el-i* 'он ищет'. Гамкрелидзе — Мачавариани 1965, с. 457; Климов 1964, с. 99), что заставляет реконструировать ностр. **t-* в анлауте, Иллич-Свитыч 1968, с. 321¹²: предполагается ностр. *tʰʰʌ в отличие от ностр. *dʰʌʌ > и.-е. **dheH*₁ (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 224). В данном случае ностратическая реконструкция имеет особое значение, потому что она позволяет установить несводимость друг к другу двух индоевропейских корней: **dheH-* и **deH-*. Поэтому все реконструкции предистории хеттского глагола *tēmi*, основанные на возведении его к «перфекту» от **dheH-* (Oettinger 1979, с. 107—109), оказы-

¹² В указанной работе В. М. Иллич-Свитыч еще не приводил индоевропейской параллели к алтайско-картвельскому соответствию, но в разговоре с автором незадолго до своей смерти он указал ему на необходимость различения двух индоевропейских корней по ностратическим данным (Иванов 1968, с. 243 с дальнейшей литературой вопроса; Ivanov 1967, с. 158). При принятии данной реконструкции картвельский гармонический комплекс депессивного ряда **tx-*, функционирующий синхронно как аналог моноконсонантному корню, содержит нуль гласного с ностратической диахронической точки зрения, ср. фонологически сходное картв. **tx-* 'проливать, просыпать' (Климов 1964, с. 98): и.-е. **deH-* 'течь' (Иллич-Свитыч 1968, с. 321).

ваются несостоятельными. Но вместе с тем форма хет. 3 л. мн. ч. пр. вр. [ter] от глагола [tēmi] показывает, что некоторые его формы могли образовываться по типу второй серии, но в данном случае ничто не говорит об архаизме этого типа. Следует отметить как особый архаизм праславянского (и древнечешского) грамматическое противопоставление форм *dě-mь: *děj > др.-чеш. *diem*: *děju*, продолжающее индоевропейскую оппозицию глаголов двух серий: *deH-mi: **dheH-(H)o* (хет. *temi*: *teḥḥi*). Позднее в отдельных славянских языках эти два глагола могли смешиваться друг с другом по фонетическим и семантическим причинам. Семантическим контекстом, в котором могло осуществляться смешение этих фонетически близких глаголов, могла быть конструкция типа др.-чеш. *dieti jmě* 'установить имя', ст.-польск. *dzieć imię*, Zubatý 1945, I, 1, с. 90—102; Sławski 1953, с. 189; Słownik stogropolski 1957, II, с. 252, III, 1 (14), с. 26; Иванов 1964; 1968, с. 243—244, см. об этом сочетании ниже.

Морфонологическая структура корня в индоевропейском глаголе *deH-mi > *dē-mi > о.-слав. *děmь отлична от других глаголов первой серии (и более напоминает структуру корней типа *dheH-*, от которых архаичные формы образуются по типу второй серии). Следы чередований в корне этого глагола не сохранились ни в хетском, где формы множественного числа этого глагола образуются от супплетивной основы *tar-* (см. выше), ни в славянском.

О том, что группа корневых глаголов первой серии некогда была существенно более обширной, свидетельствуют ее следы в балтийских и славянских языках и косвенные пережитки в других формах кроме уже указанных.

Чередование *e и нулевой ступени (или ступени редукции) в корне, хорошо засвидетельствованное в парадигме первой серии 3 л. ед. ч. наст. вр. хет. *kuenzi* < **g^{wh}énti* 'он бьет' (см. гл. 1, § 2, о передаче этой формы в древнехетской графике), др.-инд. *hánti*, 3 л. мн. ч. хет. *kunanzi* < **g^{wh}n-ónti* 'они бьют', др.-инд. *ghnánti*, косвенно отражено в соответствующих славянских и балтийских глаголах. Огласовка *e обобщена в настоящем времени тематического глагола: ст.-слав. 1 л. ед. ч. наст. вр. женж, лит. *genù* 'гоню', латыш. *dženu* 'гоню' (Мейе 1951, с. 175, Stang 1942, с. 30, 34, 76, 111, 122—123; 1966, с. 332, 337, 379) при ступени редукции в восточно-балтийском претерите: лит. *ginė*, латыш. *dzinu*; -ē- есть и в литовском претерите, и в лит. *gynėti*. Огласовка *e представлена также в восточно-балтийском глаголе на -ē-: лит. инф. *genėti* (1 л. ед. ч. *geniù*, 3 л. *gėni*), латыш. *dzenēt* 'обрубать сучья с дерева', к огласовке и семантике ср. прус. -*genix* 'дятел', -*genis* в *aytegenis* (Mažiulis 1974, с. 216; Топоров 1979, II, с. 205—206), ср. лит. *genijs* 'дятел', латыш. *dzenis*, от **gen-* 'бить, стучать'. В недавнем блестящем опыте семантико-синтаксической реконструкции активных оборотов с **g^{wh}en-* > др.-инд. *han-* показано наличие широкого круга параллелей такому употреблению глагола (Наудгу 1978, с. 214—215). Для обоснова-

ния этимологии последних слов со стороны значения особенно важно сравнение с др.-исл. *gana*, авест. *aviřanaiti* 'он рубит дерево', Mühlenbachs — Endzelins 1923—1925, III, с. 545. Семантическая связь всех указанных слов подтверждается и их использованием в контексте, соотносящемся с мифом о преследовании змея богом грозы, разрубающем или разбивающем (*hanti* < **g^{wh}énti*) в ведийском гимне змея, как дерево, ср. *vī vṛkṣān hantya utā hanti rakṣaso* 'он разбивает деревья и убивает ракшасов'; *skāndhānsīva kulīsenā vivṛkṣāhih śayata uparṣk pṛthivyaḥ* 'Как (ствол дерева), ветви (которого) обрублены топором, дракон лежит, прильнув к земле', RV I 32, 5, RV V, 83, 2, ср. Иванов — Топоров 1974, с. 100—102.

В латышском от тематического глагола образуется претерит на *-ā-* (3 л. ед. ч. пр. вр. *dzina*), возможно родственный основе аориста и инфинитива в славянском: ст.-слав. аор. гана, инф. ганаги. Окситонированная парадигма (с) отражена в рус. *гналá* (ср. Stang 1942, с. 76—78, 111; 1957, с. 135—136; Garde 1976, 1, с. 153, 168) при баритонированной в сербо-хорв. *гнáла*, слов. *gnála*; последний акцентуационный тип в (южно-)славянском согласуется с прус. 1 л. мн. ч. *gunnimai*, интерпретируемый как отражение неподвижного акцентного типа (Kortland 1974), ср. также о морфологических параллелях прус. *gunnimai* в о.-слав. *gъnĭmy, польск. *gnamy*: Топоров 1979, II, с. 344—345. В пользу рассмотренных форм 1 л. мн. ч. прус. *gunnimai*, польск. *gnamy* как морфологических архаизмов может говорить сравнение с аномальным *-men* в хет. *ku-en-ni-um-me-ni* (наст. вр.), *ku-en-ni-um-ti-en* (пр. вр.), которые могут быть отождествлены с этими балтиской и славянской формами, если неверно понимание форм на *-men-* как поздних хеттских морфологизмов (Oettinger 1979, с. 117—118; где слабым пунктом является отсутствие древнехеттских форм: вариант *ku-e-u-e-en* известен только из среднехеттского, КВо XVI 47 Vs. 15).

Славянская огласовка *ъ < *и в ганаги может рассматриваться в качестве архаизма. Ее можно объяснить позицией перед сонантом¹³, ср. прус. *guntwei* 'treiben', 1 л. мн. ч. *gunnimai*, а также лит. *gūndyti* 'соблазнять, искушать, подстрекать', *pagūnikis* 'мальчик на посылках, рассыльный' (Skardžius 1943, с. 131,

¹³ Ср. формулу *gR > *guR* Kuryłowicz 1956, с. 242—243. Там же см. о предположенном Вайаном объяснении и из лабиовелярного, что было бы аналогично предполагаемому в подобных случаях отражению в древнеиндийском (ср. также хет. *kun-* < **g^{wh}n-*), но не имеет других балтийско-славянских параллелей, так как ст.-лит. *nakv-oti* 'ночевать' (*Ir, kaip buvo valge, nakvojo anyš ant to kalno*, Bretkunas, Bibl. Кн. Моис., 31, 54), лит. *nakviša* 'полуночник' (мифологическое существо, LKŽ, VIII, 1970, с. 525), *nākvinti* 'принимать на ночлег' (см. Skardžius 1943, с. 242) при хет. *neku-* 'вечереть, темнеть' и и.-е. **nok^{wh}t-* > ст.-слав. *ночь* обнаруживается в других фонетических условиях (ср. Schulze 1933, с. 119; Иванов 1965, с. 67, прим. 44; 1968, с. 245, прим. 86). Критическое рассмотрение теории Куриловича см. Stang 1966, с. 78—81: по Стангу имело место вторичное установление отношений между *и* (+*R*) и *о* после гуттурального.

§ 86, Endzelins 1943, с. 182; ср. Fraenkel 1965, с. 152, Mažiulis 1971, с. 105; Schmalstieg 1974, с. 179—180; Jegers 1966, с. 155; Топоров 1979, II, с. 341—345). Объяснение *и* в таких балтийских и славянских формах как ступени редукции *_o к *_o (ср. Stang 1942, с. 43, 112) может опираться в настоящее время на параллелизм развития в балтийском группы типа **g_oR-* > балт. *guR-* и группы **H_oC-* > балт. *иC-*, ср. лит. *ùpė*, латыш. *ира* < и. е. **H_op-* (Stang 1975, с. 45); хет. *ħap-* 'поток, река'; прус. *uimpnis* 'хлебная печь' ('Backofen', Эльбингский словарь, 331), *uimnode* ('Backhaus', там же, 330) < **upn-*: хет. *ħappina* 'огонь на очаге' (для готовки)' (см. о значении Oettinger 1976, с. 29), греч. *ἰνυός* 'печь, кухонный очаг' < и.-е. **H_op-* при полной ступени *_o в **Норпо-* > др. исл. *ofn*, др.-англ. *ofen*, др.-в.-нем. *ovan* (Иванов 1979 д., с. 145; 1980а).

Более обычная (согласно Куриловичу, менее архаичная) форма ступени редукции представлена в ст.-слав. 1 л. ед. ч. наст. вр. *жнѣж* 'жну' (с огласовкой, необычной для сходных по значению глаголов того же класса на **-y^h/b-* после согласного, не имеющих аориста на *-ā*), инф. *жати*, лит. *ginti* 'защищать, охранять, оборонять', где акутовая интонация инфинитива сходна со славянской (сербо-хорв. *жѣти*, рус. *жать*, Stang 1942, с. 115; 1957, с. 151; несправильно поэтому утверждение об отсутствии балтийских соответствий у Гарда: Garde 1976, 1, с. 149, § 207). При морфологическом и акцентуационном сходстве значений в балтийском, где *ginti* сохраняет следы происхождения от корневого глагола, Schmid 1963, с. 71, разошлись. В балтийском можно было бы видеть след того более архаического значения, которое отражено и в многочисленных германских производных от **g^{nh}en-*, продолжающих древнее индоевропейское употребление глагола: Haudry 1978, с. 212—213; Иванов — Топоров 1974, с. 100 (ср. также тох. А *kunāš* 'сражение', Van Windekens 1976, с. 243). Однако только самый принцип семантического расщепления **g^{nh}en-* на две лексемы с разными огласовками корня, ср. ниже о **serg-* в балтийском.

Наряду с преобразованными следами незасвидетельствованного (и поэтому гипотетического) корневого атематического глагола от **g^{nh}en-* в балтийском (где отсутствие корневого глагола особенно заметно при обширности этого класса в старолитовском) и славянском представлен архаический полуматематический глагол с огласовкой корня *_o, характерной для древних итеративов. В балтийском он имеет в настоящем времени основу *-ā-*: лит. *gāno* 'пасет скот' при инфинитиве на *-ī-* *ganýti*, соответствующем ст.-слав. *гонѣти*, ср. также совпадение прич. наст. вр. лит. ед. ч. род. п. м. р. *gāniusio*, им. п. ж. р. *gānusi* и ст.-слав. *гона*, *гонаши* (с палатализацией, вызванной **-i-*). Восстановление основы на *-i-* в славянском определяется формами аориста 2—3 л. ед. ч. ст.-слав. *гони* < *gonī; праформа была общей для балтийского и славянского (Stang 1966, с. 325). С итеративом на *-i-* связаны и производные на *-āⁱ/o-* (ср. Michélini 1977): лит. *ganióti*, *gáinioti*

'гоняться' (Stang 1966, с. 329), а также производное *gùn-d-yti* 'соблазнять, искушать' с суф. *-d- < *-dh-* (как установил Ульянов 1891, с. 204, связанным преимущественно с перереходностью исходного глагола, но затем приобретшим каузативное значение), в котором отражена ступень редукции (Stang 1966, с. 326). Кажется вероятным этимологическое отождествление балтийской производной основы на *-d-* с лат. *offendere*, значение которого в архаической латыни воспроизводит древнюю синтаксическую модель употребления глагола: *nequem in cursu capite aut pectore offendam aut genu* '... чтобы в моем беге я не задел никого за голову, или за грудь, или за колено' (Plaut. Curs. 272). Архаичность этой модели доказывается сравнением с аналогичным использованием *han-* в индо-иранских конструкциях типа вед. *pr̥thivyāḥ sánau jánghananta pānibhiḥ* 'они с силой бьют спину земли своими башмаками' (RV II, 31, 2) наряду с другой моделью, в которой глагол сочетается с объектом, с помощью которого бьют, в винительном падеже (а не в творительном, как в приведенном ведийском примере, см. Haudry 1978, с. 212—215). Значение балтийских и славянских глаголов, образованных от этого корня, выводится из последовательного развития указанных архаических синтаксических моделей, Haudry 1978, с. 215.

Представляется, что вся группа балтийских и славянских итеративов и их производных является чрезвычайно архаичной. С балтийским и славянским полутематическим суф. **-i/-ā-y°/o-* можно сравнить производные на **-y°/o-* в греч. *θεῖνω*, алб. *gjanj < *g^{wh}en-y°/o-*. Поскольку появление суф. **-i-* при огласовке **-o-* корня служит в значительном числе разбираемых ниже балтийских и славянских глаголов результатом преобразования форм второй серии, следует обратить внимание на следующие архаизмы, позволяющие вместе с уже приведенными формами поновому реконструировать парадигму.

Хет. 3 л. ед. ч. пр. вр. мед. *ku-na-ti* [kunadi] 'он был убит' < **g^{wh}n-o-dhi* является не поздней инновацией (вопреки Oettinger 1979, с. 119, § 43), а глубоким архаизмом, как показывает совпадение этой формы с авест. *(ni-)γne*, где 3 л. ед. ч. мед. *-γne < *g^{wh}n-oi* (см. об архаичности формы Watkins 1969, с. 90 § 72, 114, § 102). Соответствующая форма 3 л. мн. ч. мед. авест. *(ni-)γnaire < *g^{wh}n-ē-roi* (индо-ир. **-ārai >* авест. *-aire*, сопоставимое с лат. *-ere*, см. Watkins 1969, с. 92—93, § 74), в точности соответствует хет. *ku-e-nir* (огласовка в хеттском перестроена под влиянием форм ед. ч.). За вычетом новообразований хеттского и авестийского соответствие между ним и хеттским позволяет восстановить систему форм 3 л. второй серии от этого глагола:

	индоевропейский	хеттский	авестийский
ед. ч.	<i>*g^{wh}n-o</i>	[kunadi]	<i>-γne</i>
мн. ч.	<i>*g^{wh}n-ēr</i>	[kuenir]	<i>-γnaire</i>

Медиальный аорист греч. *(ἀπ-) ἐφατο ἀπέθανεν* (Гес.), в греческом являющийся редким архаизмом (Шантрен 1953, с. 136,

§ 183, примеч. 1) представляет собой результат замены медиальной формы $*g^{sch}n-o$ (в авестийском функционирующей как наст. вр., в хеттском — как пр. вр.) более поздней на мед. $*-t-o$ (см. гл. 1, § 7, 8), Watkins 1969, с. 114, § 102; ср. др.-инд. *hate* < $*g^{sch}n-toi$ (в брахманической прозе). Как и в других подобных случаях, на более поздних этапах нулевая ступень огласовки может сменяться функционально ей эквивалентной огласовкой $*o$. В таком случае из $*g^{sch}on-t(o)$, представляющем собой функциональную замену $*g^{sch}n-to$ (> греч. -φατο), объяснялось бы др.-ирл. пасс. прет. *goit*; *goet* с аномальной огласовкой корня $*o$ (Thurneysen 1946, с. 439, § 710, ср. Льюис — Педерсен 1954, с. 432, § 565), ср. ср.-валл. *gwant* (если это не инновация, см. Watkins 1962, с. 164—165). Архаическая редуцированная форма др.-ирл. перф. *geguin*, др.-инд. *jaghāna* (Барроу 1976, с. 321) подтверждает наличие древних образований от $*g^{sch}en-$ по типу второй серии. Приведенные факты согласуются и с высказанной Уоткинсом гипотезой, согласно которой древнейшая форма 3 л. ед. ч. от $*g^{sch}en-$ может быть отражена в 3 л. ед. ч. пас. аор. др.-инд. *a-ghāni*, авест. *ḵain-i* < $*(e)g^{sch}on-i$ (Watkins 1969, с. 51—52; огласовка $*o > \bar{a}$ восстанавливается по закону Бругмана на основе др.-инд. *ā*, которое в этой форме является аномальным: Thumb — Nauschild 1959, II, с. 298, § 539, см. о пассивном аористе Whitney 1962, с. 304—305, § 842—845; Watkins 1962, с. 103; Елизаренкова 1960, с. 118—119). Точность реконструкции Уоткинса подтверждается и предложенным им сравнением этой гипотетической формы с хет. 2 л. ед. ч. повел. накл. с нулевым окончанием. В последней функции в среднехеттском засвидетельствована аномальная форма *ku-e-ni* (KUB XIV 1 Rs. 26, возможно с преобразованием огласовки), что подтверждает реконструкцию Уоткинса (эта форма императива противопоставлялась форме от $*g^{sch}en-$ на $*dhi$ в индо-иранском, ср. выше, § 4). Восстановленная им $*g^{sch}on-i$ бесспорно может быть отождествлена с общеанатолийскими формами второй серии на $-i$ (гл. 1, § 7) и представляет собой доказательство достаточной древности той огласовки $*o$, которая отражена и в приведенных кельтских формах. Эта реконструкция Уоткинса, совпадающая со всеми другими предложенными реконструкциями, представляет тем больший интерес, что сам он не исходил из принципа противопоставления двух серий глагольных форм. Балтийские и славянские формы типа императива $*gon-i$ могут быть возведены к форме, происходящей благодаря такому же преобразованию исходной второй серии, как и др.-ирл. *goit*. Более того, нельзя считать исключенным, что в $*gon-i$ отражается в преобразованном виде и еще более архаичная форма типа $*g^{sch}on-i >$ др. инд. $(a-)ghān-i$, авест. *ḵain-i* (ср. хетт. *kuen-i*). В таком случае именно длительное существование форм второй серии в балтийском и могло явиться причиной отсутствия в нем атематического глагола типа др.-инд. *han-ti*, хетт. *kuen-zi*, которые, очевидно, следует считать инновацией, общей для древне-

индийского и хеттского. Инновацией хеттского является и супpletивное использование *ak-* 'умирать' как пассива к *kuen-* 'убивать' (ср. более древнее мед. *kunati* 'он был убит').

Если не считать архаической долготы *ē в ст.-слав. *ѣмѣ*, рассмотренные выше глаголы подчиняются открытому Стангом закону, по которому индоевропейские корневые атематические и тематические основы настоящего времени в славянском отражаются в основах настоящего времени с полной ступенью огласовки **e/o* (Stang 1942, с. 33; в о.-слав. *dě-mь < *dēmi < *deH-mi первоначальная огласовка *e). Этому закону подчиняется и огласовка тематического глагола — ст.-слав. *сгргѣж* 'φολάττειν, φρουρεῖν', др. рус. *стерегу*, др.-чеш. *strěhu*, польск. *strzegę*. При до сих пор не вполне объясненных различиях в анлауте (*st-*: *s-*) с этим тематическим глаголом соотносится литовский атематический глагол с огласовкой *e, сохранный в старолитовском, ср. 1 л. ед. ч. (*pra-*)*sergmi* (Daukša «Postilla»), возвр. *sergmies* (Kniga nobažnistes, 44, II, 2 л. ед. ч. *sergsi*, 3 л. *sergt(i)*, *serkti* (Mažvyadas; Daukša), 1 л. мн. ч. (*pa-*)*sergme*, 2 л. мн. ч. *serkti* (Petkevičius 1598, Zinkevičius 1971, с. 78; Palionis 1967, с. 132—133; Kazlauskas 1968, с. 307; Senn 1934—1935, с. 85 и сл.; 1966, с. 296, § 564; ср. Fraenkel 1928a, с. 54 и сл.; Specht 1935, с. 83; Schmid 1963, с. 69). Форма тематического типа у Даукши (Daukša «Postilla», 272₂₃) *sergames* (Senn 1966, с. 296, § 296; Stang 1966, с. 319) может представлять особый интерес как остаток более древнего типа парадигмы, ср. об аналогичных формах, гл. 2, § 2. Форма 3 л. *sergti* сохраняется в аукштайтских диалектах (Zinkevičius 1966, с. 350, § 636); в глаголе предполагается «акутовая метатония», по Стангу общебалтославянская (Stang 1966, с. 162—163, но ср. о славянской парадигме: Garde 1976, 1, с. 151, § 242).

Начальное *s-*, как и в балтийском, представлено в тох. В *sark-* 'болезнь', тох. А *sārk* (ср. производное *sārkaši*) и в др.-ирл. дат. п. ед. ч. *seurc* (Ml. 142 3) ср.-ирл. *sirg*, где, однако, *s-* не обычно, так как не подвергается лениции (*s-*, а не ожидавшееся *h-*, в валл. *serch*, брет. *serc'h*, но ср., однако, исчезновение ленированного *-s-* в интервокальном положении в др.-ирл. *dearc*, дат. п. *deircc* при параллельном *deserc* 'милосердие', Thurneysen 1946, с. 84, § 131). Значение кельтских слов ('любовь') и специфика начального согласного делают возможным сопоставление кельтского слова с греч. *στέρω* 'люблю', *στοργή* 'любовь, склонность'. Реконструируемое на основе славянского, греческого и кельтских слов В. М. Иллич-Свитычем и.-е. **ster-g/lk-* (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 211, там же данные внешнего сравнения, ср. Иванов 1968, с. 249, прим. 109; 1968a; 1974a) возводится им к ностр. *çira 'присматривать, стеречь', реконструированному на основе сравнения индоевропейской формы с картв. *çir-* 'забота, горе, беда, нужда, нуждаться' (Климов 1964, с. 255) и семито-хамит. (афр.-аз.) **çr-* (см. о реконструкции палатальной аффрикаты Дьяконов-Порхомовский 1979, с. 80) 'смотреть, стеречь, заботиться' (с че-

редованием *tr-/sr-* в афразийском, частично напоминающем ситуацию в анлауте в индоевропейском). И.-е. **ster-g/k-* отражено в хеттском атематическом глаголе спряжения на *mi (i)štark-* 'быть больным' (см. о балтийско-хеттском сравнении Трубачев 1958, с. 125—126, Фасмер — Трубачев 1973, IV, с. 757; ср. Иванов 1965, с. 65—66; 1968, с. 249; давно высказанное в указанных работах сравнение хет. *ištark-*; греч. *στέρρω* недавно вновь повторено: Oettinger 1979, с. 143, 197). Существенным представляется совпадение атематического типа родственных глаголов первой серии в старолитовском и в хеттском.

Литовский атематический глагол *sėrgti* 'сторожит', имеющий вторую основу на *-ė- sergėti* (прус. *absergisan* 'Schutz') при латыш. инф. *sargāt* (ср. Schmid 1963, с. 71, прим. 299, о подобных соотношениях глаголов на *-ē-* и *-ā-*), постепенно заменяется непереходной основой на *-st-*, что можно проследить по письменным памятникам (Arūma 1957, с. 122; Zinkevičius 1966, с. 350). Родственный, но семантически отличный латыш. *sērgu* 'болею' (лит. *sergù*) также образует формы *sīrgstu, sīrgstu* (Endzelins 1951, с. 731; Stang 1942, с. 110), функционально близкие к основам с носовым аффиксом, ср. хет. *ištar-nin-k-* 'делать(ся) больным' (актив и медиопассив) с носовым инфиксом от *ištark-* (см. об этом типе в хеттском Strunk 1979, с. 237; от данного архаичного производного образовано также др.-хет. *ištarnikai-*, имя действия, Oettinger 1979, с. 139, примеч. 10). Носовые глаголы и основы на *-st-* известны и от других литовских атематических глаголов, которые, как и *sėrgti*, часто имеют вторую основу (Specht 1935, с. 90, Stang 1962, с. 162; 1966, с. 312), что Станг связывал с первоначальной семантикой большинства этих глаголов, главным образом представляющих собой глаголы состояния или непереходные.

Станг предположил, что атематический старолитовский глагол *sėrgti* восходит к перфектопрезентному *sargti < **sorg (-ti)*, Stang 1962, с. 164; 1966, с. 311, прим. 1, 314, прим. 1; ср. Иванов 1965, с. 66; 1968, с. 250 (за Стангом следует Уоткинс, реконструирующий **sarg-e(i)*, замененное *sargti, и ссылающийся как на типологически сходный процесс на вытеснение форм спряжения на *-hi* формами спряжения на *-mi* в хеттском: Watkins 1969, с. 223, § 219).

Трудность, однако, заключается в том, что начало процесса образования форм первой серии от глагольных корней, ранее образывавших преимущественно формы второй серии, можно отнести уже к общеиндоевропейскому, см. § 2—4. Поэтому основная задача заключается в определении относительной хронологии такого процесса применительно к отдельным формам. По отношению к интенсивным глаголам типа лит. *barti, tarti* также вполне возможна их связь в конечном счете со второй серией форм (ср. выше о хет. *pariparai: parai*, относящемся к той же семантической и структурной группе). Но совпадение старолитовского атематического типа с древнехеттским заставляет отодвинуть время образования форм этого типа к позднеиндоевропейскому, хотя

в огласовке *o и можно видеть (по крайней мере в некоторых глаголах) косвенный след второй серии, переосмысленный позднее как характеристика итеративов этого типа (см. выше). Что же касается ст.-лит. *sérgti*, его совпадение с атематическим типом хет. *ištarkzi* также скорее свидетельствует в пользу происхождения глагола непосредственно из первой серии, хотя еще более древняя связь со второй серией этим не исключается; в балгийском нет следов огласовки *o. Хет. *ištarkzi*, 3 л. ед. ч. наст. вр., Стангом и Уоткинсом не привлекавшееся, не дает возможности проверить их гипотезу о перфектной огласовке *a < *o, так как в хеттских тяжелых корнях типа CVRC с исходом на сонант + согласный огласовка a автоматически определялась структурой корня (Иванов 1963, с. 103), что было, однако, хеттской инновацией.

Гипотеза Станга о первоначальном перфектопрезентном характере ст.-лит. *sérgti*, в целом существенная для его концепции происхождения значительной группы литовских атематических глаголов из перфектных форм (т. е. форм второй серии), нуждается в серьезных уточнениях в свете данных хеттского языка. Хеттский глагол *ištark-(iya)* - 'болеть' (с *-iya-*, характерным для древней второй серии), как и синонимичный (более поздний, судя по характеру основы) медиопассивный *irmaliya-* 'болеть' (ср. также *irmaniya-*, др.-хет. *armanijaḥḥat* 'я заболел' в завещании Хаттусилиса I, ср. *armaḥḥ-* 'забеременеть': *irmal-ant-* 'больной', *irman* 'болезнь', родственно герм. **arma-* 'нездоровый, несчастный, бедный', вед. *armaka-* 'развалины', Beck — Strunk 1972, с. 40) употребляется как в конструкциях, где в именительном падеже выступает имя больного (SAL *Gaššulijaiuijaš ištarkiat* 'Гассулияуя заболела') или название болезни (*na-an i-da-lu-uš GIG-aš is-tar-ak-ta* 'и злая болезнь с ним приключилась', буквально 'его заболела', *Annals Muršiliša II*, KUB XIV 15 II 6, Gotze 1933, с. 48, ср. далее в том же тексте: *na-aš ir-ma-li-ya-at-ta-at* 'и он заболел'), так и в значительно более частых безличных конструкциях типа: *an-tu-uh-sa-an ku-in iš-tar-ak-zi* 'какому человеку заболевает' (буквально: 'человека которого заболевает'), KBo XI 74 Rs III 4; *sal-li-in-pat ku-in-ki iš-tar-ak-zi* 'какому-нибудь взрослому заболевает' (буквально: 'взрослого какого-нибудь заболевает'), KBo XII 100 I, *ma-a-an UKU-an KA x U. ŠU iš-tar-ak-zi* 'когда у человека рот заболит' (буквально 'если человека рот заболевает' — паритивная оппозиция с двойным винительным падежом), KBo XXI 20 Vs I 12, см. Burde 1974, с. 26, 43 и др.; *ma-a-an an-tu-uh-ša-an SAG. DU-ZU iš-tar-ak-zi* 'когда у человека голова заболит' (буквально 'человека голова его заболевает', та же конструкция с аккадским написанием притяжательного местоимения, Eichner 1979, с. 46, примеч. 10).

Такие безличные конструкции со значениями типа 'ему плохо, ему больно, у него заболело, ему болеется' характеризуются обозначением субъекта болезни (с точки зрения хеттской грамматики — ее объекта) посредством винительного падежа, Фридрих 1952, с. 128; Иванов 1963, с. 117.

Эти конструкции совпадают с подобными же конструкциями у других хеттских атематических глаголов, восходящих к глаголам первой серии: *eš-* 'быть' (в конструкции с дательным или местным падежом типа 'у меня есть', являющейся в своих истоках общендоевропейской, § 2): ср. др.-хет. *¹Lahhaš-mu LÚ KUR ešta* 'Лаххас был мне врагом' (Таблица Телепинуса 2 BoTU 23A, II 20, 2) с параллелями в других языках, объясняемыми как результат позднейшего развития (Haudry 1978, с. 50—56); *ḫap-* 'быть в изобилии', родственного корневому имени лат. *ops* 'изобилие', *Ops* 'Божество Плодородия' (хет. *takku-šmaš UL-ma ḫapzi* 'если же у них нет достатка', полностью параллельное такому же отрицательному обороту с дательным *tugqa UL kuitki ešzi* 'у тебя ничего нет'), *luk-* 'светать', родственного корневым именам: лат. *lux* 'свет', др.-инд. вед. инф. *ruc-e* (хет. *nu-mu lukta* 'и для меня рассветло' = 'меня осветило' Иванов 1965, с. 69; Oettinger 1979, с. 275), *neku-* 'темнеть, вечереть', родственного индоевропейскому названию ночи, ст.-слав. *ноца*, лит. *naktis* 'ночь', ст.-лит. *nakvoti* 'почевать' (хет. *neku-* в *nu nekuzi* 'и стемнеет').

С употреблением в подобных безличных синтаксических конструкциях связана и возможность образования медиопассивных форм таких хеттских атематических глаголов спряжения на *-mi*, как *luk-*, *neku-*, *šup-* 'спать' (Иванов 1961а; Kronasser 1966, с. 108—109), родственное ст.-слав. *спитѣ* 'спит'¹⁴, лит. *sapnuoti* 'видеть во сне', ср. хеттский отрицательный оборот *MI-an-da-az UL šu-up-ta-ri* 'ночью не спится', KUB IV 47 I 3 (медиа́льная форма 3 л. ед. ч., наст. вр. типа на *-mi*, ср. форму без *-ri* *šu-up-pa-at-ta* KUB XLIII 60 I 1 при более обычных медиа́льных формах по типу на *-ḫi* Oettinger 1979, с. 229, 514) при безличных отрицательных оборотах с активными формами *eš-* и *ḫap-*, приведенными выше. В данных синтаксических контекстах осуществлялась нейтрализация противопоставлений глаголов первой и второй серий. Не исключено, что в более древний период по сравнению с диалектным именно в таких конструкциях, которые, судя по их пережиточному характеру в хеттском и наличию соответствий в других языках, восходят к индоевропейскому, форма второй серии могла заменяться формой первой серии. Типологическое сравнение с кавказскими языками (Финк 1950, 108—109; Тромбетти 1950, с. 154; Гухман 1945; 1964, с. 75—76, 250, 272; 1967: Allen 1964, с. 338; Schmidt 1964а) выявляет универсальность близости подобных конструкций с «дательным субъекта» к перфекту и пассиву.

¹⁴ Согласно Шмальштигу, в славянском глаголе сохранился старый вокализм окончания при изменении огласовки корня по типу 1 л. ед. ч.: слав. **sьpl'jъ < *sup-y-óm* (форма периода III из **swep-y-óm*, период II **sewep-ey-óm*, период III), 3 л. ед. ч. **sup-ī-t* (период III) < **sewep-ey-t* (период II) < **sewep-ey-et* (период I). В др.-инд. *swap-imi* парадигма перестроена (Schmalstieg 1980, с. 134). Но следует отметить, что самп формы на *-ī-*, *-i-* характерны для древних глаголов второй серии.

Представляется вероятным, что при использовании глаголов первой серии типа *serg-ti в предложениях этого типа могло осуществляться сближение 'центробежных' ('она — неназванная болезнь — заставляет болеть') конструкций с 'центростремительными' ('ему болеет')¹⁵. Возможно, что такие конструкции, где глагол чаще всего используется в форме 3 л. ед. ч., могли сыграть роль в постепенном вытеснении форм 3 л. мн. ч. в балтийском и в замене формы первой серии типа *ēsti* формой типа *yrà* (см. § 2), ср. типологически отчасти сходное явление — супплетивизм глаголов в единственном и множественном числе при выражении переходных действий в атабаскских языках, Уленбек 1950а, с. 78, ср. также о типологическом сопоставлении с функцией 3-го лица в северо-кавказской парадигме Schmidt 1970.

Можно согласиться с мыслью о том, что значение состояния и интранзитивности у группы старолитовских атематических глаголов было связано с функционированием формы 3 л. на *-ti* (Kazlauskas 1968, с. 309—311). Но это могло быть не морфологической инновацией, а синтаксическим архаизмом, который мог способствовать втягиванию в этот же круг и других глаголов второй серии. В ряде случаев, когда соответствия в родственных языках не ясны, остается неизвестным, является ли старолитовский глагол старым атематическим образованием первой серии или результатом позднейшего вхождения глагола второй серии в этот тип.

Судя по огласовке *e к старым атематическим глаголам мог бы относиться и ст.-лит. *pa-welmi* (1 л. ед. ч.), возвр. *welmies*, 3 л. *pawelt* (Buga 1959, II, с. 53; Bezzenberger 1878, с. 198; Sabaliauskas 1957, с. 104). Соответствие атематическим формам можно было бы видеть в лат. 3 л. ед. ч. наст. вр. *vult* 'он хочет', инф. *velle* < *vel-se. Но вместе с тем именно в лат. *uolō, nolō*; ст.-лат. *mauolō* отражены старые тематические формы второй серии. Утверждать, что эти формы настоящего времени представляют собой вторичное преобразование старого тематического конъюнктива, ссылаясь на отражение атематического типа в лит. *pavelmi* (Watkins 1969, с. 159, § 146, ср. с. 139—140, § 128, ср. Stang 1942, с. 100; 1962, с. 161; 1966, с. 310), было бы можно только в случае, если бы в других языках был явно отражен глагол первой серии. Но др.-инд. вед. *avri* в *devāsya tratur avri bhāgasya* 'я избрал себе (в покровители) Бога Защитника Бхаги' (RV IV 55), интерпретируемое как аорист. мед. *avari*, продолжает форму второй серии, тогда как настоящее время в древнеиндийском образуется от

¹⁵ Различие центробежных и центростремительных конструкций, сходное с древнеиндийской терминологией (Benveniste 1966, с. 180—175), было введено в грамматиках кавказских языков Н. Ф. Яковлева, имевшего в виду главным образом пространственные различия типа хет. *pe-* и *u-*, но распространивших это различие и на залоговые (Яковлев 1948, с. 81; Яковлев — Ашхамаф 1941, с. 40—41, прим. 2, с. 326, прим. 1); к индоевропейскому вслед за Кейперсом (Kuipers 1960) его применил Паллибланк (Pulleyblank 1965; 1965а), указавший на типологическую связь огласовки *a (*o) с центростремительными значениями, ср. Pulleyblank 1963, с. 221; Иванов 1965, с. 21—22; Palmaitis 1974, 1975.

основы на *-nā-*. Поэтому представляется вероятным, что и этот глагол в конечном счете относится к древней второй серии или во всяком случае мог иметь формы, образованные в древности по этому типу.

В славянском соответствующий глагол (ст.-слав. *келитъ*, *келѣти*) принадлежит к IV классу, обнаруживающему, с одной стороны, связь с глаголами состояния второй серии, с другой — достаточно древнее взаимодействие с атематическими глаголами первой серии на *-ti*. Это сказалось в наличии в восточнославянском только у глаголов этого класса (и V класса, см. выше) древнего окончания 3 л. ед. ч. наст. вр. **-ti* (рус. диал. *вел'ит* в говорах, сохраняющих архаичные формы, Гецова 1963, с. 107) в отличие от I, II и III классов, где отражается нулевое окончание *-Ø*, реконструируемое в качестве одного из двух вариантов флексии 3 л. ед. ч. второй серии (Топоров 1961, с. 65—67; Иллич-Свитыч 1967, с. 81).

Это двойственное положение IV класса славянских глаголов проявляется благодаря его сопоставлению со старолитовскими атематическими глаголами, семантика большей группы которых оказалась близкой к центростремительному значению, характерному и для славянского IV класса и для многих индоевропейских глаголов второй серии. В этом отношении показательно соответствие ст.-лит. *pavelti*: ст.-слав. *келитъ*, на основании которого славянский глагол возводили к древнему атематическому (Мейе 1951, с. 189; Stang 1942, с. 24; Schmid 1963, с. 72). Но по тем же причинам, по которым сомнительным оказывается это объяснение для ст.-лит. *-velmi*, оно тем более сомнительно для славянского глагола IV класса. Характерно, однако, отражение чередования **e* со ступенью редукции в родственном ст.-слав. *доклѣти*, употребляемом в конструкциях с дательным субъекта (Потебня 1958, с. 391, там же об этой конструкции с глаголом бытия и другими глаголами в балтийских и славянских языках). Возвратные формы ст.-лит. *velmies* подтверждают то, что этот глагол уже в старолитовском входил в группу центростремительных, ср. семантические параллели в лат. *quid sibi vult ea res* и (при других корнях) латыш. *man gribas*, др.-исл. *mik lystir* 'мне хочется' (из неиндоевропейских типологических параллелей ср. в грузинском *m-sur-s* 'я желаю', *m-i-nd-a* 'я хочу') и т. п. Результаты исследования архаических способов обозначения воли в древних языках (Onians 1954) согласуются с этими типологическими выводами.

Ст.-слав. *доклѣти* синонимично ст.-лит. *pa-kakti*. Этот атематический глагол *-kakti* засвидетельствован в старолитовском главным образом в нескольких приставочных образованиях со значением 'быть достаточным' (*pakakti* 3 л., у Даукши, 316) или 'достичь' (*iškakti*, 3 л., у Бреткунаса, Specht 1935, с. 83; Sabaliauskas 1957, с. 107; LKŽ 1959, V, с. 97—98; Palionis 1967, с. 132, 240). Предполагается, что оба эти значения глагола, как и ему

родственных латыш. *kacēt* 'стремиться достичь, достигать', *kakt* (у Лангиуса, Mühlenbachs — Endzelins, 1925—1927, II, с. 130, 138), прус. *kackint*, *kakint* 'достичь', 2 л. ед. ч. повел. н. *kackin-nais* (Endzelins 1943, с. 188), могут быть сведены к единой форме второй серии типа **kak-(a) < *kok-(o)*. Соответствующая форма настоящего времени обнаруживается в слав. **čekati*, **čakati* (Stang 1961; 1966, с. 346—347, но см. о других этимологиях слав. *čakati* Bezlaĵ 1976, 1, с. 72).

Семантически с *pavelmi* сходен атематический глагол ст.-лит. *alkti* 'алчет, алчут' (в катехизисе 1653 г., Specht 1935, с. 85; Sabaliauskas 1957, с. 109). В обоих восточнобалтийских языках глагол по указанной закономерности перешел в тип непереходных основ на *-st-*: лит. *alkstu*, латыш. *alkstu*, ср. возвр. *iz-s-alkt* 'становиться голодным'. На основании сравнения атематического старолитовского глагола со ст.-слав. прич. *лѣкомъ* восстанавливался атематический глагол: о.-слав. **olk-* (Мейе 1951, с. 167). Но отсутствие надежных доказательств принадлежности этого глагола к первой серии в других индоевропейских языках и огласовка **o* (сходная с обычной для второй серии в ед. ч.) делают возможной гипотезу о вторичности форм первой серии атематического типа. В этом случае презенс *alkti* был вторично образован к «перфектопрезенсу» *alko* в период, когда стала продуктивной парадигма типа *-mi :ā : *ti* (Stang 1962, с. 168; 1966, с. 315). К этому же корню возводится и прус. *alkins* 'трезвый, рассудительный' (< *'голодный', Топоров 1975, I, с. 75, там же дальнейшие параллели). Из семантически близких глаголов сходное изменение грамматического типа, вероятно, претерпел ст.-лит. *troksti* 'алчет, алчут' (по Стангу из **trošk-ti*, Stang 1966, с. 314; основа на **-šk-*), а также прус. 3 л. *quoi* (арханизм, см. гл. 3) при параллельном *quoite* 'хочет, хотят' (ср. Stang 1966, с. 313, но ср. другие возможные объяснения: Schmalstieg 1974, с. 154, 174).

Выбор между двумя альтернативными объяснениями — из атематического глагола первой серии с огласовкой **e* и из формы второй серии — остается открытым и по отношению к ст.-лит. *miegmi* 'сплю', *miegsi* (2 л.), *miegmé* (Даукша, «Постилла», 298₁₃), *miegt* (3 л.), Specht 1935, с. 83—86; Sabaliauskas 1957, с. 99; Palionis 1967, с. 132—133; Kazlauskas 1968, с. 307 и след.; Zinkevičius 1971, с. 78. Глагол засвидетельствован как атематический и в литовских диалектах (Zinkevičius 1966, с. 349). Родственное прус. *meicte* 'спать', инф., в словаре Симона Грунаууса может рассматриваться как форма, образованная от прусского атематического глагола (Schmalstieg 1974, с. 216). Форма повел. н. *miegj* в восточнолитовских диалектах, вероятно, отражает древний опатив атематического глагола. Основа с носовым инфиксом в лит. *mīŋga* может быть сопоставлена с основой ст.-слав. *мѣгжѣти*, ср. *смѣжжѣти*, рус. *мжить* 'щуриться, полудремать,' ср. также свидетельства наличия глагола в иранском: согд. *nimīž* 'мигать', тадж. *mīja* 'ресница' и т. п. В литовском засвидетельствована без-

личная возвратная отрицательная конструкция с дательным субъекта при этом глаголе: *nesimiegojo ir Jonui* (Fraenkel 1928, с. 117), ср. синонимичное хет. *šuptari* (3 л. ед. ч. мед. наст. вр.) в безличном употреблении в отрицательной конструкции; ср. также *Anie miegós kožną dieną*, LKŽ VIII, 1970, с. 137. Такое употребление древнего глагола первой серии **meig-ti* могло быть достаточно древним и способствовать его сближению с другими глаголами того же семантического круга. Поэтому из двух возможных интерпретаций глагола — как «перфекта» **maig-* по Малову, чему противоречит ступень **e* в прус. *meicte* (Stang 1966, с. 331), и как презенса на **-ti* — для балтийского вероятнее второе.

Бесспорно весьма древним представляется такое сохранившееся в литовских говорах безличное употребление в конструкции с дательным или винительным субъекта общевосточнобалтийского атематического глагола: лит. *niežti mi* ‘у меня зудит, свербит’ (у Ширвида, Schmid 1963, с. 69; Buga 1959, II, с. 388, 468; Stang 1942, с. 100; 1966, с. 316—317; Sabaliauskas 1957, с. 111; Zinkevičius 1966, с. 350, LKŽ, 1970, VIII, с. 790—791), лит. *kam niežt*, латыш. диал. *kam niēz* ‘у кого зудит’, где *niēz* вместо более древнего *niezt* (Endzelīns 1951, с. 572, § 418, с. 725—726, § 601). Этот глагол, употребляющийся в архаической для глаголов данного морфологического типа безличной конструкции и засвидетельствованный как в старолитовском, так и в литовских и латышских диалектах, следует признать старым глаголом первой серии с огласовкой **e*. О том, что слово относилось к семантическому полю лит. *sergù*, латыш. *sērgu* ‘болею’, хет. *ištark-* говорит и иранское соответствие: авест. *naeza-*, название болезни, осет. *niz*, *nez* ‘болезнь’ (часто как субъект — ‘болезнь’, понимаемая активно: *raǰy-ma raǰy iw styr qaewyl niz systad aemae sae faecaǰta* ‘давным-давно на один большой аул нашла болезнь и истребила их’, *aemae jae taevdniz nywvaǰta* ‘и горячка (*taevd-niz* < *taevd* + *niz* ‘горячий’ + ‘болезнь’) оставила ее’ (Еванг. от Матф., 8, 15), *jesaefzaenaej dae nez* ‘(и) исчезает твоя болезнь’, ср. особенно интересный для сравнения с приведенными отрицательный оборот: *niz kaemae naei, wi nae qaerzy* ‘у кого нет болезни, тот не стонет’ (Миллер — Фрейман 1929, II, с. 853); ср. осет. *nizgyn* ‘больной, хронически больной’ (*aemae waedaej faestaemae faenizgyni* ‘и с тех пор он хворает’), *nezgin*, соответствующее согд. *ny'zkyu* (= **nezkin*) ‘немогущий’ (Абаев 1973, II, с. 186). Осетинское соответствие представляет особый интерес, так как оно подтверждает, что балтийская безличная конструкция (как и хетская конструкция с *ištark-*) может восходить к безличным обозначениям активно действующей силы, враждебной человеку. Такая семантика говорит скорее в пользу древней активной формы (на **-ti*), чем формы второй серии с пассивным (позднее медиальным) значением (последнее, впрочем, могло обозначать направленность этой силы на человека).

Этот тип конструкций представляет значительный интерес в свете современных исследований, позволяющих предполагать

очень большую древность различия способов выражения волевого действия, зависящего от говорящего, и неволевого действия, описывающего ситуации, грамматическое обозначение которых возводится к индоевропейскому противопоставлению актива и инактива. В качестве существенной типологической параллели можно указать на глагольную систему америндейских языков, различающих волевое действие и неволевое (Kroeber 1911, с. 371—372; Andersen 1976, с. 5). Из семантической сферы, близкой к тем конкретным глаголам, которые относятся к рассматриваемому типу в балтийском, можно привести такие примеры из купенью, как глагол неволевого действия 'задохнуться': *ne'en hiqsá'neyex* 'я задохнулся' (Hill 1969, с. 349). Показательно, что в восточном помо к числу таких глаголов, обозначающих действие, не контролируемое говорящим и не зависящее от его воли, относится *śéčki* 'чихать' — глагол, сочетающийся только с *patiens*'ом (не имеющий выраженного *agens*'а), Mc Lendon 1978, с. 2, 4, 6. Правильность предлагаемого типологического сближения видна из того, что в древнегреческих текстах обнаруживается понимание чихания как проявления неосознаваемой психической силы (Onians 1954, с. 103—105, 120, 483, 487); вместе с тем грамматическое оформление глаголов с этой семантикой в таких языках, как балтийские, морфологически сходно с ситуацией в восточном помо. Типологически вост.-помо *śéčki* 'чихать' сходно с лит. *niežti*.

Возможно, что некоторые другие атематические глаголы, обозначающие неприятные телесные реакции ('кашлять', 'чихать' и т. п.) и иногда до сих пор в диалектах сохраняющие, как *niežti*, безличное употребление атематических форм 3 л., но в других случаях его не обнаруживающие, вошли в старолитовский атематический класс первой серии позднее. Об этом, в частности, может свидетельствовать соответствие др.-инд. *kāśate* (медальная форма от основы на -a- < *-elo-) при ст.-лит. *kosti, kosiu* (Schmid 1963, с. 76, ср. LKŽ VI, 1962, с. 371—372). Но ст.-лит. *niežti*, латыш. *niezt* следует (вопреки Стангу, Stang 1966, с. 316) выделить из этих, возможно, позднейших образований.

Архаизмом, в котором форма на -*ti* косвенно отражает старое значение 3 л. ед. ч., следует признать и употребляемый в безличной конструкции атематический глагол ст.-лит. и диал. лит. 3 л. *sniegti* 'идет снег'. Тематический тип авест. *snaēžaiti*, греч. *νείφει*, лат. *niuet*, др.-в.-нем. *snīwid* 'идет снег', ирл. *snigid* в этом случае можно было бы признать новообразованием, как думал Мейе, возводивший эти формы к атематическому типу, основываясь на ступени редукции (*i*) в ирландской форме (Ernout — Meillet 1951, s. v. *niuit*; Stang 1942, с. 102). Восточнославянская основа типа рус. *снежить* (лит. *snaigýti*) является оляменной (*Būga* 1959, II, с. 581). Носовая основа в лит. *sniñga* (ср. лат. *ninguit*) не противоречит принадлежности глагола к атематическим, ср. выше о хет. *ištark-*: *ištarnink-*. Поэтому кажутся неосновательными доводы В. Шмида (Schmid 1963, с. 71) против древности атематич-

ческого типа лит. *snięgti*, заключающиеся в наличии тематических форм в других индоевропейских языках и соотношения *snięgti* : *sninga* в самом литовском¹⁶.

Литовский морфологический архаизм, заключающийся в сохранении в старолитовском группе глаголов первой серии, в которую рано стали включаться и глаголы второй серии, можно связать с сохранением (вплоть до современных диалектов) безличных конструкций, с которыми, быть может, следует соотнести балтийскую инновацию, заключающуюся в отсутствии формы 3 л. мн. ч. (ср. формы типа *snięgti*, где очевидны причины, по которым именно в активной серии глагольных форм единственной формой 3 л. стала форма ед. ч.).

Возможно, что архаичными следует признать и некоторые другие формы 3 л. атематических глаголов на *-ti*, даже если они встречаются только в диалектах (и отсутствуют в письменных памятниках), ср. лит. диал. *kvępti* 'благоухает, пахнет', *kvepėti* (Būga 1959, II, с. 467; Sabaliauskas 1957, с. 112; Stang 1966, с. 310; Arūna 1957, с. 144), родственное лит. *kupėti*, ст.-слав. кыпѣти, др.-инд. вед. *prākupita* 'трепетный' (RV II 12, 2), ср. к этимологии Иванов — Топоров 1965, с. 147, Флоренский 1973, с. 362 и след., Schmid 1963, с. 66, 69, 72, 80—83.

Шмальштиг недавно предложил следующую хронологию форм этого глагола в соответствии со своей общей схемой (ср. § 2, 4), Schmalstieg 1980, с. 137:

		I	II	III
A	1 л. ед. ч.	* <i>kewep^w-ey-óm^w</i>	* <i>kwep-y-óm</i>	* <i>kup-y-óm</i>
B(1)	3 л. ед. ч.	* <i>kewep-éy-et^w</i>	* <i>kewp-éy-t</i>	* <i>kūp-i-t</i>
B(2)	3 л. ед. ч.	* <i>kewép^w-ey-ét^s</i>	* <i>kwép-ye-t</i>	* <i>kwép-i-t</i>
B(3)	3 л. ед. ч.	* <i>kewep-óy-ét^w</i>	* <i>kewp-óy-t</i>	* <i>kup-ó-t</i>

Основу **kup-y-* Шмальштиг видит в лат. *cupiō* (с ошибочным объяснением *-ō* < *óm, см. выше), тогда как *kup-i-t > лат. *cup-i-t* при *kūp-i-t → *kup-i-t (замена формы) > лат. *cup-i-t(-us)*; парадигма *kup-y-óm отражается в др.-инд. *kūp-ya-ti*, *kūp-ē-t — в лит. *kup-ė-ti*, о.-слав. *kup-ě-ti, тогда как *kūp-i-t > о.-слав. *kup-i-tě*, лит. 3 л. наст. вр. *kūp-i* (с введением краткого *-i-*). Лит. 3 л. ед. ч. наст. вр. *kuēria* объясняется тематизацией **k^wep-i(-t)*. Но формы на *-i-*, *-i-* весьма характерны для второй серии. Поэтому хронологическая схема Шмальштига (как и в других случаях) вызывает сомнения именно в той части, которая касается реконструкции флексий.

Восточнобалтийские формы, образованные от и.-е. **leik^w-*, начиная с работ Малова и Ван-Вейка интерпретировались как

¹⁶ Спорность общиндоевропейского типа глагола делает в данном случае особенно существенными доводы нестратического внешнего сравнения, которое предполагает наличие соответствия в эвенк. *сиңиe-* 'падать, идти (о снеге)', ССТМЯ, II, 1977, с. 90, возводимом к алт. *siṗō* (Дыбо 1978, с. 407).

древний перфект **loik^w*-(*elo*), позднее преобразованный в форму атематического презенса. Однако сомнительность возможности возведения *ie* к *oi > *ai* (предполагавшегося Ельмслевом и некоторыми другими учеными) делает в этом случае затруднительным объяснение огласовки хорошо засвидетельствованного старолитовского глагола: *liekmì* (1 л.), *lieksi* (2 л.), *liekmè* (1 л. мн. ч. Bretkunas), 2 л. мн. ч. *liekti* (формы 1 л. мн. ч. *liekames*, *atsilièkame*, Daukša «Postilla», представляют интерес как возможный архаизм, ср. § 2, а также аналогичную форму от *sérgti*); см. Specht 1935, с. 83—86; Поржезинский 1901, с. 44—45; Senn 1966, с. 296, § 558; Palionis 1967, с. 132; Kazlauskas 1958, с. 307; следы атематических образований встречаются в литовских диалектах (Zinkevičius 1966, с. 348, § 629). В старолатышском представлена в одном случае *pallekt*=[*paliekt*], Endzelins 1951, с. 725, § 601e; 1948, § 339, с. 180.

Форма *leikti (3 л.), которую, следовательно, можно восстановить для восточнобалтийского, отличается от огласовки *o, отраженной в прус. *polaikt*, обычно интерпретируемом как инфинитив, но допускающем и другие толкования (Schmalstieg 1974, с. 220). В других древних индоевропейских языках представлены явные следы форм второй серии от этого корня — как перфектных типа лат. *liqui*, гот. *laih* (при редупликации в греч. λέλοιπα, др.-инд. *riřca*), которые обычно привлекались для истолкования балтийских форм (Stang 1942, с. 101; 1966, с. 313, 315, 339, 341, 344, 396; Watkins 1969, с. 223—224, § 219, ср. с. 151—152, § 136), так и аористических: вед. 2 л. ед. ч. аор. мед. *rik-thās*, 3 л. *reci* (атематическая форма, по типу основы сходная со старолитовской). Среди ведийских атематических форм от *rik*- 'отпущать' < **lik^w*-(Елизаренкова 1960, с. 74, 97; Whitney 1962, с. 301, § 833с, с. 303, § 83а) особый интерес представляет форма инфинитива 2 л. дв. ч. *riktam*. Согласно современным представлениям о древней функции инфинитива (в широком смысле) в ранних индоевропейских диалектах (гл. 1, § 6), эта форма может быть прямо отождествлена с теми исходными формами, которые можно реконструировать для вост. балт. *leikmì (*leikmei, ср. § 2). Заслуживает внимания также и ведийская форма аориста *araiḥ* (3 л. — сигматическое — *araiḥs-t, по Whitney, § 585а, 890, с. 221, 318, что противоречило бы предположению об отнесении **leik^w*- к корням, не образующим в древнеиндийском активных форм сигматического аориста, см. Николаев — Старостин 1977, с. 53; но ср. другое объяснение формы *araiḥ* не как сигматической: Narten 1964, с. 223).

В свете данных ведийского языка как более поздний можно рассматривать тематический тип аориста, представленный в других языках греческо-армяно-арийской диалектной группы: греч. ἔλιπε, арм. *elik'* (ср. Watkins 1969, с. 152: из **lik^we*). Из пяти независимых друг от друга типов образования основ, которые Мейе реконструировал для этого индоевропейского корня (Мейе 1938, с. 211—212), во всяком случае этот тип тематического аориста (2 по Мейе) не является древним (приводимая Мейе форма др.-инд.

aricat появляется после «Ригведы»). Что же касается тематического настоящего времени (1 по Мейе) типа греч. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ 'оставляю', гот. *leiwa* 'сужаю' (с *e, как в восточнобалтийской атематической форме), для нее можно предположить источник в форме второй серии (типа **leik^woH*), сравнимой формально с лат. *liqui*, с одной стороны, и с формами перфекта в греческо-арийском, с другой (тип 4 по Мейе). Таким образом, большинство форм отдельных диалектов указывают на древнее образование по типу второй индоевропейской серии.

Новый анализ соотношения тематических и атематических форм от этого корня, недавно предложенный Шмальштигом, исходит из разложения на биномы в состояниях I **ley-k^w*, II **ly-ek^w* по Бенвенисту, основанного на наличии формы с носовым инфиксом **li-n-ék^w* > др.-инд. *rinakti* (Бенвенист 1955, с. 192). Поскольку греч. $\lambda\iota\mu\pi$ - можно объяснить, как и лат. *līnqū-*, обобщением на все спряжение формы, принятой суффиксом в 3 л. мн. ч., согласно Бенвенисту, «латинский и греческий языки сохраняют основу II в инфиксированном виде. Но они имеют также и основу I в форме настоящего времени в греческом языке ($\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ . . .) и в форме перфекта с огласовкой *o* и медиальными окончаниями в латинском языке» (Бенвенист 1955, с. 194; Бенвенист возводит лат. *liqui* к **leik^w-ai*, т. е. к окончанию второй серии). Как заключает Бенвенист, четырехфонемный корень **leik^w*- является состоянием I трехфонемного корня **lei-*, состояние II которого обнаруживается в настоящем времени с носовым инфиксом.

Соответственно Шмальштиг предполагает в согласии со своей схемой различения трех периодов в истории индоевропейского следующие хронологические этапы в становлении парадигмы **leyk^w* — (Schmalstieg 1980, с. 137—138):

		I	II	III
A	1 л. ед. ч.	* <i>ley^s-ek^w-óm</i>	* <i>ley-k^w-óm</i>	* <i>lik^w-óm</i>
B(1)	3 л. ед. ч.	* <i>ley^w-ék^w-et</i>	* <i>ly-ék^w-t</i>	* <i>lyék^w-t</i>
(2)	3 л. ед. ч.	* <i>léy^w-ek^w-et^s</i>	* <i>léyk^w-et</i>	* <i>līk^w-t</i>
прич.		* <i>ley^w-ek^w-et^s-ó</i>	* <i>leyk^w-tó</i>	* <i>lik^w-to</i>

Основу с долгим *i* в корне **lik^w*- Шмальштиг видит в лат. 3 л. ед. ч. депон. *liqu-it-ur*, лит. *līk-yti*, основу с вторичной тематизацией (период IIIa: **lik^w-et* < **ly-ek^w-et* — форма, приурочиваемая к периоду IIa) — в лит. *lik-aĩ*, 3 л. лīk-o, в др.-инд. аор. *a-ric-at*, основу **leyk^w-t* (период IIIa), объясняемую из **léy-ek^w-t* (период IIa) — в лит. **leyk^w-ti*, **lik^w-tó* — в лит. *lik-tas*, др.-инд. *rik-tá*. Отнесение **leyk^w-ti* к более поздним формам представляется оправданным.

Ван-Вейк, предположивший вслед за Маловым перфектное происхождение балтийских форм этого корня, высказал гипотезу, по которой древнее балт. *leika (сопоставимое с греч. $\lambda\epsilon\iota\mu\pi\epsilon\iota$, т. е. с тематическим типом образования настоящего времени) и

атематическое *laikti, интерпретируемое как древний перфект, должны были слиться в один глагол. Эта формулировка объяснялась тем, что Ван-Вейк оперировал представлениями классической индоевропейстики, с трудом соединимыми с реальными фактами балтийских языков. Допущение глагола второй серии объясняет как огласовку *o (тип хет. *šakhi* и других старых глаголов спряжения на *-hi*) в прусском, так и возможность существования форм настоящего времени от этого глагола. В определенный (повидимому, весьма ранний) период истории восточнобалтийского (если не общепольского, ср. формы типа прус. *meicte*) такие формы старой второй серии перестроились по типу первой серии. След этого можно еще видеть в соотношениях между разными производными от этого корня.

След древнего восточноиндоевропейского глагола отражен, по-видимому, в лит. диал. *jūbsmi* 'опоясываю', известном в качестве атематического глагола из сравнительно поздних источников (начиная со словаря Рунга), см. Sabaliauskas 1957, с. 107; в этом смысле едва ли можно говорить об атематическом глаголе в старолитовском, Николаев — Старостин 1977, с. 53, хотя авторы правы в выделении корня как древнего индоевропейского; относительно форм, встречаемых у Даукши (*perjuostos, sujuostos*) см. LKŽ 1957, IV, с. 427; ср. у Шлейхера: «Classe I, I. b. *jūsmi* (*jūšiau, jūšti gurten*), $\sqrt{jus}$ » Schleicher 1856; 1, с. 250, § 119 («Reste der bindwocallosten conjugation»); ср. латыш. *juđzt* (Mühlenbachs — Endzelins II 1925—1927, с. 128, к этимологии ср. также Fraenkel 1955, с. 198; Sabaliauskas 1967, с. 38). Глагол данного корня реконструируется как о.-слав. *po-jasati на основании ст.-слав. поѡѡзъ 'ζωωνή', рус. *пояс*, укр. *пояс*, рус. *опоясать* от *jāsati, рус. ц. слав. $\text{Ѣ аѡѡѡма чѡѡѡѡѡ прѡѡѡѡѡѡѡ}$ (=λέντιον) Кирил. Иерус. (см. Фасмер — Трубачев 1971, III, с. 351; Срезневский 1903, III, с. 1665). Кроме балтийского и реконструированного праславянского глагол представлен только в алб. *ngjesh* 'давить' (прич. *ngjeshiur* 'сдавленный', ср. *ngjeshje* 'нажим' и *ngjishem* 'набиваться' с аблаутом *e : i*) и в греч. гом. ζωωνιμι (основа на *-*nu-*) 'опоясываю, окружаю', мед. ζωωατο, фесс. ζωωθη. Гомеровская медиальная форма могла бы рассматриваться как косвенное указание на то, что глагол в древности мог иметь формы второй серии, но этих данных явно недостаточно. Но показательно, что в греческом нет корневых бессуффиксальных форм настоящего времени, что нехарактерно для длительных корней. На значительно более широкое распространение этого глагола в восточноиндоевропейском диалектном ареале указывает производное от этого корня (древнее причастие или отглагольное имя на *-to-* от атематического глагола): лит. *jūosta*, латыш. *juđsta* 'пояс', греч. ζωωτός, ср. у Гомера производные ζωωτήρ, ζωωτρα, а также ζωνη, ζωα, авест. *yāsta-*; родственный термин недавно обнаружен в кафирском: прасун *yase* 'пояс' (Fussman 1972, II, с. 155, примеч. 1). То, что в литовских диалектах сохранился архаический восточно-

индоевропейский глагол (а, быть может, и общиндоевропейский, вытесненный в западных диалектах инновациями), в данном случае несомненно, но принадлежность его к первой серии остается не вполне достоверной из-за неопределенности данных гомеровского греческого.

Засвидетельствованный в старолитовском атематический глагол *ráumi, ráusi, ráust* (Klein 1653, с. 213 = с. 117 первоначальной пагинации «Грамматики», с. 371 = с. 91 первоначальной пагинации «Компендиума»; Sabaliauskas 1957, с. 102; Specht 1935, с. 84—87; Senn 1934—1935; 1966, с. 296, § 562; Palionis 1967, с. 133) характеризуется той же «акутовой метатонией», что и атематические глаголы типа *sérgti* (Stang 1966, с. 162). Следы атематического типа представлены и в литовских диалектах: твер. *úñ-gi per žieñ rauma 'alez ona przez cały dzień płacze'* (Otrębski 1934, с. 317), аукшт. *ráusti* (Zenkevičius 1966, с. 350, § 635). В латышском косвенное отражение древнего атематического типа предполагается в диалектных формах на *-i- типа *raužu* при обычном *raūdāju*, лит. *raudāju* (Endzelins 1951, с. 801, § 636; 1948, § 342, с. 182, там же сравнение с типом ст.-слав. *сзпитѣ:сзпати*). В связи с этой гипотезой Эндзелина может представить интерес и возможный след древнего опативного -i- в атематическом глаголе в лит. диал. *raudj* (повел. накл. Kardelytė 1957, с. 183 и сл.; Stang 1966, с. 425).

Восточно-балтийскому атематическому глаголу находится точное морфологическое соответствие в др.-инд. *rōdimi, rōdisi, rōditi* (с подвижным ударением: 3 л. мн. ч. *rudānti*, прич. *rudānt-*). В древнеиндийском «вставочном» -i-, выступающем в парадигме перед согласным флексии (Whitney 1962, с. 239, § 631), отражается и.-е. *H в «двуслоговой базе»: и.-е. **raudH-* (Thumb — Nauschild 1959, II, с. 224, § 448с, с. 256; § 430а). Обычный для индоевропейских корней этого типа долгий гласный (из *-e/oH-, повидному, чередовавшегося с *-H-) представлен, очевидно, в ст.-слав. *рудати* 'κλιείν'; формально с этим исходом основы сходен и долгий гласный в восточно-балтийских глаголах. Хотя лат. *rudō* и древнегерманские глаголы (др.-исл. *rauta*, др.-англ. *rebtan*, др.-в.-нем. *riozan*) представляют другой тип образования, тем не менее совпадение восточно-балтийского с древнеиндийским позволяет допустить (хотя бы для определенного диалектного хронологического уровня) древность атематического глагола первой серии.

След древнего атематического глагола первой серии можно было бы видеть в ст.-лит. *bėgmi* (1 л. ед. ч.), 3 л. *bėgti* (Specht 1935, с. 85; Sabaliauskas 1957, с. 107), если бы долгий гласный в тематическом глаголе в отличие от *ě в греч. φέβομαι: лит. *bėgu*, диал. прич. *bėgās*, латыш. *bēg*, рус. *бегу*, укр. *бігу*, польск. *biegę* < *о.-слав. *běgo* (древняя окситонированная парадигма, Garde 1976, 1, с. 150, § 210) указывал, как предположил Мейе, на огласовку атематического глагола типа *ed-mi (§ 3), ср. Мейе 1951, с. 176, § 223; Stang 1966, с. 334; Watkins 1969, с. 31, § 8;

Кuryłowicz 1975, с. 467). Но трудность этого объяснения, почти общепринятого, заключается в единичности формы типа *ēdmi среди балтийских и славянских атематических глаголов. Поэтому допустив, что *bēgmi и *ēdmi входили в единый класс атематических глаголов с корнем на (звонкий) смычный, нужно было бы предположить в этом классе для древнейшего состояния наличие других корней с такой же огласовкой. Хотя среди других литовских атематических глаголов, известных после Руига (Stang 1962, с. 162, тип с; 1966, с. 310) встречается некоторое число основ такого типа, ни для одной из них не удается пока доказать безусловную древность.

Форма *dēgmi* (*ussidegmi*), известная с середины XVIII в. (словарь Руига) не может с бесспорностью считаться старолитовской (Sabaliauskas 1957, с. 110). Долгое *ē* в атематическом глаголе не засвидетельствовано, в тематическом же настоящем времени засвидетельствовано фонетически закономерное долгое *ē*, соотносящееся с долгим *ē* в претерите: лит. *dēga*: *dēgė*, латыш. *dēgu*, *dēgu* (в диалектах непереходное *dagu* при переходном *dedzu*, Endzelīns 1951, с. 734, § 606, примеч. 358; Stang 1966, с. 377, примеч. 2), противопоставляющаяся краткому *e в основе инфинитива лит. *dēgti*, латыш. *degt* (Endzelīns 1948, с. 29, § 29, ср. об ударении с. 223, § 415).

Как показал Буга (Buga 1961, III, с. 50) конечное ударение на причастии (*de-ganczióš*, Daukša, Кат., 50₃₀, ср. *uždegās*, *deganti*, им. п. ж. р., Endzelīns 1948, с. 223, § 415, ср. *nėdega* и т. п.), заставляет считать парадигму подвижной (иначе: Николаев — Старостин 1977, с. 52). Славянский тематический глагол жегж, жежи (древняя окситонированная парадигма с, шток. *žēti*: *žēh*, *žē*, *zāže*, Stang 1957, с. 133—134, Garde 1976, 1, с. 151) сопоставляется с тематическим типом др.-инд. *dahati* (Мейе 1951, с. 174, § 219, Stang 1942, с. 30). Но, как и в балтийском и славянском, тематический тип может продолжать форму второй серии (ср. также алб. *dīēg* 'сжигать'; лат. *foveo* представляет собой вторичную основу на *-*ye/o-*). Такую гипотезу подтверждают древнеиндийские формы сигматического аориста типа др.-инд. *adhāk* (прич. *dakṣat*, Whitney 1962, с. 164, § 444а, с. 318, § 896). Поскольку как для этих форм, так и для редуцированного перфекта от *dah-*, характерен долгий гласный в определенных формах, представляется возможным искать источник долготы и в балтийских формах прошедшего (а не настоящего) времени типа лит. *dēgė*. Но это возможно лишь при условии, если не будет принят тезис Мейе и Куриловича (Kuryłowicz 1975, с. 467) о долгом гласном как примете древнего атематического глагола в балтийском и славянском. Поэтому особый интерес представляет старолитовский глагол *sėsti*, *sėst* (Sabaliauskas 1957, с. 103; Stang 1962, с. 162, 165), латыш. диал. *sēst* (Endzelīns 1948, с. 181; 1951, с. 726).

Востоčno-балтийскую атематическую форму морфонологически можно интерпретировать как результат преобразования основы лит. *sedėti*, латыш. *sēdēt* (ср. прус. *sīdons* 'sitzend') в позиции перед

последующим переднеязычным (во флексии 3 л. наст. вр. и в инфинитиве), ср. аналогичное *ēs-* как алломорф *ēd-* (§ 3). С диахронической точки зрения нельзя считать полностью исключенным и смещение *sed-* с основой *sēs-* (редупликация к **es-* 'сидеть', гл. 1, § 5), родственной др.-хет. *ašēš-* (см. подробнее Иванов 1965, с. 96—97); аналогичную морфологическую загадку, связанную с фонетическими особенностями этого корня, представляет хет. *šišd-*, достоверно известное только из *šišd-uṣar* 'отдых', а в остальных формах смешивающееся с *šēš-* 'отдыхать, покоиться' (: др.-инд. *sas-*, см. гл. 1, § 1); если *šišd-* представляет собой реальный корень, а не изобретение хеттологов, его можно сравнить с редуплицированными формами от и.-е. **sed-* (Oettinger 1979, с. 216). Соотношение между западнобалтийской основой **sēd-* с носовым аффиксом (прус. *sindats*, *syndens* 'sitzend'), восточнобалтийской атематической основой **sēs-* и основой на **ē* **sēdēti* точно соответствует соотношению ст.-слав. *сѣдѣ* (баритонированная парадигма: рус. *сяду*, Дыбо 1961, с. 35, 37, ср. Garde 1976, 1, с. 183): *сѣдѣти*:*сѣдѣти*; поэтому и в славянской парадигме можно было предположить смещение основ **sēs-* и **sēd-*, затем переосмысленных как алломорфы одного несупплетивного корня.

Корень **sed-* в балтийском и славянском характеризуется долгой ступенью **ē* также и в формах типа лит. пр. вр. *sėdo*, слав. аор. 1 л. *sědъ*, ст.-слав. *сѣдѣ* (об акцентуации ср. Kolln 1964), сопоставляемых с др.-инд. вед. *sādat-*, др.-ирл. *síd* (Stang 1966, с. 315, 321; Watkins 1969, § 138, с. 153). По отношению к этому глаголу источник долготы гласного ищут соответственно не в атематическом глаголе настоящего времени, а в формах прошедших времен. Нетрудно заметить, что сходство **ed-* и **sed-* оказывается далеко идущим. В обоих глаголах долгота обнаруживается и в форме настоящего времени, и в формах типа древнеиндийского аориста или перфекта, восходящих в конечном счете ко второй серии (см. § 3). Кажется целесообразным принять последнее объяснение и не выводить долготы **ed-* и **sed-* из их принадлежности к числу атематических глаголов первой серии. В таком случае это объяснение отпадает и для *bēgmi* < **bheg^{wh}-mi* (но ср. о типе **dōtъ* в гл. 3, § 1)¹⁷. Более реальным и по отношению к этому глаголу оказался бы поиск источника долготы в архаических формах типа др.-инд. *āda*, *sādat*, связываемых со второй серией форм.

Наиболее убедительным доказательством верности идеи Станга с терминологическими и другими поправками, сделанными выше о «перфектопрезентном» характере многих старолитовских атематических форм (об их вхождении в древности во вторую серию), является соотношение атематического глагола ст.-лит. *megti*,

¹⁷ Объяснение из **beHg-* (= **bheHg^{wh}-*), **eHd-*, **seHd-* (Kortland 1975, с. 22) с помощью ларингального представляется искусственным, так как песни условия, в которых обнаруживается рефлекс ларингального; ср. также другое объяснение (по закону Винтера, выше, § 3).

mekti (засвидетельствованного наряду с формами на *-st*, Specht 1935, с. 83—84; Sabaliauskas 1957, с. 104), латыш. *mēdzu*, тематического глагола лит. *māga, magėjo, magėti*, рус. *могú, можешь* (парадигма *b* с рецессивным ударением, Stang 1957, с. 114; Garde 1976, 1, с. 189; иначе Schmalstieg 1980, с. 124) и гот. *mag* (перфектопрезент), ср. Мейе 1951, с. 171, § 216. Реконструируя на основании славянских и германских форм с огласовкой *o «перфектную» форму второй серии, Станг заметил, что этот перфект развился в лит. *māga* (= ст.-слав. *можегъ*), может быть, через посредство атематического настоящего времени, служившего в качестве промежуточной ступени (Stang 1966, с. 335).

Эта мысль о последовательном движении форм второй серии в сторону позднейших продуктивных типов образования не вызывает сомнений. Но замечательной особенностью балтийского (или во всяком случае восточнобалтийского) является то, что таким продуктивным типом для определенного времени (когда он и мог быть «промежуточной ступенью» в эволюции данных форм) был атематический класс глаголов, включивший поэтому наряду с рассмотренными архаичными формами и целый ряд новообразований или же форм, происхождение которых остается неясным (см. обзор разных типов этих глаголов: Stang 1962, с. 161—162; 1966, с. 310—311 и след.).

Есть, однако, основания думать, что в старолитовском в этот класс уже не входили некоторые атематические глаголы, на существование которых в восточнобалтийском указывают латышские диалектные данные. Латыш. *atruomu* 'нахожу, привыкаю, имею обыкновение', диал. латыш. *atrūmu* (Endzelins 1951, с. 725, § 601e) свидетельствует о наличии в более ранний период атематического глагола, соответствующего лит. *rañda, rādo, rāsti* 'находить'. Можно предположить вслед за Стангом (Stang 1961, с. 67 и след.; 1966, с. 313, 347), что восточнобалтийские формы входят к глаголу **rad-* с огласовкой *o, характерной для формы второй серии («перфектопрезенса» по Стангу), тогда как родственный глагол с огласовкой *e засвидетельствован в слов. *redīti* 'кормить', каузативными же формами к этому глаголу в древности могли быть ст.-слав. *родити* (: ст.-слав. *родъ*, др.-рус. *Родъ*, Комарович 1960, бесспорно родственное хет. *hardu-* 'потомок; правнук (?)', лув. *harduwatt-* 'потомство в следующих поколениях', иерогл. лув. [*hartu*]=*há + rali + tu-sa* Hawkins, Morpurgo-Davies, Neumann 1974, с. 418; Meriggi 1967, с. 130; Tischler 1977, с. 189; об этимологии см. Трубачев 1957, с. 88; 1959, с. 152 — основа с начальным **H-*), латыш. *radīt* (Mühlenbachs — Endzelins 1927—1929, III, с. 479). Связь значений подтверждается и лит. *rasmė* 'урожай', на что обратил внимание Буга (Buga, 1958, I, с. 479). Соотношение между древней балтийской основой **rad-(mai)*, представлявшей собой преобразование формы второй серии по типу первой серии, и позднейшей носовой основой, представленной и в лит. *rañda*, и в латыш. (*at*)*ruonu* (< *ra-n-d-nuo, Endzelins 1951, с. 750, § 612c) объяснялось бы непереходным их значением.

То, что и в славянском на достаточно раннем этапе существовал класс атематических глаголов на *-mi*, по своему составу более широкий, чем реликты атематических глаголов древней первой серии, следует из разбираемых в третьей главе форм глаголов второй серии, включенных в славянском (как и в балтийском) в этот класс.

Об этом же может свидетельствовать и включение в этот тип о.-слав. **jъmatъ* (окситонированная парадигма, Stang 1957, с. 128, ср. в Чудовском Новом Завете *иматѣ*, 150а, *ѹмате*, 144в, *имат* 100в). Этот глагол является единичным остатком древнего типа основ на *-ā- < *-oH-* (суффикс, обозначающий состояние и связанный с *-ē- < *-eH-*, ср. соотношение ст.-слав. имѹма, имѹти, параллельное латыш. *sārgāt*: лит. *sérgeti*, лит. *sāugoti*: латыш. *sāudzēt*, ср. аналогичный суф. *-ē-* в других глаголах того же семантического поля, что и имѹти: лат. *habēre*, гот. *haban*, лит. *turėti* 'иметь' Schmid 1967, с. 63, прим. 261; Wagner 1956; Иванов 1965, с. 70). Сохранение в праславянском этого единственного глагола на *-ā-* и перевод его в атематический класс глаголов позволяет более четко определить относительную хронологию развития праславянского по сравнению с другими индоевропейскими диалектами. Распад атематического класса глаголов в этом языке можно сравнить типологически с ситуацией в литовских диалектах.

В балтийском достаточно долго сохранялась принадлежность ко второй серии таких глаголов, которые в других диалектах рано перешли в парадигматический тип первой серии. Это согласуется и с тем, что по гипотезе Станга период, когда атематический тип образования глаголов первой серии был продуктивным, в восточнобалтийском был еще достаточно близок к дописменному периоду. До этого в прабалтийском ситуация была существенно ближе к реконструируемому индоевропейскому до того, как в отдельных диалектных группах начало осуществляться движение, приведшее к распаду второй серии и переходу значительного числа глаголов этой серии в первую серию. Этот процесс можно достаточно явно проследить именно в таких случаях, как прус. *imta* 'nahm', лит. *įma*, *įmė*, *imti* при славянских соответствиях: **jъmъ*, аор. **jetъ* (< **ent-*), указывающих на сходный древний тип, и *jъmatъ*, представляющее собой типологически поздний глагол типа на *-mi* от основы на *-ā- < *-aH-*. Ср. синхронное объединение трех глаголов от этого корня, верное для старославянского и позднего общеславянского, Мейе 1951, § 201, с. 163.

Атематические производные на *-m(-i)* этого типа представлены в ряде древних индоевропейских диалектов, но в каждом из них внутридиалектные соотношения позволяют убедиться во вторичности образования формы по типу первой серии по сравнению с более древним типом образования по типу второй серии. Арханчские хеттские формы удостоверяют принадлежность древних глаголов на **-aH- > -ah̥-* типа *armah̥-* 'забеременеть, понести' (родственно *irmalant-* 'больной', *erman* 'болезнь', см. выше) ко

второй серии индоевропейских глаголов (хеттское спряжение на *-hi*) (Bader 1975, с. 22), ср. форма 3 л. др.-хет. *allapaḥḥi* 'плюет'. новохет. *arrawaḥḥi* 'освобождает' (: хет. *arawa-* 'свободный', общеанатолийское имя, засвидетельствованное на всем протяжении письменной традиции от староассирийских торговых табличек до ликийского, родственно лит. *arvas* 'свободный', прус. *arwis* 'настоящий, верный', ст.-слав. *ръвѣнъ*, Топоров 1975, I, с. 112), *innaraḥḥi* 'проявляет силу', *katteraḥḥi* 'умалает' (Иванов 1965, с. 117). Но достаточно рано в хеттском обнаруживается образование форм 1 л. ед. ч. наст. вр. по атематическому типу первой серии: 1 л. *maniyaḥmi* 'передаю в управление, вручаю', *idalawaḥmi* 'делаю плохим', 2 л. *maniyaḥti*, *idalawa(h)ti* (тип спряжения на *-hi*), 3 л. *maniyaḥḥi* (тип спряжения на *-hi*) и новообразование *maniyaḥzi*, *idalawaḥzi* (тип спряжения на *-mi*) (Bader 1975, с. 22). Сходным образом тип спряжения глагола V класса *lkām* 'вижу' является новообразованием в тохарском А по сравнению с медиальным спряжением того же глагола в тохарском В: *lkātār*, *lkāntār* (Krause — Thomas 1960, 1, с. 203, § 366, с. 228, § 412.2). Др.-в.-нем. *salbōm* построено по типу таких новообразований от глаголов второй серии, как др.-в.-нем. *tēm*, *stām*, ср. вероятное отражение более древнего типа в гот. *salbō* (Bader 1975, с. 22; 1976, с. 52, прим. 124).

Готское соотношение *salbōm* : *salbō* Станг привлекал для того, чтобы на основе о.-слав. **jьтать* реконструировать наличие полуматематического типа спряжения глаголов на **-ā-* < **-eH₂-* того типа, который характерен для балтийского (лит. *sakaū*, *sakaī*, *sāko*, *sākome*, *sākote*) и германского (гот. *salbō*, *salbos*, *salboþ*, *salbom*, *salboþ*, *salbond*, Stang 1942, с. 22—23; 1966, с. 330), ср. о следах атематических форм двойственного и множественного числа в спряжении литовских и латышских глаголов на *-ā-* Endzelīns 1948, с. 184, § 343; 1951, с. 828, § 654.

Но следует подчеркнуть, что, как показывает история хеттских глаголов на *-aḥḥ-* < **-eH₂-*, переход этих глаголов из второй серии форм в первую осуществлялся на протяжении истории отдельных диалектов. Общим для всех диалектов было исходное состояние, когда эти глаголы относились ко второй серии. Перевод же их (частичный, как и в германском и балтийском, или полный как в о.-слав. **jьтать*) в атематический тип на *-mi* и последующее разрушение этого типа составляют содержание развития каждого из отдельных индоевропейских диалектов.

Отражение древних индоевропейских глаголов второй серии в балтийском и славянском

§ 1. Глагол **-doH > *dō-*

К числу глаголов, в индоевропейском бесспорно относившихся ко второй серии, а в балтийском и праславянском перешедших в группу атематических глаголов на *-mi* относится ст.-лит. 1 л. ед. ч. наст. вр. *duomi*, возвр. *duomies, duomiet* 'я даю тебе' (Бреткунас), *ataduomi, paduomi, raduomiesi, suduomi*; 2 л. *duosi* (наряду с тематическим *duodī*), ср. прус. *dase* 'gibst'; 3 л. *duosti, duostis, duostisi, ataduost, atsiduosti, ischduosti, nepasiduost, nuduost, par-duost* (Senn 1934—1935; 1966, с. 243, § 551; Sabaliauskas 1957, с. 91—94; Palionis 1967, с. 132; Kazlauskas 1968, с. 305; Zinkevičius 1971, с. 78), ср. прус. *dāst, dast* 'gibt' (Топоров 1975, I, с. 303). У Даушки отражается подвижная парадигма (прич. *(pasi)duodās, duodāsis* (Skardžius 1935, с. 212), что согласуется с прерывистой интонацией латыш. *duōmu*, но ср. инф. *duōt* при *duod* в диалекте Дунданги (Endzelīns 1951, § 601, с. 723; Stang 1966, с. 458), ср. о лат. *duomi* Endzelīns 1951, с. 723—725; Rudzīte 1964, с. 130—131, 358—360; Draviņš 1965, с. 168 (ст. латыш. *dohmu*). Для праславянского **damь* реконструируется окситонированная парадигма: **damь, *dasi, *dastь, *damъ (*damđ), *dastè, dadęть*, Stang 1957, с. 125—127; Дыбо 1958, с. 50; Дыбо — Иллич-Свитыч 1963, с. 74; Garde 1976, 1, с. 163.

По отношению к формам типа лит. *duōmi* возможно двойное объяснение. Во-первых, их можно вывести из редуцированной формы, засвидетельствованной в ст.-слав. 3 л. мн. ч. наст. вр. *дадатъ*, прич. *дадъи*, ст.-лит. прич. *duodāš* и сходной с редуцированной основой наст. вр. (греч. $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$, др.-инд. *dādāmi*) при корневых аористах (греч. $\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\epsilon\upsilon$, арм. *et*, др.-инд. *ádāt*) в греческо-армяно-арийской диалектной группе.

С большой отчетливостью и глубиной эта точка зрения была изложена в грамматике литовского языка Шлейхера: «Как $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\delta\eta\mu\iota$ санскрит. *dādāmi, dādāhāmi* могли возникнуть благодаря редупликации из корней $\delta\omega$, *dā*, $\theta\eta$, *dhā*, так соответствующие литовские формы *dūmi* из *dūdmī*, *dēmi* из *dēdmī*, только в литовском гласная корня (корень звучит здесь *dā*, т. е. *du* и *de*) встречается в слоге удвоения, а в исходе корня полностью исчезла. . . *dūdu, dedū* являются бесспорно новообразованиями. Но можно поражаться духу языка, который спустя тысячелетия еще чув-

ствует первоначальную редупликацию, совсем затемненную в древних формах *dumi, dusi* (которая несомненно когда-то существовала), *düst* и т. п. и благодаря преобразованию формы без гласной в содержащую связующую гласную снова совершенно правильно вызывает ее к существованию» (Schleicher 1856, 1, с. 254—255 и примеч.). Но именно совпадение вновь образованных форм с древними, на которое обратил внимание Шлейхер, и делает всю эту реконструкцию сомнительной: *-d-* во все формы или в часть форм могло проникнуть позднее.

Представляется вероятным, что в балтийской и славянской парадигме этого глагола редулицированные формы (древние или вновь образованные) могли соединиться с нередулицированными (Kofinek 1938; Endzelins 1951, с. 227, 724; Мажилис 1958, с. 6—83; Топоров 1962, с. 36; 1975, I, с. 306; Иванов 1965, с. 82; 1968, с. 256; Фасмер — Трубачев 1964, I, с. 36; Schmalstieg 1974, с. 214—215; 1976, с. 138, § 5, 53; см. акцентологическое обоснование древности редуликации: Kortland 1977, с. 323). В одной из недавних своих статей, специально посвященных этой проблеме, Курилович попробовал обосновать гипотезу Коржинка исходя из предположения Мейе о существовании в балтийском и славянском группы атематических глаголов с долгой ступенью гласной корня типа **edmi*. По мысли Куриловича глаголы этого типа послужили моделью для перестройки парадигмы **dōmi* и введения *-s-* после **do-* (Kuryłowicz 1975, с. 256—469). Хотя нельзя быть уверенным в том, что соответствующие формы в балтийском и славянском восходят к индоевропейским атематическим глаголам (гл. 2, § 3, 5), тем не менее не исключено, что после начавшегося перехода глаголов второй серии в тип первой в балтийском и славянском могли образоваться закономерные отношения между глаголами типа **ed-mi* и типа **dōmi* < **doH-mi* (в этом отношении может представить интерес и глагол **deH-mi* > о.-слав. *děmъ*, хет. *te-* 'говорить', гл. 2, § 5).

В пользу предположения, разделяемого в настоящее время многими учеными (ср. Szemerényi 1970, с. 281—282; ЭССЯ, 1977, 4, с. 195, там же дальнейшая библиография), об отражении в части парадигмы балтийского и славянского **doH-mi* > **dō-mi* или же даже во всей парадигме нередулицированной формы (с последующим введением *-d-/s-* по аналогии с другими глаголами типа **ed-mi*) говорит несколько соображений, связанных со сравнением с другими индоевропейскими языками. Во-первых, в анатолийском, где еще сохраняется парадигма второй серии этого глагола, в хеттском относимся к спряжению на *-hi*, он представлен без редуликации: хет. *dahhi* 'беру', др.-хет. *da-a-ah-he* = [dahhe] < **doHa-i* (ср. гл. 1, § 7) 'беру' (к семантике ср. индо-иранск. **ā-dā* 'получать' Benveniste 1966, с. 315—316, о значении в хеттском в сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими образованиями от этого корня см. Иванов 1975б), иер. лув. *ta-* (ср. лув. *la-* 'брат'?), лик. *ta-* 'брат', лид. *da-* 'давать' (ср. также возможный след более древнего значения в хеттских

приставочных глаголах *peda-* 'доставлять, уносить', *uda-* 'приносить' с префиксами *pe-* центробежным и *u-* центростремительным).

Во-вторых, даже в пределах греческо-арийской диалектной области, на основании данных которой и был сформулирован принцип использования в качестве основ настоящего времени от аористических корней редуцированных форм типа др.-инд. *dādāmi*, греч. δίδωμι (Мейе 1938, с. 214, 219), этот принцип в языке древнейших текстов не проводится вполне последовательно. В фамильных мандалах, относящихся к наиболее ранним частям «Риг-веды», 5 раз встречается форма *dāti*, в которой первичное окончание 3 л. ед. ч. *-ti* присоединено непосредственно к корню (Renou 1952, § 316, примеч.; Елизаренкова 1960, с. 71). Лишь позднее в индо-арийском стал неуклонно проводиться принцип, по которому первичное окончание присоединяется к редуцированной основе, а вторичное — к нередуцированному. О нестрогом проведении этого принципа даже в диалектах, ближе всего стоящих к греческо-арийскому по употреблению аористических форм, свидетельствует др.-арм. *tam* 'даю' (*-m* < **mi*).

В-третьих, сравнение наиболее архаических анатолийских и индо-иранских форм с латинскими позволяет восстановить древнюю парадигму второй серии как нередуцированную:

1 л. ед. ч. **doH(o)* (др.-хет. *dahḫe*, *dahḫun*, иер. лув. *tà-ha* 'я взял'; авест. аор. конъюнк. *dā(-nē)* лат. *dō*).

2 л. ед. ч. **do-tH(o)* (хет. *datta*, мед.; *da-a-at-ti*, акт.).

3 л. ед. ч. *d(H)o(-ou)* (др.-хет. *ta-e*, иер. лув. *tà-i* 'он берет', ср. вед. *á-da-t* из **á-da*, Renou 1952, § 339; Wackernagel 1953, I, с. 429; Bader 1976, с. 78, прим. 286; Watkins 1969, с. 98—99; § 82, с. 109, § 95¹⁾; Eichner 1975, с. 93; Risch 1975, с. 253; Oettinger 1979, с. 500; иначе Schmalstieg 1980, с. 8—9, 150—151).

Поздний характер установления противопоставлений между редуцированными и нередуцированными формами выводится не только из древнеиндийских, но и из италийских фактов. В латинском нередуцированный инфект (*dō*, *dat*) противопоставляется редуцированному перфекту: лат. *dedit* (ср. вест. *didet*, Vetter 1953, с. 220; Bader 1976, с. 78), оск. *didet* 'dabit' (ср. греч. мед. δέδομαι при перфекте δέδοκα). Иное распределение обнаруживается в венецком, где нередуцированный «перфект» *doto* противопоставл. наст. вр. :[d]idor, Lejeune 1968, с. 201, 208 (*-or* может быть свидетельством форм, восходящим, в конечном счете, к второй серии, гл. 1, § 7). К таким же медиальным формам относится и лат. *datur* 'дано', 'дается, позволено', непосредственно

¹ В отличие от предложенной Уоткинсом реконструкции типа **dooo* (= **dHoHo*) не считаю возможным допускать в 1 и 2 лица наличие ларингального **H* (после корневого *d-*), не подтверждаемое рефлексамии по языкам; возможна, однако, реконструкция типа **doH-Ho-i* (> хет. *dahḫe*), ср. о некоторых аргументах в ее пользу § 2. Наряду с формой 1 л. ед. ч. на **-Ho*, принимаемой Уоткинсом, можно было бы допустить и наличие формы без (медиального) **-o*: **doH* > *dō* > лат. *dō* (ср. Иванов 1963, с. 160), см. гл. 1, § 8.

сопоставимое с хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. мед. *dattari* от хет. *daḫḫi* 'беру' (3 л. ед. ч. акт. *dai*, пер. лув. *tā-i*, ср. Иванов 1965, с. 81—82, 129—130; 1968, с. 256). Это анатолийско-италийское соответствие показывает, что медиальная форма **d(H)o-to(r)* (на основе преобразования более архаичного **d(H)o-*, ср. пер. лув. *tā-i*, др.-инд. довед. **ā-dā*) сформировалась при взаимодействии форм второй и первой серий уже в период анатолийско-италийских изоглосс (ср. гл. 1, § 7). Эта латинско-анатолийская изоглосса представляет особый интерес в связи с гипотезой, по которой переход глаголов второй серии в атематический тип глаголов первой серии в балтийском мог быть связан с безличным употреблением этих последних. Характерно, что хет. *dattari* образовано по медиопассивному типу первой серии (спряжения на *-mi*). Изоглосса удостоверяет древность нередуцированной формы.

Наконец, для косвенного подтверждения первоначальности (или основной роли в парадигме) именно нередуцированной глагольной основы в славянском, как и в других индоевропейских языках, может иметь значение и то, что от этой основы образованы и все древние именные производные: ст.-слав. *даръ* (архаическое производное на *-r/n*, имеющее соответствие в форме на *-r* в греческо-армянском и возможно сикульском); о.-слав. **datъ*, лит. *dūotis* 'дар', лат. *dos*, греч. *δᾶτις*, *δῶτις*, авест. *daiti* (см. об этих производных ЭССЯ, 1977, IV, с. 192, 196, с библиографией, также Иванов, 1957, с. 14; 1975, с. 52—53).

Таким образом, в качестве основной исходной формы для балтийского и славянского восстанавливается нередуцированная основа второй серии, которая в отдельных диалектах могла образовывать медиальные формы 3 л. ед. ч. на **-to* : **d(H)o-to*.

В ст.-слав. даже обычно видят вторичное образование к *дамъ* (Мейе 1951, с. 179; Stang 1942, с. 45; Фасмер 1964, I, с. 485). Однако более точной следует признать формулировку Ван Вейка, выделявшего *dajati*, как и *dějati*, *stajati*, в качестве более старых форм (Ван Вейк 1957, с. 347). Во всех подобных случаях индоевропейским глаголам второй серии от корней, которые в эпоху после падения ларингальных оканчивались на долгий гласный, в балтийском и праславянском соответствовали глаголы с основой на **-ye/o-* после долгого гласного (ср. др.-инд. *gā-*: латыш. *gāju*, др.-инд. *yā*: лит. *dōja* и т. п.). Предположение о прямом рефлексе в **y* в таких глаголах ларингальной приметы второй серии пока что не представляется возможным обосновать фонетически (ср. Risch 1955, с. 189—198; Puhvel 1960, с. 55, ср. Cowgill 1963, с. 267, Иванов 1965, с. 78 и сл.; 1968, с. 257 и сл.; ЭССЯ 1974, IV, с. 184 с литературой). Более вероятно предположение об использовании для устранения зияния после падения конечной ларингальной фонемы корня основообразующего элемента **-y-*, выступающего в некоторых формах, ср. ст.-слав. *даж*, прус. *daia-* 'дар' (Топоров 1975, I, с. 290—291), ср. *bhe dei tennan etnistis bhe Daiai stesses Crixtnas madlit turrimai* 'Auch In umb Gnade und Gabe der Tauff bitten sollen', K III 69, 22; *kāwids . . . stan Dāian twaisai Crixtnan*

madli bhe twaian prabutskan etnĭstin poquoitĕts 'der die Gabe deiner Tauff bittet und deine ewigē Gnad . . . begeret', K III 73, 16; *sen swaians Dāians erschwāistiuns* 'mit seinen Gaben erleuchtet', K III, 33, 8; *O Deiwē Rikijs . . . Signāts mans bhe schiens twaians Dāians* 'Herr Gott . . . segne uns und diese deine Gaben', K III, 53, 19; др.-инд. *dāyā-* 'доля, подарок', *dāyā-* 'дарующий', а также иногда встречающуюся хетгскую форму итератива 3 л. мн. ч. повел. н. *da-i-šk-andu*, KUB XXXI 86 III 3. Этот элемент *-y- тогда можно было бы считать не прямым фонетическим продолжением *-H-, а его морфологическим косвенным отражением на стыке корневого и суффиксального морфов.

Возможно, что сходным образом следует интерпретировать и элемент *-w- в восточнобалтийских формах типа лит. 3 л. прош. вр. *dāvė* 'он(и) дал(и)', диал. лит. 1 л. ед. ч. *deviāi*, 2 л. ед. ч. *devei* (Zinkevičius 1966, с. 355, § 654), латыш. 1 л. ед. ч. *devu*, ст.-латыш. *dawibes* (Stang 1966, с. 364). Этот же элемент *-w- обнаруживается в восточнобалтийском отглагольном имени: лит. *dovanā* 'дар', латыш. *dāvana* 'дар', тогда как в прус. *dzia-* в сходном значении представлен тот же элемент *-y-, что и в прус. *dai* 'он(и) дал(и)' (3 л. прош. вр.). Это соотношение между восточнобалтийским и западнобалтийскими формами, по-видимому, исключает чисто фонетическое объяснение -v- в восточнобалтийских формах и в родственном ст.-слав. -давати (ср. *раздакаю-* несов. в. при итеративе *раздавати*²), Вайан 1952, с. 367—368). Если бы -v- в этих восточнобалтийской и славянской формах объяснялось как фонетический рефлекс лабиоларингального *H^o (Schmalstieg 1956³, с. 257—258; Stang 1966, с. 381, 391, при прежних морфологических объяснениях в более ранних работах Станга) или как следствие развития гласных, то осталось бы непонятным различие между восточнобалтийскими и западнобалтийскими рефлексам *H^o при сходстве последнего со славянским (ср. предположение о морфонологическом чередовании *uo* перед согласным: *av* перед гласным в восточнобалтийском, Cowgill 1964, с. 348, 355). Поэтому более вероятным представляется морфологическое сближение с лат. *duim*, фалискск. *douiad*, умбр. *purdouitu* 'porricito', хет. 1 л. мн. ч. *du-mneni* (ср. производные: *pedummeni*, инф. *pedummanzi*, *udummeni*, инф. *utummanzi*, о -m-, ср. гл. 1, § 3, ср. также отглагольные существительные *petummar*, *utummar*). Можно полагать, что во всех этих формах представлена основа с суф. -w-, характеризующим некоторые глагольные формы, связанные со второй серией (Иванов 1965, с. 83; 1968, с. 258; относительно спорных случаев, где в других индоевропейских языках предполагалась та же основа, см. Cowgill 1964, с. 354—355, см. гл. 1, § 7, § 11). По-видимому, точно так же, как сигматический показатель в основах

² Ср. о хронологии форм Cowgill 1964, с. 355, примеч. 55 (объяснение *dāvė* там же противоречит фонетической хронологии: Schmalstieg, 1978, с. 3, примеч. 1; ср. Levin 1975).

³ Иначе Schmalstieg 1973, с. 131—132; 1978: **dow-* 'делить на два': **dw-* 'два'; ср. новую парадигму: Schmalstieg 1980, с. 150—151.

на -s- второй серии (например, хеттских и тохарских глаголах на *-s-) связан исторически с сигматическим показателем -s в 3 л. ед. ч. прош. вр. хеттских глаголов на -*hi* и в других родственных формах типа ст.-слав. *дѣстѣ*, основообразующий суф. *-w- в основах типа о.-слав. **dav-* < **dōw-* может быть соотнесен с элементом -w-, обнаруживающимся в целом ряде форм второй серии (см. о славянском Топоров 1958, с. 78—79), ср. лат. -*ui* в перфекте, др.-инд. -*au* в перфекте (*jañāu*), ср. также др.-инд. перф. *parāu*, *parātha*, *parāu* (3 л. ед. ч., Thumb — Hauschild 1959, II, с. 391—392; Watkins 1969, с. 53), галл. *ieru* (3 л.), тох. *-*wä* (1 л. ед. ч. претерита, Adams 1978), алб. -*va* в аористе (Lambertz 1957, с. 302—305; Bader 1978, с. 33—35). Однако позднее -v- в формах типа лит. *dāvė* могло быть переосмыслено как морфонологический элемент, устраняющий зияние и функционально (с синхронной точки зрения) сходный с -j- в о.-слав. *da-j-g (ср. такое же сходство -j- и -d- как элементов, устраняющих зияние на стыках морфем, гл. 2, § 4), см. о функциональном параллелизме подобных личных форм Schmid 1966, с. 291.

Если основы типа о.-слав. *dajati и *davati были унаследованы от достаточно древней эпохи, когда после падения ларингальных осуществлялось морфонологическое преобразование индоевропейских глаголов второй серии с корнем на долгий гласный, то из этого не следует, что столь же древними были их видовые функции. Скорее можно предположить более позднее вовлечение унаследованных пар типа *дамд*:*даж* в видовые соотношения, формировавшиеся в славянском (ср. Мейе 1951, с. 179, 181; Ван-Вейк 1962, с. 248).

§ 2. Глагол **dheH-* > **dhē-*

В древних индоевропейских диалектах глагол **dheH-* полностью параллелен глаголу **doH-*. В древнехеттском *teḫḫe* (KUB XXXII 117 Vs. 7) — глагол точно такого же морфологического типа, как *dahḫe*. В греческо-армяно-арийской диалектной области оба корня ведут себя как аористические, ср. др.-инд. аор. *ādhat*, греч. ἔθεμεν, др.-арм. *ed* (о соответствии хеттских форм спряжения на -*hi* и корневых аористов в греческо-армяно-арийском в этом и других подобных глаголах см. Иванов 1955; 1957; 1960; 1965; 1968; Cowgill 1979; Oettinger 1979, с. 127). В балтийском морфологическое сходство этих глаголов проявляется в их вхождении в класс старолитовских атематических глаголов на -*mi*.

Атематический глагол на -*mi demì* засвидетельствован в большом числе старолитовских текстов: 1 л. ед. ч. *demi*, *išdemi*, *nusidemi*, *pademi*, *prademi*, *uždemi*, возвр. *demies*, 2 л. ед. ч. *desies* (Bretkunas),¹ 3 л. *dest*, *indest*, *padest(i)*, *pradest*, *pridest*, *sudest*, *uždest*, возр. *ne destis*, *nudestis*, *ne nudestis*, *pradestis*, *sudestis*, *ne nusidestis*, *nenusidestis*, *pradestis*, *sudestis*, *nusidestis*, *pradestisi*, 1 л. мн. ч. *deme*, *prademe*, *nusideme*, *ne musideme*, 2 л. *destite* (Bretkunas), *uždestet*, (Bezenberger 1873, с. 198; Senn 1934—1935; 1966, с. 291, § 550; Palionis 1967, с. 132; Sabaliauskas 1957, с. 94—95).

В старолитовском глагол выступает в качестве баритонированного (*nussidēst*, прич. *nudēdąs* у Даукши, Stang 1966, с. 451; Senn 1966, с. 292); ср. латыш. *dēju, dēt* при латыш. *dēju, dēt* с влиянием другой акцентуационной парадигмы (возможно типа старолитовской); в славянском формы словенских (резьянских) говоров указывают на древнюю подвижную парадигму (с) (о других славянских формах ср. Дыбо 1958, с. 60—61; Дыбо 1961, с. 33, сн. 52; Garde 1976, 1, с. 155, § 220, с. 180—181, § 252). Неясна форма прус. *senditmai* (в контексте *sen senditmai rankan 'mit gefalteten Henden'* 53, 12, форма дв. ч. **senditaim* по Бернекеру и Эндзелю, ср. Stang 1966, с. 178), возможно сопоставимая с лит. *sudėti* (Schmalstieg 1974, с. 215).

В славянском морфологический тип глагола **dějŕ* противопоставлен атематическому типу **děmь* 'говорю' (гл. 2, § 5). Параллельное существование в общеславянском двух этих глаголов, различавшихся семантически и морфологически (типом спряжения, ср. др.-чеш. *diem > dím, dies > dís* при *děju > deji, deješ* и *diti* для обоих глаголов, Liewehr 1933, с. 74) могло быть одним из факторов, способствовавших тому, что глагол **dheH-* $\rightarrow$ **děti* в праславянском в отличие от глагола **dheH-* не перешел в класс атематических глаголов. Лишь позднее могло происходить смешение и.-е. **dheH-* 'ставить, класть' $\rightarrow$ о.-слав. **dě-* и и.-е. **deH-* 'говорить' $\rightarrow$ о.-слав. **dē-* (см. гл. 2, § 5), ср. **dělati* 'говорить' $\rightarrow$ др.-рус. дѣлати, дѣло (Срезневский 1890, I, с. 801, Словарь русского языка XI—XVII вв. 1977, 4, с. 242); ст.-слав. дѣлати мѣлти сѣ трѣвока (см. Вайан 1952, с. 305, § 195) и т. п. Одним из контекстов, в котором могло происходить смешение двух указанных глаголов, было, вероятно, сочетание с о.-слав. **jьmъ 'имя'*.

Слав. **jьmъ dēti* 'установить, дать имя' (др.-чеш. *dieti jmě*, ст.-польск. *dziąć imię*), соответствующее др.-инд. *nāma-dhā-*, греч. *νομαθής* 'установитель имен', возводится к и.-е. **(el)n o)meg dhē T-*.

Общеиндоевропейская формула установления имени, важная для выяснения фразеологических мифопоэтических контекстов употребления **dheH-*, восстанавливается благодаря сравнению древнеиндийского мифа о Вишвакармане — Всех дел мастере, или Господине Всех Ремесел, Всеобщем Творце (др.-инд. *viśvakarman*) Господине Речи (*Vācaspati*, RV X, 81, ср. Рош 1959, с. 189, 191), который установил имена богов, и мифа о древних риши — первоначальных поэтах, установивших имена вещей (др.-инд. *nāma dhā-* 'установить, положить имя') с аналогичным древнегреческим мифом (Иванов 1964; 1976, с. 41—46). В гимне, посвященном Вишвакарману (RV X, 82, 3, ср. Michalski 1963; Елизаренкова 1972, с. 401—403; Влбихин 1974, с. 71), о нем говорится: *ub naḥ pitā janitā ub vidhātā dhātmani vēda bhuvanāni viśvā ub devānam nāmadhā ēka ēva taṁ sampraśnām bhūvanā yantu anyā* '(Тот), который наш отец (пра)родитель, создатель порядка, (тот), который знает все состояния и все существа, который единственный

установитель имен (*nāmadhā*) для богов, к нему приходят другие существа, чтобы его спрашивать’.

В гимне это прозвание Вишвакармана (*nāmadhā* ‘установитель имен’) следует за упоминанием *saptaṣṣi* ‘семи мудрецов’, первоначальных поэтов, и предшествует упоминанию их же как ‘древних риши’ (*ṛṣayaḥ pūrve*). Поэтому с этим гимном непосредственно можно сопоставить другой ведийский гимн (RV X, 71), хотя он формально и обращен к другому богу — Брихаспати (ср. о нем Schmidt 1967), к которому чаще всего и применяется титул Господина Речи. Этот последний гимн целиком посвящен тем же первоначальным поэтам — древним риши, причем о них говорится: *Bṛhaspate prathamāṃ vācō āgram yāt prāirata namadhēyam dādhanah* ‘О Брихаспати, первое начало осуществлялось, когда они приступили к действию, производя установление имен (*nāmadhēya*); (RV X, 71, 1).

На архаичность сложного слова *nāma-dhēya* ‘установление имен’ указывает как культурно-исторический контекст (Елизаренкова 1972, с. 391; Иванов 1964; 1976, с. 42), так и параллелизм с другими подобными производными на *-dhēya* и с *nāma-dhā* в другом цитированном гимне. Оба эти архаичных сложных слова предполагают наличие фразеологического сочетания *nāma dhā-* (вариант с локативом *namāṇi dhā-*) ‘устанавливать имя’, ‘давать название вещи’, ср. употребление этого сочетания в «Ригведе»: *tveṣāṃ sāvo dadhire nāma yajñīyam* ‘(Маруты) установили для себя (=приобрели) устрашающую силу, восхитительное имя’ (RV VI, 48, 21). Отражением того же сочетания по Рену (Renou 1958, с. 10—19, ср. Gonda 1970; Библихин 1974) служит в «Ригведе» параллельное употребление *nāman* ‘имя’ и *dhāman* ‘существо, сфера, проявление силы божества’.

Древний индо-иранский миф об установлении имен, как и соответствующая терминология (ср. Zubatý 1945, с. 92), отражен не только в «Ригведе», но и в «Авесте». Здесь установление имен приписывается, как и в цитированных гимнах «Ригведы», то древним людям — *yaēšqm-ča ragō mašyaka . . . gairinqm nāman dadarā* ‘и их же древние люди гор имена установили’ (Yašt 19, 6), то божеству — самому Ахура Мазде: *yā vā vānuhiš Ahurō Mazdāo nāmqm dadar* ‘которые вам, благие (воды), Ахура Мазда имена установил’ (Yas1a) 38, 4).

Индо-иранский «установитель имен» (вед. *nāma-dhā-h*) по происхождению тождествен древнегреческому ономатету — установителю имен (ὄνομαθέτης). Лежащее в основе этого имени и родственное соответствующему индо-иранскому словосочетанию (вед. *nāma dhā-*, авест. *nāmqn dā-*) греческое фразеологическое сочетание ὄνομα τίθεσθαι ‘установить имя’ встречается уже у Гомера в контексте, где речь идет о названии ребенка (ср. Zubatý 1945, с. 92), а также у Эсхила и в более поздних текстах. В изречении, повторяющемся в нескольких пифагорейских источниках (Iamblich 1884, с. 60) говорится, что после числа на втором месте по мудрости находится ‘тот, кто установил имена вещей’ (ὁ τὰ ὀνόματα

τοῖς πρᾶγμασι θεμενος). И. М. Тронский, установивший ранее Гольдшмидта (Goldschmidt 1940), древнепифагорийский характер этого изречения и самого имени ономатета, допускал его мифологический вариант (Тронский 1936а, с. 25—26; 1936б, с. 9). Это доказывалось лингвистически тождеством с индо-иранским сочетанием.

Но в отличие от многих других мифопоэтических формул, относящихся ко времени греческо-арийского диалектного единства, данное сочетание восходит и к более раннему общеиндоевропейскому мифологическому фонду. Это видно из наличия соответствий во фригийском, в анатолийских языках, в частности, в клинописном хеттском и иероглифическом лувийском, а также в славянском: ст.-чеш. *dieti jmě*, польск. *dzieć imię* (Zubatý 1945, с. 92—93). Это сочетание входит в круг аналогичных архаических мифопоэтических сочетаний с **dheH-*, которые в ряде случаев отражены и в балтийском.

Точное соответствие этой архаической формулы удается обнаружить в старофригийском тексте А 7 (Дьяконов — Нерознак 1977, с. 185, 195; Иванов 1979а, с. 62) οFeFiv ονομαv δαφετ 'именно ему (собственное) имя создала — положила' (ср. перевод: 'eisdem nomen fecit', Haas 1966, с. 195). Форма δαφετ где φ = ξ (*ks*), Дьяконов — Нерознак 1977, с. 171, примеч. 10, представляет собой фригийское соответствие венет. *vhagsto* (основа *fac-*, ср. лат. *faciō*, Lejeune 1974, с. 78, § 71). Поэтому не подлежит сомнению, что здесь представлена собственно фригийская форма, образованная от **dheH-*.

В анатолийских языках формула представлена иерогл. лув. *ā-ti-ma-za-ni*⁴ TUWA-*ha* (=фин. *-št'nk šm*) 'имя (иерогл. лув. *atimanzani* — лат. *nomine*?) я положил', Каратепе, fr. XXXIX, Meriggi 1967 II, с. 80—81 (транслитерация согласно чтению знаков у Hawkins — Morpurgo-Davies — Neumann 1974; Laroche 1973; Rosenkranz 1975, с. 52), тогда как др.-хет. *ŠUM* (= *laman*)... *te-iz-zi* 'имя... назовет' (BoTU 10β, 7—8, ср. Иванов, 1964, с. 90—91) свидетельствует о вхождении в этот архаический контекст глагола *te-* < **deH-* 'говорить' (гл. 2, § 5). По-видимому, аналогичное смешение двух глаголов, близких по семантике, в этом фразеологическом контексте могло иметь место и в родственном общеславянском сочетании **jъmę děti*.

Реконструированное сочетание **(o)n(o)men dheH-*, где **(e/o)-n(o)men* в древности имело функции, близкие к твор. п. (Haudry 1978, с. 451) входит в ряд архаических сочетаний **dheH-* с предшествовавшими глаголу в синтагме формами существительных ср. р. с нулевым окончанием типа **mis(-)dheH-*, отраженного

⁴ Иерогл. лув. [*atimāza*] < *atimanza* (ср. Oettinger 1979 с. 457). Окончание (?) *-ni*, однако, напоминает либо др.-инд. *nāmani* (локатив), либо лат. *nomine* (твор. п.), хотя в любом случае форма лувийской основы исключает полное исконное тождество (лув. *-nz-* < **-ns-*). Но *-za(ni)* может быть и частицей или местоимением.

в словосложении **mis-dho-* 'плата, возмещение, месть' (ст.-слав. мѣзда *mězdъ*, гот. *mizdo* 'плата, награда', греч. *μισθός*, авест. *mižda-*, вед. *mīdh-vá* 'милостивый', *mīdhá* 'битва', *Su-mīdhá*, собств. имя при *máyas*, ср. р., 'радость, отрада, услада', используется только в им.-вин. п., в частности, в сочетании с *dhā-* в мед.: *máyo dadhe*, RV III 1, 3 'усладу создал', об Агни, Елизаренкова 1972, с. 97); **m(e)n(s)-dheH-* (авест. *man-dā-* 'обращать внимание', греч. *μηνθίωειν* 'замечать, понимать', гот. *mundon* 'замечать' при вед. *mánas* 'мысль, дух', в частности, в сочетаниях с *dha-*; соотношение *mánas* < *ménos : **m̥ns* аналогично *máyas* < *méyos : *mis, Haudry 1978, с. 457); **yews-dheH-* (авест. *yaož-dā* 'очищать, приводить в хорошее состояние', Haudry 1978, с. 460, при несколько ином толковании; Benveniste 1969, I, с. 113; первый элемент сочетания тождествен др.-инд. *yóh*, лат. *ius* 'право', ср. **yus-to-* > лат. *justus*, др.-ирл. *huisse, uisse*, 'справедливый' < < **yust-iyō-*, вероятно, также о.-слав. *ъstь, ст.-слав. истъ 'истинный', истина 'ἀλήθεια', др.-рус. *истьць, исто* и т. п.). К тому же кругу сакрально-юридических терминов относится также фразеологическое сочетание того же типа **kred-dheH-*, отраженное в вед. *śrad dhā-* (*śrad asmai dhatta sa janása indrah* 'верьте в него: это, о люди, Индра!', RV II, 12, 5), авест. *zrazda* (*yā. mē daēnqm māzdayasntm zrasca dāt apica aotāt* 'пусть она верит в мою маздовскую веру и ее вдувает другим', Yast 9,26), пехл. *śrad* 'ставка — залог процессуального пари' (Периханян 1973, с. 522), лат. *credō* 'верю', др.-ирл. *cretim*. Спор относительно возможности возведения этого сочетания к комбинации падежа с нулевым окончанием от **kred-* 'сердце' с глаголом **dheH-* (Benveniste 1969, I, с. 171—179; Haudry 1978, с. 457—459) можно считать решенным благодаря обнаружению в чрезвычайно архаичном хеттском тексте именно такого сочетания (Иванов, 1979д, с. 147). В том месте повествования о детях царицы Каниша, где боги не хотят, чтобы сыновья царицы узнали своих сестер, говорится: *nu-uš-ma-aš DINGIR^{DIDL} -eš ta-ma-i-in ka-ra-ta-an da-i-ir* (A Vs 16) 'и им боги другую внутренность вложили' (Otten 1973, с. 6, 7, 33). Др.-хет. *karat-* < **krd-* (ср. нулевую огласовку *mis, **m̥ns* в приведенных сочетаниях) представляет собой архаическое производное от **kerd-* со значением 'внутренность,местилище мыслей'. В качестве названия части тела др.-хет. *karat-* в притяжательных конструкциях типа *karat-s-sis* > *karaz-šiš* 'его внутренности', *karaz-meš* 'мой внутренности' противопоставляется хеттскому обозначению 'души': *ištanzanaš-šiš* 'его душа', *ištanzanaš-miš* 'моя душа' встречаются в архаических текстах ритуалов аналогической магии и заклания, связанных с мифом о боге Телепинусе, где то же существительное *karat-* (идеограмма ŠA) может относиться и к сердцевине оливкового священного дерева (KUB XVII 10 II 16 19—20), ср. то же значение у родственного лит. *širdis, šerdis*, латыш. *sērde* 'отметка на дереве, сердцевина дерева или плода', греч. *καρδία δένδρον* (Mühlenbachs — Endzelins

1927—1929, III, с. 819; Boga 1959, II, с. 562—563). Последнее архаическое представление, видимо, связанное и с архетипическим уподоблением женского чрева или внутренностей человека дуплу или сердцевине дерева, лежит и в основе чрезвычайно древнего по своей структуре ритуала в честь богини-матери (DINGIR. MAḤ), KUB XXXIII 51 I 4' след.: DINGIR. MAḤ-aš ZI. ŠU *Gišwaršamaš wišuriyattati n[u] Gišwaršama [n]lu maḥḥan lukkanz[i] n]-ašta anda 4-taš ḥalḥaltumar-i[iaš] la[lu]kkišz[i]* DINGIR. MAḤ-ni-ya-kán A[NA ZI-Š]U karatteš-[la] [anda QATAMM]A la[lu]kkišdu 'душа Богини-Матери томит дерево (дрова) для жертвенного огня. И теперь подобно тому, как зажигают дерево (дрова) для жертвенного огня и подобно тому, как по четырем углам (т. е. по четырем сторонам света) становится светло, так же пусть станет светло по отношению к Богине-Матери, ее душе и твоему чреву'. Структура этого заклятия от гнева великой богини-матери, с одной стороны, полностью тождественна с формулами хеттских гимнов богу Солнца, держащему в своей руке 4 угла (*ḥalḥaldumari* KUB XXXI 127 I 23) страны и постоянно объезжающему четыре угла — стороны света (там же, I 58—59): ^dUTU-*ī šar-ku LUGAL-u-e 4-an ḥal-hal-du-u-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḥa i-ya-at-ta-ri* 'о бог Солнца, великий царь, 4 угла (стороны света) постоянно ты объезжаешь'. С другой стороны, эти хеттские тексты типологически сходны с теми текстами других традиций, в частности, древнеиндийской, где речь идет об объезжании священным царем 4 сторон света и о связи четырех священных деревьев с образом коронации царя. Хеттский ритуальный текст можно сравнить и с теми индийскими текстами, где, как в «Ригведе» (X, 90, 15) число членов тела мифологического образа человека Пуруши сопоставлено с определенным числом (21) ритуальных частей дерева. Поэтому можно думать, что *karateš-teš* 'внутренности твои' в приведенном ритуале заклятия гнева богини-матери относятся одновременно и к чреву человека и/или богини-матери (ср. повторяющуюся в ряде хеттских текстов партитивную аппозицию *annaz kartaz* 'из чрева матери'), и к ритуальным частям дерева (и костра, из него зажженного), являющегося магическим символом (внутренности) богини. Если правильно предположение А. Камменхубер (Kammenhuber 1964, с. 168) об отражении в полуидеографическом написании ŠÀ-it 'во внутренностях, внутри' в архаическом тексте мифа о Телепинусе (KUB XXXIII 9 II 9, KUB XXXIII 13 II 91), где ŠÀ относится к брюшку пчелы, древней формы локатива с нулевым окончанием *karit (ср. о самом типе такого локатива в других словах Kammenhuber 1979, с. 123—124; Neu 1979, с. 190), то при возведении последней формы к *kred можно было бы видеть здесь след такой же чистой основы *kred, как в общиндоевропейском сочетании этой основы в качестве прилагательного элемента с глаголом 'ставить': *kred-dhe(H)-, 'внутри', 'в сердцевину' 'ставить — верить', которое рекон-

струируется на основании совпадения др.-инд. *śrad-dadhāmi* (с возможным тезисом: *śrad te dadhāmi* 'в тебя верим' RV, X, 147, 1 и др., см. выше), авест. *zrazdā*, с др.-ирл. *cretim*, лат. *credō*. Как давно уже было замечено, в значении этого оборота, в общеиндоевропейском бывшем еще двучленным сочетанием слов, не обнаруживается следов значения 'сердца', так как первоначально оно значило либо 'читать' (Dillon 1947, с. 17), либо 'иметь (класть) веру, доверие (при обмене благами)' (Benveniste 1969, I, с. 171—179; Watkins 1971, с. 1502, 1522). Как и в аналогичном сложном сочетании **ponti dhe(H)*- 'ритуальную дорогу — дерево ставить', отраженном в лат. *pontifex* 'жрец', первый элемент может быть понят в качестве объекта. Но сравнение с хет. $\check{S}\check{A}\check{i}t = *k(a)\text{-}red < *kred$ 'в сердцеvine' (локатив с нулевым окончанием, Иванов 1973; Sandoz 1973) позволяет предположить, что этот приглагольный объект по существу был уточнителем направления (ср. подобное значение винительного падежа в древних индоевропейских языках), ср. типологически сходное рус. *положиться на кого-нибудь*. Предлагаемое объяснение этого архаичного общеиндоевропейского словосочетания представляется выходом из внутреннего противоречия, к которому привело его исследование. С одной стороны, очевидной стала семантическая невероятность предположения, согласно которому речь шла о сердце. С другой стороны, реконструкция семантически и формально изолированного **kred-* только для этого сочетания противоречит принципам экономного описания фразеологии. Бенвенист, ставший тем не менее на этот последний путь, утверждал, что индоевропейское название сердца никогда не бывает представлено в западных диалектах в форме **kred-* (Benveniste 1969, I, с. 178), но это противоречило более ранней его работе, где справедливо реконструировался бином в двух состояниях: «I **kér-d-*: II **kr-éd-* > **kr-d-éi-* (ср. лит. *širdis* с r)» (Бенвенист 1955, с. 211, ср. с. 105).

Но вторая форма бинома без последующего **-ei-* представлена только в сочетании, где ее синтаксическая функция приглагольного уточняющего элемента хорошо сохраняется при тмезисе в древнеиндийском. Предлагаемая реконструкция подтверждается благодаря обнаружению в приведенном контексте древнехеттском сочетании *karatan dair* 'внутренность вложили' — 'сердцевину поставили'. Сочетание *karat-* < **krd-* с глаголом *dai-* < **dheH-* 'класть, ставить' могло относиться как к подлинному, изначально присущему состоянию (откуда 'верить' с дальнейшим развитием 'поверить в долг'), так и к состоянию необычному, вызванному «подменной» истинной сущности (как в рассказе о детях царицы Несы). То же значение 'внутренность, вместилище мыслей', что и др.-хет. *karat-*, в ряде контекстов несомненно и для родственного греч. гомер. *κράδιη* (Onians 1954, с. 23; Jaunes 1976, с. 265, 266).

Для сопоставления с хеттским оборотом, как и с общеиндоевропейским **kred dheH-*, могут представлять интерес те места «Илиады», где говорится о том, что божество (Афина, Аполлон)

вкладывает в сердце (храδίη) силу (В 452) или мужество (Ф 547). Но особенно наглядно значение исходного индоевропейского синтаксического сочетания проясняется благодаря соотношению его с синонимичными гомеровскими оборотами, в которых **dheH-* комбинируется с другим обозначением 'сердца, внутренностей' — φρένες, φρήν. Гомеровская формула φρεσὶ θήχε, в которой в качестве субъекта выступает божество, а объекта — люди, по существу построена одинаково с древнехеттской формулой из Повести о Цальпе и ее общеиндоевропейским прототипом. В I песне «Илиады», когда говорится, что Ахилл созвал собрание, это объясняется советом, данным ему Герой (А 55): τῷ γὰρ ἐπι φρεσὶ θήχε θεὰ λεχθῶλεος 'Нрη 'Ему ведь в сердце (в самую глубину его самого) вложила (это) белокурокая богиня Гера'.

Эта же эпическая формула, в которой φρεσὶ сочетается с θήχε, встречается в аналогичных контекстах «Илиады», в частности, когда та же Гера внушает Агамемнону мысль **ободрить** свое войско, теснимое Гектором: ἐπι φρεσὶ θήχε 'Αγαμέμνονι πότνια 'Νρη 'в сердце (в самую глубину) вложила Агамемнону (мысль) повелительница Гера' (Θ 218).

Соединение других форм глагола τίθημι с φρεσὶ встречается и в некоторых иных местах «Илиады», в частности, в обращении Геры к Зевсу (Т 121): Ζεῦ πάτερ, ἀρχιχέραυτε, ἔπος τί τοι ἐν φρεσὶ θήσω 'О Зевс-отец, сверкающий молниями, слово одно тебе в сердце я вложу'.

Приведенные гомеровские контексты, в которых φρεσὶ(ν) в вероятном значении '(в) сердце, (во) внутренние глубинные части тела' сочетается с формами глагола τίθημι (θήχε, θήσω), представляют исключительный интерес для выяснения предистории общеиндоевропейского синтаксического сочетания **ked dheH-*. В свете этого сопоставления кажется несомненным, что первый элемент должен был иметь значение, близкое к позднему локативному.

В древнехеттском языке существительное в сочетании *karatan dai-* изменялось по падежам (что связано с его принадлежностью к общему роду, ср. аналогичное *nahšarattan dai-* 'проявить благоговение', см. Иванов 1979, с. 6—7); по-видимому, более древнее состояние отражено в ведийском, где *śrad* представлено в форме «нулевого падежа», но может отделяться другими словами от глагола, тогда как в древнеиранском, латинском и древнеирландском сочетании **ked-dheH-* стало уже неразложимым.

Недавно проведенный детальный анализ сочетаний типа **ked-dheH-* приводит к выводу, что в них первый элемент с нулевым падежным окончанием играл роль периферийного падежа типа творительного (Haudry 1978, с. 457). Это позволяет установить непосредственную связь синтаксической семантики **dheH-* в рассмотренной серии архаических застывших словосочетаний и наиболее древних употреблений **dheH-* в комбинациях с провербами. В тех случаях, которые признаются наиболее архаичными, др.-

инд. *dhā-* в устойчивых сочетаниях с превербными характеризуется такой синтаксической моделью, при которой в творительном падеже выступает название того предмета, с помощью которого производится действие: *pāri spāśo adadhāt sūryeṇa* 'он окружил соглядатаев солнцем' (RV I, 33,8); *pāri vo viśvāto dadha ūrjā ghr̥tēna pāyasā* 'Со всех сторон я окружаю вас силой (=подкрепляющим напитком), жертвенным жиром, молоком' (RV X, 19,7, ср. Елизаренкова 1972, с. 214). Вывод об архаизме именно этого значения (Haudry 1978, с. 268, 271—272) подтверждается тождеством специализированного сакрального (обрядового) употребления вед. *pāri dhā-* 'оберегая, окружить', *paridhi* 'дрова, сложенные вокруг жаровни и образующие единое целое' и греч. гомер. *περί τίθημι* 'обложить кругом (жаровню)'. То же греческо-арийское **pāri dhā-* представлено и в авест. *pairi x'aetəuš airyamanasca dadaiti* 'меня отделили от моей семьи и от гостеприимства' с семантическим развитием, близким к авест. *antar*-mru-* 'запрещать' (Yasna 19, 15), лат. *inter-dicere* (ср. вед. *antár-dhā-* 'ставить между': лат. *interficio* 'убиваю', Haudry 1978, с. 272—274). То же сочетание **per- + *deH-* отражено в хет. *piran dai-* 'установить перед кем-либо, освятить' и в личном имени: о.-слав. *Per-dě-slavъ* (сербохорв. *Предислав*, польск. *Przediślaw, Przedzislaw*, чеш. *Předislav*, Milewski 1969, с. 25; Иванов — Топоров 1963, с. 113, 134; Иванов 1979e, с. 6—8). Как показывает сравнение других индоевропейских диалектов с анатолийскими, сочетания типа индо-иран. **pāri dhā-* < и.-е. **peri *dheH-*, хет. *piran dai-* < и. е. **perom *dheH-* восходят к древним синтаксическим словосочетаниям глагола с предшествующим «пространственным именем существительным», которое могло быть либо в форме им.-вин. п. ср. р. (**perom* > хет. *piran*, в древнехеттском функционирующее в качестве им.-вин. ср. р., в частности, в сочетании с последующими притяжательными энклитическими местоимениями типа *piran-mit* > *pirammit* 'моя передняя сторона' = 'передо мной'). Следовательно, им.-вин. п. ср. р. **per-om* играл здесь такую же роль, как и дат. п. **per-i*. Это подтверждает гипотезу, по которой сочетания типа **kred-dheH-*, хет. *karattan* (вин. п. ед. ч.) *dai-* и *piran dai-*, **peri dheH-* восходят к одной и той же архаической модели глагольного управления, при которой вин. п. мог относиться к важному для осуществления действия объекту, инструменту или условию.

Семантическим архаизмом среди сочетаний **dheH-* с превербными оказывается и лат. *ad-ficere* в значении 'снабдить, обеспечить' (Haudry 1978, с. 270—271) в конструкции типа *adficere stipendio exercitum* 'платить жалованье войску', при типологически более позднем употреблении во фригийской формуле проклятия, использующей родственный *ad-ficere* глагол *аддажет* (с морфологическими вариантами: Дьяконов — Нерозак 1977, с. 186, 188, ср. Fraser 1937): *тос. (vi). семоол. хвооцавет. хахоол. аддажет* '(любой) тот, кто этому погребению зло(е) причинит'.

Доказательства архаичности первой модели управления, отраженной, например, в лат. *adficere*, по сравнению со второй моделью, отраженной во фриг. *adđaxet*, извлекаются по отношению к бесприставочному **dheH-* из сочетаний типа лит. *dėti vežimą* 'снаряжать (загружать) повозку', *dėti dešrās* 'заправлять колбасы', *jis niėkuo nedėtas* 'он ни в чем не виноват', *dėkis kepurė* 'надень (возвр.) шапку', ср. хет. *tiyant-* 'покрытый, снабженный', прич. (Haudry 1971, с. 134; 1978, с. 278), ср. многочисленных специализированных употреблений производных от **dheH-* в последнем значении. Дальнейшее развитие значений бесприставочного глагола **dheH-*, который в значительном числе индоевропейских диалектов, в том числе в славянском, приобрел значение 'делать' (ст.-слав. дѣлати, зап.-герм. *dōn 'делать', лат. *facere*, ср. фриг. *adđaxet* и т. п.), привело к вытеснению рассмотренной архаичной (первой) синтаксической модели, в которой объект, с помощью которого (или которым) осуществлялось установление (процесс, обозначаемый корнем **dheH-*), ставился в вин. п. (в архаических словосложениях — «нулевой падеж» = им. -вин. ср. р.). Вместо этой модели повсеместно распространяется употребление **dheH-* в сочетании с вин. п. прямого объекта (ср. выше, гл. 1, § 5, о двух аналогичных моделях в конструкциях с **gthen-*).

Рассмотренные синтаксические факты не только позволяют уточнить семантическую историю **dheH-*, но и заставляют поставить вопрос о необходимости уточнения восстанавливаемых древних семантико-синтаксических характеристик этого глагола, как и других подобных глаголов, древние формы которых образовывались по второй серии. Неточным было бы определение этих глаголов просто как переходных (что часто используется для утверждений об отсутствии связей между второй серией и перфектом, ср.: Перельмугер 1977 с литературой вопроса; Eichner 1975; Risch 1975; Cowgill 1975; 1979, Meid 1979). Как видно из приведенных сопоставлений, наиболее архаичной моделью управления была такая, в которой при двувалентном глаголе **dheH-* одна актанта относится к предмету, существенному для исполнения действия, вторая — к непосредственному объекту действия. В архаических конструкциях (первая модель согласно Haudry 1978) название предмета, существенного для исполнения действия, может быть в им.-вин. п. ср. р. («нулевым падежом»: *mis, *mns, *yews, **kred-*, *(*e/o*)*n(o)men*, *per-om), тогда как название лица, по отношению к которому осуществляется действие, может быть и в других падежах: др.-хет. *nu-šmaš* . . . *karatan dair* 'и им вложили . . . внутренность', вед. *śrad asmai dhatta* 'верьте в него'. Вин. п. по отношению ко второму актанту является результатом инновации.

Новейшие исследования, в частности, опирающиеся на уточненные исследования морфологии хеттского языка (на основе наиболее архаичных текстов) заставляют вернуться снова к исследованию проблемы функции «нулевого» падежа (*casus indefinitus* в старой терминологии). Выяснилось, что в хеттском языке сохра-

нялись еще конструкции, касавшиеся, в частности, наименования человека, где его им¹ выступало в «абсолютном» падеже с нулевым окончанием в сочетаниях типа *¹Ni-wa SUM. SU (=laman-set)* 'Ее имя — Нива' (Hahn 1969; Laroche 1969a; Neu 1979, с. 170—172). По-видимому, этот падеж, хотя его с синхронной точки и можно было бы считать особым вариантом того «абсолютного» падежа, к которому восходит и звательный (Neu 1979, с. 184), тем не менее диахронически выводим из того же архайческого падежа с нулевой флексией, что и начальные элементы рассмотренных (и других) словосложений. Можно обратить внимание на роль имени ср. р. **(e/o)n(o)men* 'имя' (греч. ὄνομα, др.-инд. *nāma*, о.-слав. **jьmъ*, хет. *laman*, перогл. лув. *atimīza*), которое является существенным и для построения хеттских конструкций с «абсолютным» падежом, и для одного из рассмотренных сочетаний с **dheH-*: **(e/o)n(o)men dheH-*. Существенность имен этого типа заключается в многообразии синтаксических функций одной и той же формы (ср. в этой связи о **nōtm/*nōtmē*, лат. *nomēn — nomine*, авест. *nām̐n*; Hahn 1969; Haudry 1978, с. 451, 455—456). Переход от более архайческой функции «абсолютного» падежа (*casus indefinitus*) к функции вин. п. здесь мог осуществиться без изменения формы (Haudry 1978, с. 456).

Более точно охарактеризовать функции имени существительного ср. р., позднее выступавшего в роли объекта (первого актанта) в вин. пад. при **dheH-*, позволяет также сопоставление хет. *dai-* и лат. *condo, condidi, conditum, condere*. Латинский глагол употребляется в архайческой синтаксической конструкции *condere urbem (civitatem)* 'основывать город' (ср. *ab urbe condita* 'от основания города'), древность которой, предположенная на основе структурных соотношений, Haudry 1978, с. 276, подтверждается точным соответствием в др.-хет. *titiyanteš ešir* 'основывались вновь и вновь' (о городах, см. ниже об этой форме). Самое сочетание *con-d(i)- < *kom dheH-* является общеиндоевропейским, как показывает хет. *-kan + dai-* (где частица *-kan* имеет видовое значение, Josephson 1972). Лат. *condit* используется в двух давно разошедшихся между собой значениях. В одном редуцированная латинская форма соответствует редуцированной хеттской, имеющей то же значение 'основывать (город)'. В другом же значении удается установить полное тождество всего латинского фразеологического сочетания с хеттским, простирающееся не только на соответствие *con-dit = kan + dai-*, но и на одинаковое имя существительное, сочетающееся с глаголом в качестве первой актанта, что позволяет осуществить достаточно полную реконструкцию индоевропейской обрядовой формулы, относящейся к погребальному обряду. Соответствие лат. *ossa condere terrā* (Virg. En. V, 48) 'спрятать (похоронить) кости (в земле)' и хет. *-kan hastai dai-* 'кости положить (в. . .)'⁵ дает возможность

⁵ Ср. в ритуале второго дня царских похорон *nu ha-as-ta-i IŠ.TU la-ap-pa KUBABBAR da-aš-kān-zi na-at-kān A.NA Ī. DUG. DA hu-u-par KUBABBAR*

восстановить и.-е. **Host-kom-dheH-* 'кости (окончательно вместе) положить'. Сохранение в латинском и хеттском этой архаической обрядовой формулы согласуется с другими многочисленными общими архаизмами в ритуальной лексике двух этих языков. Вместе с тем этим проверяется правильность реконструкции, предложенной на основании внутренних соотношений в латинском: предполагается, что в латинском исходной была модель управления 'собрать вместе', объясняющая употребление *ossa condere* (Haudry 1978, с. 276). Следует подчеркнуть, что, как и в других реконструированных выше фразеологических сочетаниях, имя существительное, стоящее перед глаголом **dheH-*, имеет форму им.-вин. п. ср. р. (лат. *ossa* — архаическая собирательная форма). Если исходить из описания в терминах типологической модели инактивности, то можно было бы сказать, что при глаголе типа **dheH-* в качестве первой актанта, как правило, выступают имена инактивного класса (неодушевленного рода) в инактивном падеже (*casus indefinitus*, «абсолютный» падеж, Laroche 1969a, или «нулевой» падеж, Haudry 1978). Хеттский язык сохранил еще следы старой морфологической оппозиции в противопоставлении формы им.-вин. п. неодуш. (ср.) р. ед. ч. (=мн. ч.) *ḫastai* 'кость, кости' и активн. (=им.) п. одуш. (неср.) р. *ḫastiy-ant-s*, напр., *ḫastiyant-s inan* (=идеограмма GIG с морфонологическим компонентом *-an: GIG-an*) *kar(a)p-zi* 'кость отнимает болезнь' (Laroche 1962; Иванов 1965, с. 53; Tchekhoff 1978, с. 228—239; Neu 1979, с. 184; Rosenkranz 1979, с. 226; Schmalstieg 1980, с. 187). Поэтому структура типичной конструкции с глаголом первой серии типа *ḫastiyant-s (inan) karap-zi* 'кость (как активная сила) отнимает (болезнь)' противопоставляется типичной конструкции с глаголом второй серии типа *(-kan) ḫastai dai* 'кость (он) кладет (в сосуд)'⁶. Иначе говоря, то, что в функции первой актанта при глаголах типа *dai-* выступают формы им.-вин. п. ср. (неодуш.) р. типа

an-da zi-ik-kán-zi 'и кости они берут серебряной лопатой и кладут их в ладонное масло, в серебряный сосуд и.', KUB XXX 15 + XXXIX 19 Vs. 4—5, сочетание *-kan* с итеративом от *dai-zikk-* повторяется по отношению к 'костям' *ḫastai-at*, мест. 3 л. ср. р. и в следующих строках, там же, 5—6). Хет. *lappa* 'на лопату' (директив) можно сравнить со ст.-слав. *лпата*, прус. *lopto*, лит. *lopeta* 'заступ, лопата' (часто в связи с погребением и смертью, см. примеры в LKŽ, VII, 1966, с. 648, ср. также обрядовую роль лопаты в русском фольклоре) славянские и балтийские слова вместе с родственными германскими считались изолированным диалектным новообразованием (Stang 1971, с. 33). Их, по-видимому, придется признать архаизмом.

⁶ В древнехеттских текстах трансформация сущ. ср. (неодуш.) р. → сущ. одуш. (неср.) р. на *-nt-* имеет место также при образовании род. пад. (ед.-мн. ч.) одуш. р. на *-an* (исторически, видимо, общего происхождения с вин. п. одуш. р. на *-an < *om*): *udne* → *udneyant-* 'страна', откуда *udneyant-an* 'стран(ы)'. Особенно важное для исторического синтаксиса вероятное наращивание активного *-nt-* при функционировании слова в качестве первой актанта *eku-* 'пить' (атематический глагол первой серии, гл. 1, § 2) имеет место в истанувийском *ú-i-ni-ya-an-da-an e-ku-zi* 'вино он пьет' (KUB XXXV 132 II Vr. III, 19, Laroche 1959, с. 173. Oettinger 1979a, с. 199).

haštai, является архаизмом хеттского, как показывает и сравнение с лат. *ossa condere (terrā)*, поэтому форму вин. п. одуш. =неср. р. *karatan* в приведенном сочетании *karatan dai-* приходится признать позднейшей инновацией в хеттском по сравнению с и.-е. **kred dheH-*.

Хеттский язык позволяет вместе с тем и проверить гипотезы о характере первоначальной семантики **dheH-*. Предположение об особом архаизме значений хет. *dai-* < **dheH-*, отраженных во втором значении причастия *tiya-nt-* 'покрытый, снабженный' (ср. вторичное производное *tiyant-iya-* 'клясть', Oettinger 1979, с. 488), сходном с лит. *ne-dė-ta-s* 'невинный — ни чем не отягченный' (Haudry 1978, с. 278), представляется возможным подтвердить сопоставлением с архаической древнехеттской песнью, относящейся к немногим фрагментам литературы Несы (см. гл. 1, § 2; Oettinger 1979, с. 75, примеч. 60; 482, примеч. 489). В этой песне архаичная форма 2 л. ед. ч. повел. накл. *tiya* с нулевым окончанием (в других текстах ей соответствует др.-хет. *dai*) имеет значение 'положи—надень': URU *Ne-ša-ašKI* TUG HIA *ti-ya-am-mu ti-ya* 'Одежды Несы надень на меня, надень!' (КВо III 40 13¹). Эта конструкция бесспорно отвечает древней модели управления, реконструируемой для лит. *dėkis kepturę*. Этой модели отвечает и мед. 3 л. ед. ч. *ti-ya-ri* — архаичная форма спряжения на *-hi*, в дальнейшем вытесненная супплетивным употреблением *ki-* в качестве пассива к *dai-* (ср. выше, 2, § 5, об аналогичном употреблении *ak-* по отношению к *kuen-*, что тоже привело к вытеснению мед. *kunati*). Соответствующее по смыслу др.-инд. 3 л. ед. ч. пасс. *dhiyāte* 'он положен, поставлен', мед. *dhattē* 'он получает' (с переходом в позднейший тип мед. на **-t-oi* > *-t-e*) удостоверяет бесспорное наличие в дописьменном состоянии архаической модели управления (Haudry 1978, с. 425). Параллельная форма от *ā-dā* — вед. *ā-datte* 'получает' (по значению и по форме соответствующая хет. *dattari*, лат. *datur* 'дано', гл. 3, § 1) является семантическим архаизмом в виду отражения **e/ō-doH-* в этом значении в лат. *heres*, греч. *χρῆστῆς* 'наследник' (Haudry 1978, с. 165, 388, 425; ср. о сравнении с хеттским *da-*, др.-инд. *ā-dā*- Cowgill 1972, с. 567; Risch 1975, с. 93; Oettinger 1979, с. 500). Реконструируемые на основе таких конструкций модели управления для **dheH-* > др.-инд. *dhā-* и **doH-* > др.-инд. *dā-* модели управления оказываются единообразными: в вин. п. обычно находится название первой актанты (объекта, с помощью которого осуществляется действие), тогда как название второй актанты — в дательном: *dādhāti ratnam vidhatē* 'он предоставляет богатство жертвующему' = 'он его кладет, чтобы тот его взял', RV IV, 12, 3 (для корня **doH-* древность такой модели удостоверяется значением хет. *da-* 'брать' при **doH-* 'давать' в других языках).

По-видимому, было бы неправильно условно называть конструкции и глаголы этого типа переходными, не учитывая того, что первая актанта по существу выражена формой, играющей роль творительного падежа. Как представляется, результаты син-

таксического исследования архаических конструкций с глаголами типа **dheH-*, **doH-* позволяют лучше понять специфику этих глаголов, означавших некогда чаще всего предоставление какого-либо объекта (первой актанта) в распоряжение кого-либо (второй актанта). Если принять реконструкцию архаического состояния, в котором падеж инактива не обязательно совпадал с вин. пад. (что возможно в активном языке), то глаголы типа **dheH-*, **doH-* своим управлением могли отличаться от древних глаголов первой серии, при которых та же актанта обычно выражалась вин. пад. (на *-(o)m*).

Как и по отношению к ст.-лит. *dūomi*, в парадигме ст.-лит. *demī* нет обязательных оснований предполагать отражение древней редулицированной основы (во всяком случае во всех личных формах), представленной в формах причастия (*nu-dēdas* у Даукши). В парадигме др.-хет. *teḫḫe*, лучше всего сохраняющей древний тип, редулицированных форм нет. Редулицированная основа типа ст.-слав. -деждаж (Schmalstieg 1980; 1976, с. 141) *tittiya-* в древнехеттских текстах сохраняется в качестве лексического архаизма. Поэтому исключительный интерес представляет то, что она явно имеет длительное результативное значение, противопоставленное недлительному нередулицированному *teḫḫi* 'ставлю, кладу' (Van Brock 1964, с. 142—144, 145, 147): *man-aš-pa EGIR-pa wizzi nu DUMUMES. SU kuišša kuwatta utnē paizzi apell-a SU-ī URUDIDLI. HI. A GAL. GAL^{TIM} tittiyan-teš ešir* 'Когда же (из похода) назад он приходит, каждый из его сыновей идет в какую-нибудь из стран. И в его руке (под его властью) большие города были (вновь) основаны (=основывались вновь и свь)', Надпись Телепинуса I, 20—21 (здесь, как и в следующем примере, редулицированная форма может быть связана одновременно и со множественностью объектов); *nu udne maniyahḫeškir nu URUDIDLI. HI. A GAL. GAL^{TIM} tittiyan-teš ešir* 'И странами они управляли. И большие города были заложены (=закладывались вновь и вновь)' (там же, 11—12); *takku LÚ^{GIŠ} [TUKUL ḫar]akzi LÚILKI titiyanza* 'Если ремесленник умирает, а (взамен) ставят человека, несущего повинность' (Хеттские законы, § 40); *takku LÚILKI ḫarakzi nu LÚ^{GIŠ} TUKUL titiyanza* 'Если человек, несущий повинности, умирает, а (взамен) ставят ремесленника' (там же, § 41); *man-aš aki-ya kuwapi naš UL I-aš aki MAŠ-ŠU-ma-šši tettiyan-pat* 'если его казнят, он не один умрет, но и семья его к нему будет присоединена' (KUB XIII 1 I 33, новохеттский текст инструкций служителям храма, содержащий архаические формулы). Хотя в древнехеттском основа, представленная исключительно причастием *tittiyan-*, выглядит относительно изолированной, ее можно рассматривать как унаследованную от более древней эпохи. В пользу этого говорит разительный параллелизм с тох. В конъюнкт. 3 л. ед. ч. *tättam* 'он установит, положит', мед. *tättätär*, абстр. *tättälne* (от основы презенса *täs-*, 3 л. мед. *taštär*, герунд. *tašalle*, A *tāšäl*, см. Krause — Thomas 1960, 1, с. 199, 230), где

обнаружен единственный пример редупликации этого типа не в образованиях пр. вр. в тохарском (о морфологических особенностях формы, не имеющей палатализации, см. Adams 1978, с. 279: предполагается обобщение огласовки *o, характерной для второй серии); ср. также тох. В редуплиц. прич. пр. вр. *tat̄sau* (Krause — Thomas 1960, 1, с. 243, § 438). Значение древнехеттской и тохарской глагольных форм представляет особый интерес для выяснения семантического параллелизма подобных редуплицированных основ и результативного перфекта типа греч. τῆθηκα, τῆθηκx, рассматриваемого как позднейшее новообразование. Аналогичное словообразовательное соотношение можно выявить между редуплицированным хет. *titta-nu-* 'устанавливать' с результативно-длительным значением и нередуплицированным образованием на такой же носовой суффикс *-nu-*: лув. иер. *taniṣa-*. Согласно гипотезе Л. С. Баюна, в ликийском подобные противопоставления использовались для образования редуплицированных (по-видимому, длительных) форм настоящего времени (типа *xixbati* 'окропляет'), противопоставленных нередуплицированным (вероятно, недлительным) формам прошедшего (*xbade* от *xba-* 'кропить') (Баюн 1979; 1980). Это развитие аналогично исходной ситуации в таких диалектах, как греческо-армяно-арийский.

Индоевропейское лексическое противопоставление, сохранившееся в анатолийском в различии длительно-результативных редуплицированных основ др.-хет. *titiya-*, хет. *tittanu-* 'основывать' и недлительного *teḫhi* 'кладу, ставлю', в славянском отражено в противопоставлении редуплицированной основы -деждж (основа **ded-* + *-j-*, ср. Schmalstieg 1980; 1976, с. 141) и нередуплицированной *деж*. При этом первая была осмыслена как основа совершенного вида (ср. значение результативности в хеттском), а вторая — как соотнесенный с ней итератив (Van-Вейк 1957, с. 347; Stang 1942, с. 45, 93; Lunt 1974, с. 105, § 15, 44).

Сопоставление славянской редуплицированной основы с другими аналогичными образованиями от **dhsH-* в родственных языках не позволяет сомневаться в индоевропейском происхождении лексического (а, вероятно, и аспектоидного) противопоставления редуплицированной и нередуплицированной основы (ср. реконструкцию Cowgill 1979, с. 37). Однако вовлечение этого лексического противопоставления (в индоевропейском, по-видимому, как и в анатолийском и славянском, передавшего значения, близкие к видовым) в систему глагольных времен, вероятно, происходит уже в отдельных диалектах.

На это указывает использование в западных индоевропейских языках нередуплицированных форм типа лат. 3 л. ед. ч. наст. вр. *con-dit* 'основывает', др.-в.-нем. *tot*, и перфекта — ст.-лат. *feced*, которое употребляется параллельно с редуплицированным перфектом *vs̄e* : *vs̄aked* в Пренестинской фибуле и в оскском. В древнегерманских языках редуплицированная основа выступает только в прошедшем времени, где др.-в.-нем. *tatun*, др.-англ. поэт. (и арх.) *dr̄ædon*, гол. *-dedun* сопоставляется с авест.

гат. перф. *dadarə* (форма второй серии), ср. Watkins 1969, с. 22—23, ср. с. 88 о ед. ч. мед. др.-инд. *dadhé* (о других предлагавшихся объяснениях германских форм в связи с индо-иранскими см. Прокош 1954, с. 237; Гухман 1966, 4, с. 364—366; Polomé 1964, с. 874—878; Иванов 1965, с. 79; 1968, с. 260; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 205). Но в индо-иранском перфекте редупликация первоначально не была обязательной, как показывает сравнение архаического вед. *dhire* (см. Watkins 1969, с. 92, § 74, RV VIII 28, 5: *saptó adhi śriyo dhire* 'семь сокровищ они положили') с хет. *da(i)er*, 3 л. мн. ч. пр. вр. от *dai-*. Исходная парадигма восстанавливается благодаря отождествлению др.-инд. 3 л. мед. перф. *dadhé* (редуплицированная форма) с хет. 3 л. *dai* (без редупликации).

В греческо-арийской диалектной области на поздний характер соотношения редулицированной основы с настоящим временем указывают и формы типа др.-инд. вед. *dhā-ti*, 3 л. ед. ч. с первичным окончанием (Renou 1952, § 311; Елизаренкова 1960, с. 71; Kuryłowicz 1964, с. 116, 120; Иванов 1965, с. 79; 1968, с. 260), ср. отмеченный в «Ригведе» параллелизм форм *dhā-ti* и *dhā-t* в формуле *varivo dhā-* 'прокладывать свободную дорогу': *varivo dhāti devaḥ* (RV IV 55.1) «с очень архаичной формой корневого аориста, имеющей первичное окончание» при параллельной «древней форме инфинитива» *vārivo dhāt* (Watkins 1969, с. 38, § 15, ср. с. 133, § 113; Bader 1976, с. 79). Вед. *dhā-ti* практически тождественно древнегерманским формам типа др.-сакс. *dōd*, др.-в.-нем. *tōt* < **dhō-t(i)* (сопоставление с лат. *dhōt в *sacerdos* < **sak-rodhōt-*, Watkins 1969, с. 50, § 27, предполагает очень глубокую внутреннюю реконструкцию предыстории *-t как показателя 3 л., ср. отражение сходного типа словосложения с **dheH-* в слав. **caro-děj-*, Иванов — Топоров 1963). Это сопоставление ведийской формы с древнегерманской представляет исключительный интерес для предыстории балтийской парадигмы, так как атематический тип спряжения в древнесаксонском и древневерхне-немецком (ср. Прокош 1954, с. 237; Bader 1976, с. 80—81) совпадает (при различиях в огласовке: *a, а не *e, ожидаемое из *eH-) со старолитовским:

	Древне-саксонский	Древневерхне-немецкий	Старолитовский
1 л. ед. ч.	<i>dōm</i>	<i>tōm</i>	<i>demì</i>
2 л. ед. ч.	<i>dōs</i> ã	<i>tōs</i>	<i>desl</i>
3 л.	<i>dōd</i>	<i>tōt</i>	<i>dēsti</i>

Формы типа др.-сакс. *dōm*, ст.-лит. *demì* могут быть (восточно) балтийско-германской изоглоссой. Несмотря на совпадение архаической ведийской формы *dhā-ti* и лат. (*con-*) *dīt* с др.-в.-нем. *tol*, др.-сакс. *dod* эти последние формы скорее следует признать результатами позднейшего конвергентного развития в каждом из диалектов. В пользу такого допущения говорит возможность выведения литовской формы 3 л. (если она не является результатом изменения редулицированной основы перед -t) из древней сиг-

матической формы второй серии (в этом случае старолеритовской форма оказалась бы существенно архаичнее древнегерманской, см. ниже).

Появление форм с *-k-* после **dhe-* в греч. аор. 1 л. $\epsilon\theta\eta\kappa\alpha$ (ед. ч.), тох. А 1 л. ед. ч. прош. вр. *tākā*, В *takāwa*, лат. перф. *fēcī*, 3 л. *feced*, оск. *fifikus*, венец. *vhagsto*, фриг. *adzaket*, по-видимому, следует объяснять либо как прямое фонетическое отражение (в неясных условиях, например, при двойном *H-H* на морфемном шве) *-H-* в формах типа **dhe (H)-H(o)* (гипотеза Сэпира — Стертеванта, ср. Иванов 1959, с. 14), либо как косвенное отражение процессов заполнения морфемных швов после падения ларингальных. В этом последнем случае *-k-* играет роль, близкую к **-y- > -j-* в балтийских и славянских формах, произведенных от корней второй серии на долгий гласный (см. § 1), ср. греч. том. $\theta\epsilon\iota\omicron\mu\epsilon\nu$ А 143, при лат. *fēcimus*, **dheH-ome/o-*. Поэтому особый интерес представляет то, что наряду с венецкими, латинскими и оскскими формами от **dheH-* с подобным *-k-* (оск. 2 л. ед. ч. буд. перф. *fifikus*, Vetter 1953, № 6) в умбр. конъюнкт. аор. 3 л. ед. ч. *feia* представлена форма, практически совпадающая с лит. 3 л. пр. вр. *dėjo* (Watkins 1969, § 139, с. 154). Основа на **-y-* представлена и в хет. *tiya-*, выступающем в качестве алломорфа *te-(dai-)*. Высказывалось предположение, что основа на **-je-* в ст.-слав. дѣж (ср. лагыш. *děju*, *děju*) связана с этой основой на *-y-* в хеттском (Pedersen 1938, с. 112, Sturtevant 1951, с. 121, 221, 137, § 238e), как и с основой на *-y-* в некоторых других языках. Однако в хеттском языке основы на *-y-* и *-h-* в парадигме глагола находятся в дополнительном распределении, что могло бы либо истолковываться как след ларингального в *-y-* (ср. § 1), либо говорить в пользу того, что уже в хеттском начавшееся исчезновение ларингальных привело к перестройке парадигмы, начавшей включать в себя алломорфы с *-y-* (из древнего суффикса), в особенности на морфемных швах (Иванов 1965, с. 78; 1968, с. 259), ср. аналогичную роль *-k-* в тохарском и итальянском. В недавнее время гипотеза с глубокой древности типа ст.-слав. $\text{дѣж} : \text{дѣти}$ была распространена на все хеттские глаголы этого типа, что дало возможность дать единообразное объяснение всем хеттским глаголам этого класса в их соотношении с производными на **-y^o/o-* в славянском и других родственных диалектах (Иванов 1978; Ivanov 1978; Lindeman 1979, ср. Jasanoff 1979, с. 88—89). По-видимому, можно считать несомненным, что в славянских формах типа 1 л. наст. вр. ст.-слав. дѣж , лит. 3 л. пр. вр. *dėjo* представлена столь же архаичная форма от глагола второй серии **dheH-*, что и в хет. *tiya*, 2 л. ед. ч. повел. накл. В недавней работе, где обосновывается древность исходной второй серии для глаголов типа *teḫḫi*, отмечается, что аблаут *teḫḫi : dai : tijanzi* не может быть результатом собственно хеттского развития, в связи с чем высказывается гипотеза о развитии праформ типа **dhéH₁-y-ei > dai* с позднейшим преобразованием атематического типа на *-i-* в тематический (Jasanoff 1979, с. 88—89). Однако как архаизм

форм типа др.-хет. 2 л. ед. ч. повел. н. *tiya*, так и общие выводы о роли тематических форм во второй серии, делают это построение хотя и возможным, но необязательным: представляется вполне реальным, что суф. **-y^h/o-* отражен в хеттском, как и в общеславянском. Элемент **-y-* в этом корне интерпретируется в последних работах Шмальштига (Schmalstieg 1973, с. 126; 1978, с. 5; 1980, с. 158—159) как отражающий индоевропейскую праформу **dho-y-* (вместо принимаемого в ларингальной теории **dheH-* = **dhe₁-*, и **dhē-* в классической индоевропеистике). По Шмальштигу парадигма хеттского глагола отражает начинающийся процесс монофтонгизации, давший долгий гласный в других диалектах. Хеттские формы объясняются тогда из праформ: ед. ч. 1 л. *tekki* < **dhe-(dhi-)-H-ōi*, 2 л. *daitti* < **dhōy-t-oi*, 3 л. *dai* < **dhōy-oi*, мн. ч. 1 л. *tijaṇeni* < **dhy-ōweni*, 2 л. *tāitteni* < *dhōy-teni*, *tijaṇzi* < **dhy-ōnti*. По существу эта точка зрения достаточно близка к давней гипотезе Риша (Risch 1955; 1975) и по отношению к дописываемой истории самого хеттского языка может достаточно хорошо объяснить отдельные формы. При несомненной ошибочности гипотезы о первоначальности форм первой серии (Schmalstieg 1980, с. 147) заслуживает внимания предположение Шмальштига о том, что индоевропейские стивные глаголы (ср. к этому понятию Holisky 1978; Comrie 1976; Dowty 1975; Miller 1970; Ross 1970; 1972; Vendler 1976; к типологии: Джорбенадзе 1975; Мачавариани 1974; Boeder 1968) имели суф. **-y-* в 1 л. и 3 л. мн. ч. при **-ou-* во 2 л. и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч., что демонстрируется гот. ед. ч. *haba* (1 л.), *habais* (2 л.), *habaiþ* (3 л.), мн. ч. *habam* (1 л.), *habaiþ* (2 л.), *haband* (3 л.) (ср. о полутематическом типе Bader 1975). Но едва ли оправдано возведение только к этой основе на **-y-* большинства производных от этого индоевропейского корня. Если ранее все особенности парадигмы (включая *-i/-y-* в хеттском) пытались объяснить из (палатализованного) ларингального, то теперь Шмальштиг пробует из **y-* объяснить большинство форм, не прибегая (вопреки хеттским формам) к ларингальным. Это достаточно искусственно. В частности, трудно объяснить наличие достаточно древних параллельных основообразующих элементов **-k-* и **-w-* (ср. о последнем Schmalstieg 1980, с. 159—160).

Элемент **-w-*, сходный с **y-* как «заполнителем зияния» на морфемном шве, представлен в лит. *dėvi*, *devėti* 'носить на себе одежду', ст.-слав. с-дѣжати. Семантика этих основ (ср. также ст.-слав. с-дежаж) восходит к индоевропейскому, как показывают хет. *tiya* 'падень' (в архаической песне, см. выше), ведийские формулы *parisrūtam usrīya nirñijam dhire* 'они сделали (молоко) коров своим развешивающимся праздничным одеянием', RV IX 681 (с архаической формой 3 л. мн. ч. *-ire* < **-ira-i*), и анализ ранних употреблений **dheH-*, отраженных в литовском (см. выше). Как показывают славянские формы типа ст.-слав. с-дежаж, значение было и в славянском связано с корнем **dē-* не только в его варианте с конечным *-v-*. Вместе с тем восточнобалтийск. **dev-* могло использоваться и в других значениях, ср. латыш. *dēvēt* 'назы-

вать', также *nūodevēt* 'называть', ср. предположенные выше контексты возможного смещения глаголов о.-слав. *dějo и *děťь. В балтийских и славянских формах типа лит. *devėti*, ст.-слав. с-д'кати Ван-Вейк, а вслед за ним Станг и Курилович видели следы перфекта **dhew-*, сопоставлявшегося ими с др.-инд. *dadhāu* (см. об этой гипотезе Van Wijk 1933; Stang 1942, с. 153; 1966, с. 324; Kuryłowicz 1965; с. 56; 1975, с. 451). В этой гипотезе, по-видимому, заключается правильное предположение о возможности возвести **dēv-* в балтийском и славянском к таким формам второй серии, где *-u- было суффиксом (едва ли причастным, см. Vammesberger 1974).

Это последнее предположение подтверждает прямое сопоставление с родственными основами в лувийско-ликвийской группе анатолийских языков. Др.-хет. *teḫḫe* < *dheHa-i 'я кладу' соответствует иер.-лув. *tu-wa/i-ha* < **dh-uw-(o)Ho*, 1 л. ед. ч. прош. вр. (см. Meriggi 1966, I, с. 65, § 122), ср. приведенную выше формулу в надписи из Каратепе: *a-ti-ma-za-ni TUWA-ha* (Meriggi 1967, II, с. 80) 'я положил имя', 3 л. ед. ч. наст. вр. *tu-wa/i-i*, пр. вр. *tu-wa/i-ta*, повел. н. *tu-wa/i-tu*, лув. *tuwa*, прош. вр. 3 л. ед. ч. *tuwatta*, 3 л. мн. ч. *tuwanda*, 3 л. мн. ч. повел. накл. *tuwandu*, *a-du(w)-an annan patan-za-duḡandu* — 'и пусть они его положат под ноги', KUB IX 6 + KUB XXXV 39 III 39 (Meriggi 1957, с. 200—202; Иванов 1965, с. 81; 1968, с. 260; Watkins 1969, с. 224), ср. лик. *twe-*, лид. ↑ *wē-* 'сооружать'. Таким образом, «перфект», который вслед за Ван-Вейком искали в балтийских и славянских формах, оказывается формами второй серии **dh-uw-(o)Ho*, **dh-uw-(o)tHo*, **dh-uw-(H)o(y)* (позднее *dhuw-oto по медальному типу первой серии, гл. 1, § 7) с нулевой ступенью огласовки. Долгую ступень балтийского и славянского **dēv-*, по-видимому, следует считать более поздним образованием, связанным с долгим гласным в других формах второй серии (гл. 2, § 3, § 5).

§ 3. Производные от корня **stoH-* второй серии в балтийском и славянском

Третьим глаголом, который на основании его параллелизма с двумя рассмотренными выше (**doH₂₋* и **dheH₁₋*) в греческо-арийской группе следует отнести к тому же классу в индоевропейском, является **stoH₃₋* 'стоять'. В греческо-арийском корневые аористы др.-инд. *ásthāt*, греч. дор. *ἕστα* противопоставляются редуцированному настоящему времени др.-инд. *tī-ṣṭhāmi* 'стою', авест. *hi-štami*, греч. гом. *ἵστημι* 'ставлю' (ср. перф. *ἕστηκα* 'стою' того же типа, что аор. *ἕθηκα*, ср. § 2), которое в данном корне имеет соответствие и в кельто-италийском: др.-ирл. *ar. sissedar* 'nititur, innititur', *fosissedar*, лат. *sistō* 'ставлю, останавливаюсь' ⁷.

⁷ Если в хет. *sisduwar* 'покой, спокойствие' действительно представлена редупликация (см. выше, гл. 2, § 5), то скорее нужно было бы отнести ее к данной редуцированной индоевропейской основе.

Древняя парадигма второй серии восстанавливается на основании соответствия архаических древнеиранских, италийских и тохарских форм: авест. гат. 1 л. ед. ч. конъюнкт. *xštā* = лат. *stō* (Watkins 1969, с. 134, § 119) < **sto(H)*-; тох. В *ste*, 3 л. ед. ч. (в функции глагола — связки, гл. 2, § 2) < **st(H)*-*o* (Bader 1976, с. 78), ср. 3 л. мн. ч. *stare* при др.-инд. вед. *asthīran* (RV IX, 83, 2).

В индо-иранских языках в формах других лиц (кроме 1 л.) и (по-видимому, в результате конвергентного независимого развития) в западно-индоевропейских («древнеевропейских») диалектах — германском и италийском — используются формы нереплицированной основы с первичными окончаниями: др.-инд. вед. *sthāti*, 3 л. ед. ч. (Елизаренкова 1960, с. 8; Иванов 1965, с. 83, 85, примеч. 88, 93; Watkins 1969, с. 134, § 119), др.-в.-нем. *stām*, *stēs*, *stēt*. В древнегерманских формах типа др.-в.-нем. *steis* (2 л.), *steit* (3 л., у Отфрида, Прокош 1954, с. 161) как и в венец. 3 л. ед. ч. *atisteit* можно еще видеть результат трансформации форм второй серии при их включении в первую (Bader 1976, с. 78—79).

Как и в параллельном корне **dheH-* (§ 2), после падения ларингалных (или в самом начале этого процесса — в хеттском) на морфемном шве образуются (или используются ранее существовавшие в качестве глагольных суффиксов) элементы типа *-k-*: греч. гом. перф. *ἔσθηκα*, тох. А *štāk-*, алломорф в парадигме глагола, входящий в состав форм. повел. н. *pāštak*, *pāštākās*.

Соотношение **stoH-* и тох. А *štāk-*, греч. гом. *ἔσθηκα* (Van Windekens 1976, с. 462; Pedersen 1941, с. 194) полностью аналогично **dheH-*, тох. А, В *tāk-*, греч. *ἔθηκα* и допускает те же два возможных объяснения — фонетическое⁸ и морфологическое — элемента *-k-*, обнаруживающегося на морфемном шве (стыке морфем) в корне с исходом на ларингалный.

Второе из этих объяснений — морфологическое — более вероятно по отношению к основе на **-i-*, обнаруживаемой как в славянском, так и в балтийском. В восточнобалтийском основа на **-yelo-* обнаруживается как в настоящем времени, так и в прошедшем: лит. *stója*, *stójo* (в старолитовском у Даукши обычно с ударением на корне: *stóieš*, но ср. также *stóišs*, *stóiós*, Skardžius 1935, с. 201; Stang 1957, с. 160—161; 1956, с. 459; ср. у Куршата

⁸ Не настаивая на необходимости предпочтения именно фонетического объяснения для этих форм, где (в отличие от основ на **-y-* и на **-w-*, в которых соответствующие элементы в качестве морфологических засвидетельствованы в ряде древних диалектов, в том числе анатолийских) **-k-* не имеет прозрачного морфологического объяснения (ср., однако, ниже о **stek-* по Бенвенисту), следует отметить, что новейшие статистические обследования больших массивов диалектов в их динамике подтвердили близкий к прежним идеям лингвистической географии тезис о наличии уникальных правил изменения отдельных лексем (Wang 1976). Поэтому предполагавшееся Сазиром и Стертевантом (Sturtevant 1942, с. 87, § 2) допущение развития группы **-H-H-* > *-k-* на стыках морфем в части индоевропейских диалектов в нескольких наиболее употребительных глаголах не противоречит принципам ларингалной теории.

stóti : *stōjas*, *stojōs(i)*, *stōsis*, *stōkis*, *stōjēsi*, диал. лит. *stioisí*, с. Dieveniškis, возможное отражение древней подвижной парадигмы, ср. прерывистую интонацию в латышском), латыш. *stāj*, *stāja*, *stāt* (Endzelīns 1951, с. 786, § 627e). В западнобалтийском основа на *-i-* < *iā засвидетельствована только в формах прошедшего времени прус. *postai*, *postāi*.

Что же касается морфологического сходства общепалтийских форм на **-jā-* типа претеритов — прус. *postāi*, лит. *stojo*, латыш. *stāja* и ст.-слав. *стѣж* (основа несовершенного вида к *станѣж*), то здесь несомненно первоначальное единство исходной основы на **-jelo-* при различии функции. Грамматическое значение прошедшего времени в подобных основах на **-jā-* может быть специфическим для балтийского: характерно, что аналогичная основа от **dheH-* в лит. *dėjo* соответствует умбарскому конъюнктиву *feia* (§ 2, ср. о категории времени — наклонения гл. 1, § 5). В общепроевропейском можно восстановить основу на **-y-* от *(*s*)*toH-* второй серии, отраженную в хет. *tiya-* (медиопассив второй серии «статив», ср. гл. 1, § 8); ср.-хет. *zi-ik-pát* < *la-lu-uk-ki-ma-aš* > ^{DUTU}*wa-aš ti-ya-ri* (KUB XXXI 127 I 42, Гимн Солнцу) 'ты, Лучезарный Бог Солнца, выезжаешь' (форма без начального **s-*, как в др.-ирл. *tā-* — глагол-связка, с тем же семантическим развитием, что и в тох. В *ste*; ср. др.-ирл. *tāu* 'есмы' < *(*s*)*tā(y)ō*, Thurneysen 1946, с. 44, § 369, с. 122, § 198, при умбр. *stahu* 'sto' с *h* как знаком зияния в возможной основе на **-ye/o*, Эрну 1950, с. 169, см. о сопоставлении умбр. *stahint*: ст.-слав. *стѣж* Safarewicz 1963, с. 29—30 и 33; Иванов 1965, с. 83, прим. 89). Связь элемента **-ye/o-* в хет. *tiya-* < **st(H)-ye/o-* (ср. к реконструкции Oettinger 1979, с. 350) 'выступать' со ст.-слав. *стѣж* очевидна; к семантике образования следует заметить, что такой видный хеттолог, как Гетце, допускал наличие видовых значений у хеттских глаголов на *-ija-*; ср. Иванов 1963, с. 148 (в случае *tija-* установление такого значения дополнительно затрудняется ввиду неясности парного глагола, с которым соотносилось бы *tiya-*). Возможно ли в конечном счете отождествление этого **ye/o-* с формально сходным элементом в опативе типа вед. *stheyāma*, греч. *σταίνω* (Watkins 1969, с. 202, § 190, с. 234, § 232; Иванов 1965, с. 83—84), зависит от реконструкции предыстории этих форм. В случае положительного ответа, соотношение между этими модальными формами в греческо-арийском и основами прошедшего времени в балтийском отвечало бы той же закономерности, которая определяет соответствие умбр. *feia*; лит. *dėjo*, ср. также семантическую параллель в соотношении тох. В имперф. (-опт.) *iyoy*, наст. вр. -конъюнк. *iyam* (основа *iyā*), тох. А пр. вр. *yā*: лит. *jója*, *jójo* (Krause — Thomas 1960, 1, с. 203, § 366.3; ср. выше гл. 2, § 4). Роли суф. *-y-* в парадигме производных от корня **st(h)-* уделено значительное внимание в последней книге Шмальштига (Schmalstieg 1980, с. 146—148), но при верности реконструкций отдельных форм в целом в его схеме не учитывается значимость форм второй серии.

Основа на *-w- от *stoH-, сопоставленная с формами второй серии («перфекта») на *-u- еще Ван-Вэйком (Van Wijk 1933, с. 134—139; Stang 1942, с. 153; 1966, 321; Kuryłowicz 1965, с. 57; 1975, с. 451; Watkins 1969, с. 224, § 219; иначе Bammesberger 1974; Schmalstieg 1980, с. 149—150), представлена в лит. *stóvi*, *stovėti* ‘стоять’ (глагол на -i- того же типа, что и *devėti*), латыш. диал. 1 л. ед. ч. *stāvju* (Endzelins 1948, § 341, с. 182; 1951, § 634, с. 799), 1 л. мн. ч. *stāvim*, ст.-слав. *стагитѣ*, о.-слав. *stāviti* с неподвижным ударением на корне (Дыбо — Иллич-Свитыч 1963, с. 71; Garde 1976, 1, с. 159); рус. *стāвум*, сербо-хорв. *стāми*. Лит. *stovmi* известно только начиная со словаря Руига (Sabaliauskas 1957, с. 108; Schmid 1963, с. 76; Stang 1966, с. 312, 315), в древних же текстах оно не засвидетельствовано и судя по фонетическому облику (*stovmi*, а не *staumi) представляет результат позднейшего перехода глагола состояния в атематический тип (см. о других подобных случаях гл. 2, § 5).

Древность элемента *-u- в форме второй серии от корня *stoH- подтверждается иерогл. лув. *ti-wa-ta* ‘шля походом’ (Van Brock 1934, с. 157) др.-инд. *tasthāu* (1 и 3 л. ед. ч. перф.), греч. *στέω* (Thumb — Hauschild 1959, II, с. 291, § 527; Pokorny 1959, с. 1004, 1007). Особый интерес последней формы состоит в том, что она полностью параллельна лув. *tuwa-* от **dheH-* (§ 2).

При полном параллелизме глаголов **doH-*, **dheH-*, **stoH-* в древних индоевропейских диалектах согласно традиционным словарным реконструкциям их формы семантически попадали в разные классы. И.-е. **stoH-* всегда реконструировалось как непреходный глагол. Поэтому представляется семантически вполне убедительным предположение об архаизме стативного значения ст.-слав. *стѣти*, аор. *стѣт*, сопоставляемого со *stae > лат. *stat* (Cowgill 1973, с. 296; ср. Schmalstieg 1980, с. 148—149, где при возражениях Коугиллу не учтен поздний характер временных различий). Др.-инд. 1—3 л. ед. ч. мед. перф. (*ta-*)*sthé* по значению и отчасти по форме соответствует хет. мед. *tiya(ri)*. Это позволяет высказать предположение, согласно которому и по отношению к параллельным корням **doH-*, **dheH-* следы наиболее архаической семантики можно видеть в вед. мед. *a-datté* ‘он получает’, хет. мед. *dattari*, лат. *datur* ‘дано’ и соответственно в вед. мед. *dhatte* ‘он получает’, хет. *tiyari* (см. выше § 2). Представляется, что эта серия форм по своему значению согласуется с давно высказывавшимися предположениями о том, что хеттское спряжение на -*hi* связано с медиопассивом не только по форме окончаний (см. гл. 1, § 1, 7), но и по значению (см. особенно Rosenkranz 1953; 1958). Иначе говоря, подтверждается идея Куриловича о характере спряжения на -*hi* как об особом депонентном ответвлении старой серии форм, давшей также и медиопассив (Kuryłowicz 1964; 1977; 1979; ср. Jasanoff 1979, с. 90).

§ 4. Другие глаголы второй серии
с корнем на долгий гласный (гласный + ларингальный)
в балтийском и славянском

В славянском к той же группе глаголов на *-*y-* без второй основы на **-a-*, что и **děti*, относилось **spěti*, сл.-слав. спѣтъ҃ ꙗ, наст. вр., Супр. 368¹⁹; аор. припѣ, Марк XIV, 41, прѣспѣ, Клоц. Сб. 568, оупѣ, Супр. 213¹² (см. о спряжении Вайан 1952, с. 306). В глаголах этого типа Станг, основываясь, в частности, на ст.-слав. дѣти, входящем в эту группу, обнаружил соответствие аористическим греческо-арийским корням (Stang 1942, с. 50—60, 125—126). Согласно изложенной концепции происхождения корневых аористов гипотеза Станга эквивалентна отнесению глаголов типа спѣти ко второй серии. Подтверждение этой гипотезе по отношению к ст.-слав. спѣж, спѣти, рус. успѣю, у-спѣла, лит. spėja 'успеть', латыш. spēju 'могу' (баритонированная парадигма, Дыбо 1958, с. 61; Garde 1976, 1, с. 155) дает хет. išpai- 'наедаться вдоволь' (ср.-хет. 3 л. ед. ч. iš-pa-a-i, KUB XXXIII 11 II 11', 3 л. мн. ч. iš-pi-i-e-ir, ср. Oettinger 1979, с. 461, 466, где отмечается наличие основы *speH₁-ye-, но по непонятным причинам реконструируется окончание *-ti при допущении преобразования древнего презенса, в результате которого образуется перфект; все это построение бесспорно свидетельствует о неадекватности традиционной бругманновской схемы по отношению к хеттским фактам; в свете других параллельных форм следует восстановить (*spH₁-y^o/o-). Хеттский глагол вслед за Стергевантом и Падерсеном (Pedersen 1938, § 77) сопоставляется обычно с др.-инд. sphāyate 'он становится жирным, тучнеет, увеличивается в весе' (ср. вед. sphāti 'раскармливание, ожирение'; tvāstā rūpāṇi hi prabhūḥ paśūn viśvān samānājē tēṣām naḥ sphātīm ā yaja, RV I, 188,9). Несомненная семантическая связь хеттского глагола с древнеиндийским подтверждается такими хеттскими контекстами, как ^{UZUIA} e-et nu-za iš-pa-a-i 'ешь жир и насыщайся себе вдоволь', KBo IV 6 Vs. 9; ср. также недавно обнаруженное др.-хет. iš-pa-an(-wa) 'сыт(ость)' (KBo VIII 42 Vs. 6; едва ли по форме причастие на -nt, хотя контекст это допускает: 'сыт де'), род. п. iš-pa-a-na-aš 'сытости' (?) (в ритуале KUB XXXVI 44 I 10 и в двух еще неопубликованных текстах: Oettinger 1979, с. 467—463).

Для установления смысловой связи с древнеиндийским и хеттским глаголами существенны такие значения, как ст.-слав. спѣж 'прохѣтѣ, хателѣдѣв', сербо-хорв. доспујети, доспујем 'дозреть, созреть, успеть', словен. spēti 'спешить, увеличиваться, спеть', рус. спелый, ср. щи, пирог, жаркое спеет 'варится, печется, доходит на огне, вскоре будет годно в пищу'; виноград спеет и т. п., у-спех; латыш. spējums 'сила' (см. Mūlenbachs — Endzelīns 1927—1929, III, с. 993 с литературой; ср. о древних непереходных глаголах на **-ē-yo-* этого типа Агумаа 1957, с. 119). Поскольку в древнеиндийском хеттскому глаголу спряжения на *-hi* соответствует медиальная парадигма (ср. хет. neḥhi; др.-инд. niyate,

Иванов 1965, с. 85, 86, 124, при др.-хет. мед. *ne-e-a-(ri)*, Oettinger 1979, с. 515; Lindeman 1979, с. 154—155), балтийские и славянские факты оказываются особенно показательными, так как они подкрепляют картину, полученную при анализе других аналогичных глаголов. Но значение большинства глаголов, восходящих к **speH*₁-, оказывается в балтийском и славянском существенно более абстрактным, чем конкретные (и, очевидно, в этом обнаруживающие архаичность) хеттские и древнеиндийские глаголы. Не исключено, что речь идет о диалектных семантических различиях, ср. др.-англ. *spōwan* 'удаваться', лат. *spēs* 'ожидание, надежда', 'упование, чаяние' (см. о связи с хет. *išpai-* Иванов 1965, с. 87; Oettinger 1979, с. 467, примеч. 15, с указанием дальнейшей литературы вопроса) при большей их семантической близости с рус. *у-спех*, лит. *spėti, spėja* 'успеть, предполагать, угадывать, отгадывать'. В др.-англ. *spōwan* представлена древняя основа второй серии на *-*u-/w-* типа **st(oH)u-* и т. п. (ср. § 1, 2, 3).

Характеризуя славянские глаголы типа *дѣж*, *дѣти*, *стѣж*, *стѣти*, Мейе пессимистически высказывался о возможности исследования истории формы *стѣж*: «Если корень не засвидетельствован ни в греческом, ни в индоиранских языках, то мы не можем определить, каким формам соответствуют. . . ст.-слав *стѣж*, лит. *sėjū*, гот. *saia* в соответствии с удвоенной основой в лат. *serō*; инфинитив в литовском языке *sėti*; старославянский язык дает одновременно форму *стѣти*, архаического типа, как *знати*, и *стѣти*, типа вторичного, как *дѣти*», Мейе 1951, с. 181, § 230. В настоящее время этот пессимизм можно считать преодоленным благодаря обнаружению родственных форм второй серии в анатолийском.

Ст.-слав. *стѣж* 'сею', лит. *sėja, sėjo*, латыш. *sēj, sēja, sēt* (баритонированная акцентная парадигма; сербо-хорв. *sějati, sējao*, Дыбо, 1958, с. 62; Garde 1976, 1, с. 155) считалось ранее специфическим для западных индоевропейских диалектов (в широком понимании, включающем балтийские и славянские) глаголом, связанным с развитием земледелия. То же «земледельческое» значение было обнаружено Тиме (Thieme 1954; Иванов 1956) в др.-инд. вел. *stā* 'борозда' (буквально: 'засеянная земля', ср. также *stram*). Вед. *stā* представляет собой изолированное архаичное причастное образование, говорящее в пользу возможности баритонированной парадигмы глагола в общеиндоевропейском (ср. об ударении в *stā* Thumb — Hauschild 1959, II, с. 362). К таким же следам возможных баритонированных глагольных парадигм в древнеиндийском (и индоевропейском) можно отнести др.-инд. *m̐-ta-*, отраженное в архаическом словосложении *a-m̐-ta-* 'бессмертный' (где, однако, можно думать и о вторичном перемещении ударения при субстантивации: **n-m̐-to-*, Thieme 1952, с. 32, примеч. 1) и вероятно в др.-инд. *mārta-* 'смертный' (при греч. *μ῀ρτῶς*), ср. также **ākta-* 'умащенный', отраженное в позднейших индоарийских производных (как и **su-ākta-*, Turner 1966, № 18); ср. вед. *eka-vṛt-* (в «Атхарваведе») 'единственный', ассам. *eta* < **eka-vṛtta-* (Turner 1966, № 2462, с. 199; Ivanov 1975, с. 284); вед.

tri-výt 'трижды повернутый', др.-инд. *tri-várt-ta*, ср. тип. прус. *aina-wārst* 'один раз' (Дыбо 1974), лит. *vārstas* 'расстояние, пропихиваемое за один раз', с.-хорв. *vрста* 'ряд, мера' (убедительность данного сопоставления, архаизм которого гарантируется митаннийск. арийск. *a-i-ka-wa-ar-ta-an-na* 'один поворот', однако, может ослабляться тем, что в др.-инд. представлены лишь словосложения, в которых возможен вторичный перенос ударения). Если эти формы (или хотя бы часть из них) сохранили древнее баритонированное ударение (являющееся исключением при обязательной в древнеиндийском ударности суф. *-tā-*), то это представит значительный интерес, так как из излагаемого материала следует связь древних баритонированных парадигм с глаголами второй серии (ср. Иванов 1968).

С точки зрения семантики *sttā*, как и лат. *con-situs, satus* 'посеянный', удостоверяют наличие архаической первой модели управления (ср. выше, § 2) глагола (Haudry 1978, с. 246). Точное семантическое соответствие ст.-слав. *ръж*, лит. *sėja*, латыш. *sēj* обнаружено в др.-хет. 3 л. ед. ч. мед. пр. вр. *ši-ya-ti* (с позднейшим переходом в тип с 3 л. ед. ч. на *-t-*: мед. *ši-i-e-it-ta-ri* 'запечатан'). В свете реконструкций, учитывающих особенности балтийских синтаксических сочетаний с приставочными глаголами (типа лит. *apsėti lauką linats* 'засеять поле льном', ср. Haudry 1970, с. 58; 1971, с. 117; 1978, с. 246), можно полагать, что хет. *šai* сохранил особенности общеиндоевропейского управления в архаических конструкциях типа *kar-ta ša-a-i* 'запечатлей в сердце (*kart-a* — директив)' (KUB XIV 7 IV 8). Первоначально роль первого актанта при глаголе играло название места (поля), где осуществлялось сеяние (в хеттском шире — отпечатывание, выдавливание, запечатление, Laroche 1963, ср. к семантике хет. *šeli-* 'куча зерна', лит. *pa-seljs*, др.-ирл. *síl* 'зерно' Oettinger 1979, с. 544, примеч. 29). Для этого периода глагол не был переходным (превращение его в переходный осуществляется в некоторых диалектах, ср. гот. *ward sajiþ* 'слово сеет', *saijan fraiwa* 'сеять зерно'). В восточно-балтийском сохранены достаточно архаические контексты, где вин. п. при глаголе (не только приставочном, но и бесприставочном, как в латышском) еще синонимичен локативу (=директиву в хеттском). Возвратные формы типа латыш. *sētiēs* можно сравнить с хеттскими медиальными. Поэтому по синтаксической семантике (первоначально непереходной) глагол примыкает к той же группе, что и **dheH-*.

Чрезвычайно архаичной особенностью хет. *šai-*, *šiya-* является образование форм с суф. **y/o-*. Согласно недавно сформулированному предположению, согласующемуся с ранее высказанными аналогичными гипотезами (Иванов 1968, с. 257—262), образование основы на **-yelo-* в данном случае осуществлялось уже в общеиндоевропейском, чем можно объяснить совпадение славянского и балтийского типов образования с общегерманским **sē-jela-* > гот. *saijan* (ср. Евангл. от Марка, IV, 14: *sa saijands ward sajiþ*), др.-исл. *sá*, др.-в.-нем. *sāen*, др.-сакс. *sāian* (Lindemann 1979, с. 155). Пред-

полагается, что хет. мед. *ši-ya-a-ri* восходит к мед. **sH₁yó*, параллельно которому образовались активные формы **sH₁oy* > хет. *šai*, **sH₁y-* > хет. *šiy-* (*anzi*). В этом случае формы презенса типа **séH₁-y^o/o-* (> ст.-слав. *цѣхъ*) объясняются как образовавшиеся на основе древних медиальных типа **séH₁-yo*, откуда и **sH₁-yo* > хет. *šiya(ri)* (Lindeman 1979, с. 156—157). Основной ход этого рассуждения представляется правильным, хотя возможно, что для наиболее раннего периода следовало бы говорить не о медиальной, а об инактивной глагольной форме в качестве исходной (ср. § 2).

Сопоставление с хет. *šiya(ri)* позволяет объяснить суф. **-i-*, от которого образуются балтийские и славянские основы настоящего и прошедшего времени: ср. соотношение славянского имперфекта **sěa(še)* и лит. *sėjo* того же типа, что о.-слав. **spěa(še)*: лит. *spėjo*, ср. о.-слав. *dějaše*: лит. *dėjo* (Baudiš 1908—1909; Ильинский 1916, с. 428; Топоров 1961, с. 58; 1962, с. 45).

Форма на **-w-*, сопоставляемая с латинским перфектом *sē-u-ī*, представлена в др.-англ. *sāwan*, *sēow*, др.-сакс. *ōbarseu*, что возводится к общеиндоевропейской форме второй серии (Sievers — Brugger 1951, с. 46, 339—340; Watkins 1969, с. 151, § 136). Отсутствие редупликации в славянском и балтийском противостоит редулицированным основам в западноиндоевропейском: лат. *serō* < **siso*, др.-исл. *sera* (от *sá*), гот. *saiso* (претерит от *saiān*). Редулицированное хет. *šiššiya-* может быть родственно этим образованиям, но его не всегда легко отделить от параллельного производного глагола с суф. *-šš-* (Van Brock 1964, с. 124, 159; Иванов 1965, с. 88, 142; 1968, с. 262; Oettinger 1979, с. 474, 509).

Закономерное соответствие, устанавливаемое между хеттскими глаголами спряжения на *-hi dai-/tiya-* 'класть' (§ 2), *išpai-/līpiya-* 'насыщаться', *šai-/šiya-* 'сеять' и соответствующими балтийскими претеритами типа лит. *dėjo*, *spėjo*, *sėjo*, позволяет утверждать, что закономерным является и соотношение между аналогичными хеттским глаголом спряжения на *-hi išhai-/išhiya-* (наст. вр. ед. ч. 1 л. *iš-hi-iḫ-hi*, 3 л. *iš-ḫa-a-i*, др.-хет. мн. ч. *iš-hi-an-zi*, 1 л. ед. ч. пр. вр. *iš-hi-ḫu-un*, Oettinger 1979, с. 466) 'связывать' и лит. *siėjo* (претерит к *siėja* 'связывает', латыш. *sēju* 'я связывал', баритонированная парадигма). В данном случае только данные хеттского языка могут помочь восстановить фонетический облик основы, во всех других индоевропейских диалектах сильно трансформировавшейся, поскольку она включала в свой состав начальную группу **s+* ларингальный. Соответственно в спряжении на *-hi* этого глагола в хеттском могло выступать два ларингальных (хет. *h*) в одной словоформе: хет. *išhiḫhi*, *išhiḫhun*, преобразование и.-е. **sH-(e)-i-Ḥo*. После падения ларингальных в древнеиндийском парадигму глагола образовывали формы от алломорфов *sā-*, *ṣya-*. Это вынудило древнеиндийских грамматиков принять для ее описания условное «глубинное представление» — корень *so-*, который они относили к четвертому классу (на *-ya-*

< *-yo-). Идея древнеиндийских грамматиков соответствовала истории форм (ср. хет. *iṣḥ-īya-*) больше чем последующие классификационные схемы ученых европейской традиции, относивших *śya-* или *sā-* к 6 классу с ударением на -a (Whitney 1962, с. 270—271, § 753с; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 243, § 474,2). На этом примере отчетливо видно, как синхронный анализ позволял древнеиндийской науке проникнуть глубоко в структуру форм.

На основании данных хеттского языка восстанавливаются формы $*sH_2ey-ō > *sH_2y-ō$, откуда др.-инд. *syāti*, и $*sH_2oy >$ хет. *iṣḥai* при $*sH_2-y^e/o- >$ хет. *iṣḥiya-* (Lindemann 1979, с. 156; Oettinger 1979, с. 293, примеч. 70, ср. Jasanoff 1979, с. 89). Особенности корня в лувийской группе анатолийских языков является образование архаической редуцированной формы: лув. *ḥiṣḥiya-*, перогл. лув. *hi-s(à)hi-mi-n(a)* 'мы связали (?)' (Oettinger 1979, с. 417, 568, примеч. 15), которая только структурой, но не конкретной формой напоминает удвоение в др.-инд. перф. *siṣāya* 'связал' (ср. так же прекатив *seṣam*, Whitney 1962, с. 319, § 894с), авест. *hišāiyā*, чем доказывается вторичность этого перфекта по сравнению с типом хеттского удвоения, при котором повторялся ларингальный корня, но не s-, первоначально в архаичных удвоениях не участвовавшее. В ведийском этот глагол принадлежит к одному из наиболее характерных аористических корней (ср. 2 л. дв. с. *sitam*, корневой аорист). Это отметил Станг, установивший в данном случае, как и в ряде указанных выше, закономерную связь аористического корня (то есть древнего глагола второй серии) с типом основ на $*-jā$ в восточнобалтийском. Но, располагая только сравнением с противоречивой системой древнеиндийских форм, Станг не мог правильно реконструировать исходный тип восточнобалтийской флексии, которую он приравнял к литовской (Stang 1942, с. 127, 140). Однако лит. *siējo* отражает $*séH_2-y^e/o-$, находящееся в чередовании с $*sH_2-y-ō >$ др.-инд. *syā-*, хет. *iṣḥiya-*, которые соотносятся друг с другом так же, как $*seH_1-y^e/o- >$ ст.-слав. *сѣж* при $*sH_1-yo- >$ хет. *šiya(ri)*, $*speH_1-ye/o- >$ ст.-слав. *спѣж* при $*spH_1-y^e/o- >$ хет. *iṣpiya-* и т. п.

Сравнение таких следов архаических употреблений глагола, как авест. *hita-* 'привязанная лошадь' (ср. собств. имя *Hitāspa* с тем же первоначальным значением), др.-инд. вед. *áva-sā* 'отвязывать' (о 'лошадях' — *áśvān*, RV I, 1), позволяет восстановить исходное специализированное употребление глагола 'привязывать' (о лошади), ср. др.-инд. вед. *padī śitā* 'привязанный за ногу' (RV IV 12,6) при лат. *situs* 'помещенный' (*in ore sita lingua est* 'язык находится во рту', Цицерон). Переход к более поздней модели управления (как и в ряде других подобных случаев) осуществляется, в частности, посредством этимологических фигур-сочетаний с именем существительным, образованным от той же основы: *mā naḥ sétuḥ siṣed ayām* 'пусть эта связь (*setuḥ*) нас не связывает' (RV VIII, 67,8, см. Haudry 1978, с. 205, 260, 427). Архаический тип управления (при котором первый актант обозначал место, к которому привязывали) объединяет $*sH_2-y^e/o-$ с глаго-

лами типа **doH-*, **dheH-*, **sH₁-ye/o-*: в архаичных конструкциях (в первой модели, см. § 2) при этих глаголах выступает не прямой объект, а указание на место (объект), служащее уточнителем действия (например, на место, к которому привязывают).

В прусском и славянском (как и во многих других индоевропейских диалектах) глагол отражен только в производных именах типа ст.-слав. *сѣга* 'dixton, xixis', прус. (*larga-*) *saytan* (латыш. *saite*) и глаголах. Особый интерес представляет возможность установления связи рассмотренной группы слов со ст.-слав. *шнѣж* (шнѣги).

Сравнение хет. *išhi-u-l* (древнее производное от *išhiya-*, засвидетельствованное в значении 'договор' в качестве древнеанатолийского заимствования уже в языке староассирийских табличек из Малой Азии рубежа III и II тыс. до н. э.: *išhiull-um*) с лит. *siūlas* 'нить, нитка', *siūlyti* 'предлагать' позволяет предположить наличие древней основы *sHiu-l (с достаточно ранним абстрактным значением). Сравнение этой основы, а также хет. *išhi-mana-* 'веревка, ремень' с др.-инд. *syūman* 'нить', *syū-tā-* 'спитый' (-ū-, по-видимому, под удлиняющим воздействием предшествующего ларингального? ср. др.-инд. *iṣā* 'дышло': хет. *hišša-*, Иванов 1957) позволяет реконструировать **sH-i-u-* > др.-инд. *syū-* (Laroche 1963, с. 76; Иванов 1965, с. 90; 1968, с. 263), ст.-слав. *шнѣж* и т. п.

Ст.-слав. *шнѣж*, принадлежащее к числу тех же глаголов на *-y- без второй основы на -a-, что и *спѣж*, *дѣж*, родственно лит. *siūva*, *siūvo*, *siūti*, латыш. *šuvu*, *šuvu*, *šāt*. Следы «древнеевропейской» баритонированной парадигмы отражены также в лат. *sūtus* < *sjūtos, *sūtum* < *sjūtum (Дыбо 1962, с. 15; 1958, с. 61; 1961, с. 18, 31), ср. также ударение в др.-инд. *syūman* 'нить', сходное с местом ударения в однотипном индоевропейском *sēmen, реконструируемом по западноиндоевропейским данным (при конечном ударении в др.-инд. *syūtāh*, ср. о интерпретации Иллич-Свитыч 1962, ср. также выше о следах баритонического типа в *sītā*, *mārta-* и т. п.).

Станг не раз отмечал, как трудно для анализа «древнее и.-е. слово «шить», первоначальную форму которого мы еще не можем точно установить» (Stang 1942, с. 114; 1966, с. 334). Но сравнение с хеттским материалом позволяет связать друг с другом давно уже разошедшиеся формы балтийских, славянских и других индоевропейских языков с аффиксом -u- и без этого аффикса и тем самым дает возможность единообразного истолкования всех этих форм. Поскольку основа **sHiu-* > **siū-* стала относиться к числу основ на долгий элемент только в эпоху падения ларингальных, а до этого структурно отличалась от других рассмотренных основ, меньшее единообразие отражения в балтийском и славянском кажется объяснимым. Основа на *-j-, сходная со ст.-слав. *шнѣж*, отражена и в гот. *siujan*, др.-англ. *sēowjan* (ср. лат. *suo*).

К тому же типу, что и *šai-/šiya-*, *išhai-/išhiya-* принадлежит хет. *ḫwai-/ḫuya-* 'бежать, лететь' (спряжение на -*hi*: др.-хет.

3 л. ед. ч. наст. вр. *hu-u-wa-(a)-i*, пр. вр. *hu-u-wa-a-iš*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *hu-ya-an-zi*, пр. вр. *hu-wa-a-ir*, также мед. 3 л. ед. ч. *hu-u-i-ya-at-ta* с постепенным переходом в тип на *-mi*, Oettinger 1979, с. 480). Значительный интерес представляет управление хет. *ḫuwai-*, сочетающегося с локативом (или аблативом) и тем самым косвенно подтверждающего архаичность такого управления для всех глаголов рассматриваемого типа. Древнее производное с активным суффиксом *-nt-* (ср. § 2), совпадающее с субстантивированным причастием от этого глагола, *ḫuwanza [ḫuwant-s]* 'ветер' родственно западноиндоевропейскому и «тохарскому» названию ветра (лат. *ventus*, брет. *gwent*, гот. *winds*, тох. А *want*, В *yente*) при других образованиях от того же корня в др.-инд. *vātā*, ст.-слав. *вѣтъръ*, прус. *vetro* и при основе на **-y-* в др.-инд. *vayū-*, латыш. *vējš* 'ветер', *vējuot*, лит. *vėjas, vejūoti*. Та же основа на **-y-* представлена в ст.-слав. *вѣж*. Соответствие славянскому и хетского глагола согласуется со всей изложенной выше картиной. Отражение в славянском глагола второй серии следует признать более архаичным, чем атематическое настоящее время др.-инд. *vāti* 'он дует', греч. *ἀΐει*, являющееся греческо-арийской инновацией (обратная точка зрения изложена многократно: Мейе 1938, с. 181; Stang 1942, с. 45; Aramaa 1957, с. 119; ср. также Николаев — Старостин 1977, с. 53). С излагаемой точкой зрения согласуется то, что в германском с основой на *-j-* (др.-в.-нем. *wajan*) был соотнесен редуцированный претерит (гот. *waiwō*, тот же класс, что и *saiso*). Соответствующая редуцированная основа с особым видовым значением представлена и в лувийской группе анатолийских языков (Van Brock 1964, с. 157; Иванов 1965, с. 39; 1968, с. 264; лув. *ḫeḫuiya-* в ритуальной формуле *tappašait šarri tiyami ḫeḫuiya* 'с неба на землю поспеши', перогл. лув. *hū-hū-ta₄* 'он пришел').

Изменение типа спряжения глагола в арийско-греческом могло быть связано с тем, что он сузил свое значение и вошел в круг слов, обозначающих явления природы, для которых в определенный период могло быть характерно употребление преимущественно в безличных конструкциях в форме 3 л. первой серии (типа 'идет снег', гл. 2, § 5).

Можно отметить, что синонимичный глагол в восточнобалтийском принадлежит к числу основ на **-je-* с долгим гласным *ū* в претерите: лит. *pūcia, pūtė, pūsti* 'дуть', ст.-латыш. *puš* (совр. *pūš, pūta, pūst*) (Endzelins 1948, § 365, с. 193; 1951, § 624, с. 770).

Поскольку соответствия между анатолийским, балтийским и славянским во всех рассмотренных случаях не знают исключений, должна быть проверена вероятность того, что и некоторые другие глаголы с основой на **-ye-* после корня с исходом на долгий гласный в балтийском и славянском могут продолжать индоевропейские формы второй серии. К ним могли в балтийском относиться такие глаголы, как латыш. *dēju, dēt* 'сосать (грудь)'. На общевосточнобалтийский характер глагола указывают такие производные, как латыш. *dējš* 'сын', лит. *pirmdelė* 'pirmaverse', прус. *dadan*

‘молоко’ (Топоров, 1975, I, с. 284, с литературой, подчеркнуто сходство с алб. *dithë* ‘сыр’). Принадлежность соответствующего глагола к аористическим подтверждается вед. аор. *ádhāt* (в «Атхарваведе»; в «Ригведе» обычны редулицирующие аористы к корню, выступающему как нередулицированный в формах *dhe-*, *dhay-* с элементом **-y-*, ср. гот. *daddjan*; редупликация отражена в прус. *dadān* и алб. *dithë* < **dedh-*). С нормальной редупликацией вед. перф. *dadh* (*á*), *dadhi* ‘кислое молоко’, прус. *dadān*, алб. *dithë* можно сравнивать общеанатолийскую интенсивную редупликацию в хет. *tittiya-* ‘сосать (грудь матери)’ (обычно с суф. **-sk-*), лув. *titai-*, прич. на *-mi*: *ti-ta-i-me-iš* ‘выкормленный питомец’ (Laroche 1959, с. 98; Oettinger 1979, с. 347), лик. *tideimi* ‘сын’ (ср. возможное отражение той же основы в лув. *titani-* ‘зрачок’, хет. *titita-*, если слово связано с универсальным представлением о ‘человечке-ребенке’ в зрачке глаза, см. об этой семантической универсалии Иванов 1972; 1973). Хотя эти слова могли бы и быть ономатопоэтическими, регулярность суф. **y^o/o-* и редупликации в родственных языках делают сравнение анатолийских форм с другими почти несомненной. Принадлежность ко второй серии подтверждается тематическим медиальным греч. гом. *θάρασι* с сигматическим аористом *θηρατο* (*δ* 89), ср. Stang 1942, с. 126; 1966, с. 357. В славянском представлен глагол на *-i-*, принадлежащий к акцентной парадигме с: словен. *dojī* (Garde 1976, 1, с. 161—162).

Другой архаический глагол этого общепалтийского типа, видимо, сохранившийся в латышском, — *snāju* ‘drehe locker zusammen’ (Endzelīns 1951, с. 786, § 627e), семантически соотносим с *sienu*, *sēju*; *šuvu*. В греч. гом. *νήρατο* ‘напряли’ (*η* 198) и в этом случае представлен медиальный сигматический аорист; основа на *-y-* известна в др.-инд. *snāy-*. След древнего образования на **-w-* второй серии сохраняет латинский перфект *nēvī*, ср. однотипный перфект *plēvī* при **pl-eu-*: **pl-eH₃*, восстанавливаемых Стангом на основе лит. *pláuja* при греч. аор. *ἐπλω* (Stang 1966, с. 360). Станг в своем сравнительном анализе истории балтийских глаголов этого класса (на **-ye-* после гласного корня) был вынужден допускать объединение разных индоевропейских типов (Stang 1966, с. 354—360; 1942, с. 125—128). Однако поскольку и в каждом из других ареалов (арийско-греческом и западно-индоевропейском) удается наметить их связи с тем же типом второй индоевропейской серии, балтийские формы оказываются значительно более единообразными, чем можно было полагать раньше.

Сходной реинтерпретации может быть подвергнут тот исторический комментарий к славянским глаголам этого класса, который был предложен Мейе. По его словам, «формы настоящего времени типа *знаж*, *даж*, *дѣж*, *кѣж*, *сѣж* и т. д. образуют многочисленную группу сильных глаголов, имеющую характер почти регулярного образования. Если даже та или иная из этих форм и восходит к общеиндоевропейскому языку, то в целом мы все же

имеем дело с новым славянским образованием» (Мейе 1951, с. 181). Наличие точных соответствий в анатолийском позволяет переформулировать этот вывод. Вся группа в целом восходит к индоевропейским глаголам второй серии типа хет. *dai-/tiya-*, *šai-/šiya*. Инновацией славянского (видной при сравнении с родственными балтийскими формами) было то, что основа на **-ye-* была обобщена для системы настоящего времени в противоположность основе без **-ye-*, что было переосмыслено в рамках собственно славянской системы видо-временных отношений. Сохранение же этой группы представляется существенным архаизмом славянского. Можно смело сказать, что, не сохранись в славянском этой обширной группы, сопоставление хеттских глаголов с другими родственными формами было бы значительно затруднено. В тех же случаях, когда в хеттском глагол не представлен, именно славянские и балтийские данные представляются решающими для отнесения глагола к данному типу, ср., в частности, ст.-слав. *зѣж*, лит. *žinōjo* (Stang 1966, с. 323: **ǵn-nā*), др.-инд. перф. *jajñau* с элементом *-u*, аналогичном рефлексу этого суффикса второй серии в лат. *pōvī*, др.-англ. *knēow*. Распределение по языкам типа на **-y°/o-*, приметы **-w-/u-* и редупликации в подобных глаголах настолько единообразно, что реконструкцию форм второй серии, которую целесообразно в таких случаях начинать с балтийского и славянского, следует считать бесспорной. Поэтому в тех случаях, когда славянскому глаголу этого типа соответствует атематический глагол первой серии в одном из диалектов без наличия явных соответствий в других языках, скорее следует отдать предпочтение славянским данным. В частности, глагол, давший основу на **-ye-* в ст.-слав. *вѣж* 'я рассказываю, заклинаю' (с архаическим производным *ка-гнѣ*, ср. Иванов 1957), следует реконструировать скорее как глагол второй серии **bhoH₂-*, чем как глагол первой серии типа арм. *bat*, греч. гом. *φῆμι* (с архаическим чередованием: *φᾰμέν*) (обычная точка зрения: см. Мейе 1951, с. 181, § 230; Stang 1942, с. 45; Bezlaĵ 1976, 1, с. 9; Николаев—Старостин 1977, с. 53, со ссылкой на неподвижность акцентной парадигмы, которая, однако, по приведенным выше данным скорее в наиболее архаичных случаях говорит в пользу формы второй серии). Представляется, однако, что глагол принадлежит к числу таких, которые стали вторично образовывать активные формы первой серии к более древнему медиальному типу: греч. гом. *φάτο*, 3 л. мн. ч. *φάντο*, лат. *fatur*, *fantur*. Переход глагола второй серии в первую серию в данном случае аналогичен тому, который прослеживается при сопоставлении лат. *datur* с хет. *daḫḫi* (§ 1). Лат. *for* непосредственно продолжает и.-е. **bh(o)H(H)o(r)*.

§ 5. Отражение в балтийском и славянском глаголе индоевропейских форм второй серии с основой на согласный

Во всех рассмотренных выше корнях глаголов второй серии, которые в эпоху после падения ларингальных оканчивались на долгий гласный, в балтийском и славянском было устранено чередование гласных. В этом с точки зрения синхронного описания ситуации в балтийском можно видеть причину использования основ на *-yo-*, которые при корнях без чередований не заменялись основами на *-s-* (Агумаа 1957, с. 119).

При корнях, оканчивающихся на согласный, индоевропейским глаголам второй серии соответствуют в славянском и отчасти в балтийском «полутематические» основы на *-i-* и глаголы на **-ye/o-* без второй основы на *-a-* (обычно баритонированные).

Этот вывод, обоснованный в связи с анализом огласовки **o* в ряде форм этого типа (Иванов 1968), в недавнее время вновь сформулирован на несколько более пестром материале разных индоевропейских диалектов (Jasanoff 1979). В качестве наиболее наглядного примера разбирается общеиндоевропейский глагол 'молоть', реконструированный Мейе в виде атематического презенса от основы **melolH-* (Meillet 1916), ср., в частности огласовку **o* в гот. *malan* и нулевую огласовку в умбр. *kumaltu* 'сотмолито', ср.-валл. *malu*, арм. *malem* (**m_lH-e/o-*). Соответствие между этой реконструкцией и хет. *malla-* 'молоть' и легло в основу последнего опыта реконструкции особой второй серии индоевропейских глагольных форм (Jasanoff 1979, с. 83—87). Хет. *malla-* 'размалывать' (о значении ср. Oettinger 1976, с. 34, примеч. 44), обнаруживает смешение тематических форм, относящихся к спряжению на *-hi* (З л. ед. ч. наст. вр. *ta-al-la-a-i*) и форм с суф. *-i(y)-(a)-(ma-al-li-iz-zi-*, ср. Oettinger 1979, с. 277—279 с маловероятными диахроническими комментариями; огласовка в хеттском, возможно, определяется исходной структурой корня, ср. Jasanoff 1979, с. 86—87). Сходное образование форм на **-ye/o-* обнаруживается и в славянском (ст.-слав. *мѣлѣж*), что согласуется с хетто-славянским сходством в использовании основ на долгий гласный второй серии (§ 1—4, ср. также о глаголах с огласовкой **o* гл. 2, § 5). Рус. *молѡть*, *молѡбла*, сербо-хорв. *мљѣти*, аор. *мљѣ*, чеш. *mliti*, польск. диал. *mleć*, в.-луж. *mlěc* относится к баритонированной акцентуационной парадигме (Дыбо 1958, с. 60; 1963, с. 73, 75; Garde 1976, 1, с. 154, § 218), ст.-слав. *мѣлѣж* является глаголом на **-ye-* без второй основы на *-ā-* (огласовка **e* должна быть вторичной, Stang 1942, с. 39; 1966, с. 333, 337, 380, 475, примеч. 1; Мейе 1938, с. 219, 388; 1951, с. 180, § 226). Поскольку Станг огласовку **o* в балтийских и славянских формах объяснял связью с древним редуцированным типом (ср. гл. 2, § 5), представляет интерес то, что типичная «перфектная» (нормальная) редупликация отражена в хет. *temal-* 'мука, зерно' < 'помол'.

Следовательно, при этом глаголе редупликация была не интенсивной, как полагал Станг, а нормальной.

Др.-хет. *malda(i)* (спряжение на *-hi* засвидетельствовано в форме 1 л. ед. ч. прош. вр. в надписи Аниты: *ni-maldaḥḥun* 'и я помолился богам, совершая жертвенные обряды'; КВо III 22 Rs 59, 3 л. ед. ч. наст. вр. *ma-a-al-di*, редупликация нормального типа в итеративе на *-šk-* *tamalzike-*: мед. *ma-am-ma-al-zi-kan-ta*, KUB XXX 68 Rs. 9, Oettinger 1979, с. 322, 443) семантически точно соответствует ст.-слав. мслѣтъ: мслити, рус. *молить* (в архаических выражениях *молить пиво*, др.-рус. *молить каравай*, ср. аналогичное хет. *ta GEŠTIN ma-al-di* 'и он молит вино' КВо XI 30 Rs. 13), чеш. *modliti se*, польск. *modlić się* (Иванов 1960а; 1965, с. 104, 244—246; 1968, с. 264—265). Общеславянский «полутематический» глагол на *-i-* **mō(d)liti* (сербо-хорв. *молити*, рус. *молить*) принадлежит к баритонированной парадигме (ср. характерное отсутствие действия заксна Васильева-Долобко — Дыбо в формах типа *мѡла ѡ помѡице*, Дыбо 1962, с. 5, 25, 27; 1962а, с. 223). В лит. *maldo*: *maldyti* представлен тип на *-a-*: *-iti*, формально сходный с хет. *maldaḥḥun*: *maldiya-*, но этот тип мог возникнуть благодаря соотношению *maldyti* с другими глаголами на *-dyti*; предполагается, что глагол в литовском мог быть вторично осмыслен как отыменный (*maldyti*: *malda*), Stang 1942, с. 24, 149; 1962, с. 24; 1966, с. 327. В латыш. *samaldīt* (Mūlenbachs — Endzelīns 1925—1927, II, с. 557; 1927—1929, III, с. 557) произошло семантическое развитие типа *'молить о хлебе, молить хлеб' > 'приносить в дом хлеб, пищу'. Прус. *maddla*, *madli* признают польскими заимствованиями (Schmalstieg 1974, с. 218).

Огласовка *o в славянском и в балтийском отражает древнюю огласовку ед. ч. глаголов второй серии (в хет. *mal dai-* огласовка *a* определяется стругурой основы, гл. 2, § 5). Поскольку в индоевропейском предполагается корень **me/ol-* (др.-ирл. *molor* 'я восхваляю', греч. μέλος 'песнь', Szemerényi 1954, с. 164; Benveniste 1932, с. 133—135), суф. **-d-* может быть общим для хеттского, древнеармянского (*malt'ank* 'молебенствие, молебен') и балтийско-славянского, где суф. **-d-* обнаруживается и в некоторых других основах сходного типа.

Той же баритонированной парадигмой характеризовалось латыш. *kaļu*: *kalā-*, *kalt*, лит. *kalū*, *kalaū* (или *kaliāū*, Endzelīns 1948, с. 206, § 389; 1951, с. 262, § 680; в нулевой огласовке *kul-*, см. Stang 1966, с. 356, 380, 390, 475; древняя баритонированная основа), рус. *колѡтъ*, *колѡла*, сербо-хорв. *клѡти*, чеш. *klāti*, в.-луж. *klōt* (Дыбо 1958, с. 61; с. 29, 73, 75; Garde 1976, 1, с. 154, § 218), ст.-слав. *кѡлж* (глагол на *-ye-* без второй основы на *-ā-*, ср. основу на **-ye-* в латышском и отчасти в литовском, являющуюся по Стангу новообразованием). Основа на **-ye-* отражена не только в балтийском и славянском, но и в греч. *σκαλλω* < *skl-l-iō, др.-исл. *skilja* с такой же трактовкой аналута, как в лит. *skēlti*, латыш. *šķēlt* (с вторичной интонацией, вероятно, под влиянием ларин-

ального показателя второй серии, ср. Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 196, там же данные внешнего ностратического сравнения — сем.-хамит. **si-* ‘расщеплять, резать’, картв. **cel-* ‘косить’, дравид. *cal-* ‘расщеплять, резать’, урал. *šale-* ‘резать, расщеплять’, алт. *čalu-* ‘резать’, ностр. **calu-* ‘расщеплять, резать’). Соответствующий хеттский глагол *iškallai-* ‘разрывать, разрезать’ относится в древнехеттском к спряжению на *-hi* (Иванов 1965, с. 109; 1968, с. 265): 3 л. ед. ч. *iškallai* (Хеттские Законы, § 14 и др.) и образует архаичные формы медиопассива этого спряжения: *iškallari* (Oettinger 1976a, с. 549; 1979, с. 514, 549). Хеттская графика и состояние вопроса о соотношении спряжения на *-hi* с тематическим типом не вполне дают возможность выяснить, можно ли считать этот глагол атематическим второй серии (Jasanoff 1979, с. 87) или скорее тематическим (ср. реконструкцию *skélH₂-o-re-i > *iškallari*, Oettinger 1979, с. 549, где, однако, **-o-* может быть просто приметой медиопассива второй серии; гл. 1, § 7, но возможно и тождество этой приметы с тематическим *o).

Для доказательства связи балтийских и славянских «полутематических» глаголов на **-i*, соотносящихся с основами на *-e*, и на **ye/o-*, с одной стороны, и древних индоевропейских глаголов второй серии — с другой, особое значение имеет лит. *mini*, *minėjo*, *minėti*, латыш. *minu*, *minēt*, где давно уже было установлено соответствие перфектному греч. μέμνηα, др. μεμνήμαι, лат. *memini*, гот. *man* (Ван-Вейк 1962, с. 240; Van Wijk 1933; Kuryłowicz 1964, с. 77—81; 1977; 1979; 1975, с. 447—453; Watkins 1969, с. 222, § 217).

Принадлежность этого глагола ко второй серии подтверждается хет. *meta-* ‘говорить’ (спряжение на *-hi* 1 л. ед. ч. наст. вр. др.-хет. *te-e-ma-aš-ḫē*, 3 л. ед. ч. *te-ma-i*, 3 л. мн. ч. пр. вр. *te-e-mi-ir*). В хеттском (как и в греческом и латинском, а также в др.-инд. 3 л. дв. ч. *tamnāte*) представлена редулицированная основа, соответствующая лув. *tammana-* ‘много говорить, разговаривать’ (лик. В *meti*), противопоставленному нередулицированному лув. *tan-* ‘сказать’; лув. *manaḫa* ‘я сказал’ (Van Brock 1964, с. 137; Rosenkranz 1958, с. 219—220; Иванов 1965, с. 110; 1968, с. 266). Нередулицированная основа второй серии в лув. *tan-* находит ближайшее соответствие в гот. *tan* : *minim*. Нулевая огласовка форм множественного числа индоевропейских глаголов второй серии типа гот. *minim* (*tn₂-me, Polomé 1964, с. 872) должна быть сопоставлена с огласовкой ст.-слав. мзницѣ, но в славянском и балтийском нулевая огласовка была обобщена на всю парадигму.

Курилович (Kuryłowicz 1964, с. 77—81; 1977; 1979; 1975, с. 447—453) сопоставлял эту огласовку с медиальным перфектом, но это объяснение едва ли удачно, так как медиальный перфект является сравнительно поздним новообразованием (ср. Иванов 1965, с. 135, примеч. 242; Stang 1966, с. 406; см. литературу: Перельмутер 1977). Скорее нулевой огласовке в обоих случаях должно быть дано единообразное объяснение из более древних

форм второй серии, к которым восходят и ст.-слав. мѣнитъ и медиальный перфект в других языках. Особенности огласовки ст.-слав. мѣнитъ вызвано то, что некоторые из ученых, принимавших связь балтийских и славянских основ на *-i-/-ē-* с перфектом, тем не менее именно этот глагол к перфекту не возводят (Stang 1942, с. 24; 1966, с. 321; Vaillant 1962, с. 53; 1966, III и др.). Допущение вторичности самого перфекта (см. гл. 1) снимает эту трудность. Возведение хеттской формы непосредственно к перфекту (Oettinger 1979, с. 486) не убедительно (Jasanoff 1979, с. 80).

Особый интерес представляет то, что в данном случае удается установить связь основы на **-i-*, **-ē-* в славянском, балтийском и германском (гот. *munan*, III класс) с основой на **-yo-* в греческо-арийском (др.-инд. *mānyate*, греч. *μαίνεται* < *μαν-ιε-ται*, ср. Schmid 1963, с. 64). В славянском и балтийском основа на **-ye/o-* от этого корня представлена после *-ē-* в формах балтийского претерита типа лит. *minėjo*, давно уже сопоставляемых со слав. мѣнѣ(ахъ) в имперфекте (ср., однако, Schmid 1963, с. 21, примеч. 93; Кузнецов 1961, ср. 110—127). Ввиду наличия **-dh* после корня в ряде глаголов этого типа обращает на себя внимание алб. *mund* < **mŋ-* **dh-* 'могу' (Pokorny 1959, с. 730; Иллич-Свитыч 1976, 2, с. 43; там же о внешнем сравнении: ностр. **manu* 'думать' реконструируется на основе сравнения с сем.-хам. **mn-* 'думать, понимать', урал. **manl* 'заклинать', драв. *manl-* 'просьба, слово').

В настоящее время можно считать общепризнанной гипотезу Ван-Вейка (Ван-Вейк 1962, с. 240; Van Wijk 1933; Stang 1942, с. 24; 1966, с. 314—315, 321; Vaillant 1962, с. 53; 1966, III; Van Brock 1964, с. 149; Kuryłowicz 1965, с. 56; 1975, с. 451; 1977, с. 65—66; Watkins 1969, с. 185, § 176, с. 223—225, § 219), по которой к «перфектным» формам (т. е. к глагольным основам второй серии) с огласовкой **o* восходят многие балтийские и славянские «полутематические» глаголы на **-i-/-ē-*. К таким глаголам относится лит. *gāri*, *garėti*, ст.-слав. горѣтъ: горѣти при греч. мед. *θερμαι* 'нагреваюсь'. Широкое распространение в разных индоевропейских языках производного от этого корня с медиальным суф. **-to-* типа греч. гом. *θερμός* 'горячий, теплый', арм. *ǰerm*, алб. *zjarm*, *zjarr* 'огонь'; лат. *formus*, др.-в.-нем. *warm* (при синонимичном др.-хет. *lalukkima-* 'лучезарный, свет', неизданный текст 205/5 + II 12', Oettinger 1979, с. 276; Иванов 1975а; 1978; родственно др.-инд. *roruś-*, тох. В прич. *lyelyuku*, *A lyalyku* от *luk-* 'освещать', хет. *lalukki-*, ср. гл. 1, § 2) свидетельствует о вероятности медиальной формы в качестве исходной (о ностратическом **gUra-* ср. Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 239). Поэтому не кажется вероятным возведение **-i-* в балтийских и славянских формах к **-inti* < **-nti* атематического 3 л. мн. ч. (Jasanoff 1979, с. 84; 1980, § 90). Прус. *garrewingi* 'страстный, горячий', серб.-хорв. *жѣрѣв* 'раскаленный уголь' сохраняют архаическое **-w-* > *-v-* (Топоров 1979, II, с. 166—168, 279).!

К точно тому же семантическому полю глаголов горения относится и другой случай отражения древних глаголов второй серии в славянских «полутематических» глаголах на *-i-*: соответствие хет. *war-* 'гореть' (медиопассивный непереходный глагол спряжения на *-hi*, допускающий соединение с существительным среднего рода типа *rahhur* 'огонь' в качестве субъекта, Laroche 1962, с. 40; Иванов 1968, с. 267—268, примеч. 220, то есть инактивный глагол) и ст.-слав. *карѣтъ* (со ступенью удлинения, ср. о ступени удлинения как примете форм второй серии Vaillant 1962; 1963, III, а также выше, гл. 2), ср. также *карѣтъ*, *карѣтъи*. В балтийских языках обнаруживается основа на мед. **-dh-* > *-d-*: лит. *véřda*, латыш. *veřdu* (Stang 1942, с. 140 и след.; 1966, с. 366; Иванов 1965, с. 126—127), ср. обратное соотношение о.-слав. *ja-d-*: лит. *jója* (гл. 2, § 4); возможный след основы без *-d-* в прус. *aiwerus* 'шлак', Топоров 1975, I, с. 176—177; Иванов 1977е. В хеттском в этом случае (в отличие от нормальной редупликации в глагольных производных от *malla-*, *maldai-*) представлена интенсивная редупликация *w(a)riwar-ant-* 'горящий' (ср. тип *titti-* 'сосать' ср. выше, а также Eichner 1980, с. 159—160).

Вероятным представляется выделе не *-d-* (< **-dh-*) того же типа, что и в лит. *verda*, в лит. *merdi*, *méřdeti* 'лежать при смерти', ст.-лит. *merđmi* 'incipio mori' (атематический глагол, Sabaliauskas 1957, с. 105, Stang 1966, с. 322), латыш. *merđēt* 'морить голодной смертью' (Mülenbachs — Endzelins 1925—1927, II, с. 618) при лит. *mirst*, *mira*, *mirt*, ст.-слав. *мѣрѣж*, соответствующем (по своей огласовке) арийскому аористическому типу: др.-инд. *ámřta* 'он умер' (Stang 1942, с. 33—34; Иванов 1965, с. 133—134, 153—155; 1968, с. 268). В древнехеттском представлены в ед. ч. только медиальные формы: 3 л. *me-ir-ta* 'исчез', во мн. ч. — активная на **-r* *me-ri-ir* 'исчезли' (Повесть о Цальпе, Otten 1973, с. 32). Характерной особенностью глагола в хеттском являются конструкции с дат. п. типа *[ku-e-d]a-ni-ik-ki me-er-zi*, ср. Neu 1968а, с. 116. В этом случае конструкции типа 'тебе исчезнуть' (< ***'тебе умереть' в 3 л. ед. ч.) можно было бы считать причиной параллельного существования форм первой серии (ср. об их употреблении в таких конструкциях, гл. 2, § 5), имеющих огласовку **e*, и форм второй серии. Соответствие между древнеиндийскими и хеттскими медиальными формами заставляет считать последние архаичными (вопреки Oettinger 1979, с. 105). В др.-инд. *márta-* 'смертный' можно было бы предположить более древнее ударение баритонированного причастия, сохраненного в изолированном термине (ср. Thieme 1952, с. 25—26, 31, 32; Solta 1966, 28), но ср. Иллич-Свищич 1962 (см. также выше, § 4 о типе *stā* и т. п.). Хет. *merzī* оправдывает предположение Станга о том, что переход из второй серии в первую мог происходить через посредство таких атематических глаголов, как ст.-лит. *merđmi* (с огласовкой **e*).

К числу предпола аемых тематических глаголов второй серии, сохраняющих огласовку **e* в балтийском (возможно, и в хеттском),

относится хет. *pa(e)dda-* (спряжение на *-hi*, др.-хет. *pad-da-ah-ḫi* 'копаю', возможно [*pedahhi*], Puhvel 1979, с. 214; Oettinger 1979, с. 505), лит. *bedù, bēda, bēdē*, латыш. *bēdu, bežu, bedu*, при огласовке *o* в прус. *em-baddussisi* (: *boadis*), ст.-слав. *кодѣ*, сербо-хорв. *bōdēm*, словен. *bōdem*, лат. *fodiō*, тох. А *pat-, pāt-* 'вскапывать' (Stang 1966, с. 333; Топоров 1975, I, с. 238—239; 1979, II, с. 25—26; Jasanoff 1979, с. 87 с реконструкцией **bhódhH-*, где ларингальный не представляется обязательным). К тому же семантическому полю относится ст.-слав. *греѣж*, сербо-хорв. *грѣбем*, словен. *grēbem*, лит. *grėbiu, grėbia, grėbė* 'грести (граблями), сгребать' с огласовкой **e* при огласовке **o* в гот., др.-в.-нем. *graban* 'копать' (Jasanoff 1979, с. 84—86, сопоставляет с хет. *k(a)rap-* 'жрать, есть', но последнее объясняется и иначе: Oettinger 1979, с. 421). Аналогичное соотношение огласовок **e* в лит. *žengti* 'шагаю' (см. ниже, гл. IV) и **o* в гот. *gaggan* позволяет отнести глагол к этому же типу (Jasanoff 1979, с. 84 со ссылкой на принадлежащее Уоткинсу сближение с др.-ирл. *cingid* 'шагает' с другим согласным в анлауте: **kengh-* при **ghengh-*). Огласовка **e* в балтийском сохраняется и в лит. *gedāuti (gedāuja, gedāvo)* 'искать, спрашивать' при **o* в ирл. *guidid* 'восхваляет' < **god-i-ti* (Watkins 1962, с. 120; Jasanoff 1979, с. 84). Как показывает тип ст.-лит. *merdmi*, хет. *merzi*, вероятное объяснение устойчивой огласовки **e* в балтийских отражениях этого подкласса глаголов могло быть первоначально связано с их переходом в атематический тип на *-mi* (гл. 2, § 5). Внутри этого типа их судьба несколько отличалась в балтийском от типа ст.-лит. *barmi*, сохранявших огласовку интенсивов **o* (гл. 2, § 5; изложение вопроса (Jasanoff 1979, с. 84) усложнено тем, что он не выделяет этого последнего подтипа, поэтому в его описании чередование огласовок не подчиняется никаким правилам).

К числу глаголов, вероятно, принадлежавших к рассматриваемому классу, где в балтийском при сохранении огласовки **e* (в парадигме, где **e* чередовалось с **o*, как в древнехеттских глаголах на *-hi*) обычно побеждает тип с суф. **-yelo-* после согласного (ср. выше лат. *fodiō* и т. п.), принадлежит лит. *grėbia, grėbia*: ст.-слав. *гравити* 'ἀρπάζειν', сопоставляемое с др.-хет. *karp-iya-* (тип на *-mi*, см. Oettinger 1979, с. 345; объясняется скорее всего продуктивностью этого именно типа в глаголах на *-iya-* в самом хеттском, но ср. вед. *grbhāyá-ti* того же типа, Thumb — Nauschild 1959, II, с. 229, § 453). Для целого ряда глаголов этого типа устанавливается закономерное соответствие между балт. **-yelo-* и корневым аористом в греческо-армяно-арийском: лит. *gėria* 'пьет': арм. *eker* и т. п. (Stang 1966, с. 355). В свете выявленных соотношений это может быть свидетельством отнесения глагола ко второй серии.

Одной из существенных задач истории балтийского и славянского глагола является выявление того, какие глаголы на *-i/-yelo-* сохраняли огласовку корня **o*, специфическую для второй серии.

В этом отношении значительный интерес представляет расхождение между нулевой огласовкой в балтийском и *o в славянском (кроме, возможно, рус. диал. *бъяеть* 'плакать без причины', Топоров 1975, I, с. 219) в ст.-слав. *кѣти ка* при прус. *bia*, лит. *bijo, bijojo, bijotis*, латыш. *bijāt* (Stang 1966, с. 324), др.-инд. перфекте *bibhāya*, авест. мед. *bayente* (ср. к сходству семантики форм в балто-славянском и индо-иранском Schmid 1964a, с. 6; Watkins 1969, с. 185, § 176), ст.-слав. *кѣти:кѣти* (об этимологии ср. Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 172).

По предположению Станга, переход в этот тип мог происходить посредством образования форм по типу атематических глаголов первой серии (ср. выше, гл. 2, § 5, о ст.-слав. *кѣти* при ст.-лит. *pavelmi*, ст.-слав. *мож* при ст.-лит. *megti* и о связи слав. глаголов IV класса с атематическим типом словоизменения).

Единственной славянской формой, в которой давно уже искали соответствие индоевропейскому перфекту, является ст.-слав. *кѣѣ*. В этой форме с огласовкой *o отразилась передуплицированная глагольная основа со значением, характерным для второй серии. Соответствие между лат. *vidi* и ст.-слав. *кѣѣ* нельзя истолковывать путем возведения их к медиальной перфекту (Kuryłowicz 1964; 1965, 1975; 1977; Schmid 1964, с. 137; 1964a, с. 11), относительно поздно возникшему благодаря взаимодействию двух древних серий в некоторых диалектах. Слав. *-e < *-ai < *-Hoi* в *кѣѣ*, как и лат. *-i* в *vidi* и хет. *-hi*; др.-хет. *-he < *Hai* в синонимическом хет. *sakhi*, объясняется структурой окончаний второй серии (см. гл. 1, § 7, 8), ср. о *кѣѣ* как древней медиальной форме Meid 1979, с. 174.

Переход в тип атематических основ первой серии, сходный с развитием ст.-слав. *дѣм* (§ 1), обнаруживается в ст.-слав. *кѣм*, ср. также атематическую форму 2 л. повел. н. ст.-слав. *киждѣ* от родственного глагола на *-i-, *-ē- *кидѣти* при атематическом ст.-лит. *veidzmi* (Sabaliauskas 1957, с. 104; Zinkevičius 1966, с. 351), прус. *waisei* (Mažiulis 1971, с. 105, Schmalstieg 1974, с. 217). Прусская форма может рассматриваться как преобразование исходного балтийского глагола второй серии, в латышском сохраненном в том контексте отрицания, в котором ст.-лит. *ēsti* заменялась *urā* (гл. 2, § 2). Латыш. *vaids* в сочетании *nevaid* 'нет (отсутствует)', по Стангу происходит из *ne vaid 'неизвестно' (Stang 1966, с. 416; у Станга нельзя лишь согласиться с характеристикой *vaid* как перфекта).

Из всего изложенного следует, что в балтийских и славянских языках отражен не перфект, а исходный тип глагольных форм второй серии, из которых в некоторых языках (но не в балтийских и славянских) развился перфект (ср. аналогичный вывод: Cowgill 1979; Jasanoff 1979). Архаизм балтийского и славянского глагола заключается именно в том, что в этих двух диалектах хорошо сохранились в преобразованном виде те исходные соотношения, которые существовали до становления видо-временной системы, характерной для греческо-армяно-арийской диалектной группы.

Балтийские, славянские и албанские супплетивные парадигмы как результат объединения глаголов двух серий

§ 1. Супплетивизм как отражение истории глагольной системы

С необходимой ясностью наиболее существенные для сравнительно-исторической грамматики супплетивные отношения в древнеиндийской глагольной системе были выявлены уже Панини в его грамматике (Pāṇini, 2, 4, 36—45), когда он указал, что аорист к корню *i-* образуется от *gā-*, аорист к корню *as-* соответственно от *bhū-*. Вплоть до самого последнего времени супплетивные отношения рассматривались в сравнительно-исторической грамматике с точки зрения того, что они являются новообразованиями отдельных диалектов или групп диалектов (Strunk 1977, с. 19—20, 28, 32). Но представляется целесообразным задать вопрос, какие именно соотношения в системе привели к необходимости объединения производных от разных основ в пределах одной парадигмы? Парадигма сама по себе возникает поздно (чаще всего в ее окончательном виде на протяжении истории одного языка), но супплетивизм отражает соотношения в системе, надолго предшествовавшее становлению парадигмы. Ниже приводятся наиболее показательные парадигмы.

§ 2. Супплетивизм в парадигме глагола бытия

И в балтийском, и в славянском имеет место супплетивизм форм разных времен и наклонений глагола бытия. Формы настоящего времени (и некоторые примыкающие к ним модальные формы — повелительного наклонения и пермиссива, а также волюнтатива) в балтийских языках образуются от **es-*, тогда как формы прошедшего времени (и примыкающих к нему модальных образований — конъюнктива, а также будущего времени) — от основы и.-е. **bhuH-*. К первой группе форм принадлежат рассмотренные элементы парадигмы презенса и причастие на **-nt-*, а также некоторые архаические модальные формы. От основы, образованной от корня **bhu-* с помощью *-ē(i)-*, общей для славянского и западнобалтийского, отлична основа на *-i-* (древний оптимус?, ср. Stang 1942, с. 198, о лит. *-bime*, слав. *bim*), реконструируемая для восточно-балтийских форм прошедшего времени типа

лит. диал. *bit* в говоре Zietela: *bi. t du. brol'ėli; 6i. t sa'u dvė'jėtas jaunu žmėnu' ir bi. t labai 'bi'dni* (Arumaa 1930, с. 41, 46, 65, 69; Zinkevičius 1966, с. 354—355, § 651), ранее — в прусской Литве, Kurschat 1876, § 1106, ст. лит. *biti, bitti, bit* (Bretkunas; Bibl., 2 Kar. 24, 16; Knyga Nobažnystes, 65 и др. Specht 1928, с. 210—211; Stang 1942, с. 197). Наиболее трезвое объяснение ст.-лит. и диал. лит. *bit(i)* из сочетания с первичными *-ti* (ср. *ėsti*) предложил Станг. Но при этом он думал о периоде, когда различие между первичными и вторичными окончаниями в литовском уже стерлось (Stang 1966, с. 380; 1942, с. 198, там же см. возражения против объяснения из частицы *-ti* по Френкелю и Арумаа). Но это различие (в особенности в 3 л.) для балтийского практически реконструируется только на основе гадательных гипотез (ср. гл. 1, § 7, 8). Поэтому с равным успехом можно было бы считать *biti* архаизмом того времени, когда временное противопоставление 'действительно существовать, иметь место в настоящем' и 'происходить в неочевидном прошлом, жить некогда' могло быть выражено лексически посредством основ *ēs-* : *bi-*, а не окончаний. Поскольку ст.-лит. *biti* функционально близко к прус. *bei*, в данной связи могут представить интерес и наблюдения об употреблении форм претерита на *-ā-* и на *-ē-* в значении настоящего времени в языке латышских дайн (Gaters 1956). Кажется возможным допустить, что в подобных фактах балтийских языков отражается период до грамматического оформления чисто временных противопоставлений, ср. Перельмутер 1977, с. 107.

Древность основы (древней оптативной) ст.-лит. *bit(i)* подтверждается латыш. диал. прош. вр. *bija, bī*, ст.-латыш. *bi* (ср. Bezzenberger — Bielenstein 1886, II, 8, Endzelins 1951, с. 875, § 683; 1948, § 391, с. 208). Формы прошедшего времени типа лит. 3 л. *būvo* (ст.-лит. *bū'ju* Даукши), диал. аукшт. *bū* || *bū. u* (< *buvo согласно Зинкявичюсу, Zinkevičius 1966, с. 128, § 136, вопреки предположению об архаизме диал. *bū*, Kazlauskas 1962; Kazlauskas 1968, с. 347, см. выше гл. 1), латыш. диал. *buva* могут быть новообразованиями, как думали Эндзелин и Станг, но это нельзя считать обязательным в свете вывода о древности таких ведийских инъюнктивных форм, как *bhuvam, bhavas, bhuvat*, конъюнкт. *bhuvā-(ni)*, авест. 1 л. ед. ч. конъюнкт. *bvalbuva*, оск. 3 л. ед. ч. конъюнкт. перф. *fuid* < *fued < *bhuwet, ст.-лат. *fuet* (Watkins 1969, с. 147—149, § 132, 134, где, однако, допускается и возможность параллельного развития в индо-иранском и италийском): гипотеза о тождестве лит. *būvo* и др.-прл. *bá* < **bhuvā-* (Safarewicz 1969, с. 227, § 271) исходит из тех же соответствий (ср. др.-инд. *bhuvā-*).

Стангу принадлежит реконструкция парадигмы **es-*: *ti < **bwi-*: *bū* как древнейшей для восточно-балтийского (Stang 1942, с. 197; 1966, с. 380), тогда как для прусского и славянского в качестве второго члена парадигмы восстанавливается **be-* < **bhwe-* (Топоров 1975, I, с. 210). Отмечая исключительный архаизм этого глагола, Станг (Stang 1942, с. 197) обратил внимание и на древ-

ную основу, совпадающую с перфектной (нередуцированной, см. об особенностях редуцированного перфекта от этого корня Benveniste 1965): ст.-латыш. прич. наст. вр. действ. з. *buewis*, *büwis*, прус. *baūns*, *boūns*.

Представляется, что в латышском архаизмом является и использование третьего члена восточно-балтийской парадигмы в сочетании с предшествующим **yo-* (древнее относительное местоимение) для образования дебитива (в старолатышском не имеющем значения обязательности): *jābūt* 'оно должно быть'¹ (в диалектах Valmiera, Lielvirca, Meldzere, Endzelīns 1951, § 690, с. 885; 1948, § 396, с. 211, наряду с новообразованием *jāir*, *jāboin* к изъяз. *boin(u)*, Ancītis 1977, с. 230). Аналогичное по происхождению сочетание **yo-* с предшествующей (а не последующей, как в дебитиве) основой **bhowe* (соответствующей нередуцированному перфекту, Thurgeneysen 1946, с. 483, § 789) отражается в архаическом др.-ирл. 3 л. относ. абс. *boie: tīr boie chuind chétchoraig* 'земля, что принадлежала Конну ста соглашений' (Watkins 1967; 1969, с. 150, ср. к этому синтаксическому типу в древнеирландском Королев 1977); о древности конструкций типа **bhowe-yo* в кельтском свидетельствует аналогичное гал. *dugilontio* 'кто служит' (буквально 'служат — которые', Льюис — Педерсен 1954, с. 252, 296, § 398²). При этом в кельтской конструкции с начальной приставкой относительное местоимение может находиться перед глаголом: др.-ирл. *ar-a-bi* 'который составлен' (Sg. 58b, 7), 3 л. мн. ч. имперф. *ar-a-bitis* 'quae instabant' (Ml. 43d, 15), ср. в принципе аналогичные условия появления относительного **-yo-* между приставкой и основой прилагательного в старолитовском (Zinkevičius 1957, Иванов 1965, с. 237—238, там же дальнейшая литература) и возможность сопоставления одинаковых синтаксических условий появления личных местоимений в литовском и кельтском (Иванов 1974, с. 108).

Сопоставление латышского дебитива *jābūt* и др.-ирл. *boie* позволяет предположить, что в сочетании с относительным местоимением **yo* в древних текстах могла выступать форма второй серпии от **bhuH-*. Эта синтаксическая реконструкция, произведенная на основе морфологических сопоставлений, подтверждается авест. *yōi bābvare* (Yašt 13, 150) 'те, которые бывали' ('qui ont été', см. обоснования перевода Benveniste 1965, с. 27—28, при-

¹ Ср. о лит. *jo būta* как об архаизме (с морфологической точки зрения) Schmalstieg 1978. Связь мед. **-to* (см. гл. 1, § 7) с прич. *-tō* возможна, но едва ли непосредственно отражена в балтийском.

² В связи с проблемой использования того же элемента **-yo-* в одном из вариантов индоевропейского родительного падежа (**-os-yo*, см. Mažiulis 1970, с. 91, 98, там же литература вопроса) следует отметить любопытную типологическую параллель к кельтским относительным глагольным формам в австралийском языке дьирбал, где показатель глагола в относительном предложении *-li* совпадает с показателем родительного падежа имени (Dixon 1969, ср. там же, с. 42, прим. 8, другие возможные типологические параллели, к которым следует присоединить баскский: Wilbur 1970, с. 423).

меч. 7), где за относительным местоимением *yo следует форма 3 л. мн. ч. перф. от *bhū- (редупликация bābhuv- является индоиранской инновацией при древности формы второй серии на -r).

В указанном авестийском тексте сочетаются три противопоставленных друг другу глагольные формы 3 л. мн. ч. глагола бытия: две перфектные — *āphare* 'были' ('furent') и *bābvare* — и наст. вр. *hānti*, противопоставленные соответственно как *bhū-*es- и как вторая серия и первая. Из их оппозиций для «древнеевропейских» языков характерно сохранение противопоставления *es- и *bhū-, на противопоставлении форм которых строятся, в частности, балтийская и славянская парадигмы (включающие и производные типа *bhw-ē-, *bh-iy- ср. герм. *ðw-ī-). С *es- преимущественно связываются формы, восходящие к первой серии, с *bhū- — преимущественно формы, восходящие ко второй серии. Некоторые модальные формы с опативным значением служат контекстами, в которых возможна нейтрализация оппозиции этих двух корней, ср. прус. *seisei* и *boūsei*, ст.-лит. *esle* и прус. *boūlai*. В принципе аналогичны модальные контексты нейтрализации этой оппозиции в итальянском: повел. накл. лат. *estō*, оск. *estud* при умбр. *futu*; лат. *estōte* при умбр. *fututo*, 2 л. мн. ч. буд. вр. повел. накл.; лат. имперф. (из опатива) *erat* при *fuat*; лат. имп. конъюнкт. *esset* при оск. *fusid*.

В латинском в отличие от оскско-умбрского четко противопоставляется система форм настоящего времени и имперфекта (*infectum*) и система форм перфекта (*perfectum*), ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *sum*, сосл. н. наст. вр. *sim*, буд. вр. *erō*; имперф. *eram*, сосл. н. имп. *essem*, 3 л. повел. накл. *esse*, но перф. *fuī*, прич. *futūrus*, Браун 1934. Это противопоставление инфекта от *es- и перфекта от *bhu(H)-, в известной мере продолжающее оппозиции форм первой серии и второй серии, считается латинским архаизмом, тогда как включение производных от *bhu(H)- в парадигму настоящего времени можно рассматривать как инновацию, объединяющую оскско-умбрский с западно-германским (Bonfante 1938, с. 368—369); ср. оск. *fufans* при лат. *erant*, др.-в.-нем. *bim*, др.-сакс. *bium*, др.-англ. *bēo*, *beom* и т. п. В германском кроме того осуществляется инновация, связанная с включением в парадигму глагола ненастоящего времени *Hwes- (гот. пр. вр. *was*, опт. *wēsiau*, инф. *wisan*), ср. хет. *hweš-* 'жить' (глагол первой серии), ср. отчасти сходную роль глагола *gom* в древнеармянском.

В кельтском, как и в старолитовском, на оппозиции *es- и *bhu- накладывается оппозиция связки и глагола существования (Королев 1977, с. 119—122); включение глагола *staH- в парадигму напоминает эволюцию в тохарско г.

В других диалектах за пределами древнеевропейского и арийского ареалов противопоставление корней *es- и *bhu- менее существенно. Оно отсутствует в греческо-армянском (ср. Мейе 1938, с. 215), где, однако, четко сохраняется неаористический характер глаголов, восходящих и *es-: греч. гом. *εἶμι*, арм. *em* (с парадигмой без аориста, который супплетивно образуется от *elanim*).

Наличие противопоставления **bhu-* и **es-* как аористического и длительного корней в индо-иранском делает возможным предположение, согласно которому в греческо-армянском грамматическая инновация в этом фрагменте глагольной системы способствовала лексическому архаизму — сохранению древнего лексического значения (в индо-иранском отраженного лишь частично) в греч. гом. $\varphi\acute{o}\omega$ (у Гомера редкая форма, Bonfante 1933, с. 108—121; 1938, с. 369), эол. $\varphi\acute{\omega}\omega$ (ср. основы на *-iy-* в балтийском, германском и итальянском) 'расту, рождаю, произвожу', арм. *busaniet* 'расту, произрастаю'; ср. основу на *-n- būj, buj* 'ночую, живу' < *bhū-nyo в албанском, где атематический презенс *jam, je, ēshhtë* противопоставлен сушлетивному аористу *qeshe, qe* (ср. хет. *kiš-* 'становиться', мед. спряжение на *-hi?*), ср. близкое к албанскому лексическое значение лит. *bit* в диалекте Zietela, Zinkevičius 1966, с. 355; также мессап. βαρρία κατὰ τοὺς Μεσσαπίους σημαίνει τὴν οἰκίαν; βόριον, οἶκος Гес., вероятно иллирийское, Pisani 1959, с. 121. Но дальнейшие древнеевропейские (ср. Топоров 1975, I, с. 275: северно-центрально-европейские) лексические параллели к лит. *būtas* 'жилые, изба, сени, квартира'; латыш. *bute*, прус. *buttan* 'дом', ст.-польск. *byt* 'habitatio', чеш. *byt*, в.-луж. *byće* 'жилые'; др.-исл. *bud* 'жилые, хижина', др.-ирл. *both* 'хижина', показывают, что конкретное лексическое значение **bhuH-*³ косвенно отражается и в диалектах, развивших и сохраняющих оппозицию **es-*: **bhuH-* как глаголов бытия.

Нет противопоставления **es-* и **bhu-* в тохарском, где второй корень не выявлен (относительно тох. А, В *pyutk-* 'осуществляться', см. Van Windekens 1976, с. 399), но различаются формы системы настоящего времени от *(*no-*)*es*, имперфекта — опатива от **s-* (нулевая ступень к **es-*) и прошедшего времени от тох. А, В *tak-* < **dheH-*. Иначе говоря, в тохарском сохраняется принцип противопоставления **es-* как глагола первой серии и лексически отличного глагола бытия второй серии, но в тохарском этот глагол — не **bhu-*, а **dheH-*. На оппозицию двух глаголов первой и второй серии в тохарском В, как и в кельтском и в старолитовском, накладывается противопоставление связки (и.-е. **stoH-*) и глагола существования: Бенвенист 1974, Королев 1977, с. 122.

³ Первоначальное конкретное значение типа греческо-армянского (и отчасти индо-иранского) подтверждается архаизмами отдельных диалектов, отражающих преимущественно более абстрактную семантику глагола (ср. кашуб. *b^ušni*, а также ст.-слав. *вьмьне* 'растение', 'лекарственная трава' (*βωτάνη, φάρμακον*, Иллч-Свитыч 1971, I, с. 184, там же внешние ностратические сравнения, к ностр. *buHi, из отражений которого семантически существены алт. *būi 'быть', урал. **puče-* 'дерево'). Основа ст.-слав. *вьмьне*, рус. *вьмьне* 'трава, ботва', сербо-хорв. *вьмьне*, словен. *bilje*, чеш. *byli* 'сорная трава', польск. *byle* 'куст' имеет тот же суффикс, что и **bhūlyo-*, реконструируемое Пизани для алб. *bijë*, мессап. *bilia* и др. (Pisani 1959, с. 226), ср. к основе на *-l-* приведенные выше отглагольные формы.

В анатолийском противопоставление **es-* и какого-либо другого корня с близким значением отсутствует. Сравнение форм типа лув. *ašḫa* < *(*o*)*sH₂o*, 1 л. ед. ч., и хет. *eššir* (3 л. мн. ч. с огла-совкой *e, возможной в 3 л. мн. ч. глаголов спряжения на *-ḫi*, ср. др. хет. *ekkir* 'они умерли' — 'они были убиты', 2BoTU 13 Rs 29) позволяет восстановить для анат. **es-* наряду с полной первой серией форм (гл. 1, § 1, 4) также следы форм второй се-рии ⁴, соответствующей архаическим формам в тохарском (тох. В *-sau* < *soH₂o, гл. 1, § 8, гл. 2) и греческо-арийском (греч. гом. 1 л. ед. ч. имп. ἴα, др.-инд. *āsa*, др.-перс. 3 л. ед. ч. перф. *āha*).

Можно воспользоваться авестийской формулой, противопостав-ляющей *ānhare* 'были' (перф.), *bāvare* 'бывали' (перф.), *hanti* ('суты'), как моделью для типологического описания противопоставлений в других индоевропейских диалектах. Ситуацию в ран-нем анатолийском можно воспроизвести как оппозицию типа *ān-**hare* (этимологически тождественно хет. *eššir*) — *hanti* (=хет. *ašanzi*), тогда как третий член авестийской оппозиции в хеттском теоретически мог быть передан сложной аналитической формой *assan ḫarkanzi 'бывали раньше' (ср. 'ont été' как перевод авест. *bāvare*) ср. *eššan ḫarkanzi* от *eš-* 'сидеть, садиться' (Benveniste 1962, с. 50, 53, 62; Bechtel 1936, с. 108). В тохарском В трехчлен-ная оппозиция выражена соответственно формами 3 л. мн. ч. *seyem* (3 л. мн. ч. имперфекта из опатива от **s-*) — *takāre* (пр. вр.) — *nesām* < *nosent*. В славянском этому соответствует оппози-ция бѣша — быша — сътъ, в литературном литовском проти-вопоставление būdavo — būvo — yra (*ēsti*). Если в индо-иранском,

⁴ Возможно, что для раннеанатолийского можно предполагать и значительно меньшую дифференцированность **es-* 'быть' и **eš-* 'сидеть, садиться' (ср. к первоначальному их соотношению Иллич-Свитыч 1971, I, с. 269; ностр. *ʔesA 'быть на месте'; Иванов 1965, с. 124; 1968, с. 237, прим. 51). В древне-хеттских текстах активные формы этих глаголов часто не различаются, Otten 1973, с. 70; но ср. Oettinger 1979, с. 93, 431; Neu 1974, с. 92, прим. 188. Для грамматического сопоставления этих глаголов особый интерес пред-ставляет др. хет. *eškaḫa* (мед. 1 л. ед. ч. от *eš-*, Neu 1968, с. 99) при греч. гом. ἔσχω (от εἶμι), ср. к сопоставлению подобных архаических тематич-еских форм глаголов на *-šk-* в хеттском с греческим на *σх-ov* Bader 1975, с. 25—27. Проблема соотношения двух типов спряжения глагола **es-* 'сидеть, садиться' представляет особый интерес для типологического сравнения с такими языками, как восточное помо (америндейский язык активного типа с разительными типологическими аналогиями общиндоевропей-скому в именной системе, разграничивающей именительный и винительный падежи только в несреднем — «активном» роде). В этом языке глагол *ka'* 'сидеть' всегда сочетается с той же формой местоимения, что и активные глаголы типа *šak'* 'убить', McLendon 1978. Вместе с тем в восточном помо и в таких типологических сходных с ним языках, как элишские, купенью юто-ацтекской группы и вымерший юки (Kroeber 1911) различается два типа глаголов: обозначающих действие по воле говорящего и без его воли ('унасть по своей воле' и 'быть поваленным' и т. п.), см. гл. 2, § 5. Это противопоставление и может лежать в основе отмечаемого двойного спря-жения глаголов (по первой и второй серии) в тех случаях, когда его удается возвести к общиндоевропейскому.

анаатолийском и тохарском использовались противопоставления производных от *es-*, то в балтийском и славянском, как следует из реконструкции парадигмы **es- bi-*

bi- < **bhwi-*: **bhu-*

*es:

bē < **bhwē-*,

основные противопоставления формируются на основе производных от **bhu-* (как и в оскско-умбрском при наличии отмеченных расхождений с латинским).

С точки зрения типологии языков активного строя, к которым в последнее время относят общиндоевропейский (Климов 1973а; 1977, с. 207—216), такие лексические дублеты, соотнесенные с двумя противоположными сериями окончаний, как **bhu-*: **es-*, могли бы объясняться соответственно как инактивные и активные (Климов 1977, с. 209, ср. с. 212—213, а также типологические данные о различении нескольких глаголов этого типа в америндейских языках — тупи (там же, с. 83) навахо (там же, с. 94), камаюра (там же, с. 95, 102) и др., ср. данные о языке гуарани XVII в.: Ruiz — Platzmann 1898, с. 127—132, 160 и след.; ср. Platzmann 1874, с. 129, § 291, с. 132, § 297 и след., с. 176, § 382; *aicō* 'ich bin', *aicobē* 'ich 'lebe' = 'ich bin noch'). Однако из приведенных данных о диалектном распространении оппозиции **es-*: **bhuH-* не очевидно, что ее можно реконструировать для общиндоевропейского, где эти глаголы могли различаться не только грамматически (как соответственно активный — инактивный, первой и второй серии, позднее длительный — аористический в арійском), но и прежде всего лексически ('быть на самом деле': 'рождаться, становиться')⁵.

Насколько можно судить по данным, отраженным в наиболее архаичных рассмотренных глагольных формах, оппозиция двух типов глаголов бытия в общиндоевропейском выражалась прежде всего противопоставлением двух типов образования от одного корня *es-*, что еще отчетливо отражено в общеанаатолийском (*esm-i*, *es-m*: *(*elo*)*s-Но*, 1 л. ед. ч.; *(*o*)*s-ont-i*: *es-er, 3 л. мн. ч.). Следы обоих типов образований прослеживаются и в балтийском и славянском. Признание большей древности форм второй серии по сравнению с первой (Bader 1976; 1978) не должно вести к преувеличению, которое состояло бы в исключении этой последней из общиндоевропейской реконструкции. Для позднего общиндоевропейского, как и для ранних состояний таких отдельных индоевропейских диалектов, как балтийский, приходится восстановить обе серии форм с отмеченными позднейшими их преобразованиями.

⁵ Несомненную трудность для указанного типологического объяснения представляет и то, что в камаюра глагол 'рождать(ся), расти' (ср. лексическое значение **bhuH-*) относится к числу активных, см. Климов 1977, с. 85.

§ 3. Сушлетивные отношения в парадигме глагола 'есть', 'купать'

Поскольку для корня *ed-* можно восстановить как архаические формы второй серии типа **ēdHo-* > др.-инд. *āda*, **ed-er*, др.-хет. *eter*, так и позднеиндоевропейские формы первой серии типа др.-инд. *admi*, хет. *etmi*, представляется затруднительным, как и в случае **es-*, допустить исконную лексическую дифференциацию дублетных корней с семантикой 'есть', предполагаемую для языка с активной типологией (см. об индоевропейском — Климов 1977, с. 209, о навахо — Landar 1960, о гуарани — Ruiz — Platzmann 1898, с. 121 и след.: *u* 'essen, trinken', с. 123, № 1016—1020 об обязательных обозначениях объекта в формах типа *guāba*, см. также Platzmann 1874, с. 148, § 326: *aū* 'ich esse': *ambaeū* 'ich esse etwas', с. 135, § 302 *aū* 'ich esse, ich trinke': *acai* 'ich trinke Wein', иначе говоря, противопоставление активных и **инактивных** форм от одного корня, в принципе сопоставимое **типологически** с предлагаемыми индоевропейскими реконструкциями типа **(ē)dHo*: **edmi*)⁶.

Единственным существенным свидетельством наличия уже в ранних индоевропейских диалектах других лексических способов обозначения процесса еды посредством двух разных глаголов, отличных от **ed-*, является ситуация в тохарском. В тохарском А глагол 1 л. ед. ч. *šwāt* родственен ц.-слав. (сербск. изв.) *жвати* (м. *пржѣсвати*), др.-рус. *отрыжа жветъ* = *ἀνάγειν μρηκιστόν* болг. *прежѣвам*, словен. *preživati* 'пережевывать', др.-чеш. *žvāti*, польск. *żuć*, в.-луж. *žwać*, полаб. *zāvat*, рус. *жевать*, укр. *жýти*, *жувати*, латыш. *žaināt* 'быстро и жадно есть', 'много есть', 'медленно есть' (последнее значение дифференцируется характером ударения: Mülenbachs — Endzeļins 1929—1932, IV, с. 791), *žaiņas* 'жабры: челюсти; пасть' (пейоратив.); лит. *žiūna* 'челюсть' (диал.), *žiūnos* 'жабры, челюсти' (Būga 1961, III, с. 659), др.-в.-нем. *kiuwan* 'жевать'.

Соотношение между славянским глаголом на *-ā-* и общетохарским (тох. В *šwātsi*, А *šwātsi*) полностью аналогично соотношению ст.-слав. *звати* и тох. В *kwā-* 'звать' (Krause — Thomas 1960, 1, с. 203, § 366; Adams 1978, с. 279), ср. др.-инд. *hvā-* (*:hū-* 'звать') и представляет значительный интерес для исследования основ на **-ā-*, сыгравших существенную роль в становлении системы временных и модальных форм в западноиндоевропейском. Наряду с глаголом *šūwa-* < **ǵy(e)w-oH-* в тохарском представлен и другой глагол, от которого образуются формы претерита и конъюнктива: тох. А *tāp-*. Оба глагола и их противопоставление возво-

⁶ Данные внешней реконструкции подтверждают обычное для этимологических словарей (Рокогноу 1959, с. 287—288) восстановление общего значения **ed-* 'есть', см. Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 273—274: алт. **idā-* 'есть': сем.-хамит. *'ji/tj'* 'есть' < ностр. **pitā* 'есть'.

дятся к общетохарскому, ср. тох. В наст. вр. *šwam*, опат. *tappom*. Второй глагол родствен лат. *daps* 'священный пир' (ср. *Iupiter dapalis* и тох. А *tāpal*, отглагольное имя на -l, в том числе в значении 'еда', Thomas 1952, с. 62; Иванов 1969), ср. глагол *dapinare* 'устраивать царственное угощение' (Pl., Capt., 897; Benveniste 1966, с. 324), греч. гомер. δάπτω 'пожирать' (об огне), Ψ 183, др.-исл. *tajfn* 'жертвенное животное', др.-арм. *tawn* 'праздник'. Судя по согласному свидетельству диалектов древнеевропейского и греческо-армянского ареалов это — древний ритуальный термин, связанный с едой. В тохарском он образует грамматическую оппозицию к глаголу *šw(a)-*, аналогичную соотношению тох. А *nasam* (*no-es-, гл. 2, § 2) и *tākā* (*dheH-). Иначе говоря, по грамматической роли в тохарском *šw(ā)-* аналогичен глаголам первой серии (или длительным), *tap-* — глаголам второй серии⁷. Сопоставление *šu-* с глаголом *ed-mi, вытекающее из этих функциональных соотношений, подкрепляется фактами лингвистической географии: глагол обнаруживается в тех языках (латышском, славянском, тохарском), которые утратили старое название зуба *(e)d^h/ont-: латыш. *zobs*, слав. *zqbъ, тох. А *kam*, В *keme* 'зуб'. Следовательно, замена старого названия зуба (Порциг 1964, с. 273) была связана и с изменением в семантическом поле 'челюсть' — 'жевать' — 'есть'. Поскольку к этой же ареальной группе относятся и албанский (*dhëmb* 'зуб', ср. макед. *xóμφοуc*: *δδόνταc*, *γομφίουc* Гес.), представляется возможным поставить вопрос об этимологической связи с тох. *šwā-* и алб. *ha-* 'есть' где *h-* возводил к звонкому индоевропейскому гуттуральному Пизани (Pisani 1959, с. 110). Парадигматическое противопоставление алб. *ha* (наст. вр.), *haja* (имперф.) — *hëngra* (аорист) аналогично оппозиции глаголов *šwā-*: *tap* в тохарском. Алб. аор. *hëngra* был отождествлен Педерсеном с арм. аор. *e-ker*, противопоставленным наст. вр. *utem* 'я ем' (< **ōd-*, **ed-*, Pedersen 1899, с. 341; Pisani 1959, с. 110; Иванов 1979, с. 59). В *hëngra* Педерсен и Пизани предположили аорист с аугментом (форма с *h-* соответствует предположению Хэмпа, Напш 1965, о сохранении в албанском ларингального *H- в начальной позиции, ср. праформу ностр. *Hi > и.-е. *H₁e*, восстанавливаемую для аугмента: Иллич-Свитыч 1971, с. 250, там же об объяснении -ē- в балтийском пр. вр. и славянском имперфекте).

Сопоставление с изменением названия зуба *(e)d^h/ont- убедительно свидетельствует о том, что в тохарском осуществилась лексическая инновация и по отношению к глаголу **ed-*, от которого образовано это название (возможность его косвенного следа в привативном тох. А *nätsw-*, В *mätsts-* 'умирать с голоду'

⁷ В тох. А *tār-* представлен долгий гласный, характерный для типа с редуцированными причастием: *tāppi* < *tatpu (Krause—Thomas 1960, 1, § 438), что может быть сопоставлено с формами типа др.-инд. *āda*, др.-ирл. *-ēod*. Глагол *šu* спрягается по V классу (основа на -ā-) в обоих языках: тох. В 3 л. ед. ч. и мн. ч. *šūwam*, А ед. ч. *šwāš* (там же, с. 203, § 366. 1).

< **n-ed-t-*, Van Windekens 1976, с. 316—317, поддерживается сравнением с греч. гомер. *νῆστις* 'натошак, неевши', Т 156, с 370 < *n-ed-ti, Bader 1977, с. 87). Если *su-* в значении 'есть' из 'жевать, двигать челюстями' представляет собой явную лексическую инновацию (в частности, восточно-балтийско-тохарскую), то в глаголе **tāp-* отразился архаический обрядовый термин ('съесть на обрядовом празднике'), образовавший грамматический коррелят к первому глаголу.

Сопоставление соотношений в греческом и армянском, с одной стороны, албанском и тохарском, с другой, важно потому, что оно показывает устойчивость типа корневого противопоставления длительных глаголов и глаголов, восходящих ко второй серии, даже и в тех диалектах, которые находятся за пределами греческо-арийского ареала. Поскольку в албанской и тохарской парадигмах глагола бытия первый член противопоставления продолжает и.-е. **es-*, можно думать, что и в парадигмах глаголов со значением 'есть' при всех лексических инновациях сохранена модель, общая для всех указанных диалектов. Длительный глагол мог заменяться другим словом, но оно продолжало образовывать формы, грамматически противопоставленные аористу или претериту и некоторым неизъявительным наклонениям.

§ 4. Супплетивные соотношения в парадигме глагола 'идти'

С типологической точки зрения вывод о сущестъсрании в общеевропейском инактивной (медиальной) серии форм от глагола 'идти' предполагается типологическими данными о языках активного типа, где, как в гуарани, глагол 'идти' принадлежит к числу инактивных. При этом он может трансформироваться в активный, присоединяя специфические показатели (ср. Ruiz — Platzmann 1878, с. 95—97; Platzmann 1874, с. 177). Процесс, описываемый как постепенный переход форм второй серии глаголов **ei-/i-* 'идти' в формы первой (Bader 1976, с. 108, ср. гл. 2, § 4) с синхронной точки зрения может быть связан с такими трансформациями. Но как и по отношению к другим рассмотренным выше глаголам, затруднительным оказывается выявление общеевропейских корневых грамматических дублетов к **ei-*, хотя они и существовали в определенных диалектных ареалах.

Исключительный интерес с этой точки зрения представляет отражение в латышском противопоставлении глагола **ei-/i-*, от которого образуются формы настоящего времени, и глагола *gāju*, от которого образуется прошедшее время к **ei-*. Соотношение латыш. диал. *eīti* : *gāju* (ср. лит. диал. *gōti*) воспроизводит на уровне противопоставления времен (настоящего и прошедшего), то общеевропейское различие двух этих глаголов, которое в греческо-армяно-арийской диалектной группе реализуется в качестве различения длительного и аористического корней.

В древнеиндийском *gā-* 'идти' принадлежит к числу характерных аористических корней, образующих в ведийском только корневой аорист (и некоторые весьма архаические формы сигматического типа: *agiṣṭhās, aṅṣata, geṣam, geṣma*, того же типа, что *yeṣam* от *i-*, см. Whitney 1962, с. 317, § 884, с. 319, § 894с) и редуцированное настоящее время *jigāti*, означающее «процесс хождения, как состоящий из отдельных однократных движений, в то время как *eti* представляет процесс как единое действие» (Елизаренкова 1961, с. 145), ср. *sómā jigāti gītuvid devānam eti niṣkṛtām* 'шагает (*jigāti*) Сома, находящий (свободный) путь (*gātu-* от *gā-*), он проникает (*eti*) к месту свидания богов' (RV 296, 13), ср. греч. дор. βίβαυμι 'идут'. В гомеровском языке корневой аорист ἐῖπον (при сигматическом аористе ἐῖπον с «эффективным» значением в смысле Келльна, Kelln 1969, ср. сигматическое будущее βήσομαι) противопоставлен настоящему времени с носовым суффиксом βίνω, что структурно аналогично оппозиции *einu : *gāju* в латышских диалектах (при различии корня, но не типа образования в первом члене противопоставления).

Поскольку данное греческо-латышское соответствие могло бы помочь в выяснении предыстории восточно-балтийской формы *einu, существенным представляется наличие сходного противопоставления прошедшего времени и основы настоящего времени с носовым аффиксом в тохарском глаголе, родственном (в конечном счете) латыш. *gāju*. Тох. В *kamau* 'я пришел' (1 л. ед. ч. пр. вр.), *sem* (3 л.) противопоставлено общетохарским формам настоящего времени с носовым аффиксом в сочетании с сигматическим: тох. В *kānmaṣṣām*, А *kumnāṣ* (ср. сигматическую форму от др. хет. *iyannai-*). Архаизм тохарских форм прошедшего времени от этого корня подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, в форме *sem*, по-видимому, представлен долгий гласный, характерный и для этимологической соответствующей латинской формы (с носовым суффиксом) *venit* (Krause — Thomas 1960, 1, с. 56, § 29.2, с. 253, § 452.2), *venimus*, ср. гот. *gemit* и т. п. Во-вторых, в аномальной форме тох. В 1 л. мн. ч. *ekmem*, где выделяется префикс *-e*, функция которого точно не определена (собирательный по Винтеру, Winter 1952, с. 188, 190; интенсивный по Ван Виндекенсу, Van Windekens 1968, с. 416; 1976, с. 242), представляется возможным предположить единственный в тохарском след аугмента⁸. В этом случае *e-* в тох. В *ekmem* оказалось бы

⁸ Признавая трудность допущения наличия аугмента на основании только одной формы, тем не менее можно отметить, что и в албанском, ранняя глагольная система в структуре оппозиции вдовременных форм которого обнаруживает общие черты с тохарским, сохраняется, очевидно, только одна форма с аугментом *hēngra*, см. § 3. Вместе с тем сохранение морфологических архаизмов в аялауте (при разрушении конца слова) подтверждено исследованием привативного префикса: Van Brock 1971. Хотя предлагаемые объяснения расширяют круг языков, в которых имелся аугмент, тем не менее акцентологических данных пока недостаточно для признания его существования и в балтийском (Напр 1978).

возможным отождествить с др.-арм. *-e-* в формах аориста типа *ekn* (3 л. ед. ч.) < **e-g^weN* < **e-g^wem* (Meillet 1936, с. 134—135), выступающих в качестве супплетивного аориста от *gam* 'я иду' (лат. *vādo*, др.-англ. *wadan*).

Основа **g^wem-* представлена в балтийском в специализированном значении 'рождаться': лит. *gimtī*, латыш. *dzimt*, прус. *gemton*, *gimsenin* 'рождение' (отглагольное производное с суф. *-sen-*, чрезвычайно продуктивным в балтийском в раннюю эпоху, ср. хет. *-eššar*, *-ešn*, Иванов 1957; ср. *antersgimsennien* 'второе рождение', *etgimsannien* 'возрождение', Schmalstieg 1974, с. 55; Топоров 1979, II, с. 104, 204—205), ср. к семантике латыш. *tam dēli (meitas) atskreĵa* 'у него родился (буквально: к нему прибежал) сын (дочь)', а также в производных от **g^wem-* (др.-исл. *komma til* 'являться (приходить) на свет', алб. *pre-gijm = preg'im* 'пир по случаю рождения ребенка', Mūlenbachs — Endzelīns 1923—1925, I, с. 550), авест. *ni-jāmayeinti* (Yašt 17, 59). Латышские формы *dzemu:dzimu* (нулевая огласовка претерита на *-ā*), арх. лит. *gimau* Станг рассматривал как продолжение древних аористических типа арм. *ekn* (Stang 1966, с. 337, 379). Следовательно, можно думать, что в латышском отразились оба варианта аористического корня **g^wā-/g^wem-* так же, как и в древнеиндийском.

Отличие тохарской и армянской форм, используемых сходно с корневым аористом от **g^wa-* в греческо-арийском, заключается, однако, в структуре основы. Основа **g^wem-* в тохарском и армянском, находящая соответствие также в лат. *venio*, *vēnit*, *vēnimus*, гот. *qīman*, *qēmtit* и в параллельной к *gā-* ведийской форме *gam-* (также аористический корень с настоящим временем на **-sk-* > *-cch-* : *gacchati*), авест. *frā-γmat*, относится к **g^wā-*, отраженному в греческо-арийском и восточно-балтийском, так же, как тох. А *štām-*, В *štām-* 'быть на поверхности, быть' к др.-инд. *sthā-* 'стоять', тох. А *tam-* 'рождать' к др.-инд. *dhā-*, Winter 1962, с. 27; Watkins 1969, с. 71, § 51. В этом смысле латышская система форм ближе к арийской, чем тохарская и армянская, но в балтийском два варианта корня **g^wem-* : **g^wā-* противопоставлены семантически. Отношение формы на *-j-* в латыш. *gāju* к аористическим корням с исходом на долгий гласный в греческо-арийском точно соответствует закономерным продолжениям в балтийском других индоевропейских глаголов второй серии с такой структурой корня (гл. 3, § 1—4). Однако из этого нельзя делать вывода о том, что латыш. *gāju* продолжает старый корневой аорист типа др.-инд. *āgāt* (Stang 1942, с. 190, 201; 1966, с. 391; Watkins 1969, с. 215, § 207). В балтийском нельзя доказать наличие именно аориста (см. гл. 1, § 10), противопоставленного соответствующим формам настоящего времени. Поэтому точнее было бы сказать, что в восточно-балтийском отражено употребление глагола второй серии **g^wā-* < **g^waH-* в функции, близкой к роли форм прошедшего времени в тохарском, восходящих ко второй серии и противопоставляемых (как и в восточно-балтийском) формам второй серии

с носовым показателем. Сведение же глагола *ei-/i- или других синонимичных глаголов движения с этими формами второй серии в одну супплетивную парадигму явилось результатом позднейшего развития каждого из тех индоевропейских диалектов, где представлено *g^wā/-*g^wem- в этой специфической видо-временной функции.

При этом для латышского (как и для греческо-арийского, где корень выступает в той же форме с долгим гласным, и для армянского) характерно значение *g^wā- 'идти', тогда как тохарский и «древнеевропейские» языки обнаруживают значение 'приходить', ср. возможность развития значений 'идти' < 'приходить' и для *ei-/i- (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 266).

Парадигма глагола 'идти' в тохарском (как и в кельтском) образуется путем супплетивного соединения нескольких глагольных корней. Сходство с тохарской парадигмой глагола бытия заключается в использовании нулевой ступени первоначального индоевропейского корня (*s-, *i-) для образования архаических форм оптатива (> имперфекта): тох. А *yaim* 'я шел', 2 л. *yait*, 3 л. *yai(yey)*, В *yem, yet, yeş* при аналогичных тох. А *šaim, šait, šai*, В *šem, šet, šeş*. В парадигме глагола бытия эти формы противопоставлены настоящему времени, имеющему в некоторых лицах ту же нулевую огласовку (*no-s). Так же и в парадигме глагола 'идти' настоящее время имеет нулевую огласовку не только в приведенных формах с носовым суффиксом, но и в формах типа 3 л. мн. ч. тох. А *yūis*. Формы же претерита глагола 'идти' не возводятся к общетохарскому, так как они образуются от разных корней в каждом из диалектов: в тохарском А — от *kālk-*, в тохарском В — от *mas-*. К раннему диалектному индоевропейскому состоянию возводится только самый принцип противопоставления системы настоящего времени (включая и оптатив) и форм второй серии. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о второй серии, а не о перфекте (ср. гл. 1, § 7). Поэтому по существу неверно утверждение Мейе о том, что отсутствие у ст.-сл. ижд, ити причастия прошедшего времени, заменяемого супплетивной формой шадъ, связано с тем, что «индоевропейский корень *ei- 'идти' не допускал перфекта» (Мейе 1951, с. 209). Формы типа др.-инд. *iṅ-āya*, 3 л. мн. ч. *iṅiḥ* представляют собой архаический перфект к *i-* (Thumb — Hauschild 1959, II, с. 284—285); сопоставление с греч. *ῥία*, лат. *iī* и другими приведенными формами делает несомненным наличие перфектных форм от *ei- (как и от *es-, гл. 2, § 2, *ed-, гл. 2, § 3, ср. др.-инд. *āsa, āda* и т. п.) в тех диалектах, которые развили перфект из второй серии форм (ср. лув. *iḫa*, прош. вр. 1 л. ед. ч. < *(e)iHo).

Оппозиция же, о которой писал Мейе, заключается не в противопоставлении перфекта и настоящего времени, а в различении инактивных (медиальных в широком смысле слова) форм второй серии и форм первой серии. Поэтому привлекаемое Мейе при реконструкции предьстории славянских форм противопоставление

греч. εἶμι 'иду' (наст. вр.) и перфекта ἐλήλυθα '(в языке Гомера супплетивный перфект к ἔρχομαι 'иду') в древнеирландском отражается в оппозиции форм настоящего времени *tiagu* 'я иду' (основа, соответствующая корню в основе на носовой ст.-слав. стигнж, др.-инд. *stighnoti* 'он поднимается') и родственных ἐλήλυθα форм повествовательного прошедшего от *luid*, мн. ч. 1 л. *lodmar*, 3 л. *lotar*, абс. *lotir*. Эти характерные кельтские формы на -r второй серии родственны тох. В 1 л. ед. ч. *latau*, 2 л. *lät*, 3 л. *lac* (ср. Watkins 1969, с. 64; Adams 1978, с. 284), тох. А *leā*, подтверждающим принадлежность корневых форм второй серии (наст. вр. образуется в тохарском с помощью носового инфикса и суффикса -s-, ср. удвоение в тох. А прич. *lalt-u*, сходное с перфектной редупликацией в греческом). В ту же кельтскую парадигму, отличающуюся исключительной сложностью⁹, включена родственная ἔρχομαι основа **erg, eirg*, от которой образуются некоторые формы будущего времени.

В подобных случаях супплетивизма парадигмы глагола 'ходить' в отдельных диалектах конкретные члены парадигмы могут различаться, но обычно еще прослеживается оппозиция форм, выводимых к двум сериям.

Так, в частности, может быть объяснено и происхождение славянской оппозиции форм, одна из которых была образована от *ei (-*dh-*) и была связана с системой настоящего времени, а другая — с причастием прошедшего (и с итеративом от другого корня, Мейе 1951, с. 191, § 249, ср. к семантике параллелизм итеративов на *-s- и сигматических форм второй серии, осмысляемых как аористические): *sbd/**xid-*, алломорф к **xod-*, Schmalstieg 1960; 1976, с. 162, 290, прим. 33 < и.-е. *sed-* ('идти', Pokorny 1959, с. 889; Watkins 1971, с. 1537, 'передвигаться', 'сидя в повозке', Фасмер — Трубачев 1973, IV, с. 253, ср. выше о значении синонимичной формы второй серии **yoH-*) или и.-е. **syed-* (предполагается на основании др.-инд. *asidati* 'он подходит', Thumb — Hauschild 1959, II, с. 330; форма могла бы привести к значительно более простому объяснению праславянских форм).

При лексическом различии противопоставляемых основ те же исходные оппозиции двух серий, переосмысленных во временном плане, отображаются в различии древнегерманских форм второй

⁹ См., кроме литературы об этом супплетивизме, указанной в работе Bader 1976, с. 108, прим. 409: Thurneysen 1946, с. 473, 769 (с этимологией отдельных членов парадигмы) и Льюис—Педрсен 1954, с. 307, § 420 (тохарские формы не были еще учтены). Перфектные формы парадигмы образуются супплетивно от и.-е. **wedh-* (др.-ирл. *fed-*).

¹⁰ Если вопрос о единичных формах типа алб. *hëngra*, тох. В *ekmet* на границе аугментного ареала индоевропейских диалектов может быть поставлен, заслуживало бы внимание и давно предложенное сопоставление гот. *iddja*, др.-англ. *eðde* с др.-инд. *ayām* 'я ехал', но с тем существенным отличием, что исходную форму типа **e-ou-(H)e* (ср. Cowgill 1960 с объяснением этой праформы из редупликации при отвержении возможности единичного отражения аугмента в германском) следовало бы признать результатом ком-

серии типа гот. *iddja*¹⁰ и редуцированной основы наст. вр. типа гот. *gaggan*, от которой не образовывалось прошедшего времени¹¹ (традиционное объяснение утратой *gaigagg, Врбауне — Helm 1952, с. 100, § 179, прим. 3, с. 113, § 207, не состоятельно, ср. о др.-исл. *ganga* : *geng* Krause 1948, с. 93, § 144; Heusler 1913, с. 104—105). Архаическая форма основы настоящего времени, отраженная в гот. *gaggan*, др.-исл. *ganga*, др.-англ. *zānzan*, др.-в.-нем. *gangan* по ее функции в древнегерманском (ср. Смирницкая 1977) противопоставлении может рассматриваться как типичная форма первой серии (см. о спряжении Sievers — Brunner 1951, с. 337, § 394, прим. 5), хотя огласовка *o, как и в других германских непереходных глаголах движения, может быть вторичной (Hiersche 1963; Иванов 1965, с. 22). Это подтверждается ее этимологическим сближением со старолитовским атематическим глаголом *žėngti* (см. об огласовке в этой форме гл. 3, § 5), засвидетельствованным в форме 3 л. в переводе Библии Хилинского (Stang 1962, с. 162, 164; 1966, с. 310, 312, 317; до работы Станга форма не отмечалась). Лит. *žėngia*, *žėngė*, *žėngti* 'шагать, ступать, шествовать, продвигаться, ходить, идти вперед, грядти, возноситься' (ср. *žangstijti* 'шагать (множественно), ступать') находит соответствие в латыш. *ziet* 'преступить, согрешить', возвр. *zietlēts* (ср. *ziegs* 'прегрешение').

Отражение родового этому глаголу названия 'косточки ноги' в авест. *zanga-*, др.-инд. *janghā* 'голень' (вероятное древнее отглагольное производное) делает возможным и наличие в древности в восточно-балтийском и германском слове архаического глагола движения. При крайне слабой документированности атематической формы *žėngti* в старолитовском нельзя исключать возможности ее вторичного уподобления типу спряжения ст.-лит. *eiti*, что предполагал Станг. Но более реальным представляется другое предположение: оба эти глагола могли входить в одно семантическое поле, члены которого имели сходный тип словоупотребления.

В древнегерманском соотношении типа гот. *iddja*: *gaggan* формы от **ei-i-* относятся ко второй серии, а не к первой, как, например, тох. *A yūñs*. Соответственно их функция прямо противоположна: в готском — претерит, но не настоящее время, в тохарском (как и в латышском) — настоящее время, а не претерит.

Аналогичное соотношение инверсии значений имеет место и

бинации аугмента *e с формой второй серии *ouHe (вторичность формы типа др.-инд. *a-yā-m* представляется несомненной в свете представления о исходном индоевропейском спряжении глагола, давшем др.-инд. *yā-* 'ехать').

¹¹ Гот. *gaggida* (= ἐπιπορεύθη Еванг. от Луки, XIX, 12) является новообразованием, доказывающим и сравнительно поздний характер построения прошедшего времени по модели VII класса сильных глаголов в скандинавских (др.-исл. *gekk*) и западно-германском (др.-в.-нем. *gieng*, др.-сакс., др.-фриз. *geng*).

в алб. *erdh-* — супплетивном глаголе со значением аориста от *vij-* 'приходить' (*vij*), родственном греч. гом. ἔρχομαι (Pisani 1959, с. 119), др.-ирл. *erg*. Греч. гомер. наст. вр. ἔρχομαι 'иду' в противопоставлении аористу ἦλθον, ἤλυθον играет роль, обратную роли албанского аориста *erdha* от *vij*. Первичность распределения значений в греческой парадигме ἔρχομαι следует из совпадения с др.-арм. *ert'am* 'я иду' (см. о сближении с ἔρχομαι Ачарян 1973, II, с. 53), образующем супплетивный аорист от *č'og-* (см. Eichner 1978, с. 150, примеч. 27, ср. др.-инд. *cyávate* 'двигаться', авест. *š(y)avaite* 'отправляться в путь', др.-перс. *ušiyavam* 'шел походом', греч. гом. σείω 'машу, бросаю', аорист ἔσώμεν). Хотя соотношения в этом противопоставлении в албанском перевернуты, не подлежит сомнению, что и в этой парадигме албанский сохранил следы тех же ранних соотношений, которые сказались в армянском и греческом.

Некоторые архаичные сигматические формы и основы с суффиксами *-s- и *-sĕ- в балтийском, славянском, фригийском и албанском

§ 1. Сигматический показатель в тематическом оптативе

Прус. 2 л. мн. ч. повел. накл. *seiti* (2 раза), *seiti* (5 раз) представляет собой древнее оптативное образование, в котором за нулевой ступенью корня (в других личных формах глагола **es-* в прусском не представленных) следует суффикс оптатива *-e/o-* и общиндоевропейское (и балтийское) окончание 2 л. мн. ч. *-*te* : **s-e/o-i-te* (ср. к семантике гот. 2 л. мн. ч. опт. *sijaiþ* — часто в функции повел. накл., Braune — Helm 1952, с. 112, § 204, прим. 2), ср. форму 3 л. *seisei* от той же основы *sei-* с сигматическим окончанием прусского оптатива (Stang 1942, с. 268; 1966, с. 441) на *-sei*: *Deiws seisei tabbei Grikenikan etnijwings*. — ‘Gott sey dir genedig’.

Замечательной особенностью этих форм, оставшейся до сих пор неразъясненной (ср. Stang 1966, с. 439, с отказом от прежних объяснений), является то, что в ней индоевропейский суффикс оптатива (желательного наклонения) выступает в тематической форме *-*oi-*, а не в вариантах *-*yeH-* (ед. ч.): *-*yH-* (мн. ч.), обычных для парадигм атематических глаголов: др.-инд. *s-yā-m*, 1 л. ед. ч. *s-īya-t*, 3 л. ед. ч., *s-iy-uh*, 3 л. мн. ч.; ст.-лат. *siem*, 1 л. ед. ч., *siet*, 3 л. ед. ч. *sied* в надписи из Дуэноса, Эрну 1950, с. 149, 212, 276; при 1 л. мн. ч. *s-ī-mus*, 2 л. мн. ч. *sītis*, 3 л. мн. ч. *sient* у Плавта, см. Safarewicz 1969, с. 231, § 275, греч. εἶτην < *es-īeH-m, εἶμεν < *es-īH-men. Формальное сравнение прусской формы *seiti* с гот. *sijaiþ* (Schmalstieg 1974, с. 212), вводит в заблуждение, поскольку готский сохраняет особенности атематического типа (Прокош 1954, с. 235, § 75а). Единственным простым объяснением прусских форм было бы признание отражения в них тематического типа образования, ср. архаическую парадигму тематического конъюнктива *esō, **esei(s)*, *esei, реконструируемую для греч. конъюнкт. εῶ, ἦς, ἦ на основании соответствий типа греч. гом. εῶ = =лат. *erō* =гат. авест. *ahñā* =др.-ирл. *b-éo*, ср. ст.-лат. *esed* в надписи на форуме, Эрну 1950, с. 149, 279, вед. *asat* (Watkins 1969, с. 124—125, § 111; с. 61, § 39), с одной стороны, и отмеченные выше свидетельства тематического типа образования наст. вр.

*soH₂o > тох. В -*sau* (Bader 1976; 1978) — с другой; в таком случае основа *sei-* в прус. *sēiti, seiti* отражает индоевропейский тип тематических форм опатива на *-*oi-* (Мейе 1938, с. 238); на основании сравнения ряда чрезвычайно архаических форм Уоткинс реконструировал древний тематический опатив, по которому образовывались в наиболее древних текстах формы опатива даже от таких корней, которые в других случаях (в аористе и настоящем времени) ведут себя как атематические (Watkins 1969, с. 232—233, § 229—230). Реконструированная Уоткинсом парадигма выглядит так:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	- <i>oi- Ho</i>	- <i>io-me/o</i>
2 л.	- <i>oi (-tHo)</i>	- <i>oi-te</i>
3 л.	- <i>oi</i>	- <i>oi-ro</i>

К форме 2 л. ед. ч. этой парадигмы по гипотезе Уоткинса может восходить старолитовский императив на -*t¹*, слав. -*i*, к 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. соответственно слав. -*ěmъ, -ěte* (Watkins 1969, с. 232). Предположение об отражении в славянской группе форм древнего опатива на *-*oi-* общепринято, что же касается старолитовских форм, их объяснение, как и объяснение родственных им форм пермиссива на -*i*, из опатива принималось Стангом, который, однако, допускал преобразование опатива атематического индоевропейского типа, хотя он и признавал смешение с тематическим типом (Stang 1942, с. 244—247; 1966, с. 422—426).

Старолитовские формы 3 л. пермиссива от **es-* у Даукши (Senn 1934—1935, с. 86; 1966, с. 289) передаются как *te ėssi, tegi ėssi, tessi, tėsi* (Daukša «Postilla» 180₂₀: *tesī nukryžiavotas*), *tėssi, tesig* (там же, 407₄₀: *tėsig pagārbintas Vieszpats*). Это указывает по-видимому, на наличие неаккутированного окончания -*i* (Stang 1942, с. 244; 1966, с. 423), так как перенос ударения по закону де Соссюра не осуществлялся. В старолитовских (и диалектных литовских, ср. Kardelytė 1957) формах императива-пермиссива (древнего опатива) 2 л. ед. ч. и 3 л. на *-*oi-* можно видеть прямое отражение парадигмы, реконструированной для архаического индоевропейского опатива Уоткинсом. Тем самым оправдывается высказанное выше предположение, согласно которому прус. *sēiti, seiti* отражает форму 2 л. мн. ч. той же парадигмы на *-*oi-te*. Это позволяет сделать и следующий шаг в объяснении рефлексов тематического опатива в прусском. Загадочная форма 3 л. *seisei* объясняется как сигматическая форма тематического опатива, непосредственно продолжающая «тематический прекатив» на *-*oi-s*, реконструированный Уоткинсом на основании архаических ведийских форм (Watkins 1969, с. 235, см. о древнеиндийском пре-

¹ Это допущение Уоткинса позволяет выявить противоречие к реконструируемой им для балтийского системы: во 2 л. ед. ч. для балтийского *-*iHo* вообще не восстанавливается, ему всегда соответствует по функции *-*ei* (см. гл. 1, § 8).

кативе Burrow 1954; Барроу 1976, с. 328—329). Сигматическая форма этого типа от нулевой ступени корня **es-* засвидетельствована в тох. А 3 л. ед. ч. имперф. *seš* < **s-e/oi-s-e* 'он был' (тембр *e в суффиксе предполагается палатализацией *s* в родственном тох. В *šai, šey*, где сохранен дифтонг, в тохарском А стянувшийся в *-e* < *-ai-*, *-ey-*; редукция конечного *e, палатализовавшего конечное *s*, аналогична случаям типа тох. В *piš* 'пять' < **penh^ke*, Van Windekens 1976, с. 130, § 421; редукция и палатализация не учтена Уоткинсом, Watkins 1969, с. 201, 204, § 190, 194, где объяснение тохарских форм и особенно *-š* искусственно). Согласно общепринятой точке зрения, эта имперфектная форма в тохарском восходит к индоевропейскому оптативу (Лейн 1959, с. 122; Pedersen 1941, с. 204; Couvreur 1938a, с. 247—248, Иванов 1959, с. 33), что отвечает общей закономерности, выявленной в большом числе языков, в частности франкских и индийских (Benveniste 1951; Rysiewicz 1956; Фрейман 1951, с. 20; 1957; Эдельман 1975, с. 423). В более общем виде речь идет о том, что в тохарском при формировании временной системы были использованы в функции имперфекта формы, в индоевропейском имевшие преимущественно модальное значение (см. о категории времени—наклонения выше, гл. 1, § 5, 6).

Пратохарская форма 3 л. ед. ч. оптатива **s-e/oi-s-e*, точно соответствующая прус. *seisei*, относится к числу тех наиболее архаических индоевропейских сигматических образований, в которых еще отчетливо прослеживается их связь, во-первых, со второй серией индоевропейских глагольных форм, во-вторых, с 3 л. ед. ч., которым в наиболее архаичных парадигмах этого типа ограничивается употребление сигматического показателя (Burrow 1954; Watkins 1969, с. 235; Bader 1978). В тохарской А парадигме имперфекта (архаизм которой обнаруживается в ее аномальности) сигматический показатель *-š* (< *s-e) выступает только в 3 л. ед. ч. Это представляется существенным доводом для сравнения с дефектной парадигмой прусского оптатива на *-sei*, представленной только в 3 л. ед. ч. Тип образования на **-s-e* (прус. *-sei*, 14 раз, *-se*, 9 раз, *-sai*, 3 раза, *-si*, 2 раза), объединяющий прусский с тохарским, в точности соответствует древнейшему сигматическому типу индоевропейских форм 3 л. ед. ч. второй серии (Bader 1978, с. 34 и след.). Многократно ставившийся вопрос о возможности сопоставления прусских форм с сигматическим аористом и будущим временем получает свое решение: в прусском отражены более архаические формы, предшествовавшие грамматикализации аориста.

Представляется целесообразным сравнить параллельное образование в прусском формы древнего сигматического тематического оптатива *seisei* и, по-видимому, вторичной по отношению к ней формы (*boūsei*), выступающей в контекстах типа: *Seiti pomettwingi. . . sta bousei stesmu Waldniku. . .* ('Seyd underthan. . . Es sey dem Koenige', III, 59,1; контекст важен соположением проанализированной выше формы древнего тематического оптатива

seiti и *bousei*). Поскольку немецкие соответствия указывают на модальный характер форм, определение их с синхронной точки зрения можно считать в основных чертах выясненным (Schmid 1963, с. 50—51; Топоров 1975, I, с. 272—273 и указанная там литература).

Диахроническое истолкование может основываться на сравнении с прус. *seisei* < **s-ei-s-e(i)*, понимаемым как древний тематический опатив. Соответствующие тематические формы прекатива от *bhū-* в ведийском представляют собой наиболее известный пример архаических парадигм с сигматическим показателем в форме 3 л. (и позднее 2 л.) ед. ч. *bhūyās* (Burgow 1954, с. 35—37); Елизаренкова 1960, с. 69, 83, 110, ср. с. 50 о семантике модальных форм от *bhū-*. Но прус. *boūsei* сходно с прус. *seisei* и др.-инд. *bhuyās* только самим сигматическим показателем, характерным для 3 л.; суффикс же опатива в *boūsei* отсутствует. В этом смысле оправданно сопоставление *boūsei* с восточно-балтийским сигматическим будущим временем — лит. *būs*, латыш. *būs* (Stang 1942, с. 268; 1966, с. 442—443, Schmid 1963, с. 50—51) и с оск. имп. копъюн. *fusid*, оск.-умбр. *fust*, буд. вр. (см. об истории форм от **bhū-* и **es-* в итальянском Watkins 1969, с. 150, § 135, ср. также гл. 4, § 2). Особый интерес прусской сигматической формы (и других, ей аналогичных) заключается в ее ограниченности 3 л., в чем можно было бы видеть глубокий архаизм, говорящий в пользу ее связи с теми формами 2 серии, для которых специфичен показатель *s (Bader 1978, ср. выше, гл. 1, § 10). Поскольку сигматический аорист (а в других языках — сигматическое будущее время, находящееся с ним в дополнительном распределении, ср. о славянском сигматическом аористе и балтийском будущем времени: Stang 1966, с. 399, Watkins 1969, с. 216, § 209) развились из таких дефектных парадигм, где сигматический показатель еще не обобщен на всю парадигму, в прусском можно видеть отражение этапа, предшествовавшего становлению сигматического аориста. На этом этапе сигматические формы представлены, с одной стороны, дефектными парадигмами типа *boūsei*, с другой — словообразовательными сигматическими формами.

Существенный архаизм можно предположить и в прус. 3 л. опт. *pareysey*: *Pareysey noumans twayia ryeku*. Согласно объяснению, предложенному выше для прус. *seisei*, *boūsei*, в прус. *-eysey* можно было бы видеть след сигматической древней формы, соответствующей изолированной архаической форме ведийского прекатива *yesam* (Burgow 1954; Watkins 1969, с. 235, § 233; Whitney 1962, с. 319; § 894с: отмечается, что форма встречается один раз в «Ригведе») и столь же изолированной тохарской А форме 3 л. ед. ч. имп. *yeš* 'он шел' (из старого опатива, Лейн 1959, с. 422; Krause — Thomas 1960, 1, с. 217, § 392), ср. сигматический аорист от *yā-* в ведийском и соответствующее *-s-* также в формах 2 л.: лат. *-ieisti*, греч. *ἦειδα*, рассматриваемых как след архаических сигматических форм (первоначально медиальных), 2 серия от **ei/i-* (Bader 1976, с. 81, прим. 302; 1978, с. 30).

§ 2. Сигматические формы от *bhu-

Наглядным примером использования архаического суф. -s- в качестве словообразовательного в глагольных производных может служить основа, представленная в кашуб. в *b^ošni* 'гордый, надменный' (Lorentz 1958, 1; 77), рус. *бушевать* 'бурно расти' (СРНГ, 1968, 3, 331), *бухнуть* 'набухать', словен. *búhnuti* 'набухать'; чеш. *nabuchaný* 'дородный' при ряде производных от этого славянского глагола с приставкой *pro-* типа ст.-чеш. *probiučhný*. Соответствующие формы представлены в «Ригведе» (4 раза) в *pra-bhūṣ-* 'усиливать, укреплять' (Wright 1962), иран. *fra-buš-*, — греч. *προ-φύω* от *προ-φύω* 'рождаться ранее' (Топоров 1973, с. 154), также др.-ирл. *go-* + *bí* (Льюис — Педерсен 1954, с. 307, § 421; Thurneysen 1946, с. 103, 348, 476). Тем самым подтверждается архаизм соотношения ст.-слав. *взѣти*: *взѣшѣе*, *вѣшѣе* (прич. буд. вр.).

Следы связи с более древней дефектной сигматической парадигмой в славянском можно видеть во 2—3 л. ед. ч. аор. ст.-сл. *взѣтъ* (Топоров 1961, с. 69, Kølln 1961, с. 284; 1969, с. 22, 61, ср. там же с. 60 о гипотезе автора и Уоткинса относительно форм на -s). Слав. *bystь* предполагает архаическую медиальную форму 3 л. *bhuH-s-to, ср. к семантике характерный эквивалент ст.-слав. *вѣтъ* — греч. *ἔγενετο, γέγονε* (значительно реже *ἦν*) при презенсе несовершенного вида *вѣкаѣтъ* — *ἴγυεται* и презенсе совершенного вида *вѣдѣ* (которое может быть и несовершенным будущим — *ἔσονται*; ср. *жѣкѣ вѣдетѣ*, Иоанн, 6, 51, 68; ср. Ван Вейк 1957, с. 322, § 60; Stang 1942, с. 71). Оппозиция форм *вѣтъ* и *вѣдѣ*, *вѣтъ* по Келльну развилась из более древнего противопоставления состояния — стивности (*вѣдѣ* 'factum sum') инхоативности (*вѣтъ* 'eram'), Kølln 1969, с. 56—58. Акцентуационное противопоставление славянских причастных форм на -l, соответствующих ст.-слав. *вѣтъ* при рус. *был, была, было, не был*, чак. *dōbil, dobilā* (свидетельство древней окситонированной парадигмы, Stang 1957, с. 142; Garde 1976, 1, с. 183; Дыбо 1961, с. 31 и др., ср. прерывистую интонацию латыш. *bāt* как след древней подвижной парадигмы), с одной стороны, а *завѣ* (ср. Псалмы, IX, 13, 32; XVI, 10; Песни II, 18; Супр. 417¹⁰, 297¹⁶; Клоцов сб. II, 104) при рус. *забыла* и т. п. — с другой, Келльн интерпретирует как след древней оппозиции типа греч. *ἔφυν*: *ἔφουα* (с эффективным значением), Kølln 1969, с. 21—22. Тогда косвенным образом удастся продемонстрировать медиальное значение древнего первого члена оппозиции *взѣтъ*: (за-)вѣ, Kølln 1969, с. 22 (ср. к фонологической структуре за-вѣ Lunt 1974, с. 174, § 14, 22).

Таким образом, для форм от этого корня предполагается трехчленное противопоставление: *вѣтъ* (из древней медиальной формы): *вѣ* (из формы с позднейшим «эффективным» значением): *вѣ* (из древнего глагола состояния). Наличие такой серии основ, образованных от одного корня, по Мейе составлявшей характерную

черту индоевропейского глагола², может рассматриваться как глубокий архаизм данного фрагмента славянской глагольной системы (ср. синхронную характеристику парадигмы быти: Lunt 1974, с. 121, § 16.1). В гипотезе Кельна правильным представляется предположение, согласно которому славянская оппозиция основы на *-ē-* (вѣхъ) и аориста (вѣхъ) восходит к другому более древнему противопоставлению (хотя из этого нельзя делать вывод относительно наличия в древности аориста в балтийском, см. выше, гл. 1, § 11). Второй член этой оппозиции представлен в балтийских модальных формах и формах будущего времени.

Соответствующая слав. *běxъ, *bě основа отражена в прус. *bei*, *bei*, *bhe*. Следовательно, оставаясь в пределах достоверных морфологических соответствий, можно утверждать, что славянская оппозиция ст.-слав. вѣхъ : вѣхъ воспроизводит ту более древнюю, которая в прусском отражается в противопоставлении *bei* : *boiſei*. Судя по слав. *-ě-*, следует предположить основу на *-e-* стативных индоевропейских глаголов (ср. о них Wagner 1956; Pedersen 1941, с. 161—162; Лейн 1959, с. 131; Порциг 1964, с. 138 и сл., 161 и след.; Перельмутер 1977, с. 103—109; Watkins 1962, с. 70—71; 1973, с. возражением против точки зрения предшествующего автора).

§ 3. Сигматические формы от **ed-*

В силу особенностей структуры корня во многих индоевропейских языках, в том числе в балтийских, славянских, латинском, хеттском, формы от **-ed* с суф. **-s-* часто смешиваются с другими формами, где *-s-* возникает по морфонологическим законам (гл. 1, § 5; гл. 2, § 3). В частности, алломорф *ēs-* в латинских формах совпал с *ēs-* < **ed-s-* в *imperfectum subjunctivi* (*ēssem*, *ēssetur*), где долгота, по-видимому, имеет морфологическую функцию (ср. долготу в перфекте *ēd-i*, относящемся к числу архаических древнеиндоевропейских глагольных форм с долгим гласным в корне, ср. о балтийском и славянском Stang 1942, с. 193; иначе 1966, с. 389). Показатель *-s-* в имперфекте сослагательного наклонения типа *ēd-s-* может быть связан с другими итальяскими (Stolz — Debrunner — Schmid 1966, § 45, с. 33—34), а, следовательно, и индоевропейскими сигматическими глагольными формами. В частности, представляется возможным сравнить лат. *ēd-s-* с кельтскими формами сослагательного наклонения на *-s-* от *ed-* и со ст.-слав. *ѣсъ* (ѣсъ).

В диалектах, противопоставляющих грамматически (как греческо-армяно-арийская диалектная группа) длительные и аори-

² Мейе 1938, с. 427—428; Benveniste—Vendryes 1952, с. 11; Кузнецов 1953, с. 228, 250; 1953а, с. 211—212; Пизани 1956, с. 171; Kerns—Schwartz 1946; ср. к типологии Климов 1977, с. 216. Следует отметить особенно типологические параллели в таких языках, как тубу, где имеется разветвленная система независимых глагольных основ, соотносимых непосредственно только с корнем, Lukas 1953.

стические корни, **ed-* принадлежит к неаористическим корням (ср. характерное супплетивное образование аориста к греч. гом. ἐσθίω ἔφαγον, супплетивизм др.-арм. *utem*, образующего от **ed-* формы наст. вр., импер. и повел. н., а от **g^wer-* — др.-арм. *ker-* формы аориста, ср. др.-арм. *eker*, алб. *hëngra*, гл. 4, § 3). Поэтому с точки зрения классической индоевропеистики ст.-слав. *гъз* не может восходить к древним аористическим формам и должно описываться как повообразование (Мейе 1951, с. 161, § 205)³. Но эту славянскую аористическую форму естественно было бы вывести из древних сигматических форм на *-s-* или, большей частью медпальных (что согласуется с древнейшими особенностями сигматических форм, гл. 1, § 10), которые представлены в модальном значении лат. *essētur*, др.-ирл. *esur*, *estir* (Wb 6 b 24), *estar* (наст. вр. сослаг. накл., депонентный глагол с основой *ed-s-* Thurneysen 1946, с. 388, 390, 471; Льюис — Педерсен 1954, с. 361, 435, § 571)⁴. В кельтском формы сослагательного падежа на *-s-*, к которым относятся приведенные формы 3 л. ед. ч. от **ed-s-*, уже были сопоставлены с сигматическим аористом в других языках (Watkins 1962, с. 140). Вместе с тем некоторые славянские архаические парадигмы сигматического аориста типа *дахъ* в последнее время непосредственно сопоставляются с кельтскими сигматическими формами (Bader 1978, с. 41, прим. 77). Поэтому предлагаемое сближение славянских и кельтских сигматических образований от **ed-s-* не является изолированным, а входит в намечающуюся картину соотношений между глагольными системами этих диалектов.

В связи с этим может представить интерес и семантика кельтских образований от *ed-s-*: они употребляются со специфическими перфективирующими приставками. Глагол *ithim* в древнеирландском не используется с приставкой *ro-* (Льюис — Педерсен 1954, с. 308, § 422.8) < **pro-*, а в перфектном значении выступает со

³ По существу эта же точка зрения продолжается в недавнем интересном опыте классификации индоевропейских глаголов, преимущественно на основании акцентологических критериев, где предположено, что **ed-* входит в группу I класс, частично продолжающий в терминах настоящей работы первую серию, в отличие от II класса, куда входят такие характерные глаголы второй серии, как **bhuH-*), в славянском не характеризующуюся сигматическим аористом (Николаев — Старостин 1977, с. 53). По-видимому, классификация, рассматриваемая в этой последней работе, относится к хронологически значительно более позднему времени, когда образовалась система ряда форм, соотносившихся (как в древнеиндийском) с одним и тем же корнем.

⁴ В книге Уоткинса о сигматическом аористе, в целом представляющей собой шаг вперед в этом направлении, славянские, анатолийские и кельтские формы, восходящие к **ed-s-*, приводились в разных местах и вне связи друг с другом, Watkins 1962, с. 43, 78—80 и 128. После критических замечаний автора (Иванов 1965, с. 162, прим. 96), Уоткинс, согласившись с ними, процитировал кельтскую форму в следующей своей книге в разделе о хетских и тохарских сигматических формах на **-so-*, сопоставивших с греческо-арийским сигматическим типом (Watkins 1969, с. 75, § 57). Но славянские параллели остались и в этой книге без рассмотрения.

сложной цепочкой префиксов *de-fo-*⁵, за которыми следует либо основа на *-s-* (*doesur, doestar*), либо специфическая редупликация *đod-*. В обоих случаях можно видеть след глагольных форм второй серии.

Медиальным формам на *-r* от **ed-s-* в италийском и кельтском отвечает лувийская архаическая медиопассивная форма 2 л. мн. ч. наст. вр. *az-tu-u-na-ri*, KUB IX, 31 II 28, LTU, с. 16. В анатолийском обнаруживаются три типа образований: атематические формы (*et-mi*) и синонимичные итеративные глаголы на **-s-* и на **-sk-*. Смещение производных форм на *-s-* и форм корневого глагола могло быть связано не только с распадом хеттских глаголов на *-s-*, но и с фонетическим развитием, характерным для дописьменной истории хеттского языка: переходом **-ti > -zi*, вследствие которого **ed-ti > ezzi* (Pedersen 1938, с. 126, 127, § 84; Bechtel 1936, с. 79; Oettinger 1979, с. 530—531), что могло привести к совпадению выделяемой в этой форме глагольной основы с производной основой **ed-s- > ez-*, ср. Sturtevant 1951, с. 135, § 237; Иванов 1965, с. 159—160. Как верно писал Курилович в своей последней книге (в разделе, посвященном происхождению аориста): «Такая форма спряжения на *-mi*, как *ezzatteni* 'едите', двусмысленна: первообразная форма *ed-teni* (в виду *edmi* и т. п.), производная форма *ed/steni* (морфологическая вставка *s*)»; Kuryłowicz 1977, с. 60—61. В качестве формы 3 л. ед. ч. наст. вр. от *ed-* засвидетельствована как атематическая форма *e-iz-za-az-zi, e-iz-za-zi, e-za-az-zi* [*ezzi*], так и глагол спряжения на *-hi* с суф. **-s(o)* — *e-iz-za-i*, тождественный кельским, италийским и славянским сигматическим формам.

Наряду с формами глаголов на *-s-* с дефектной парадигмой (хет. *ezza-*, лув. *azza-*) удастся установить и следы древних производных от той же основы.

С архаической глагольной основой **ed(e)s-*, засвидетельствованной в анатолийском, сравним целый ряд именных производных от сходной основы в балтийском и славянском: лит. *ėdesi̯s*, *ėdesis* < **ed-es-i-s* 'корм, еда, приманка'; латыш. *ēdesis* 'корм для свиней', *ēšma* < **ed-s-mo* 'корм, еда, приманка', *ēs-li-* < **ed-sli-* 'тот, кто постоянно жует; обжора', Mühlehbachs — Endzelins 1923—1925, I, с. 573, 574; Эккерт 1980, с. 75; ст.-слав. глаголы 'ѣтънъ' болг. *ясли*, сербо-хорв. *jǎсли*, словен. *jāsla*, польск. *jasta*, в.-луж. *jasta*, н.-луж. *jestla*, др.-чеш. *jěsli*, рус. *ясли*, укр. *ясла* (ср. Verneker 1908—1913, с. 275; Vondrak 1924, I, с. 86, § 51; Brugmann 1913, II, с. 514; Иванов 1957; 1965, с. 161); рус. *яса* < **edsъ* (Фасмер — Трубачев 1973, IV, с. 564); ст.-слав. из-*krz*, сербо-хорв. *jěша* 'еда', *из-еша* 'обжора'. Можно думать, что в этих производных отражается основа на *-s-* в ее древней словообразовательной (итеративной) функции, предшествовавшей аори-

⁵ Ср. типологически перфективирующее *com-* (у Плавта не известное при имперфекте) в формах типа лат. *com-edī* (из сочетаний **kom > -kan + ed-*, засвидетельствованных еще в хеттских текстах).

стической. В древнехеттском наряду с основной **ed-s-* отражена и синонимичная ей основа *azzik-* < **(e/o)d-skē/o-*, которая находит точное соответствие в восточно-балтийских производных: лит. диал. *ėškà* < *ed-sko 'аппетит' (Skardžius 1943, с. 124), *ėškùs* < *ed-sk-u-s 'прожорливый', латыш. *ēška* 'обжора', *ēškuot* 'часто есть' (Endzelins 1951, с. 356, § 183а; 1948, с. 95, § 142, Иванов 1957; 1965, с. 161; Oettinger 1979, с. 318). Архаичность восточно-балтийского **ed-sk-* доказывается благодаря сравнению с лат. *esca* 'пища'. Давно уже предполагавшаяся на основе лат. *uescor* 'питаюсь' < **v(e)-escor* (ср. лув. мед. *az-tuwari*) связь этих основ с глагольной основой **ed-sk-* (Brugmann 1904, с. 48; 1913, II, с. 478, 357) была доказана благодаря сравнению с др.-хет. *az-zik-* < *(*e*)*d-sk-* с балтийскими формами (Иванов, 1965, с. 162; к этому объяснению присоединился Watkins 1969, с. 74, § 55, предлагающий, однако, допустить между *ēst-* и *uescitur* фонетическое отношение того же типа, как между греч. *έός* и др.-инд. *vasu-*). Поэтому соотносенная друг с другом пара близких по значению основ **ed-s-* и **ed-sk-* может быть реконструирована для значительной группы диалектов, включая балтийский и славянский (ср. об архаизме глаголов на **-sk-* Rozenkranz 1974).

Основа на *-s-*, принадлежащая, как и большинство древних сигматических основ, ко 2 серии индоевропейских глагольных форм (хеттское спряжение на *-hi*, формы на *-r* в других языках), в славянском позднее послужила для образования сигматического аориста к длительному корню *ēd-* (см. об этой форме и ее дескриптивной синхронной характеристике: Вайан 1952, с. 259—260; Lunt 1974, с. 92, § 10.84, с. 122, § 16, 22; 1975, с. 120 и прим. 18). При этом сигматическая основа аориста с долгим гласным в *tasz* совпала с алломорфом корня *tas-* в парадигме настоящего времени (ср. выше о сходном соотношении *ēs-* в настоящем времени и имперфекте сослагательного наклонения в латинском). Образование аориста *tasz* от атематического *tamz* (древняя окситонированная парадигма) представляется возможным связать с общим правилом, по которому тематические непрямые окситонированные (соответствующие балтийским с подвижным ударением) глаголы «образовали сигматический аорист типа *ktasz* — *кеде*, если оканчивались на согласный», Дыбо 1961а, с. 38; 1962, с. 19; Дыбо — Илич — Свитыч 1963, с. 76.

Для *ktasz* в старославянском, принадлежащем к тому же типу сигматических аористов, что и *tasz* (*tasz*) (Stang 1942, с. 70, прим. 3; ср. дескриптивную характеристику — Вайан 1952, с. 259; Lunt 1974, с. 92, § 10.82, с. 171, § 13.4; 1975, с. 119 и след.; Zepš 1964, с. 35—36), обнаруживаются точно такие же соответствия и в древнеирландской основе сослагательного наклонения на *-s* *fess-* от **wed-* (*fedid*), параллельной к *ess-* от *ed-* (Thurneysen 1946, с. 387, § 613, с указанием сходства по аблауту с греческим сигматическим аористом типа *θέσσαυαι*), ср. импер. сосл. н. 3 л. ед. ч. *du-d-fessed*. Параллелизм ст.-слав. *tasz*: др.-ирл. *ess-*; ст.-слав. *ktasz*: др.-ирл. *fess-* удостоверяет надежность каждого из этих сравнений славян-

ского архаического сигматического аориста и кельтского сослагательного наклонения на *-s-* (к анатолийским соответствиям, возможным не только в первом, но и во втором случае, см. Иванов 1965, с. 162, 163; 1968, с. 242).

Такие основы, как *ēd-s-* (> др.-ирл. *ess-*, ст.-слав. *ѣсѣ, асѣ*), **ēd-s-* (> др.-ирл. *fess-*, ст.-слав. *кѣсѣ*), первоначально были другими словами по сравнению с непроизводными глаголами **ed-*, *wed^o/o-* (ср. лит. *vedū*, латыш. *vēdu*, прус. 2 л. ед. ч. повел. н. *wedais*, *wedeys*, *weddeis*, 3 л. пр. вр. *wedde*, Schmalstieg 1974, с. 161, 173; ст. сл. кедж, ср. выше гл. 1, § 2, о др.-хет. 3 л. пр. вр. *цетет*, формально совпадающем с др.-ирл. 3 л. ед. ч. наст. вр. *fedid* < **ēde-t*). Поэтому противопоставление форм 1 серии от **ed-* (хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ezz(a)zi*) и форм 2 серии от **ed-s-* в принципе не отличалось от аналогичных противопоставлений любых других глаголов, образованных либо от одного корня (формы типа **es-mi* > хет. *ešmi* и **(e/o)s-Ḫo* > лув. *ašḫa* в анатолийском), либо от разных корней, например **es-* и **bhuH-* (гл. 4, § 2). Поэтому позднейшее образование сигматического аориста *газк* к *гама* (от длительного корня *ed-*) по сути не отличается от образования супплетивного аориста *бзѣхз* к *ѣсма* (от длительного корня **es-*). В обоих случаях в славянском при формировании единой парадигмы, включающей формы настоящего времени древних длительных глаголов первой серии и формы аориста, эти последние были образованы от других слов. В этом можно усмотреть сходство с развитием корневых аористов из основ второй серии в греческо-армянской диалектной группе, ср. др.-арм. 1 л. ед. ч. наст. вр. *utem*, имперф. *utēi* — аор. инд. *keray*, конъюкт аор. *kerayc*; греч. гомер. 1 л. ед. ч. наст. вр. *ἐσθίω* — аор. *ἔφαγον*. Но славянский в отличие от греческо-армянского использует не разные корни, объединяемые в супплетивной парадигме (гл. 4), а разные производные от одного корня, как и хеттский, где в парадигме глагола **ed-* также объединены форма на *-s-* и асигматические формы (чему способствовали, однако, и другие причины — распад класса глаголов на *-s-*, вытесненных синонимичными глаголами на *-šk-* типа *azzik-*). Образование в древности форм 2 серии от *-s-* еще отражено не только в анатолийском, но и в древнеевропейских диалектах, включая славянский.

§ 4. Сигматические формы от **doH-* и **dheH-*

Сигматические формы от **doH-* в балтийском и славянском, которые ранее пытались объяснить как след редупликации, ст.-слав. *дастѣ*, ст.-лит. *duosti*, прус. *dāst*, получили новое объяснение. Во всех этих формах можно было бы видеть не след редупликации, а суф. **-s-* (Топоров 1961, с. 69; 1975, I, с. 306; Иванов 1965, с. 82; 1968, с. 257).

Это предположение можно подкрепить ссылкой на структуру хеттской парадигмы глагола *dahḫi*, где сигматический показа-

тель *-š* появляется в 3 л. ед. ч. прош. вр. (*daš* при 2 л. *datta*, 1 л. *dahhun*), как это характерно для глаголов на *-hi* в древнехеттском (гл. 1, § 10). Позднее сигматический показатель мог быть распространен и на другие лица, в образованиях позднейшего происхождения, в частности, на первое, как в ст.-слав. аор. *дахъ*, отождествляемым с **-s-om* (**sm*, Vaillant 1966, § 364, 365) в 1 л. ед. ч. алб. аор. *dhashë* (при *dhe*, 2 л., *dha* 1 л., ср. ст.-слав. *дахъ*, 2 л. *да*, 3 л. *да*) и возможно в др.-арм. *edu* (< **ed-som*, Godel 1976, с. 126—127; Bader 1978, с. 41); к *dashë* ср. *lashë* от *la-* 'оставлять': хет. *la-* (Иванов 1979, с. 64; Oettinger 1979, с. 561). Отождествление праславянской и албанской парадигм сигматического аориста не означает, что славянский и албанский в одно время развили эти образования, но указывает на значительное сходство их первоначального прототипа (но ср. 1 л. мн. ч. **daxomъ*, алб. *dhate*, показывающее расхождение во мн. ч., не говоря уже о славянских формах парадигмы типа ст.-слав. *дахъ* — *дастъ* — *дастъ*).

Особый интерес албанского аориста от **doH-* заключается в том, что он противопоставляется формам настоящего времени от (*j*)*ap* (по-видимому, древняя первая серия) так же, как противопоставляются *ha* 'я ем' — аор. *hëngra* (с соответствием с древнеармянским, гл. 4, § 3), *vij* 'прихожу' — аор. *erdha* (с соответствием в древнегреческом и древнеирландском, но с инверсией древней оппозиции в албанском, гл. 4, § 4). В подобных случаях в албанском в различении основ презенса и аориста проступает противопоставление двух индоевропейских серий, преобразованных по типу, близкому к греческо-арийско-армянскому. В древнеармянской парадигме глагола *tam* 'я даю' конкретное противопоставление основы настоящего времени *ta-* и основы аориста *e-t(-u)* (с аугментом *e-*) строится по другому принципу (Meillet 1936, с. 132; Godel 1976, с. 126, 127), отличному от албанского, но самый принцип противопоставления в обоих диалектах сходен.

Славянские формы 2 л. и 3 л. ед. ч. аор. типа ст.-слав. *дастъ* обнаруживают разительное сходство не только с наиболее архаичным типом индоевропейских сигматических форм, отраженных в хеттском спряжении на *-hi* (окончание 2 л. — 3 л. ед. ч. *-šta*), в тохарском медиопассиве и в древнеиндийском прекативе (гл. 1, § 10), но с формами таких западно-индоевропейских диалектов, как венецкий. В венецком 3 л. ед. ч. *dona. s. to* (ср. лат. *dōnāre*) противопоставлено по древней залоговой форме 3 л. мн. ч. *donasan* с тем же сигматическим показателем (Lejeune 1974, § 71, 84, с. 78).

Если правильна интерпретация венецкой парадигмы как свидетельства распространения сигматического показателя на формы мн. ч. действительного залога через форму 3 л. мн. ч. (ср. Bader 1978, с. 42), то это бы представляло интерес для определения относительной хронологии славянских форм: в ст.-слав. *даша* можно было бы видеть промежуточный этап между архаическими

формами типа *дасгъ*, для которых прямые аналоги есть в хеттском, и более новыми образованиями типа *дахомъ*.

На пути исследования первоначальной связи сигматического показателя со второй инактивной (в широком смысле слова медиальной) серией форм можно было бы найти и одно из возможных объяснений тому, что в балтийском следы форм типа сигматического аориста *дасгъ* не обнаруживаются (формальные и акцентуационные параллели между ст.-слав. аор. 2—3 л. *да* и лит. буд. вр. *duōs* < *dō-s, ср. Watkins 1969, с. 216—217, § 209; Kortland 1975, с. 24, 85, недостаточны для их функционального отождествления). Балтийский отличается от славянского отсутствием форм 3 л. мн. ч., которые могли бы индуцировать распространение *-s* из древней второй серии (с которой еще связаны формы типа *дасгъ*) на действительный залог. Древние же медиальные формы после исчезновения медиума (т. е. инактива второй серии) в балтийском, не имея поддержки в соответствующих активных формах, либо включались в активную парадигму (ср. ст.-лит. *duōsti*, прус. *dāst*, наст. вр., ср. древнейшую неличную форму от **dō-*: *doyte* в базельской рукописи XIV в.: Mažiulis 1975, с. 130) атематических глаголов первой серии, либо исчезли, либо сохранились в периферийных формах с особыми функциями. Так, в частности, можно истолковать прус. *dāσαι*. В соответствии с истолкованием, предложенным выше для форм *seiti*, *seisei*, *boūsei*, *paraysey* (§ 1), представляется возможным видеть в этих формах на *-s*, ограниченных только 3 л., след древней парадигмы второй серии, где в наиболее ранних формах (анатолийских, тохарских, индо-иранских) характерна именно ограниченность сигматического показателя 3 лицом (Bader 1978). Эти модальные формы, отражающие эпоху до формирования сигматического аориста, вместе с тем показывают возможность появления у *-s* функции будущего времени.

На древний характер показателя **-s* в 3 л. ед. ч. формы второй серии от **dheH-* указывает совпадение хет. пр. вр. *daiš* 'поставил', др.-инд. аор. *dhās* (Burrow 1954; 1957; Watkins 1962, с. 90—93, 97; 1969, с. 53—55; Narten 1964, с. 18—20, ср. 3 л. мн. ч. *dhāsur*), фриг. *εδαε* (ср. Pedersen 1938, с. 129), а также венет. *vha.g.s.to* (основа *fac-*, как в латинском *facio*, Lejeune 1974, § 71, с. 78), тох. А конъюнк. акт. *tāš* 'был бы' (при 3 л. мн. ч. *tākeñc*, поэтому вероятно *tāš* < *tākse), ср. также суф. *-s* в тох. А *tās-*, В *tas-* 'класть' (Lane 1959, с. 163).

Особый интерес представляет др.-фриг. *δαφετ* (= *dakset*, Дьяконов — Нерознак 1977, с. 195), засвидетельствованное во фригийском отражении общеиндоевропейской формы давения имени (гл. 3, § 2). Фриг. *δαφετ* можно отождествить с венет. *vha.g.s.to* и тох. А *tāš* < *tākse. Появление формы с *-k-* объясняется либо аналогичным воздействием форм типа фриг. *αδδακετορ*, *αδδακετερα*, др.-фриг. *δοκει* 'сделал', *δακαρεν* 'сделали' (Дьяконов — Нерознак 1977, с. 188, 189, 195), либо особыми фонетическими прави-

лами, относящими к позиции перед *-s-. Относительно сигматических форм от *stoH- ср. ниже гл. 6, § 1.

§ 5. Проблема происхождения глаголов на -šĕ-

Исследованное впервые Куврером (Couvreur 1938), а затем рядом других исследователей (ср. Иванов 1962; 1965; Dressler 1968 с литературой) хеттское и тохарское различие глаголов на *-šĕ-, противопоставленных другим глаголам, в последнее время было вновь изучено Розенкранцем в более широком аспекте индоевропейской диалектологии. Розенкранц подчеркивает, что противопоставление глаголов на *-šĕ- > хет. -šĕ- и основного глагола и в хеттском, и в тохарском осуществляется в пределах одной парадигмы. В хеттском претерит глаголов на -šĕ- функционально соответствует имперфекту, благодаря чему претерит бессуффиксального глагола приобретает функции, близкие к аористической. Иначе говоря, оппозиция длительных и аористических форм, которая в пределах греческо-арийского («аугментного») ареала выражалась оппозицией двух видов корней или во всяком случае форм типа имперфект: аорист, в хеттском была грамматикализована благодаря наличию форм на -šĕ- (длительных), противопоставленных недлительным как маркированные немаркированным. Функционально формы на -šĕ- сопоставлялись и со славянскими видовыми формами на -ajŕ (Kuryłowicz 1958, с. 237; 1964, с. 107; Иванов 1965, с. 152). Ср. противопоставления в эпическом (архаизирующем) хеттском тексте поэмы об Улликумми (I таблица A IV 33—34) [nu-kán DU^UU-uš ne-pí-sa-az kat-ta š] a-ku-wa-it nu-za DU^Ulu-kum-mi-in ša-ku-iš-ki-iz-zi [DU^Ulu-kum-mi-sa-za ne-pí-sa]an DU^UU-un ša-ku-iš-ki-iz-zi 'И Бог Солнца с неба посмотрел (терминальное -kan + претерит от šakuwai- 'смотреть' с превербом katta 'вниз'), и на Улликумми он смотрит (šakuišk-), а Улликумми (тоже) смотрит (šakuišk-) на солнечного бога Неба', ср. там же: na-an-za-an ša-ku-wa-[it] 'и он его (у)видел' (II таблица IV 12; аористическое значение). В языке этого памятника сохраняется связь между именем šakuwa 'глаза' (старая форма Dualis, см. гл. 1, § 3; и.-е. *sok^{wo}, в древнехеттском не склонялось; ср. основу на *-ŕ в ср. ирл. ro-sc 'взгляд, глаз') и глаголом на -šĕ- šakuišk-: nu DU^U[El-]la-al-lu-uš IGI^U1.A-wa (=šakuwa) kar-ap-ta nu-za DUMU-an ša-ku-iš-ki-iz-zi 'И Энлил поднял глаза (IGI^U1.A = šakuwa) и начинает смотреть на ребенка', I таблица A IV 10—11. Причастие в древнехеттском образуется от основной формы, но, по-видимому, может иметь и длительное значение, ср. в Хеттских законах I § 50: nu a-pí-e-[el É. ZU]ku-e-la GIŠe-ya-an a-aš-ki-iš-ši ša-ku-wa-a-an a-ra-a-u-wa-an 'И дом того, в чьих воротах видно (šakuwant-) дерево eya-, освобождается от налогов' (Fridrich 1959, с. 33; Imparatti 1964, с. 67, 69, 239).

Обе хеттские глагольные основы — šakuwai- 'посмотреть, поглядеть' (с недлительным значением) и šakuišk- 'смотреть' возво-

дятся к общендоевропейскому, ср. к первой гот. *saihan*, др.-исл. *sjá*, др.-в.-нем. *sehan*, др.-англ. *sēon* 'видеть', др.-фриз. *siā*; ср. ирл. *ar-secha* 'он должен вас видеть', ко второй — алб. *shoh* 'вижу'. В албанском этот древний длительный глагол сохраняет свой неаористический характер: аорист образуется суффиктивно от другого корня: *pashë, pe, pa, pamë, patë, panë* (к типологии такого суффиктивизма в глаголах с этим значением ср. др.-инд. *paśyati*, презенс к аор. *adarsam*, Schwyzer — Debrunner 1951, II, с. 257; Thumb — Hauschild 1959, II, с. 242—243). Следовательно, оппозиция алб. *sheh* 'он видит': *pe* 'он видел' тождественна по семантике хет. *šakuiškizzi*: *sakuwait* при этимологическом тождестве первых членов оппозиций (ср. выше об отражении в албанском противопоставлении аористического и длительного корней гл. 4, § 3, 4, гл. 5, § 4: *jap-dhashë, ha-hëngra, vij-erdha*). Поскольку алб. *shoh* оказывается архаизмом, тем более архаичным можно считать *njoh* 'знаю' (имп. *njihia*, аор. *njoha, njohta*, тождественное лат. *gnōscō*, греч. γινώσκω, ср. ст.-слав. зная, лит. *žinōti*, латыш. *zināt*, прус. *ersinnat* (к соотношению γινώσκω: слав. *znati, ср. βιβρώσκω: *žbrati, Иллич-Свитыч 1959, с. 11), а также и алб. *ngroh* 'грею' < **greH-sk-oH(o)* при ст.-слав. грѣж (горѣти, см. гл. 3, § 5; к огласовке ср. Иллич-Свитыч 1959, с. 8 и след.), латыш. *grēmens* 'изжога', *grēmas*. В двух последних случаях архаические основы на **-sk-* в албанском в корнях на долгий гласный (исторически ларингальный), принадлежащих ко второй серии, служат для образования форм презенса; о древности этого типа образования свидетельствует и др.-хет. *zik-/t-sk-/* от **dheH-* (гл. 1, § 2). Алб. *-h-* < **-sk-* служит как бы аналогом заполнителей зияния типа тох. *-k-*, слав. и балт. *-j-*, *-v-*. Это особенно отчетливо видно в алб. *leh* 'лаять', родственном др.-инд. *rā-* < **leH-*, *rāyati* 'он лает', авест. *raya-* 'лающий', осет. *ræjyn* 'лаять' (Абаев 1973, II, с. 371), латыш. *lāj, lāja, lāt* (*lāt*², Mühlenbachs — Endzelins 1925—1927, с. 442, ср. к акцентуации Garde 1976, 1, с. 155, § 220), лит. *lōja, lōjo, lōti*, ст.-слав. лаяти 'ὄλακτεῖν, ἐνεδρεύειν', рус. лаю (баритонированный тип); гот. *lailoun* (3 л. мн. ч.). Основа на **-sk-* после согласного, возможно, представлена также и в алб. *rrah* 'ударяю' < **ragh-skH-*, греч. ῥάττω, ῥάττω, ст.-слав. -разити.

По ограниченности числа архаических производных на **-sk-* типа *njoh, shoh, ngroh, leh, rrah* албанский можно сравнить с древнеиндийским, где к этому типу принадлежит всего несколько глаголов. В этом смысле проходит резкая граница между языками типа арийских с существенным ограничением типа презенса на **-sk-* и языками типа хеттского и тохарского, где к каждому глаголу (с очень небольшим числом исключений, к которым относится хеттский глагол *raḥš-*, Bechtel 1936) может быть образован глагол на **-sk-*, включаемый в парадигму основного глагола.

Превращение глаголов на **-sk-* в каузативные является инновацией общетохарского, затронувшей, впрочем, не все глаголы (Krause — Thomas 1960, 1, § 297.3; Rosenkranz 1971, с. 5, § 4.4).

Исходное состояние может быть реконструировано на основании таких изолированных глаголов в тохарском, которые уже не рассматривались синхронно как относящиеся к глаголам на **-sk*. С этой точки зрения особенно существенно тох. В *pāsk-* 'хранить, защищать, блюсти' (=др.-инд. *rakṣ-*, *Udānavaga*, *Varga XXXI*, 23 в 4, 26 в 5, Lévi 1933, с. 54 55), которое в тохарском В выступает как глагол, уже не разлагающийся на части, но в общетохарском беспорно было производным глаголом, о чем свидетельствует соотношение тох. В *pāsk-*: тох. А *pās-* 'сохранять, пасти, спасти' (Иванов 1962, с. 109—117). Образование тох. В *pāsk-* может быть отнесено ко времени формирования италийско-тохарских диалектных связей, как показывает сопоставление с латинским. В латинском настоящее время *pāscō* противопоставлено перфекту *pāvī* (ср. *pā-bulum* 'пища, корм') и основе на *-s-*, выступающей в *pāstum*, *pāstor*, ср. хет. *paḥš-*⁶, тох. А *pās-*, древнеиндийская аористическая основа *pās-*: *a-pāsit* (Whitney 1962, § 912, с. 324). Архаизмом латинского является соотнесение древней основы на *-sk-* с вероятным длительным значением (и другой основы с синонимичным *-s-*) и перфектной основы, от которой образуется *pāvī*. В древнеиндийском сходное противопоставление имеет место между вед. *pā-ti* (глагол, образующий формы по первой серии, как другие глаголы с исходом на долгий гласный: *dāti*, *dhāti*, см. гл. 3, § 1, 2) и аор. *a-pā-s-it*.

Славянский (и балтийский, ср. лит. *pōsėti*), как и тохарский, хеттский и (отчасти) латинский, отражает ту же основу на *-s-*, что и в древнеиндийском аористе от **poH-s-*. Основы на *-s-* и *-sk-* в индоевропейском были параллельны, что особенно отчетливо обнаруживается в глаголах на *-s-* и *-sk-* с одинаковыми функциями в хеттском и в особенности в других анатолийских языках (Oettinger 1979). Takую пару соотносительных глаголов типа **ed-s-*: **ed-sk-* удается восстановить и в случае **poH-s-*: **poH-sk-*

⁶ В пользу высказанного ранее (Иванов, 1962) предположения о том, что о.-и.-е. **poHur* > хет. *paḥhur* может быть архаическим производным от **poHur* 'охранять' > хет. *paḥhur*, можно было бы привести архаическую ритуальную формулу *paḥur paḥš-* 'хранить огонь', сохраняющуюся не только в тексте наставлений служителям KUB XIII 4 III 44 и след., но и в среднехеттском тексте наставлений служителям храма: *an-da-ma-kán LÚ NIMGIR ku-iš URU ḥa-at-tu-ši še-er ma-aḥ-ḥa-an LÚ MES EN.NU.UN a-ú-ri ḥal-za-a-i na-aš-ta ḥa-an-te-ez-zi ḥa-a-li an-da ḥal-za-a-i pa-aḥ-ḥur-wa ki-is-ta-nu-ut-ten iš-tar-ni-ya-ya-kán ha-a-li an-da ḥal-za-a-i pa-ḥur-wa-wa pa-aḥ-ša-nu-wa-an e-eš-du* 'и сторож, который в верхней части города, когда сторожей он призывает к их сторожевой службе, то во время первой стражи он зывает: «Погасите (хет. *kištanu-*, ср. лит. *gėsti* 'гаснуть', слав. **gasiiti*, Топоров 1979, II, с. 180) огонь!», а во время средней стражи он зывает: «Огонь да будет сохранен» (КВо XIII 58 III 14¹=с. 171, ср. Jøsephson 1972, с. 189), чем подтверждается предположенный ранее архаизм формулы *nu IZI me-ik-ki pa-aḥ-ḥa-aš-tin* 'и тщательно охраняйте огонь' (идеограмма IZI=хет. *paḥhur*) в тексте наставлений служителям храма, находящей косвенную параллель и в употреблении формул *paḥhur paraiš-* 'огонь раздувайте' (Иванов 1980а) наряду с *uttar paḥš-* 'слово храните' в архаическом древнехеттском фрагменте 2Во TU10β.

с близкими значениями, отраженными в балтийском в лит. *pósėti* 'почитать, кормить, баловать', латыш. *pāsēt* 'баловать, холить', при слав. **pasti* 'пасти': лат. *pāscō* 'пасти, кормить', ср. также др.-словен. **pasti* в значении 'хранить' (*roti, kojihže ne pasem*) во Фрейзингенских отрывках с хеттскими и тохарскими семантическими параллелями, Топоров 1959, с. 92—93; Иванов 1961; 1965, с. 99, 140, 172; Каралюнас 1972 (по-видимому, балтийский глагол на *-ē-* продолжает индоевропейский тип образования по второй серии, преимущественно медиальный, хорошо засвидетельствованный в анатолийском, тохарском и италийском).

Отличительной особенностью хеттского языка является сохранение двух соотносящихся друг с другом классов итеративно-дуративных глаголов на *-ški-* < **-ske-* и **-šša-* < **-so*, второй из которых, относящийся к спряжению на *-hi*, является особенно архаичным и постепенно вытесняется на протяжении письменной истории хеттского языка синонимичным продуктивным классом глаголов на *-šk-*, принадлежащих к спряжению на *-hi* и к медиопассиву (т. е. ко второй серии) в дописьменный период истории языка, но постепенно (по мере включения форм на *-šk-* в парадигму) переходящих в спряжение на *-mi* (Иванов 1965, с. 139—172; Bader 1975). Наличие в древности медиопассивных форм от глаголов на *šk-* подтверждается как древнехеттскими формами типа *e-eš-kan-ta* 'сидят' (= 'посажены', 2BoTU 12 A III 15), *e-eš-kan-ta-ti* 'сидели' (КВо VII 14 I 2, надпись XVII в. до н. э. с древним дуктусом), [*eš*kaḥḥari 'я сижу' — в той же надписи по реконструкции Гютербока (Otten 1953a, с. 60, Гамкрелидзе 1961, с. 227), *eškaḥḥa* (дублетная форма без *-ri*, 2BoTU 10 + KUB XXXI 4 I 11), Neu 1968, с. 23; Oettinger 1979. Формы этого типа допускают непосредственное сближение с латинскими на *-scō* < **-skoH*, тох. В на **-škō* (Bader 1975, с. 26), др.-арм. сосл. н. *beric*' < **bheriskō* (Godel 1975, с. 116), тогда как в древнеармянских формах наст. вр. типа *harc'anem* (предполагающем *harc'em*, Godel 1975, с. 113), как и в др.-инд. *ṛḡcchā-mi* наблюдается тот же последующий переход в тип первой серии, как и в истории хеттского языка, ср. сохранение более архаического типа второй серии в лат. *poscō*, этимологически соответствующем др.-инд. *ṛḡcchā-mi*, др.-арм. долит. **harc'em*, лит. *harc'anem*. Следы постепенного преобразования древнего типа видны в «полутематическом» типе спряжения глаголов на **-šk-* как в хеттском, так и в древнеармянском (Bader 1975, с. 25, 26). Возведение к дописьменному периоду форм второй серии (последующего медиопассива) на **-šk-* особенно рельефно обнаруживается при сравнении однотипного типа спряжения в тохарском В и латинском по отношению к глаголу **poHšk-* 'пасти, охранять'. Но при этом важно именно то, что в хеттском и тохарском А представлена спрягаемая по медиопассиву основа на *-s-*: хет. *paḥšantari* 'они охраняют', 3 л. мн. ч. наст. вр., тох. А *pāsantār* (откуда следует отражение глагола второй серии в о.-слав. **pasq*), с одной стороны, лат. *pāscuntur*, тох. В *paskentra* — с дру-

гой (Иванов 1961, с. 111, 116—117; 1965, с. 140). Такое соотношение между суф. *-s- и *-sk- удается возвести к общендоевропейскому, показав, что в истории анатолийских и тохарских языков оно сохранялось до общего диалектного (доисторического) периода (Иванов 1959, с. 29—30; 1960, с. 133; 1961; 1965, с. 142—143). Давно уже высказывавшееся (Bechtel 1936, с. 79) предположение о том, что немногочисленные хеттские итеративы на -ša- являются архаичным обломком древней системы, подтверждается благодаря изучению других анатолийских языков. В палайском языке имеется оба класса дуративно-дистрибутивных глаголов: пал. *azzik* 'есть' (=др.-хет. *azzik* 'есть' от *-ed*, см. § 3, а также гл. 1, § 5) при пал. *piša-* (пов. накл. *piša*) от основы, общей с хет. *pai-* 'давать', пал. *mari-šša* 'крошить'. Позднейшее слияние обоих классов глаголов в лувийском объясняется фонетическими причинами (*-sk- > -šš-, ср. *-st- > šš, Ivanov 1965, иначе Oettinger 1979). Развитие глаголов на *-sk- и на -s- в лувийско-ликийской группе (и, возможно, в лидийском) полностью аналогично судьбе двух этих классов в тохарском А, где они соединились в один (в отличие от кучанского, еще их различающего) главным образом по фонетическим причинам. Тохарские языки представляют особый интерес для сравнения с анатолийскими, так как в общетохарском, как и в общеанатолийском, еще хорошо сохраняются оба противопоставленных друг другу близких по функциям типа (в других индоевропейских языках, если не считать единичных форм в ведийском, суф. -s- выступает уже не как словообразовательный, а как формообразовательный, в частности, в рассмотренных балтийских формах типа прусских модальных образований на -s-, литовского будущего времени, славянского сигматического аориста).

Бругманн, указывавший на тесную связь суф. *-sko- и *-so- (например, в греч. *ἀλεξω* 'отражаю' при *ἀλκίη* 'защита', др.-англ. *ealzan* 'защищать', Brugmann 1913, с. 336—351; ср. Krause 1952, с. 77) еще задолго до открытия приводимых хеттских и тохарских фактов склонен был истолковывать связь суф. *-sko- и *-s(o)- как свидетельство происхождения *-ske/o- из *s + k(e/o). В пользу этой гипотезы говорит то, что в некоторых индоевропейских языках *-ske/o- малоупотребительно и в аналогичной функции выступает *-st(o-); в особенности показательны в этом отношении факты балтийских языков, ср. Stang 1942, с. 136—137; Endzelins 1951, с. 751—752 (с дальнейшей подробной литературой). Попытка (М. Leumann 1959, с. 328—359) объяснить морфологический (и часто этимологический) параллелизм литовских форм на -st- и индийских на -ccha- < *-sko- (при *-ske/o- в других индоевропейских языках) несостоятельна в свете новейших исследований о развитии группы *-sk- в балтийском (Andersen 1970, где в целом принимается точка зрения, высказанная ранее автором: Иванов 1965; ср. также Ivanov 1965). Древнехеттский глагол *taršk-* точно соответствует лит. *tarškėti, tārška, tarskėjo* 'трещать, греметь, тараторить', ср. *traškėti (trāška, traškėjo)* 'трещать', 'потрески-

вать' (ср. Fraenkel 1955, с. 1063, 1120; Schmid 1963, с. 73, прим. 306) латыш. *tērkskēt* 'трещать, болтать', ст.-слав. *трьскати*. Итеративный глагол *tar-šk-* в древнехеттском образован от основы, совпадающей с балто-славянской. Древнеанатолийско-балтийско-славянское соответствие в группе производных от **tor-* существенно потому, что оно позволяет установить древность общего для балтийских и славянских языков употребления суф. **-šk°/o* в глаголах, обозначающих производство звуков (выделение такой группы глаголов в качестве отдельной категории, согласующееся с гипотезой Мейе и Станга, подтверждается и типологическими данными, в частности совпадением с типом глаголов звучания в енисейском). Этот морфологический способ обозначения интенсивности в славянском, как и в анатолийском, был синонимичен с более архаической интенсивной редупликацией, ср. сохраняемую до сих пор частичную синонимию рус. *тараторить* и лит. *tarškėti*.

Принимая предложенные сопоставления, Розенкранц использует их для объяснения причин утраты славянским, как и другими диалектами, серии глаголов на **-šk-*, некогда характеризовавших большой диалектный ареал, Rosenkranz 1971, с. 7, § 6.3. Следы древних образований на **-šk-* типа **tor-šk-* наряду с корневыми атематическими глаголами засвидетельствованы также и в балтийском (см. об **ed-šk-* выше), что позволяет отнести его вместе со славянским к числу тех предполагаемых Розенкранцем диалектов, где, как в хеттском, тохарском (и возможно армянском) для древней системы глагола были существенны соотношения типа **ed-*: **ed-šk-*, **tor-*: **tor-šk-*, отраженные в хеттском парадигматическом различии основных и итеративных форм на *-šk-*, тохарском противопоставлении основного глагола и каузатива на *-sk-* (Souvreur 1938, Иванов 1961). Как показывают отождествления типа лит. *tarškėti*: хет. *taršk-* и другие общепризнанные этимологии, и.-е. **-šk-* > балт. *-šk-*; поэтому параллелизм индоевропейских глаголов на *-s-* (в особенности в хеттском и тохарском), на *-šk-* и на *-st-* (в особенности в балтийском) следует объяснить постепенным усложнением суффиксальных форм на *-s-*. По мере потери *-s-* как словообразовательного суффикса его начинают заменять производные от него суффиксы на **-k-* и на **-t-*: **-šk-* и **-st-*.

Несмотря на то, что в хеттском в последний период очень продуктивный тип итеративов на *-šk-* почти полностью вытеснил синонимичные глаголы на *-šš-* (и редулицированные формы), вплоть до новохеттского сохраняются следы противопоставления этих двух типов, хотя и в затемненном виде. Хеттский глагол на *-šš- au-šš-*, который сохранился в качестве алломорфа непроизводного глагола *au-* 'видеть' (спряжение на *-hi*) и по значению не отличается от древнего производного на *-šk- ušk-*, в новохеттском образует ряд форм по типу спряжения на *-mi*, что можно считать инновацией по отношению к медиопассивным формам *aušḫaḫat*, *auštat*, *ušgaḫḫut* (Иванов 1965, с. 153). Поэтому пред-

ставляется вероятным, что спряжение глагола *aus-* аналогично спряжению семантически с ним соотнесенного *mir-, mer-* 'исчезать' (см. гл. 3, § 5), ср. мед. *mer-tat* при *auš-tat*. Эта гипотеза может быть подтверждена сравнением с восточнобалтийским, где этимологически соответствующие ряды форм весьма близки к хеттским: лит. *aišta : aišo : aušti*, латыш. *āust, āusa, āust* (о параллельном лит. *mirsta : mire, mirti*, латыш. *miřst, mira, miřt* ср. Stang 1942, с. 137; Leumann 1959, с. 353, 354; Иванов 1965, с. 154). Гипотеза о первоначальном медиопассивном спряжении хеттского глагола согласуется и с тем, что соответствующий глагол в других индоевропейских языках всегда был непереходным: лит. *aušta* 'светает', др.-инд. *uve, uchatī* 'воспылать (о заре)', в сочетании *uṣā ucchati* 'Ушас вспыхивает' (ср. об инхоативном значении этой глагольной формы Елизаренкова 1961, с. 157; о различных этимологиях хет. *auš-* см. Oettinger 1979), где данный глагол связан в этой *figura etymologica* с производным именем, родственным авест. *UŠĀ*, греч. Ὀός и производным типа латыш. *Ūsiņš* (вост.-слав. *Усень, Овсень, Авсень*, Елизаренкова — Топоров 1964, с. 78), вед. *uṣar* (гетероклитический тип на **-r-/n*, реконструируемый при сопоставлении с балтийским). Специализированное значение глагола в индо-иранском и балтийском и его именных производных в тех же и других индоевропейских языках — лат. *aurora* < **ausora*, лит. *aušra*, др.-в.-нем. *ōstara*, др.-англ. *eastre*, слав. **(j)ustre*, др.-польск. *justrzenka*, Nieminen 1956 — делает возможным, что хет. *auštat* по своей древней функции близко к хет. *luktat* 'светает'. При анализе этого глагола в балтийских и других индоевропейских языках факты хеттского языка имеют исключительное значение, так как они дают возможность прояснить древние связи между суффиксами, в конечном счете возводимыми к тому же **-s-*, с которым связаны и грамматикализованные сигматические формы.

Архаические производные с носовым аффиксом

§ 1. Производные от *stoH-

В славянском основа несовершенного вида *стаѣж* соотносится с основой на носовой *станѣж*, этимологически отождествимой с прус. *postānai*, 3 л. наст. вр. (в славянском акцентная парадигма *a*, Stang 1957; Дыбо 1958, с. 61; 1961, с. 33, сн. 52, Garde 1976, 1, с. 180—181, § 252 : рус. *стáну*, *стáла* и т. п.).

На основании сопоставления восточно-балтийских и западно-балтийских форм Станг реконструировал общепалтийскую парадигму **stānā-*, **stājā-*, *stāti (Stang 1966, с. 357, 391). Соотношение форм сохранено в прусском¹.

Реконструируемое для общепалтийского соотношение **stānā-*: **stājā-* требует выяснения соотношения между древней формой второй серии **stoH(o)* (1 л.), **st(H)o* (3 л.) и соответствующей ей основой на носовой. Это соотношение сохранено (как временное) в прусском и в другой (видовой) функции в славянском. Само по себе сохранение основ с носовым аффиксом от **sēd-* и **stoH-* в прусском (*sīndats*, *syndats*, прич. наст. вр. *stanint(e)i*, герунд.) и славянском (**sēd-* **stan-*) рассматривается как одна из важных изоглосс, объединяющих эти языки (предполагается, что восточно-балтийский мог их утратить), Stang 1966, с. 11; Schmid 1963, с. 52. Но существенно было бы наметить возможные функции каждого из этих образований и их древнейшие отношения к другим.

Прус. *postānai* 'wird', 'становится' (3 л.) принадлежит, по видимому, к типу глаголов на *-*nā-jā-* (расширение полутематического суф. -(i)na- посредством -jā-, прусский первый тип барионированных носовых основ, Stang 1966, с. 369—371, ср. акцентную парадигму *a* славянского **stan-*). Станг (Stang 1966, с. 263, примеч. 1, с. 338, 340, 349, 352) настаивал на интерпретации этого носового суффикса в *postānāi* как соответствующего индоевропейскому типу **k^wrineH₂-*: **krinH₂-* (*krina₂ в записи

¹ Станг высказывал гипотезу, по которой в восточно-балтийском презенс перестроен по типу претерита. С этой гипотезой можно согласиться с той поправкой, что в общепалтийском претерите на **ja-* **staja-* можно видеть (скорее всего косвенное морфонологическое) отражение исконной формы второй серии типа *stoHo, причем, судя по форме типа латыш. *gāju*, такие преобразованные формы второй серии достаточно рано могли получать в восточно-балтийском значение претерита (ср. ситуацию в тохарском и в западно-индоевропейских диалектах).

Станга, видимо, различающего *H₂ и *ə₂ как неслоговую и слоговую функцию ларингального), др.-инд. *kṛiṇāmi* : *kṛiṇīmah* (древнеиндийский 9-й класс); соответственно -nā- < *-neH- в *stānāja > (po)stānāi и *-n-ṛt- < *-nH₂ṛt- в прус. герунд. *stanint(e)i*, *stāninti*.

Согласно гениальной идее Соссюра, по достоинству оцененной лишь после ее развития Бенвенистом, в древнеиндийском «показатели 5-го и 9-го глагольных классов -nā и -na A не в большей мере суффиксы в подлинном значении этого слова, чем -na -g в *yunāgmī*» (Соссюр 1977, с. 471, ср. изложение в современной записи; Зализняк 1977, с. 297—298). Развивая эту идею в специальном разделе «Мемуара», доказывающем единство принципа построения 7-го и 9-го классов, Соссюр замечает, что выделяемый им элемент в конце основ 9-го класса ничем не отличается от конечного элемента в корне *stoH- (в современной записи), Соссюр 1977, с. 518—520 и след.

Следующее существенное уточнение было сделано Бенвенистом, показавшим, что строго говоря в таких случаях следует говорить не о корнях, а об основах с конечным элементом *H₂=ə₂ (у Бенвениста). «Отсюда можно сделать любопытный вывод относительно происхождения *st(h)ā- (не принимающего никаких суффиксов) и вместе с тем дать объяснение индийскому придыхательному звуку. . . Если. . . принять основу II *st-éə₂-, то мы получим I *set-ə₂-, т. е. такое положение, при котором послесогласное ə₂ должно было оставить в индийском языке такой же след, что и в *pṛthū-*: глухой придыхательный. Этот придыхательный по аналогии перешел в основу II *sthā-* (*st-eə₂-=stā). Таким образом, мы приходим к корню *set. В данном анализе мы опирались на параллелизм между *st(h)a-* и *stak-* в индо-иранской и других группах. . . Следовательно, мы имеем здесь два параллельных способа суффиксации — на *-ə₂- и на -k-: I *sét-ə₂-*; II *st-éə₂- (=stā-); I *sét-k-; II *st-ék- (индо-иран. *stak-*)» (Бенвенист 1955, с. 188—189; см. о других производных от *stéə₂, с. 200).

Несмотря на признанность многих сторон теории Бенвениста, его анализ *stoH- по существу не имел продолжения. Барроу, анализирующий вслед за Бенвенистом др.-инд. *gā-* 'идти' (при *gam-*) как *g^v-aH-, *yā-* как *y-aH- и сходные корни 9-го класса, где в настоящем времени *-aH- отделяется от корня вставным суффиксом -n- (см. Барроу 1976, с. 272), тем не менее др.-инд. *sthā-* не упоминает. Даже принятие соотношений *g^vā- (др.-инд. *a-gā-t*, греч. ἄ-βη, латыш. *gā-ju*) : *g^vem- (др.-инд. *gamat*, *gacchati*), *stā- : *stem- (тох. *stäm-* 'стоять'), ср. Watkins 1969, с. 71, § 50, не ведет к изменению обычных реконструкций.

Представляется, однако, что в настоящее время это оказывается целесообразным сделать. Во-первых, исследование древнехеттских форм глаголов с носовым аффиксом, соответствующих древнеиндийскому 9-му классу, показывает, что они относились ко второй серии: др.-хет. *iḡannahhe* 'иду походом', хет. *ḡittii-anahḡi* (КВо II 9 IV 15, 21, ритуал Иштар Ниневийской, ср.

КВо X 37 I 38), *tarnah̄he* (к структуре корня ср. тох. A *tark-*, наст. вр. *tärnäs*, В *tärk-*, наст. вр. *tärkanam*, Van Windekens 1976, с. 503; о смысловой связи с хет. *tar-na-* Иванов 1959; Watkins 1976a) ср. лув. *ti-wa-ta-ni-ah̄-ḫa* 1 л. ед. ч. пр. вр. от *tiwataniya-* 'осолнечить' (^d*Tiwat* 'бог Солнца') (KUB XVIII 3 Vo 24), ср. Laroche 1959, с. 128, 144, § 46 (о других глаголах этого типа). Этот вывод представляется возможным подтвердить фактами, ка сающимися спряжения глаголов 9-го класса в древнеиндийском. В ведийском наряде с формой 1 л. ед. ч. наст. вр. мед. *gr̥ne* < **gr̥nā-i* < **g^wr-n-Ho-i* (ср. лит. *gria*, *gýrė*, *girti*, латыш. *džirus*, *džirās*), представлена также форма 3 л. ед. ч. *gr̥ne* (4 раза в «Ригведе») < **g^wrnH-o-i*. Вед. *Ho-i в 1 л. ед. ч. мед. глаголов 9-го класса тождественно др.-хет. *-h̄he* в форме (первоначально медиальнодепонентной) типа *iḡannah̄he*. Более ранняя форма на **-Ho* типа лув. *tiwataniyah̄ḫa* отражена в вед. 1 л. ед. ч. наст. вр. субъюнк. *kriḡā(ni)*, мед. *krinai* (Whitney 1962, с. 264, § 720). Парадигма индоевропейского глагола с носовым суффиксом от **ei/i-* 'идти' (см. гл. 2, § 4) восстанавливается в виде:

- 1 л. ед. ч. **(i)y-(o)-n-(o)-Ho* (хет. *iyannah̄he*, ср. лит. *einù*)
 2 л. ед. ч. **(i)y-(o)-n-(o)-(tHo)*
 3 л. ед. ч. **(i)y-(o)-n-o-y* (хет. *iyannai* < **(i)y(o)-n-o-i*)

Эта последняя парадигма является результатом инфиксации глагола второй серии **(i)yoHo* (> хет. *iyah̄ḫa*, гот. *iddja*. лат. *iŭ*, гл. 2, § 4).

В таком случае реконструируемый Стангом глагол балт. **stānā-*, слав. *stan-* можно было бы считать результатом преобразования исходного **sto-n-oH-* (с аналогическим введением долгого *ā в формы, где первоначально корень **sto-* должен быть кратким, ср. вед. *kri-/kri* и т. п., ср. Бенвенист 1955, с. 194; Барроу 1976, с. 272).

Подтверждение предлагаемой интерпретации могло бы дать др.-хет. *ištanḫ-*, засвидетельствованное наряду с др.-хет. *ištah̄h-* 'вкусать' (?), 'пробовать' (?) (написание др.-хет. *iš-tah̄-ta*, Повесть о Цальпе В 5, Otten 1973, с. 8, Oettinger 1979, с. 177, где вторичность окончания *-ta* следует из фонетических особенностей корня). Однако хеттский глагол остается проблематичным и по своему значению, от которого зависит предполагаемая связь с **stoH-* (см. Иванов 1965, с. 85, примеч. 94, там же литература), и по фонетическому облику (неясен принцип чередования форм: *ištanḫ-*, ср. итератив 3 л. ед. ч. прош. вр. *ištanḫiḫiḫit*, древнехеттская дворцовая хроника KUB VIII 41 12, см. о других формах на *-šk-* в этом тексте Dressler 1968, с. 218, § 83; *ištah̄h-* : *ištaḫta* в Повести о Цальпе, а также в среднехеттском мифе о Хедамму KUB XXXV, § 4, 6; 2 л. мн. ч. *ištaḫteni*, ритуал очищения дома, КВо X 45 III 40, ср. *ištaḫhanzi* 3 л. мн. ч. в тексте мифа о Кумарби Otten 1950, с. 30—31). Обращает на себя внимание крайне архаичный характер текстов, в которых встречается глагол *ištanḫ-*.

Более несомненна связь с корнем **stoH-* хет. *istandai-* 'медлить, останавливаться' (Oettinger 1979, с. 367 — с другим объяснением суффикса), который, как и соответствующий германский глагол (гот. *standan*) является производным с дентальным суффиксом и носовым аффиксом, инфигируемым между этим суффиксом и корнем, ср. тип. ст.-слав. вѣждж, лат. *fundo* с такой же последовательностью этих аффиксов; к другим анатолийско-балтийско-славянским параллелям в глагольном основообразовании ср. хет. *ištapp-* 'закрывать, запира́ть, замыка́ть', где можно выделить этимологически каузативный суффикс *-p-*, который имеется в др.-инд. *sthā-p-ayati*, ст.-лит. *stapýtis*, лит. жемайт. *stapinti* 'репеш erigere', ст.-слав. ст҃жпѣти, ст҃жпати с носовым инфиксом перед *-p-* в производном типе **st-en-p-* > **steNp-* (ср. Kuiper 1937, с. 194; Specht 1943; Wackernagel 1953, I, с. 410; Соп 1958, с. 91—95; Иванов 1965, с. 84, прим. 91).

В отличие от других хеттских глаголов, где инфикс находится перед заднеязычным согласным, глагол *ištandai-* < **st-el-on-d-* является, очевидно, неразложимым с синхронной точки зрения, тогда как в родственном гот. *standan*, *stoþ*, *stobum* морфологические отношения еще вполне сохранены (в соответствующих древнеанглийских формах они затемнены из-за фонетического исчезновения *-n-* в группах этого типа).

Древность основы *ištan-* < **st-el-on-* в хеттском удостоверяется и производным именем существительным *ištanzana-* 'душа' (по-видимому, из **stel/on-s-ono-* с развитием **-ns-* > *-nz-*), в котором отражается древнее общеевропейское абстрактное значение **stoH-*, ср. греч. гом. ἐπι-σῆμων 'разумный', ἐπίσταμαι 'понимаю, умею', др.-в.-нем. *farstan*, *farstandan* (также в юридическом смысле, Paul 1956, II, с. 692), др.-англ. *understanden* 'получать, замечать, понимать' (ср. возможное значение хет. *ištanḫ-* 'вкусать'), а также славянские юридические термины, семантически близкие к древнегерманским, Иванов — Топоров 1978.

Производное с носовым аффиксом от корня **stoH-* является общеевропейским, что следует из его отражения в хеттском (*ištandai-*), а также возможно *ištanḫ-*), германском (гот. *standan*), западнобалтийском (прус. *postānai*), славянском (ст.-слав. ст҃анж), латинском (*destinare*), греческо-арийско-армянском: греч. στανῶω (с отражением более архаического типа образования форм глаголов на **-neu-* по второй серии, открытого Бонфанте², см. Bonfante 1933, с. 135, прим. 3), греч. крит. στανεσθᾶν, авест. *frastanvanti*, арм. *stanam* 'покупаю' (Kuiper 1937, с. 113; Puhvel 1960, с. 40; Иванов 1965, с. 85). Среди этих форм прусская (как и хеттская и германская) выделяется архаизмом морфологической структуры. В славянском могли совпасть разные по типу образования на носовой (**-neu-H-* и древнеиндийский 5 и 9 классы).

² Вместе с тем архаические тематические формы типа крит. греч. στανεσθᾶν (Bonfante 1932a, с. 135, прим. 3) могут считаться результатом инфикации основ 2 серии типа σῆωω. Таким образом, доказывається вторичность форм первой серии для глаголов на **-u-* и **-n(e)u-(H)-*.

Архаизмом и в славянском и в прусском является соотнесение основы на носовой с основой без суффикса, ср. формы инфинитива: прус. *postāt*, ст.-слав. *стаги* (исключение среди глаголов с носовым аффиксом, ср. Мейе 1951, с. 185, § 237; Lunt 1974, с. 175, § 14.33 и примеч. 55 с малоэффективной гипотезой о характере глубинной структуры в презенсе). В особенности очевидно структурное сходство западнобалтийского и славянского в параллелизме сигматических образований: западнобалтийское будущее время — прус. *postāsei*, 2 л. ед. ч. (Endzelin 1944, § 237; Stang 1942, с. 204; 1966, с. 399, 442; Schmid 1963, с. 52, прим. 204; Schmalstieg 1974, с. 176); которая может быть тематической формой *postās-ei* (или атематической с упрощением **postās-sei* по Стангу); славянский аорист — ст.-слав. *стахъ* (см. о параллелизме: сигматического оптатива в прусском и славянского аориста *дахъ* выше, гл. 5). Древность сигматической формы от **stoH-* подтверждает новифриг. *estazs*.

§ 2. Некоторые другие типы архаичных основ с носовым аффиксом

Рассмотренный в § 1 тип инфикации носового аффикса в производных от **ei-/i-* заставляет с вниманием отнестись к возможным следам этого типа. Его значимость очевидна в восточно-балтийском, где лит. *einū* соответствует латыш. диал. *īnu* < **ienu* (Endzelins 1951, с. 722, § 601в). Поэтому источник этой носовой основы должен быть общевосточно-балтийским, хотя процесс вытеснения этой формой древней атематической осуществлялся на протяжении истории литовских диалектов (Stang 1966, с. 353; 1942, с. 138). Соответствующие формы с носовым суффиксом обнаруживаются в лат. *prodi-n-umt*, *obi-n-unt*, где, как и в восточно-балтийском, носовой присоединялся непосредственно к корню (в ступени **ei-*), как и в тохарском В *ynem* (1 л. мн. ч., ср. ст.-латыш. *einam*, в тексте евангелия 1753 г.), др.-инд. *inoti*, авест. *inaoiti* (нулевая ступень корня), тогда как тематический тип образования **[y-o-n-]* тох. В 3 л. мн. ч. *yanem* близок к рассмотренному выше хет. *iyan-nai-*, Pedersen 1938, с. 124—125; § 82; 1941, с. 160; Sturtevant 1951, с. 134, § 235; Krause 1952, с. 61, § 63; Puhvel 1960, с. 26, 28; Иванов 1965, с. 180; Bader 1976, с. 107. Недавнее обнаружение архаических (в том числе сигматических) форм глагола в древнехеттском, доказывающих его принадлежность ко второй серии³, см. гл. 1, § 10, существенно и для проверки вывода о медиальноинтранзитивном происхождении большинства глаголов с носовым аффиксом в балтийском (Stang 1942, с. 140; 1966, с. 354, ср. Micheli 1977a), ср. характерные образования на *-n-* от глаголов

³ Древнехеттская форма позволяет реконструировать и.-е. **i-o-n-oHo(i)* > др. хет. *iyan-nahḫe* (ср. Oettinger 1979, с. 78, 493—494), откуда следует, что формы типа тохарской *yanem* содержат инфикс перед тематической гласной (др.-инд. *-nā-* легко может быть выведено из такой же праформы).

второй серии: лит. *būna, būvo, būt*, латыш. диал. *būn, bija, būt* и т. п. (Endzelins 1948, § 355, с. 190, ср. с. 199—201, § 378).

Для анализа структуры архаичных производных с носовым инфиксом в балтийском значительный интерес представляют формы, родственные др.-инд. *syati*, хет. *išhiya-* (гл. 3, § 5). Представляется, что прав был Эндзелин, реконструировавший для этого глагола в восточнобалтийском основу настоящего времени с носовым аффиксом на основании соответствия латыш. *sienù* (диалекты Валмиеры, Лаздоны, Попе), прош. вр. *sèju*, инф. *sièt* и лит. диал. *sienù* (Būga 1959, II, с. 608), прош. вр. *sejaũ*, инф. *sièti* (Endzelins 1948, с. 190, § 355; 1951, с. 747, § 612a). Иначе говоря, можно предположить в восточнобалтийском противопоставление настоящего времени с носовым аффиксом и прошедшего времени на *-jā- такого же типа, как в парадигме, образованной от *stoH-.

Архаизм основы с носовым аффиксом доказывается сравнением с др.-инд. вед. *sināti* 'привязывает' (RV I 125,2: *yás tvāyāntam vásuna prātaritvo mukṣṭjajeva pādīm utsināti*), *sinithás*. Согласно изложенному пониманию истории 9-го класса (см. выше § 1) индоевропейская форма 1 л. ед. ч. восстанавливается как *sH-i-n-oH₂o > индо-иран. *sinā-. Иначе говоря, инфигировалась форма, отраженная в хет. *išhihūn* (см. аналогичный подход к структуре архаичных форм в балтийском: Michelini 1977a, ср. о суф. *-newH-Дыбо 1980, с. 123—127).

Спорной остается древность балтийских производных от корня *leik^o- с носовым аффиксом, которые одними (Мейе 1938, с. 211, 212, 230) возводились к общиндоевропейскому, другими же признавались вероятными новообразованиями (Stang 1966, с. 339). Но, как и по отношению к производным от *ei-, трудно представить себе случайный характер параллельного образования основ на носовой в восточнобалтийском (лит. диал. *liñka*, ср. LKŽ 1966, VII, с. 497) и в западнобалтийском (прус. *polinka, polijnku*) при наличии аналогичных инфигированных носовых основ в др.-инд. *rinakti*, авест. *irinaxti*, лат. *linquō* и суффиговых в др.-арм. *lk'anem* 'оставляю' (к суффиксу в армянском при инфиксе в других языках ср. Brugmann 1913, II, 3, § 228, с. 315; Meillet 1936, с. 106, § 76; Иванов 1965, с. 176: хет. *har-ni-k- : harg-anu-⁴*: др.-арм. *hark-anem*), возможно, и в гот. *aflifnan* (менее ясно фонетически, как и с ним связанное тох. А *lipnat*, и.-е. *leip-/leik^o-?). Представляется, что атематическое настоящее время в др.-инд. *rinakti*, авест. *irinaxti* может иметь значение и для исследования предыстории ст.-лит. *liekti*. Существование параллельной атематической основы с носовым инфиксом могло способствовать переходу основного глагола в сходный атематический тип обра-

⁴ В хеттском данный корень не засвидетельствован, но все инфиксальные основы (как и соответствующие им тохарские) образуются от глаголов с исходом на индоевропейский заднеязычный (ср. Иванов 1959, с. 30), что представляет интерес и для выяснения древности типа *lei-n-k^o-. См. детально о структуре хеттских и родственных им форм Strunk 1979; Oettinger 1979, с. 135—170.

зования: соотношение типа **loik^o-o : *li-n-k^o-ti* могло привести к позднему **loik^o-ti* (ср. прус. *polaikt*) : **li-n-k^o-o*.

Для выяснения исходных функциональных соотношений между глаголами с носовыми аффиксами и другими формами от того же корня существенным представляется словообразовательное соотношение между редуцированным хет. *titta-nu-* 'устанавливать' с результирующе-длительным значением и нередуцированным образованием на такой носовой суффикс *-nu-*: лув. иер. *taniwa-*. Анатолийские формы на *-nu-* подтверждают предполагавшуюся на основании структурных соображений древность основы на носовой в славянском: др.-рус. *дѣну* — *дѣти* (ср. СРЯ, 4; 1977, с. 237), др.-арм. *dnem* : *edi* при аналогичных соотношениях типа лит. *einù* : др.-инд. *yā-*, эол. греч. *πῶνω* : эл. *πῶνι* (повел. н.), др.-инд. *apāt* (Watkins 1969, с. 76, § 58, где анатолийские факты не учтены; Kuiper 1937, с. 116; Иванов 1965, с. 77). В подобных случаях при корне аористического типа (т. е. образующего корневые аористы в греческо-армяно-арийском ареале), восходящем к глаголу второй серии, основа настоящего времени может образовываться с помощью носового суффикса. Вместе с тем сопоставление с анатолийскими формами подтверждается возможность возведения основы на носовой **dē-n-* в славянском к индоевропейской основе с носовым аффиксом.

Число архаичных форм с носовым аффиксом, которые оказывается возможным реконструировать для общепалтийского, в последнее время увеличивается.

Древность основы на носовой, представленной в прусском и в восточнобалтийском от основы лит. *gāuti* 'получить', 'достать', лтш. *gaut*, прус. *gaiuns* 'получивший', *angaiunimai*, *engaiunai*, подтверждается сопоставлением с авест. *gūnaoiti* 'давать', 'обеспечивать', *gaona-* 'приобретение' (в обеих группах возможно возведение **g* к *g^h*, поэтому не исключено сравнение и не с и.-ē. **gou-*, см. об этом последнем объяснении Топоров 1979, II, с. 176, 177 с литературой).

При существенной перестройке многих конкретных глаголов этого типа в балтийском и славянском следует отметить сохранение в приведенных отдельных архаичных формах структуры, восходящей к индоевропейской. В том же плане могут представить интерес глаголы типа о.-слав. **bqda*, **sedq*. В праславянском отчетливо сохранились соотношения, позволяющие уяснить древнейшие связи между этими основами. Однотипность форм ст.-слав. *бѣдетъ* и *сѣдетъ*, рус. *будет* и *сѣдет*, сербо-хорв. *бўде* и *сѣде* (ср. Мейе 1951, с. 170) заставляет предположить, что структура их была тождественна. Последовательности аффиксов **-N-d-* в **bqdq* < **boNdoN* (ср. **by-ti*) соответствовала та же последовательность в **sedq* < **seNdoN* (см. Kuiper 1937, с. 97, там же анализ других аналогичных индоевропейских форм).

Предложенные выше сопоставления могут быть расширены благодаря привлечению внешних ностратических параллелей.

При допущении того, что основа с носовым инфиксом от лит. *gāvo, gāuti* (: *gāuna*), латыш. *gāvu* (: *gauni*) типа прус. *(en-) gaunei, (po-) gaunai* является преобразованием того же древнего производного, что и авест. *gūnaoiti* (Stang 1966, с. 353, где следовало бы отметить параллелизм одношлого лит. *aīna*, латыш. *āuni*: арм. *aganim* 'одеваюсь', ср. приведенное соотношение между инфиксальной формой и армянской суффиксальной в хет. *har-nin-k-*: арм. *harganem*, 'бью', др.-инд. *ri-na-k-ti*: арм. *lk'anem* 'оставляю', Иванов 1965, с. 176), возникает возможность углубления реконструкции в свете ностратического внешнего сравнения, предполагавшего ностр. **gaH* > и.-е. **g(h)eH-w-* на основе только индоевропейского. Поскольку в алтайском **ga-* 'получать, брать' (> тунг.-маньчж. 'брат' > покупать', кор. *-ka-* 'брат') и картв. **g-* 'приобретать' нет следов ларингального (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 225), допустимо предположение о его последующей суффиксации, как и в корне и.-е. **dh-eH-* (при **dh-em-*, см. выше), **st-oH-*. Соответствующий и.-е. **dh-em* тип основ можно было бы видеть в картвельских формах типа сван. *a-b-em, a-g-em*, которые не имеют морфа **-em* в аористе, как и глаголы типа сван. *(li)-d-esg-* (этимологически сопоставимо с и.-е. **dh-skē-* > др.-хет. *zikke-*), сван. *(li)-kw-ɪsg-* (предполагается связь с др.-груз. *h-r-kw-a* и т. п.). Если в картвельском ларингальный не исчез, а заменен другим суффиксом, то соотношения картв. *d-esg-*: и.-е. **dh-skē-/o-*: **dh-eH-*; картв. *-b-em-*: ностр. **baH(Δ)* (Иллич-Свитыч 1971, 1, с. 172); и.-е. **dh-em-*: **dh-eH-*; **st-em-*: **st-oH-*; **g^w-em-*: **g^w-oH-*; **y-em*: **y-oH*; картв. **g-em*: ностр. **-g-*. В этом случае можно было бы предполагать, что в индоевропейских носовых основах сохраняется след наиболее древнего типа строения ностратических глагольных основ, предшествовавший формированию более обычного типа (ср. ностр. **ga-HΔ* > **gaHΔ-* и т. п.). Этот последний вывод мог бы представить интерес и для типологического и генетического сопоставления с другими языковыми семьями.

Заключение

Теория двух серий форм индоевропейского глагола основана на отождествлении противопоставления корневых глаголов на *-ti* и на *-hi* в анатолийских языках, длительных и аористических корней в индо-иранско-греческо-армянской диалектной области и определенных классов глаголов в балтийском и славянском.

Становление парадигм с преобладанием первой серии медленно осуществляется в истории отдельных диалектов. Привлечение данных сравнительного индоевропейского языкознания заставляет предположить, что при наличии двух параллельных форм — атематической и тематической — часто именно тематические формы представляют собой архаизм, хотя нередко в преобразованном виде.

Развитие балтийского и славянского глагола представляет некоторые разительные аналогии к общиндоевропейскому, реконструированному на основании доступных в настоящее время наиболее архаичных текстов. Важнейшими задачами оказывается определение места балтийских, славянских, албанских и фригийских парадигм среди других диалектных индоевропейских и выявление особенностей лексического заполнения каждого из парадигматических классов глаголов.

Различие двух типов форм 3 л. ед. ч. медиопассива (соответственно от второй и первой серий глагольных форм) может быть реконструировано для общехетто-лувийского. Существование такого же противопоставления непосредственно обнаруживается и в оскско-умбрском и кельтском различии двух типов образования медиопассивных форм и реконструируется для дописьменного состояния латинского и тохарского. Образование типа медиопассива, характерного для первой серии, следует отнести к эпохе, предшествующей разрыву связей анатолийского с носителями не только диалектов кельто-италийско-тохарско-фригийского типа, но и диалектов индо-иранско-греческого ареала. Хеттские дублетные формы отражают то диалектное состояние, из которого мог произойти как индо-иранско-греческий тип медиопассива, так и италийско-кельтский. Противопоставление в ведийском двух типов медиопассива подтверждает наличие в индо-иранском тех же двух серий глагольных форм, которые на основании аналогичных оппозиций реконструируются для кельто-оскско-умбрского, с одной стороны, анатолийского — с другой. Таким образом, оказывается возможным реконструировать противопоставление двух серий глагольных форм в относительно поздний период истории подавляющего числа индоевропейских диалектов.

В греческо-армяно-индо-иранской диалектной группе те глаголы, которые в анатолийских языках принадлежат к спряжению на *-mi*, относятся к числу длительных, присоединяющих первичные окончания настоящего времени непосредственно к глагольной основе. Глаголы же, в хетском принадлежащие к спряжению на *-hi*, в греческо-армяно-индо-иранской диалектной группе относятся к числу «аористических» корней, к которым непосредственно первичные окончания (типа *-mi*) не присоединялись. При сочетании же этих корней с вторичным окончанием (и аугментом) образуется корневой аорист. Как показывает сравнение с анатолийским, от глаголов, образовавших формы по второй серии и характеризовавшихся значением недлительности, для выражения длительности уже в древнейший период регулярно использовались редуцированные основы (ср. тип хет. *pehhi* 'даю': лик. *pibiti* 'он дает регулярно'). При формировании в греческо-индо-иранской диалектной группе противопоставления перфекта, аориста и презенса из таких основ с удвоением развились редуцированные формы перфекта. В этом ареале образовалось, с одной стороны, противопоставление корневого аориста и перфекта, соответствующих (первый — по конкретному набору основ, его образующих, второй — по окончаниям) второй серии форм, с другой стороны — различие редупликации в презенсе и перфекте, который начал противопоставляться имперфекту. Исходный пункт развития для имперфекта и аориста можно видеть в индо-иранских формах инъюнктива с вторичными окончаниями первой серии, противопоставленного перфекту и еще не имеющего временного значения.

Согласно предположению, по которому слав. *-ŕ* восходит к сочетанию окончания второй серии с присоединившимся к нему окончанием инъюнктива (вторичного первой серии), контаминация этих двух окончаний оказывается характерной для этапа между началом распада второй серии и ее вытеснением формами первой серии.

Особенно существенным в этот период было формирование временных противопоставлений, которые отразили более древние вневременные. В лувийско-ликийской группе анатолийских языков и в тохарском показатель второй серии **-Ho* служит для образования форм прошедшего времени. Основообразующий элемент *-ā-*, составляющий основную характеристику тохарского претерита, отождествляется с *-ā-* в балтийском прошедшем времени. Претерит или функционально близкое наклонение на долгий гласный (*-ā-* и *-ē-*) оказывается характерным для балтийского и славянских и значительной группы других «западных» индоевропейских диалектов. Этот претерит, как и соответствующие ему модальные формы, можно считать специфическим для данной группы диалектов результатом развития второй серии индоевропейских глагольных форм.

Проведенное в последние годы исследование древнехетских текстов первой половины II тыс. до н. э. подтверждает вывод,

согласно которому сигматический показатель прошедшего времени включается в парадигму сначала в форме 3 л. ед. ч. прошедшего времени второй серии. Принятие предположения об отражении форм этого типа в балтийском делает вероятным вывод об отражении в них характеристик периода, предшествовавшего становлению сигматического аориста.

К числу морфологических архаизмов, выделяемых в балтийских глагольных формах, относятся модальные на *-l*. Анатолийский и балтийский объединяются включением таких форм на *-l* в парадигму, тогда как в тохарском герундив (как родственные формы на *-l* в армянском и общеславянском) остается неличной формой, которая может быть отнесена к любому лицу. Для оценки соотношения между перфектом в греческо-индо-иранском ареале и функционально (но не по происхождению) соответствующими ему аналитическими конструкциями в славянском существенно то, что отглагольные прилагательные на *-l*, с помощью которых строился славянский перфект, восходят к весьма архаичным формам, родственным тохарским герундивам. Показательно соответствие характерных для славянского модальных значений этих форм и функций родственных форм тохарских герундивов и балтийского и анатолийского волюнтатива. Дальнейшее славянское развитие также находит точный аналог в анатолийском, ср. лидийск. *e-l* 'он был' < *es-l (хет. *eš-l* в *ešl-ut*, *ešl-it*, ст.-лит. *esle*). Функциональное переосмысление модальных форм как временных находит параллели в истории индо-иранского и позднеиндоевропейского инъюнктива (к которому возводится **-om* в славянских окончаниях 1 л. ед. ч.), тохарского имперфекта (из оптатива) и в истории модальных образований на долгий гласный, соответствующих в западно-индоевропейском ареале балтийским и славянским основам претерита на долгий гласный. Теоретический вывод о единстве категории времени — наклонения, полученный в ранговой грамматике, подтверждается благодаря применению метода рангового описания к индоевропейским формам первой серии. Выработка системы временных форм на основе более древних модальных и видовых характеризует движение от общеиндоевропейского к отдельным диалектным состояниям.

Архаическое окончание 2 л. мн. ч. как в хеттском, так и в древнеиндийском используется одновременно в двух функциях — временной (показатель прошедшего времени) и модальной (показатель императива). Следовательно, можно утверждать, что уже в период формирования общих черт этих диалектов одна и та же флексия могла использоваться в значении ненастоящего (прошедшего) времени и косвенного (неизъявительного) наклонения. В этом смысле можно говорить об особом «вторичном» окончании еще до оформления противопоставления первичных и вторичных окончаний, которое (в частности, на основании балтийских и в особенности славянских данных) нельзя считать общеиндоевропейскими. Такой характер использования вторичного окончания показывает, что первоначальная его функция не могла быть соб-

ственно временной (аналогичный вывод сделан на основании типологически сходных фактов египетских языков).

Сохранение в изолированных модальных формах архаизмов, предшествующих периоду формирования собственно временных отношений, продемонстрировано на примере индо-иранского инь-юнктива, оказывающегося по происхождению типологическим предшественником некоторых славянских форм с вторичными индоевропейскими окончаниями. Аналогичным образом оказывается возможным охарактеризовать прусские сигматические модальные формы в их взаимоотношении с сигматическим аористом, в балтийском не развившемся, и с будущим временем, позднее возникшим из форм модального характера.

Возникновение и развитие системы временных отношений происходило в индоевропейских языках в период перестройки структуры словоформ, вызванной исчезновением ларингальных. Этот процесс был типологически подобен падению редуцированных в славянском. Это был процесс одновременно общеиндоевропейский — последний из общеиндоевропейских процессов (в существенной мере затронувший и анатолийские языки, где ларингальные уже исчезли в формах с флексиями типа **tHo* > анат. *-tta*, в носовом аффиксе **-neH-* и т. п.) — и диалектный индоевропейский, по-разному протекавший в каждом из основных диалектов. Формы второй серии, содержавшие ларингальные, в частности формы с корнем на ларингальный (**doH-*, **dheH-* и т. п.), для древнейшего периода возможно имевшие ларингальный показатель, в каждом из диалектов изменялись по-разному, хотя можно отметить и существенный параллелизм их эволюции. На стыке корневого морфа и гласной фонемы, принадлежавшей флексии, во многих диалектах использовались элементы, игравшие роль заполнителей зияния и в этом смысле продолжавшие (чаще всего не непосредственно) функцию ларингальных фонем в составе данной словоформы (но не в фонологической системе, где они большей частью не являлись прямыми рефлексам ларингальных). В балтийском и славянском (как и в ряде других диалектов) в этой роли, в частности, были использованы морфологические показатели *-j-* и *-v-* в корнях типа **doH-w-* > **dōv-*, **doHy-* > **dōj-* (использование обоих показателей при одном корне говорит против их понимания как лабиоларингального и палатального ларингального). В тохарском (и отчасти в греческом) сходную функцию исполнял элемент **k-* (тох. А В *tāk-* при **dheH-* и т. п.). Далеко идущая перестройка всех парадигм глаголов второй серии (включая и глаголы с носовыми аффиксами), вызванная падением ларингальных, в деталях осуществлялась в каждом из диалектов по-разному, хотя некоторые общие тенденции (например, в характере элемента, заполняющего зияние на морфемном шве) позволяют сгруппировать диалекты, в частности, наметить явления, общие для балтийского и славянского.

Однако при сходстве использования некоторых элементов как частей словоформ в составе глагольных парадигм их функции

оказывались существенно различными. В славянском глагольные основы на *-j-* были переосмыслены преимущественно как особый тип основ настоящего времени (в хеттском соответствующие основы на *-u-* обнаруживаются в разных временах). В балтийском же достаточно рано формируется тип претерита на *-j-*, противопоставляемый настоящему времени с другими суффиксами (в том числе носовым); позднее (в частности, в восточнобалтийском) по этому претериту могли быть построены и формы настоящего времени на *-j-*.

Возможность соотнесения некоторых из архаичных балтийских претеритальных (в частности, супплетивных) форм с армянскими, албанскими и тохарскими позволяет предположить, что перечисленные языки входили в область на периферии «аугментного ареала» (ср. наличие аугмента в армянском, в аористе, но не в имперфекте, во фригийском при его единичных следах в албанском и тохарском). В пределах этого ареала древнее противопоставление глаголов двух серий трансформировалось в оппозицию длительных и аористических корней.

Сопоставление парадигматических соотношений в балтийском с тохарским и албанским показывает, что и в тех диалектах, которые находятся за пределами греческо-армяно-индо-иранского ареала, устойчиво сохраняется корневое противопоставление длительных глаголов и глаголов, восходящих ко второй серии. Длительный глагол мог заменяться другим словом, но оно продолжало образовывать формы, грамматически противопоставленные аористу или претериту и некоторым неизъявительным наклонениям. Так, в частности, может быть объяснено и происхождение славянской оппозиции форм от **ei-*, одна из которых была связана с системой настоящего времени, а другая — с причастием прошедшего (и с итеративом от другого корня). При лексическом различии противопоставляемых основ те же исходные оппозиции двух серий, переосмысленных во временном плане, отображаются в различии древнегерманских форм.

При трансформации оппозиции двух серий в различие видовременных категорий (до этого отсутствовавших или только намечавшихся) в значительной группе индоевропейских диалектов, к которым примыкают балтийские, существенным оказалось различие длительных корней, от которых стали образовываться формы настоящего времени первой серии, и корней недлительных, использовавшихся в определенных типах претеритов. Но конкретное распределение глаголов по этим группам в балтийском существенно отличалось в настоящем времени от аналогичных типов образования форм в пределах аугментного ареала. В частности, большая часть древних глаголов второй серии стала образовывать настоящее время по типу первой серии. Семантическое поле центростремительных глаголов, для которых могли быть характерны непереходные конструкции, могло оказаться сферой нейтрализации оппозиции между глаголами двух серий, что способствовало вовлечению в балтийском значительного числа древних глаго-

лов второй серии в класс атематических глаголов (с окончаниями первой серии). Следы аналогичного развития реконструируются и для праславянского, а отдельные явления этого типа распространяются и на еще более западную диалектную область (италийские и германский).

То, что в славянском на достаточно раннем этапе существовал класс глаголов на *-mi*, по своему составу более широкий, чем реликты атематических глаголов первой серии, следует из включения в этот класс в славянском, как и в балтийском, нескольких древних глаголов второй серии, а также единственного глагола на **-ā-* (< **-e/oH-*), что позволяет более четко определить относительную хронологию развития праславянского по сравнению с другими индоевропейскими диалектами.

Распад атематического класса глаголов в праславянском на позднем этапе его истории можно сравнить типологически с ситуацией в литовских диалектах. В балтийском достаточно долго сохранялась принадлежность ко второй серии таких глаголов, которые в других диалектах рано начали переходить в парадигматический тип первой серии. Период, когда атематический тип образования форм в восточно-балтийском был продуктивен, был еще достаточно близок к письменному периоду. До этого ситуация в общеполтийском была существенно ближе к реконструированному индоевропейскому перед тем, как в отдельных группах начало осуществляться движение, приведшее к распаду второй серии и к переходу значительного числа глаголов в первую серию.

Несмотря на наличие общих черт в системе архаичных балтийских претеритальных форм и форм диалектов аугментного ареала не представляется возможным реконструировать для общеполтийского аорист. Можно говорить лишь о наличии форм претерита, которые, как и аорист в аугментном ареале, исторически продолжают тип второй серии. Но самый характер этого продолжения в балтийском отличен от аугментного ареала (опозиция первичных и вторичных окончаний и сигматический показатель для этого не используется), а система настоящего времени отличается от него радикально.

Все исторические индоевропейские диалекты различают систему форм настоящего времени и другую систему форм или несколько таких непрезентных систем (обычно две).

Общеиндоевропейскую систему, по-видимому, следует себе представить ближе к хеттской, чем к глаголу в языках аугментного ареала, с которым общие черты есть и в балтийском и славянском. Противопоставлялись не столько сами корни, сколько типы образования форм по двум сериям. Оппозиция двух типов глаголов бытия и других подобных глаголов ('есть', 'идти') выражалась в общеиндоевропейском в двух типах образования от одного и того же корня, что еще отчетливо выражено в анатолийском и отчасти в индо-иранском. Следы обоих типов образования прослеживаются и в балтийском и славянском (ср. **eimi* : **yoHo*).

Признание большей древности форм второй серии по сравнению с формами первой серии, убедительно показанное в ряде работ последних лет, не должно вести к преувеличению, которое заключалось бы в исключении этой последней из общендоевропейской реконструкции. Для позднего общендоевропейского, как и для ранних состояний таких отдельных индоевропейских диалектов, как балтийский, приходится восстанавливать обе серии форм. Если принимать предлагавшиеся в последнее время сближение общендоевропейского с языками активного типа, то различие форм первой (активной) и второй (инактивной, откуда позднейшее ее медиальное и депонентное значение) серии следует сопоставить с возможностью образования от одного корня активных и инактивных форм (как в языках тупи-гуарани). Что же касается предлагавшихся в духе типологии языков активного типа лексической дифференциации дублетных корней, то ее в большинстве случаев приходится отнести к относительно более поздним диалектным процессам, что по хронологическим причинам сделало бы крайне затруднительным такое объяснение (во всяком случае для наиболее ясных пар супплетивных глаголов). Иначе говоря, для общендоевропейского нет оснований предполагать наличие лексических дублетов, в значениях самих корней предполагающих различие активности — инактивности. Но от одного и того же корня в индоевропейском могла быть образована система основ, спрягавшихся по обеим сериям. Введение же разных корней в эти системы форм происходило в основном в результате позднего диалектного развития (прежде всего в аугментном ареале и на его периферии).

Современные исследования по истории лингвистики обнаружили, что древнейшая формулировка различия инактивного и активного в глагольных формах принадлежит тибетским грамматикам рубежа I и II тыс. н. э., введшим впервые и соответствующую терминологию. В классическом тибетском, натолкнувшем их на это открытие, активность — инактивность глагольной формы целиком определялась наличием соответствующего глагольного аффикса (типа *b-ri-s* 'написанный' при *h-ri* 'пищу'). Типологически (а возможно и генетически) сходный тип представлен, с одной стороны, в енисейском, с другой — в северо-кавказском (и родственных ему языках Древнего Востока). В качестве наглядного примера можно привести функционирование префиксальных форм от таких глагольных корней, как кабард. *-с-*, убых. *-s-* (выступает, только в связанном виде) в кабард. *xə-c-yn* 'сидеть', убых. *-wa-s*, хатти (протохеттск.) *hə-ni-wa-š* 'место для сидения — престол', *həi-wa-ib* '(ты) пришел в (мой) дом' при кабард. *xəy-wa-nIə* 'место, где можно вступить во что-либо', *y-fə-ən-цIын* 'мочить дождем' при хатти *wa-b(i)-zil* 'ливень' (то же соответствие кабард. *цI*: хатти *-zil-* из латерального шумного, как в кабард. *цIэм* 'подставка': хатти *zilət* 'престол, сидение', кабард. *цIэ* 'земля': авар. *pa-mIʔ*: хатти *(i)šta-rra-zil* ('темная') 'земля' с классным показателем *ra-*, ср. классный показатель *wa-* в хатти *wa-zar-* 'человек,

люди': арчин. *bo-šor*, хатти *wa-zar* 'овца', 'овцы': лезг. *вукъар*); хатти *mi-ša* 'звать' (в билингве соответствует хет. *eḫi* 'приходи!') при адыг. *мардж-*, хатти *zu-du-h-an* (о боге луны, упавшем с неба) при убых. *z^wa-t^a* 'спускаться (о солнце, о предметах, спускаемых богом с небес для людей)' и т. п.

За последней хаттской формой в мифе о луне, упавшей с неба, следует *zišim* — эргатив от *ziš* 'гора' (значение по другой билингве — строительному ритуалу). В хаттском, как и в адыгском и индоевропейском, действует типологический принцип противопоставления актива — эргатива, маркированного древним постпозитивным местоимением (хат. *wašḫab-ma* 'богами', при *-ma-* 'этот', адыг. *тхэм* 'богом'; и.-е. акт. > имен. пад. *s- при *sejo 'этот'), и ударной глагольной формы, маркированной тем же местоимением в препозиции при отсутствии локативных и других уточняющих префиксов (хат. *ma-zilat* 'стоит — о престоле', адыг. *methaç'* 'э 'моет', ср. др.-хет. *t-aš aki* 'он убит' = 'он умер', где š- < и.-е. *s-). Этот типологический принцип в рамках текстовой лингвистики позволяет дать как для индоевропейского, так и для адыгского и хаттского единообразное объяснение и форме активного падежа, первоначально противопоставленной абсолютному, и простейшим нелокативным префиксам глагола. В северо-кавказском и хаттском отождествляются группы объектно-субъектных префиксов: хат. *i* — *tu-ū-e* 'мы едим', абхаз. *u-φ-eum* 'он что-то съел' (убых. *f-* 'есть', адыг. *-m*, 1 л., мн. ч., нах. *m-xo* 'мы') с обычным для северо-кавказского порядком аффикс объекта + аффикс субъекта. Текст мифа о луне, упавшей с неба, может быть возведен к общесеверо-кавказскому благодаря наличию соответствий типа *taiwa_a tupi ta-ḫ-kuwat* 'охватил его страх и ужас', адыг. *цтэулул* 'боязливый', *цманх* 'трусливый', кабард. *цтэн* 'пугаться', убых. *andḡa q^oaq'a* 'он схватил солнце' = 'произошло затмение солнца', авар. *baq-kkvej* 'затмение (солнца)', *baq kkun bugo* 'солнце затмилось', *mozz kkvej* 'лунное затмение'. В начальной фразе мифа *kap ka-iyah-du Kašhu dukzik* 'Бог Луны упал с неба' хат. *Kašhu* родственно хурр. ^D*Kušūḫ* 'Луна-бог' и, вероятно, адыг. *къызэпчы* 'светает', *къэзыгъэнэфырэр* 'светило', *ka-iyah-du* содержит локативный префикс *ka-* (адыг. *кѣа-*), падежный суффикс *-du* (общий для северо-кавказского, енисейского и других родственных языков) и основу *yah-* (название 'солнца', общее у северо-кавказского с енисейским, ср. убых. *andḡa*). Глагольная форма хат. *duk-zik* в начале того же мифа, по-видимому, содержит два локативных префикса (ср. адыг. *дэ-* 'в' и *кѣэ-*) и ту же основу, что и убых. *č'a-k'a-* 'падать' о предметах, падающих на землю, в том числе о садящемся во время заката солнце.

Одной из важнейших проблем типологического изучения северо-кавказских языков представляется выявление всей системы аффиксов, определяющих функции глагольного корня. По отношению к енисейскому (как и тибетскому) аналогичная работа в известной мере уже проделана. При резких типологических отличиях глагола в языках этого типа от ситуации, реконструируемой

в индоевропейском (и других ностратических, где, как в картвельском и уральском, общиндоевропейскому различию двух серий отвечает различие объектного и субъектного спряжений, возводимое, в свою очередь, к различению possessивных и nonpossessивных форм), главное отличие, по-видимому, состоит в статусе приглагольных модификаторов и соответственно в степени сложности структуры инкорпорирующего глагольного комплекса. Для ранней эпохи индоевропейского различия типа видовых целиком определялись превербными, имеющими в конечном счете именное происхождение. Позднейшее развитие, в частности, в диалектах типа балтийских и славянских, шло по пути отождествления видовых категорий, выразившихся синтаксическими средствами, и собственно морфологических (аффиксальных) форм. Поэтому предистория балтийского и славянского глагольного вида принадлежит в большей степени не сравнительной морфологии, а сравнительно-историческому синтаксису индоевропейских языков. Развитие приводит к переводу вида из синтаксической категории в собственно морфологическую.

Источники

- Бехистунская надпись — *Kent R. G. Old Persian. New Haven, 1953.*
- Бреткунас — См. Bretkunas
- Даукша «Постилла» — см. Daukša, «Poštilla»
- Евангелие 1753 г. — *Evanglia toto anno in Livonia Lothavis praelégi solita. Vilnae, Anno 1753.*
- Завещание Хаттусилиса I — *Sommer F., Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München 1938.*
- Каратене — *Meriggi P. Manuale de eteo geroglogico. Parte II. Testi, 1a serie. I testi neo-etei più o meno completi (Incunabula graeca, v. XIV). Roma, 1967* (римская цифра обозначает номер фрагмента, арабская — слово).
- Катехизис Мажвидаса — см. Mažvydas
- Катехизис Петкявичуса — 1958 metų Merkelio Petkevičiaus Katekizmas 2-s Leidimas (fotografuotinis). Kaunas, 1939.
- Клоцов сборник — *Vondrak V. Glagolita Clozdv. Praha, 1893.*
- Маддуватас — *Goetze A. Madduwattas. Leipzig, 1928.*
- Молитвы во время чумы — *Götze A. Die Pestgebete des Mursilis. — Jahrbuch für kleinasiatische. Forschung, 1929, Bd. 1, H. 2* (первая арабская цифра обозначает параграф, вторая — строку).
- Надпись Аниты — *Neu E. Der Anitta-Text. — StBoT, 1974, H. 18* (арабские цифры относятся к строкам соответственно передней стороны (Vs) и задней стороны (Rs) таблички).
- Повесть о Цальпе — *Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. — StBoT, 1973, H. 17* (заглавные латинские буквы обозначают части, арабские цифры — строки текста).
- Супр. — *Северьянова С. Супрасльская рукопись. Спб., 1904.*
- Текст (надпись) Телепинуса — *BoTU 23A*
- Хетские законы — *Friedrich J. Die hethitischen Gesetzen. Leiden. Brill, 1959; Imparati F. Le leggi ittite (Incunabula graeca, v. VII). Roma, 1964.*
- Эльбингский словарь — *Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.*
- АВОТ — Ankara Arkeolojii Müzesinde bulunan Boğazköy-Tabletleri. Istanbul, 1948 (первая арабская цифра относится к номеру текста, вторая римская — к помете колонки внутри текста, третья арабская — к строке; если в тексте одна колонка, ее номер может отсутствовать, если две — первая обозначается Vs. — I, вторая Rs — II).
- ВоТ — *Forrer E. Die Boghazköi-Texte im Umschrift, II. Leipzig, 1926* (первая арабская цифра относится к номеру, вторая римская — к колонке, третья арабская — к строке).
- Bretkunas Bibl. — *Scheschta dalis Biblios Lietuwischkos. Jano Bretkuno perguldita. Metusa, 1580.*
- BW — *Barons K. un Wissendorfs. Latwju dainas. I—VI, Jelgawâ — Petrograda, 1894—1915.*
- Cekke — *Meriggi P. Manuale del eteo geroglogico. Parte II. Testi 1ª serie. I testi neo-etei più o meno completi (Incunabula graeca, v. XIV, Roma, 1967* (римская цифра обозначает номер фрагмента, арабская — номер строки).
- СТН — *Laroche E. Catalogue des textes hittites. Paris, 1972* (цифры обозначают номер текста по каталогу, сокращение Во стоит перед богазкёйскими текстами под музейными номерами).
- Daukša Kat. — *Kathechismas M. Dauksza. Wilniue, 1595.*
- Daukša «Postilla» — *Postilla Catholica. Per Kuniga Mikaloiv Davksza. Wilniui, 1599.*

- HT — Hittite Tests in the Cuneiform Character from Tablets in the British Museum. London, 1920.
- I BoT — Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy tabletleri. I—III. Istanbul, 1944—1954. (первая римская цифра относится к тому серии, вторая арабская — к номеру текста, третья римская — к колонке, если она есть, четвертая арабская — к строке).
- KBo — Keilchrifttexte aus Boghazköi, Leipzig — Berlin, 1916—1980. (как и в сериях, сокращенно обозначенных I BoT и KUB, первая римская цифра относится к тому, вторая арабская — к номеру текста, третья римская — к колонке, если текст делится на колонки, четвертая арабская — к строке текста, в текстах с отбитым началом за номером строки ставится штрих).
- Kniga Nobažnites — Kniga Nobažnistes. Kiedaynise, 1653.
- KUB — Keilschrifturkunde aus Boghazköi. Berlin, 1901—1980 (значения цифр те же, что и в IBoT и KBo).
- LTU — *Otten H. Luvische Texte in Umschrift.* Berlin, 1953.
- Marg. Theol. — Margarita Theologica. Maetusa, 1600.
- Mažvydas — *Mažvydas.* Seniausieji lietuvių kalbos paminklai iki 1570 metams. Kaunas, 1922.
- ML — Ascoli. Il codice irlandese dell'Ambrosiana, 1878 (миланские глоссы).
- Paṇini — *Renou L. La grammaire de Paṇini, v. 1—3.* Paris, 1948 — 1954.
- Petkevičius — см. Катехизис Петквичуса
- Plaut. (Curc.) — *T. Macci Plauti. Comoediae, rec. W. M. Lindsay.* Oxford, 1903.
- Punktay sakimu — Šyrvids Punktay sakimu. Hrsg. von F. Specht. Göttingen, 1929.
- RV — Ṛg-Veda, Aufrecht T., I—II. Berlin, 1955 (первая римская цифра относится к мандале (глава), вторая арабская — к гимну, третья арабская — к строке).
- Udanāḷ — *Sieg E., Siegling W. Tocharische sprachreste. Sprache B. H. 1. Die Udānāḷkāra. Fragmente.* Göttingen, 1949.
- Vilent — Bartholomäus Willent's litauische Uebersetzung des Luther'schen Enchiridion. Hrsg. von F. Bechtel. Göttingen, 1882.
- Virg. Aen. — *Vergilius. Aeneis cum delectu variae lectionis ed. Ladewig Th.; Deuticke P. B.,* 1889.
- Y. — Yašt, *Geldner K. F. Avesta, Bd. I—III.* Stuttgart, 1886—1895 (первая арабская цифра обозначает номер гимна, вторая — строки).
- Yasna — *Reichelf H. Avesta reader.* Strassburg, 1911.
- Гомеровские поэмы цитируются с традиционным обозначением песен буквами греческого алфавита.
- Прусские тексты цитируются по: *Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler.* Göttingen, 1910 (транслитерация); *Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai.* Vilnius, 1966 (воспроизведение подлинника) (римские цифры означают номер катехизиса, арабские — раздел внутри текста).
- Тохарские В тексты цитируются по: *Sieg E., Siegling E. Sprachreste, Sprache B. H. 2.* Hrsg. von W. Thomas. Berlin, 1953 (сокращение MQR относится к текстам из Ming-öi Qizil).

Литература

- Абаев 1958—1979, I—III — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I—III. М.—Л. 1958, 1979.
- Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Баюн 1979 — *Баюн Л. С.* Глагольная редупликация в хетто-лувийских языках. — VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. М., 1979, с. 15—16.
- Баюн 1980 — *Баюн Л. С.* Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории. — Вестник древней истории, 1980, N 2.
- Бевзенко 1960. *Бевзенко С.* Исторична морфологія української мови. Ужгород, 1960.
- Белић 1932 — *Белић А.* Словенски инјунктив у вези са постанком словенског глаголног видам. — Глас Српске краљевске Академије, CXVIII, други разряд, кн. 76. Београд, 1932, с. 1—38.
- Белић 1958 — *Белић А.* О језичкој природи и језичком развјтку. 1 кн. Београд, 1958.
- Бенвенист 1955 — *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Бенвенист 1959 — *Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959, с. 90—108.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бибихин 1974 — *Бибихин В. В.* Nāma. — В кн.: Языковая практика и теория языка. М., 1974.
- Бородич 1963 — *Бородич В. В.* К вопросу о значении перфекта в болгарском языке. — В кн.: Славянская филология, вып. 4. М., 1963.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. 1952.
- Вап Вейк 1957 — *Вап Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
- Вап Вейк 1962 — *Вейк Ван.* О происхождении видов славянского глагола. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 238—258.
- Вернер 1974 — *Вернер Г. К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, 1974, № 1.
- Виноградов 1978 — *Виноградов В. А.* Именные классы и местоимения в бамилеке. — В кн.: Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. М., 1978.
- Володин — Храковский 1975 — *Володин А. П., Храковский В. С.* Типология морфологических категорий глагола (На материале агглютинативных языков). — Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). М., 1975.
- Володин — Храковский 1977 — *Володин А. П., Храковский В. С.* Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение). — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Галнайтите 1963 — *Галнайтите Э.* Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком). — *Kalbotuota (Vilnius)* 1963, VII.
- Галнайтите 1966. — *Галнайтите Э.* К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке. — *Baltistica (Vilnius)*, 1966, II (2), с. 147—158.
- Галнайтите 1979 — *Галнайтите Э. А.* К типологии одноактных глаголов в русском и литовском языках. — Категория вида и ее функциональные связи. Вопросы русской аспектологии. IV. Учен. зап. Тартуского Гос. Ун-та, вып. 482, 1979, с. 75—94.

- Гамкрелидзе 1959 — Гамкрелидзе Т. В. Сибилантичные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Гамкрелидзе — Иванов 1980, I—II — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. I—II. Тбилиси, 1980.
- Гамкрелидзе — Мачавариани 1965 — Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Гецова 1963 — Гецова О. Г. К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах. — В кн.: Славянская филология, вып. 5, М., 1963.
- Гухман 1945 — Гухман М. М. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1945, № 3—4.
- Гухман 1964 — Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
- Гухман 1966 — Гухман М. М. Глагол в германских языках. В кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. IV. М., 1966.
- Гухман 1967 — Гухман М. М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках разных типов. Л., 1967.
- Дамбрюнас 1962 — Дамбрюнас Л. Глагольные виды в литовском языке. — Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 365—381.
- Дем'янчук 1928 — Дем'янчук В. Морфологія українських грамот XIV і першої половини XV віку. — Україн. Академія наук. Історично-філологіч. від. 1928, 16.
- Десницкая 1946 — Десницкая А. В. Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках. Докторская диссертация. Л., 1946 (рукопись).
- Десницкая 1947 — Десницкая А. В. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1947, № 6, с. 493—499.
- Десницкая 1951 — Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности. — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 136—144.
- Десницкая 1979 — Десницкая А. В. Морфонологические процессы в образовании вторичной флексии в албанском языке. — В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979, с. 83—97.
- Джорбенадзе 1975 — Джорбенадзе Б. А. Вопросы образования и функции глагольной категории залога в грузинском языке. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Дондуа 1975 — Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975.
- Дульзон 1968 — Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Дурново 1927—1928 — Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. 2. Гласные из *ep, em* перед носовыми в об. сл. яз. — *Slavia* 1927—1928, 6, с. 209—232.
- Дыбо 1958 — Дыбо В. А. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ, 1958, № 6, с. 55—62.
- Дыбо 1960 — Дыбо В. А. Рец. на: Sadnik L. Slavische Akzentuation. Vorhistorische Zeit. — ВЯ, 1960, № 6, с. 113—119.
- Дыбо 1961 — Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индо-европейской акцентологии. — Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961, с. 9—34.
- Дыбо 1961а — Дыбо В. А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. — КСИС, 1961, вып. 30, с. 33—38.
- Дыбо 1962 — Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962, с. 3—27.
- Дыбо 1962а — Дыбо В. А. Рец. на: Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. — Структурно-типологические исследования. М., 1962.

- Дыбо 1963 — *Дыбо В. А.* Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 54—83.
- Дыбо 1968 — *Дыбо В. А.* Фрагмент праславянской акцентной системы (формы — enclitomena в аористе i-глаголов). — Сов. славяноведение, 1968, № 6.
- Дыбо 1969 — *Дыбо В. А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. — ВЯ, 1969, № 3, с. 82—101.
- Дыбо 1971 — *Дыбо В. А.* О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Сов. славяноведение, 1971, № 6.
- Дыбо 1971а — *Дыбо В. А.* Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2, с. 93—114.
- Дыбо 1972 — *Дыбо В. А.* Акцентные типы презенса глаголов с ъ, ь в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4, с. 68—79.
- Дыбо 1973 — *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — Кузнецовские чтения. 1973. М., 1973, с. 8—10.
- Дыбо 1974 — *Дыбо В. А.* Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. 1. Именная акцентуация. — Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 67—105.
- Дыбо 1978 — *Дыбо В. А.* Ностратическая гипотеза (итоги и проблемы). — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1978, т. 37, № 5, с. 400—413.
- Дыбо 1980 — *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — Славянское и балканское языковедение. Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 91—150.
- Дыбо — Иллич-Свитыч 1963 — *Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М.* К истории славянской системы акцентуационных парадигм. — В кн.: Славянское языковедение. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 70—87.
- Дыялекталагічны атлас 1963. — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Дьяконов — Нерознак 1977 — *Дьяконов И. М., Нерознак В. П.* Очерк фригийской морфологии. — В кн.: Baltistica, II Priedas, с. 169—198.
- Дьяконов — Порхомовский 1979 — *Дьяконов И. М., Порхомовский В. Я.* О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем). — Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 72—84.
- Елизаренкова 1960 — *Елизаренкова Т. Я.* Аорист в «Ригведе». М., 1960.
- Елизаренкова 1961 — *Елизаренкова Т. Я.* Значение основ презенса в «Ригведе». — В кн.: Языки Индии. М., 1961, с. 91—165.
- Елизаренкова 1972 — Ригведа. Избранные гимны. Комментар. и вступит. ст. Елизаренковой Т. Я. М., 1972.
- Елизаренкова, Топоров 1962 — *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* О древнеиндийской Ушас. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 66—84.
- Елизаренкова — Топоров 1979 — *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки. — В кн.: Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 36—88.
- Зализняк 1962 — *Зализняк А. А.* О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией. — Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.
- Зализняк 1964 — *Зализняк А. А.* Синхронное описание и внутренняя реконструкция. — В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964.
- Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* О «Мемуаре» Ф. де Соссюра. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языковедению. М., 1977, с. 289—301.
- Зинкевичюс 1958 — *Зинкевичюс З. П.* Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке. — Вопросы славянского языковедения, вып. 3. М., 1958.

- Иванов 1955 — *Иванов В. В.* Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. М., 1955.
- Иванов 1956 — *Иванов В. В.* Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка. — ВЯ, 1956, № 2.
- Иванов 1957 — *Иванов В. В.* О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов. — Тезисы докладов на расширенном заседании Ученого Совета Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957.
- Иванов 1957а — *Иванов В. В.* О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957.
- Иванов 1957б — *Иванов В. В.* Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. — Вестник МГУ, 1957, № 2.
- Иванов 1957в — *Иванов В. В.* Происхождение и история хеттского термина *ranki* — 'собрание'. — Вестник древней истории, 1957, № 4.
- Иванов 1958 — *Иванов В. В.* Типология и сравнительно-историческое языкознание. — ВЯ, 1958, № 5.
- Иванов 1958а — *Иванов В. В.* К изучению лексики лувийского языка. — В кн.: Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 141—150.
- Иванов 1959 — *Иванов В. В.* Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959.
- Иванов 1960 — *Иванов В. В.* О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов. — В кн.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка. М., 1960.
- Иванов 1960а — *Иванов В. В.* Русское *молить* и хеттское *mal-dai-*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, 1. М., 1960.
- Иванов 1961 — *Иванов В. В.* К этимологии русского *пасту*. — В кн.: Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961.
- Иванов 1961а — *Иванов В. В.* Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка. — В кн.: Переднеазиатский сборник. М., 1961, с. 292—332.
- Иванов 1961б — *Иванов В. В.* Об агглютинации в индоевропейском словообразовании и формообразовании. — Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков. Тезисы докладов. М., 1961.
- Иванов 1962 — *Иванов В. В.* О культе огня у хеттов. — В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 266—272.
- Иванов 1963 — *Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов 1963а — *Иванов В. В.* Рец. на: Benveniste E. Hittite et indo-européen. — ВЯ, 1963, № 4.
- Иванов 1964 — *Иванов В. В.* Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. — В кн.: Древняя Индия. М., 1964, с. 85—94.
- Иванов 1965 — *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1966 — *Иванов В. В.* Об одном семантическом архаизме в бамилеке. — В кн.: Языки Африки. М., 1966, с. 259—261.
- Иванов 1968 — *Иванов В. В.* Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Иванов 1968а — *Иванов В. В.* Комментарий. II. — В кн.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Иванов 1969 — *Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. — Труды по знаковым системам. IV. Учен. зап. Тартуского Гос. ун-та, вып. 236, 1969.
- Иванов 1972 — *Иванов В. В.* Семантическая категория малости—величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. — Проблемы африканского языкознания. М., 1972.

- Иванов 1973 — *Иванов В. В.* Единство предмета науки о языке. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, № 3.
- Иванов 1973а — *Иванов В. В.* К типологии развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Иванов 1973б — *Иванов В. В.* Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами. — В кн.: Лингвотипологические исследования, вып. II, ч. 2, М., 1975, с. 43—69.
- Иванов 1974 — *Иванов В. В.* Реконструкция общебалтийских синтаксических структур. — Балто-славянский сборник. М., 1974.
- Иванов 1974а — *Иванов В. В.* Рец. на: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения постлатинских языков. — Этимология. 1972. М., 1974.
- Иванов 1975 — *Иванов В. В.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975, № 5.
- Иванов 1975а — *Иванов В. В.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованным и фарингализованным тонами. — В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Иванов 1975б — *Иванов В. В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 50—79.
- Иванов 1976 — *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
- Иванов 1976а — *Иванов В. В.* К типологии инфинитива в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976, с. 216—230.
- Иванов 1977 — *Иванов В. В.* Древняя литература Малой Азии. — В кн.: Луна, упавшая с неба. Пер., вступит. ст. и коммент. В. В. Иванова. М., 1977, с. 5—32.
- Иванов 1977а — *Иванов В. В.* Комментарий. — Там же, с. 253—300.
- Иванов 1977б — *Иванов В. В.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. — Труды по знаковым системам. VIII. Учен. зап. Тартуского Гос. Ун-та, вып. 411, 1977, с. 45—64.
- Иванов 1977в — *Иванов В. В.* Общие термины в языках науки. — Вопросы кибернетики. Вып. 17. Формализация языковых данных. М., с. 63—75.
- Иванов 1977г — *Иванов В. В.* Рец. на: Lehmann W. P. Proto-Indo-European Syntax. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977, № 4.
- Иванов 1977д — *Иванов В. В.* К типологии числительных первого десятка в языках Евразии. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Иванов 1977е — *Иванов В. В.* О происхождении некоторых балтийских названий металлов. — *Baltistica*, 1977, XIII (4).
- Иванов 1977ж — *Иванов В. В.* Из семиотических комментариев к клинописным хеттским текстам. — В кн.: *Philologia Orientalis*. Тбилиси, 1977.
- Иванов 1978 — *Иванов В. В.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. — *Природа*, 1978, № 1.
- Иванов 1978а — *Иванов В. В.* К архаичным формулам в хеттских гимнах. — *AOr.*, vol. 46, 1978, № 1, с. 69—71.
- Иванов 1978б — *Иванов В. В.* Гомер. греч. Δεῖρος τε Φόβος τε, хатт. *taida_a tur/χⁱ*, хетт. *našaratt-deritema*. — В кн.: Античная балканистика. 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. Предварительные материалы. М., 1978, с. 21—23.
- Иванов 1978в — *Иванов В. В.* Ю. Курилович (1895—1978). — ВЯ, 1978, № 5.
- Иванов 1978г — *Иванов В. В.* О следах индоевропейских комплексов энклитик в славянском. — In: *Studia linguistica*, ed. H. Birnbaum et al., Lisse, 1978, с. 191—201.
- Иванов 1979 — *Иванов В. В.* Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 56—68.

- Иванов 1979а — *Иванов В. В.* Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов. — Там же.
- Иванов 1979б — *Иванов В. В.* Сравнительно-исторический анализ категорий определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики. — В кн.: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 11—63.
- Иванов 1979 в — *Иванов В. В.* К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
- Иванов 1979г — *Иванов В. В.* Эстетическое наследие древней и средневековой Индии. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 6—35.
- Иванов 1979д — *Иванов В. В.* Проблема происхождения культа Кубабы-Кибелы. — *Balsano-balto-slavica*. М., 1979, с. 11—13.
- Иванов 1979е — *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 9—17. — Этимология. 1977. М., 1979, с. 145—149.
- Иванов 1979ж — *Иванов В. В.* О функциях гортанной смычки. — В кн.: Звуковой строй. Сб. памяти акад. Л. В. Щербы. М., 1979.
- Иванов 1980 — *Иванов В. В.* Анатолийские языки. — ДЯМА.
- Иванов 1980а — *Иванов В. В.* Проблема происхождения и в начальном слове в балтийском в свете этимологических данных. — Балтославянские этнолингвистические контакты. М., 1980, с. 77—90.
- Иванов 1980б — *Иванов В. В.* О соотношении развития морфологического и синтаксического уровней языка. — II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1980, с. 94—105.
- Иванов 1980в — *Иванов В. В.* Понятия как объекты описания в изд. «Языков мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Иванов 1980г — *Иванов В. В.* О структуре в гомеровском греческом текстов, описывающих психические состояния. — В кн.: Структура текста. М., 1980.
- Иванов — Топоров 1958 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.
- Иванов — Топоров 1960 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Санскрит. М., 1960.
- Иванов — Топоров 1963 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание. IV Международный съезд славистов. Доклады советской делегации., М. 1963.
- Иванов — Топоров 1965 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Иванов — Топоров 1974 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов — Топоров 1978 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (К анализу некоторых ключевых терминов). — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 221—240.
- Иллич-Свитыч 1959 — *Иллич-Свитыч В. М.* О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском. — ВЯ, 1959, № 2.
- Иллич-Свитыч 1962 — *Иллич-Свитыч В. М.* К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балтославянском. — РСИС, АН СССР, 1962, 35, с. 63—72.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Иллич-Свитыч 1963а — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дектальные: t, d, ђ. — ВЯ, 1963, № 3.
- Иллич-Свитыч 1964 — *Иллич-Свитыч В. М.* Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем. — В кн.: Славянская и балтийская акцентология. М., 1964, с. 18—26.
- Иллич-Свитыч 1967 — *Иллич-Свитыч В. М.* Сравнительная грамматика славянских языков. — В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.

- Иллич-Свитыч 1968 — *Иллич-Свитыч В. М.* Соответствия смычных в ностратических языках. — В кн.: *Этимология*. 1966. М., 1968.
- Иллич-Свитыч 1971, 1—1976, 2 — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b—Ʒ). М., 1971; Сравнительный словарь (l—ž). Указатели. М., 1976.
- Ильинский 1916 — *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Казлаускас 1962 — *Казлаускас И.* Остатки формы 3-го лица аориста и имперфекта в балтийских языках. — ВЯ, 1962, № 5, с. 92—98.
- Камменхубер 1980 — *Камменхубер А.* Очерк палайской грамматики — ДЯМА.
- Каралюнас 1972 — *Каралюнас С. С.* К балтийскому соответствию балто-славянского *pasti. — Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 281—288.
- Каргер 1934 — *Каргер Н. К.* Кетский язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. III. М.—Л., 1934.
- Кацнельсон 1967 — *Кацнельсон С. Д.* К происхождению эргативной конструкции. — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Исследования и материалы. Л., 1967, с. 33—41.
- Кельн 1962 — *Кельн Г.* Происхождение славянского глагольного вида (производные образования несовершенного вида от приставочных глаголов в их отношении к категории детерминированности и к системе глагольных форм). — В кн.: *Вопросы глагольного вида*. М., 1962, с. 280—286.
- Климов 1964 — *Климов Г. А.* *Этимологический словарь картвельских языков*. М., 1964.
- Климов 1973 — *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов 1973а — *Климов Г. А.* Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 5, с. 442—447.
- Климов 1977 — *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов — Алексеев 1980 — *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М. 1980.
- Климов — Эдельман 1974 *Климов Г. А., Эдельман Д. И.* К названиям парных частей тела в языке бурушаски. — *Этимология*. 1972. М., 1974, с. 160—162.
- Колесов 1973 — *Колесов В. В.* Праславянская фонема [q] в ранних преобразованиях славянских вокалических систем. — В кн.: *Славянское языковедение*. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 170—195.
- Комарович 1960 — *Комарович В. Л.* Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. — Труды Отдела древнерусской литературы (ИРЛИ), т. XVI. 1960.
- Королев 1977 — *Королев А. А.* — Глагол существования и связка в древнеирландском языке. — В кн.: Категория бытия и обладания в языке. М., 1977, с. 101—124.
- Краузе 1959 — *Краузе В.* Тохарский язык. — В кн.: *Тохарские языки*. М., 1959, с. 39—89.
- Крейнович 1964 — *Крейнович Е. А.* О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова. — В кн.: *Проблемы сравнительной филологии*. М., 1964.
- Крейнович 1968 — *Крейнович Е. А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Крейнович 1968а — *Крейнович Е. А.* О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. — В кн.: *Кетский сборник*. Лингвистика. М., 1968.
- Кузнецов 1956 — *Кузнецов П. С.* К истории форм 3-го лица наст. вр. глагола в русском языке. — *Slavia*, 1956, ч. 25, с. 175—183.
- Кузнецов 1961 — *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.

- Курилович 1962а — *Курилович Е.* Происхождение славянских глагольных видов. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 258—264.
- Ларош 1980 — *Ларош Э.* Очерк лувийского языка. — ДЯМА.
- Лейн 1959 — *Лейн Дж. С.* Имперфект и перфект в тохарском. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959, с. 119—136.
- Льюис — Педерсен 1954 — *Льюис Г. и Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Мажюлис 1958 — *Мажюлис В.* Заметки к вопросу о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. (IV Международный съезд славистов. Доклады). Вильнюс, 1958.
- Маслов 1962 — *Маслов Ю. С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. Комментарии. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Мацкевич 1959 — *Мацкевич Ю.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск 1959.
- Мачавариани 1977 — *Мачавариани Г.* Категория вида в картвельских языках. — В кн.: Вопросы структуры грузинского языка, IV. Тбилиси, с. 118—142 (на груз. яз.).
- Мейе 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. 1938.
- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Мейе 1952 — *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
- Мериджи 1980 — *Мериджи П.* Учебник хеттского иероглифического языка. — ДЯМА.
- Мещанинов 1948 — *Мещанинов П. П.* Палеоазиатские языки. — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948, т. 8, вып. 6.
- Миллер — Фрейман 1927—1934, I—IV — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с доп. А. А. Фреймана, т. I—IV, Л., 1927—1934.
- Мирчев 1963 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Нахтигал 1963 — *Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
- Николаев — Старостин 1977 — *Николаев С. Л., Старостин С. А.* О парадигматических классах индоевропейских глаголов. — Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. М., 1977. с. 52—53.
- Нойман 1980 — *Нойман Г.* Лыкийский язык. — ДЯМА.
- Обнорский 1941 — *Обнорский С. П.* Образование глагольных форм 3 л. настоящего времени в русском языке. — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1941, № 3.
- Обнорский 1953 — *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Отрембский 1961 — *Отрембский Я.* Язык ятвягов. — Вопросы славянского языкознания, вып. V. М., 1961.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Перельмутер 1977 — *Перельмутер И. А.* Общенидоевропейский и греческий глагол. Л., 1977.
- Периханян 1973 — *Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. (Mātakdān i hazār dāstān). Ереван, 1973.
- Пильщикова 1959 — *Пильщикова Н. Н.* Местонахождения языков нигеро-чадской группы. — Африканский этнографический сборник, III. Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. II. М.—Л., 1959.
- Поливанов 1923 — *Поливанов Е. Д.* Следы суффикса Imperativi *-dhi на славянской почве. — ИОРЯС, т. 24 (1919), кн. 2, Пг., 1923.
- Поливанов 1928 — *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов, 1. Л., 1928.
- Поливанов 1968 — *Поливанов Е. Д.* Избранные работы по общему языкознанию. М., 1968.

- Поржезинский 1901 — *Поржезинский В. К.* К истории форм спряжения в балтийских языках. Учен. зап. Имп. Моск. ун-та, отд. ист.-филол., 1901, вып. 28, с. III—166.
- Порциг 1964 — *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- Поспелов 1966 — *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в русском языке. — ВЯ, 1966, № 2.
- Потебня 1941 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958.
- Преображенский 1910—1914 — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1910—1914.
- Прокош 1954 — *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Ревзин 1977 — *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. М., 1977.
- Ревзин — Юлдашева 1969 — *Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д.* Грамматика порядков и ее использование. — ВЯ, 1969, № 1.
- Савукина 1966 — *Савукина Б.* К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. — In: *Baltistica*, 1966, I (2).
- Савченко 1974 — *Савченко А. Н.* Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
- Сафаревич 1962 — *Сафаревич Я.* О выражении совершенности и несовершенности в латинском языке. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 323—334.
- Смирницкая 1977 — *Смирницкая О. А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977, с. 5—120.
- Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Срезневский 1903, III — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1903.
- Станг 1963 — *Станг Х.* Третье лицо глагола 'быть' в литовском и латышском языках. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963.
- Степанов 1976 — *Степанов Ю. С.* Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. I). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976, т. 35, вып. 5.
- Степанов 1977 — *Степанов Ю. С.* Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977, т. 36, вып. 2.
- Степанов 1978 — *Степанов Ю. С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 335—363.
- Сухишвили 1976 — *Сухишвили М.* Глагол состояния в грузинском языке. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Сытов 1976 — *Сытов А. П.* Из истории албанской глагольной флексии. — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 193—200.
- Сытов 1978 — *Сытов А. П.* К вопросу о рефлексе вторичного и.-е. оковчания 1-го лица ед. числа в глагольной системе албанского языка. — В кн.: Лингвистические исследования. 1978. М., 1978.
- Топоров 1958 — *Топоров В. Н.* Этимологические заметки. — КСИС, 1958, вып. 25.
- Топоров 1959 — *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1959.
- Топоров 1959а — *Топоров В. Н.* Slovenica. — Вопросы славянского языкознания, вып. 4. М., 1959.
- Топоров 1960 — *Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. — КСИС, 1960, вып. 28.
- Топоров 1961 — *Топоров В. Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. — Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961.

- Топоров 1962 — *Топоров В. Н.* О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. — *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 1963, V.
- Топоров 1966 — *Топоров В. Н.* Несколько замечаний о структуре флективной парадигмы литовского глагола в связи с проблемой порождения глагольных форм. — *Kalbotyta*, 1966, XIV.
- Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии. 4. Древнеиндийское *pra-bhūṣ-*: праславянское *pro-byš. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Топоров 1973б — *Топоров В. Н.* Несколько замечаний о балтийских глаголах на *-sta* в связи с происхождением этого форманта. — *ЛКК*, 1973, XIV, с. 151—167.
- Топоров 1974 — *Топоров В. Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. — В кн.: *Этимология*. 1972, М., 1974.
- Топоров 1975, I; 1979 II; 1980, III — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—Д. М., 1975; Е—Н. М., 1979; I—К. М., 1980.
- Топоров — Трубачев 1962 — *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Поднепровья. М., 1962.
- Тромбетти 1950 — *Тромбетти А.* О теории пассивного характера глагола. — Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
- Тронский 1936а — *Тронский И. М.* Из истории античного языкознания. — В кн.: *Советское языкознание*, II. Л., 1936, с. 21—38.
- Тронский 1936б — *Тронский И. М.* Проблемы языка в античной науке. — В кн.: *Античные теории языка и стилей*. Под общей ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936.
- Тронский 1946 — *Тронский И. М.* К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — *Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук*, 1964, вып. 10, с. 54—72.
- Тронский 1960 — *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Трубачев 1957 — *Трубачев О. Н.* К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства. — *ВЯ*, 1957, № 2.
- Трубачев 1958 — *Трубачев О. Н.* Из истории табуистических названий. — *Вопросы славянского языкознания*, вып. 3. М., 1958.
- Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев 1963 — *Трубачев О. Н.* *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)*. Проспект. *Вводные статьи*. М., 1963.
- Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Трубецкой 1927—1928 — *Трубецкой Н. С.* Об отражении общеславянского *ę* в чешском языке. — *Slavia*, 1927—1928, 6, с. 661—684.
- Уленбек 1950 — *Уленбек Х. К.* Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков. — В кн.: *Эргативная конструкция предложения*. М., 1950, с. 101—102.
- Уленбек 1950а — *Уленбек Х. К.* Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. — В кн.: *Эргативная конструкция предложения*. М., 1950.
- Ульянов 1891—1895, I—II, — *Ульянов Г. К.* Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, т. 1, Варшава, 1891; т. II, 1895.
- Фасмер — Трубачев 1964—1973, I—IV — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, т. I—IV. М., 1964—1973.
- Финк 1950 — *Финк Ф. П.* О якобы пассивном характере переходного глагола. — В кн.: *Эргативная конструкция предложения*. М., 1950.
- Флоренский 1973 — *Флоренский П. А.* Строение слова. — *Контекст*. 1972. М., 1973, с. 348—369.

- Фортунатов 1897 — *Фортунатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова. Значения глагольных основ в литовском славянском языке. — Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 году. Сб. ОРЯС, 1897, т. XIV, № 11, с. 1—158.
- Фортунатов 1957 — *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительная морфология индоевропейских языков. — В кн.: *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды, т. 2. М., 1957, с. 257—426.
- Фрейман 1951 — *Фрейман А. А.* Хорезмийский язык. Материалы и исследование, 1. М.—Л., 1951.
- Фрейман 1957 — *Фрейман А. А.* Письмо в редакцию. — ВЯ, 1957, № 4.
- Фридрих 1952 — *Фридрих И.* Краткая грамматика хеттского языка: Пер. с нем. Пред. А. В. Десницкой. М., 1952.
- Халле 1963 — *Халле М.* О правилах русского спряжения. — American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 362—382.
- Хелимский Е. А. 1979 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие угорско-самодийские языковые связи. Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками. Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1979.
- Церетели 1973 — *Церетели Г. В.* Метр и рифма в «Витязе в барсовой шкуре». — В кн.: Метр и рифма в «Витязе в барсовой шкуре». Тбилиси, 1973, с. 9—115 (на груз. яз.).
- Шантрен 1953 — *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
- Шухардт 1950 — *Шухардт Г.* Об активном и пассивном характере переходного глагола. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 103—106.
- Щепкин 1914 — *Щепкин В. Н.* Конспект курса славяно-русской палеографии. М., 1914.
- Щепкин 1920 — *Щепкин В. Н.* Учебник русской палеографии. М., 1920.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* К личным окончаниям в латинском и других италийских диалектах. — В кн.: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 103—109.
- Эйдельман 1975 — *Эйдельман Д. И.* Категория наклонения. — В кн.: Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975, с. 412—450.
- Эккерт 1980 — *Эккерт Р.* По поводу некоторых производных от корня *ed- 'есть' в балтийских и славянских языках. — Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 72—76.
- Эрну 1950 — *Эрну А.* Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
- Явнис 1916 — *Явнис К. О.* Грамматика литовского языка. Пг., 1916.
- Якобсон 1972 — *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Яковлев 1948 — *Яковлев Н. Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.
- Яковлев — Ашхамаф 1941 — *Яковлев Н., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.
- Adams 1978 — *Adams D. Q.* On the development of the Tocharian verbal system. — Journal of the American Oriental Society, 1978, vol. 98, № 3, p. 277—288.
- Allen 1964 — *Allen W. S.* Transitivity and possession. — Language, 1964, vol. 40, № 3, pt. 1.
- Alp 1950 — *Alp S.* Die soziale Klasse der NAMRA—Leute. In: Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, Bd. 1. Heidelberg, 1950.
- Ambrasas 1977 — *Ambrasas V.* Netiesioginės nuosakos (modus relativus) paplitimas ir kilmės problema. — LKK, 1977, с. 7—54.
- Ambrasas 1979 — *Ambrasas V.* Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.

- Ancitis 1977 — *Ancitis K.* Aksnīstes izloksne. Izloksnes statika un dinamika. Ievads, fonetika, morfologija. Rīgā, 1977.
- Andersen 1969 — *Andersen H.* IE *s after i, u, r, k in Baltic and Slavic. — *Acta linguistica Hafniensia*, 1969, XX, p. 171—190.
- Andersen 1970 — *Andersen H.* On some old Balto-Slavic isoglosses. — In: *Donum Balticum*. Stockholm, 1970, p. 14—21.
- Andersen 1976 — *Andersen S.* On the notion of subject in ergative languages. — In: *Subject and Topic*, ed. Ch. Li. New York, 1976.
- Anttila 1969 — *Anttila R.* Proto-Indo-European Schwebelaut. Berkeley and Los Angeles, 1969.
- Arumaa 1930 — *Arumaa P.* Litanische mundartliche Texte aus der Wilneer Gegend mit grammatischen Anmerkungen. Dorpat, 1930.
- Arumaa 1957 — *Arumaa P.* Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1957, Bd. XXVI, Heft I.
- Arumaa 1964—1976 — *Arumaa P.* Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Bd. I, II. Heidelberg, 1964, 1976.
- Atlas 1976 — *Bulletin de l'Atlas linguistique du Cameroun*. Yaoundé, 1976.
- Avram 1978 — *Avram A.* L'opposition 'implosif: exosif' et le problème des voyelles nasales du vieux slave. — In: *Studia linguistica*, ed. by H. Birnbaum et al. Lisse, 1978, p. 21—26.
- Bader 1973 — *Bader F.* Lat. *nempe, porco* et les fonctions des particules pronominales. — *BSL*, 1973, t. 68, f. 1, p. 22—75.
- Bader 1975 — *Bader F.* La structure thématique aux présents hittites. — *RHA*, 1975, t. XXXIII, p. 5—29.
- Bader 1975a — *Bader F.* Une isoglosse greco-tokharienne: *yo affixe casuel et particule d'énumération. — *BSL*, 1975, t. LXX, fasc. 1, p. 27—89.
- Bader 1975b — *Bader F.* Vieil irlandais *no, no-* et les formes tokhariennes apparentées. — *Études celtiques*, 1975, vol. XIV, fasc. 2, p. 391—403.
- Bader 1976 — *Bader F.* Le présent du verbe «être» en l'indo-européen. — *BSL*, 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 27—111.
- Bader 1976a — *Bader F.* Peñ. na Lejeune M. Manuel de la langue vénète. — *BSL*, 1976, t. LXXI, f. 2, p. 111—112.
- Bader 1977 — *Bader F.* Emplois recessifs d'un suffixe indo-européen, *-tu-. — *BSL*, 1977, t. LXXII, fasc. 1, p. 73—127.
- Bader 1978 — *Bader F.* Flexions d'aoristes sigmatiques. — In: *Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune par un groupe de ses élèves*. Paris, 1978, p. 29—44.
- Bammesberger 1974 — *Bammesberger A.* The formation of the East Baltic stative verbs *stāw-ē and *dēw-ē. — *Language*, 1974, vol. 50, p. 687—695.
- Baudiš 1908—1909 — *Baudiš J.* Das slavische Imperfektum. — *IF*, 1908—1909, Bd. XXIII, H. 1—2.
- Bechtel 1936 — *Bechtel G.* Hittite verbs in -šk-. A study of verbal aspect. Ann Arbor, 1936.
- Beck — Strunk 1972 — *Beck H., Strunk K.* Germ. *armaz und Vedisch arma-. — *Festschrift für H. Eggers zum 65. Geburtstag*, hrsg. von H. Backes. Tübingen, 1972.
- Bendix 1966 — *Bendix E. H.* Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. The Hague, 1966.
- Benveniste 1932 — *Benveniste E.* Une racine indo-européenne. — *BSL*, 1932, t. 33, fasc. 2, № 99, p. 133—135.
- Benveniste 1949 — *Benveniste E.* Sur l'emploi des cas en hittite. — *A. Or.*, 1949, t. XVII, p. 44—45.
- Benveniste 1951 — *Benveniste E.* Prétérit et optatif en indo-européen. — *BSL*, 1951, t. 47, f. 1.
- Benveniste 1953 — *Benveniste E.* La flexion pronomiale en hittite. — *Language*, 1953, vol. 29, p. 255—262.
- Benveniste 1959 — *Benveniste E.* Peñ. na: Liebert G. Die indoeuropäischen

- Personalpronomina und die Laryngaltheorie. — BSL, 1959, t. 54, fasc. 2, p. 56—57.
- Benveniste 1962 — *Benveniste E.* Hittite et indo-européen. Paris., 1962.
- Benveniste 1964 — *Benveniste E.* Renouveau lexical et dérivation en grec ancien. — BSL, 1964, t. 59, fasc. 1.
- Benveniste 1965 — *Benveniste E.* Le redoublement au parfait indo-iranien. — In: *Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz.* Wrocław, 1965, p. 24—33.
- Benveniste 1966 — *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
- Benveniste 1969, I—II — *Benveniste E.* Vocabulaire des institutions indo-européennes, I—II. Paris, 1969.
- Benveniste — Vendryes 1952 — *Benveniste E., Vendryes J.,* Langues indo-européennes. — In: *Les langues du Monde*, Paris, 1952, p. 3—80.
- Bezljaj 1976, 1 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva kniga. A—J. Ljubljana, 1976.
- Bezenberger 1877 — *Bezenberger A.* Beiträge zur Geschichte der Litauischer Sprache auf Grund litauischer Texte des VI und des XVII Jahrhunderts. Göttingen, 1877.
- Bezenberger 1907 — *Bezenberger A.* Studien über die Sprache des preussischen Enchiridions. — KZ, 1907, Bd. XLI.
- ~~Bezenberger~~ — Bielenstein 1886 — Undeutsche Psalmen und geistliche Lieder oder Gesänge, neu herausgegeben von Prof. Dr. A. Bezenberger und Dr. A. Bielenstein. Mitau — Hamburg, 1886 (первая цифра обозначает ссылку на гимн, вторая — на строку).
- Birnbaum 1963 — *Birnbaum H.* Reinterpretacje fonologiczne nosówek słowiańskich. — In: *American contributions to the Fifth International Congress of Slavists.* The Hague, 1963, p. 27—48.
- Birnbaum 1965 — *Birnbaum H.* Lautwandel und Phonologiesierung. — *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1965, Bd. 32, S. 281—289.
- Birnbaum 1967 — *Birnbaum H.* Syntagmatische und paradigmatische Phonologie. — *Phonologie der Gegenwart*, hrsg. von J. Hamm und Wytznzeus. Graz, 1967, S. 307—352.
- Birwé 1956 — *Birwé R.* Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbal-system. Walldorf Hessen, 1956.
- Bonfante 1932 — *Bonfante G.* Lat. *sum, es, est etc.* — BSL, 1932, t. 33, f. 2, p. 119—129.
- Bonfante 1933 — *Bonfante G.* Sobre und forma osca de presente (manatum) y sobre algunos presentes griegos. — *Emerita*, 1933, 1, c. 102—121.
- Bonfante 1933a — *Bonfante G.* $\delta\epsilon\iota\chi\nu\mu\iota$: $\delta\epsilon\iota\chi\nu\omega$ et congénères. — BSL, 1933, t. 34, fasc. 2, p. 133—139.
- Bonfante 1938 — *Bonfante G.* Les rapports linguistiques entre germanique et osco-umbrien. — *Revue de études indo-européennes*, 1938, t. 1, f. 2—4, p. 353—376.
- Borys 1975 — *Borys W.* Prefiksacja imienna w językach słowiańskich (Monografie słowistyczne, 32). Wrocław, 1975.
- Braun 1934 — *Braun A.* Statificazione dei linguaggi indoeuropei nell'Italia antica. — *Atti dell'Istituto Veneto* 1934, XCIII, p. 989—1057.
- Braune — Helm 1952 — *Braune W.* Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wortverzeichins, dreizende Auflage bearbeitet von K. Helm. Halle — Saale, 1952.
- Bremer 1924 — *Bremer O.* Vier und Acht. — In: *Streitberg Festgabe.* Leipzig, 1924, S. 20—21.
- Brown — Gilman 1960 — *Brown R. W., Gilman A.* The pronouns of power and solidarity. — In: *Style in language*, ed. by T. A. Sebeok. New York, 1960.
- Brugmann 1911—1916, II — *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II, 2 Aufl., T. 2, Strassburg, 1914; T. 3, I, 1913; T. 2, 1916.
- Būga 1958, I; 1959, II; 1961, III — *Būga K.* Rinkiniai raštai. Vilnius, t. I, 1958; t. II, 1959, t. III, 1969.
- Buning 1927 — *Buning A. J.* De indogerm. athematische Conjugatie in het Slavisch. Amsterdam, 1927.

- Burde 1974 — *Burde C.* Hethitische medizinische Texte. — StBoT, 1974, H. 19.
- Burrow 1954 — *Burrow T. S.* The Sanskrit precative. — In: *Asiatica. Festschrift Friedrich Weller.* Leipzig, 1954.
- Burrow 1957 — *Burrow Th. S.* An archaic verbal termination in early Indo-Aryan. — *Indo-Iranian Journal*, 1957, vol. 1, № 1, p. 61—76.
- Buysens 1959 — *Buysens E.* Negative contexts. — *English studies*, 1959, XL, № 3.
- Capell 1971 — *Capell A.* Austronesian languages of Australian New Guinea. — *Current trends in linguistics*, vol. 8. *Linguistics in Oceania*, The Hague — Paris, Mouton, 1971.
- Cardona 1965 — *Cardona G.* Реџ. на: Adrados F. R. Evolución y estructura del verbo indoeuropeo. — *Language*, 1965, vol. 41, № 1.
- Carruba 1970 — *Carruba O.* Das Palaische. Texte, Grammatik, Lexikon. — StBoT, 1970, H. 10.
- Carruba 1976 — *Carruba O.* Anatolico e indoeuropeo. — In: *Scritti in onore di G. Bonfante*, I Brescia. Paideia, 1976, p. 121—146.
- Castrén 1858 — *Castrén M. A.* Versuch einer Jenissei—Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St. Ph., 1858.
- Chadwick 1971 — *Chadwick J.* The «Greekness» of the Linear B. — *IF*, 1971, Bd. 75.
- Chantraine 1964 — *Chantraine P.* Noms d'action pour «manger» et «boire» chez Homere. — *BSL*, 1964, t. 599, fasc. 1, p. 11—23.
- Chantraine 1968—1970, I—II — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, Klincksieck, t. 1, 1968; t. 2, 1970.
- Cihāř 1955 — *Cihāř V.* Реџ. на: Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. — *AOr*, c. 23, pt. 1, 1955.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.
- Couvreur 1938 — *Couvreur W.* Les dérivés verbaux en *-ske/o* du hittite et du tocharien. — *Revue des études indoeuropéennes*, 1938, t. 1, fasc. 1, p. 89—101.
- Cowgill 1959 — *Cowgill W.* The inflection of the Germanic *o*-presents. — *Language*, 1959, vol. 35, № 1, p. 1—15.
- Cowgill 1960 — *Cowgill W.* Gothic *iddja* and Old English *ēode*. — *Language*, 1960, vol. 36, № 4, p. 483—501.
- Cowgill 1963 — *Cowgill W.* Реџ. на: Puhvel J. Laryngeals and the Indo-European verb. — *Language*, 1963, vol. 39, № 2.
- Cowgill 1964 — *Cowgill W.* The supposed Cypriote optatives *duwānoi* and *dōkoi*. — *Language*, 1964, vol. 40, № 3, pt. 1.
- Cowgill 1965 — *Cowgill W.* Evidence in Greek. — In: *Evidence for laryngeals*, ed. by W. Winter. The Hague — Paris, Mouton, 1965.
- Cowgill 1969 — *Cowgill W.* The first person of Mediopassive of Indo-Iranian. — In: *Pratidānam*. The Hague — Paris, Mouton, 1969, p. 24—31.
- Cowgill 1973 — *Cowgill W.* The source of Latin *stāre*, with notes on comparable forms elsewhere in Indo-European. — *The Journal of Indo-European Studies*, 1973, vol. 1, p. 271—303.
- Cowgill 1975 — *Cowgill W.* More evidence for Indo-Hittite: the Tense-Aspect system. In *Proceedings of the Eleventh International congress of linguists*. Ed. by L. Heilmann, II. Bologna, 1975, p. 557—570.
- Cowgill 1975a — *Cowgill W.* The origins of the insular Celtic conjunct and absolute verbal endings. — In: *FW*, p. 40—70.
- Cowgill 1979 — *Cowgill W.* Anatolian *hi*-Conjugation and Indo-European perfect: Instalment II. — *HI*, S. 25—39.
- Cuny 1924 — *Cuny A.* Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques. Paris, 1924.
- Dambriūnas 1960 — *Dambriūnas L.* Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai. Bostonas, 1960.
- Devoto 1936 — *Devoto G.* Germanisch-lateinisch und Germanisch — oskisch — umbrisch. — In: *Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt*. Bd. 2. Heidelberg, 1936, S. 532—547.

- Dixon 1969 — *Dixon R. M.* Relative classes and possessive phrases in two Australian languages. — *Language*, 1969, vol. 45, № 1, p. 35—44.
- Dixon 1972 — *Dixon R. M. W.* The Dyrbal language of North Queensland. Cambridge, 1972.
- Dowty 1975 — *Dowty D.* The stative in the progressive and other essence/accidence contrasts. — *Linguistic Inquiry*, IV, 1975, № 4, p. 579—588.
- Dressler 1968 — *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen (Osterreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch — historische Klasse, Sitzungsberichte, Bd. 259, 1 Abhandlung). Wien, 1968.
- Dressler 1969 — *Dressler W.* Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. — *KZ*, 1969, Bd. 83, 1 Heft.
- Dressler 1971 — *Dressler W.* Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax. — *KZ*, 1971, Bd. 85.
- Durnford 1977 — *Durnford S. P. B.* Luwian linguistics. — *RHA*, 1977, t. XXXIII (1975), p. 43—53.
- Dybo — Nikolayev — Starostin 1978 — *Dybo V. A., Nikolayev S., Starostin S.* A tonological hypothesis on paradigmatic accent system. — *Estonian papers in phonetics*. Tallinn, 1978, p. 16—20.
- Ebbinghaus 1950 — *Ebbinghaus E. A.* Die Verwandtschaft der Zahlwörter Vier und Acht. — *Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur*, Bd. 72, Heft 1/2, 1950, S. 319—320.
- Eichner 1973 — *Eichner H.* Die Etymologie von heth. *meḫur*. — In: *MSS*, 1973, H. 31, S. 53—107.
- Eichner 1975 — *Eichner H.* Die Vorgeschichte des hethitischen Verbalsystems. — *FW*, S. 71—103.
- Eichner 1978 — *Eichner H.* Die urindogermanische Wurzel *H₂reu 'hell machen'. — *Die Sprache*, 1978, 24, 2, S. 144—162.
- Eichner 1979 — *Eichner H.* Hethitisch *genuššus, ginušši, ginuššin*. — *HI*, S. 41—61.
- Eichner 1980 — *Eichner H.* Pronetik und Lautgesetze des Hethitischen — ein Weg zu ihrer Entschlüsselung. — *Lautgeschichte und Etymologie*. Wiesbaden, 1980, S. 120—165.
- Endzelins 1931 — *Endzelins J.* Par prūšu valodas radniecības sakariem. — *Filologu biedrības raksti*, XI, Rīga, 1931, c. 189—193.
- Endzelin 1939 — *Endzelin J.* Über den slavisch-baltischen Reflex von idg. *sk*. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1939, Bd. XVI, S. 107—115.
- Endzelins 1943 — *Endzelins J.* Senprūšu valoda. Rīga, 1943.
- Endzelin 1944 — *Endzelin J.* Altpreuussische Grammatik. Riga, 1944.
- Endzelins 1948 — *Endzelins J.* Baltu valoda skaņas un formas. Rīga, 1948.
- Endzelins 1951 — *Endzelins J.* Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Erhart 1965 — *Erhart A.* Die ie. Dual-endung -*ō(u)* und die Zahlwörter. — *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University*, A 13.
- Erhart 1970 — *Erhart A.* Studien zur indoeuropäischen Morphologie (*Opera universitatis Purkynianae Brunensis facultas philosophica*, № 148). Brno, 1970.
- Erhart 1972 — *Erhart A.* Der verbale Modus in Indoeuropäischen. — *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University*, A 20. Brno, 1972, S. 21—38.
- Erhart 1973 — *Erhart A.* Pluralformen und Pluralität. — *AOr*, 41, 1973, c. 143—255.
- Erhart 1975 — *Erhart A.* Das Verbalsystem im Indoeuropäischen und Baltischen. — *Baltistika*, XI (I), 1975, S. 21—30.
- Ernout — Meillet 1951 — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 ed. Paris, 1951.
- Fillozat 1948 — *Fillozat J.* Fragments des textes koutchéens de médecine et de magie. Paris, 1948.
- Foley 1965 — *Foley J.* Prothesis in the Latin verb *sum*. — *Language*, 1965, vol. 41, № 1.
- Forchheimer 1953 — *Forchheimer P.* The category of person in language. London, 1953.

- Ford 1967 — *Ford G. B. Jr. esti und yra* in *Vilentas' Euchiridion*. — Zeitschrift für slawische Philologie, 1967, Bd. 32, H. 2, S. 253—257.
- Fraenkel 1928 — *Fraenkel E.* Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928.
- Fraenkel 1950 — *Fraenkel E.* Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950.
- Fraenkel 1950a — *Fraenkel E.* Zum baltischen und slavischen Verbum. — Zeitschrift für Slawische Philologie, Bd. XX, 1950.
- Fraenkel 1955—1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Heidelberg—Göttingen, 1955—1965.
- Fraser J. Phrygian $\omega\sigma$ ν . — *Mélanges H. Pedersen. Acta Jutlandica*. København, 1937.
- Friedrich 1952 — *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Hadelberg, 1952.
- Friedrich 1953 — *Friedrich J.* Das Glossenkeilwort limma im Hethitischen. — *Orientalia, nova series*, 1953, vol. 22, fasc. 1.
- Friedrich 1959 — *Friedrich J.* Die hethitischen Gesetzen. Leiden. Brill, 1959.
- Fussman 1972, II — *Fussman G.* Atlas linguistique des parlers dardes et kafirs. II. Commentaire (Publications de l'École Française de l'Extrême Orient, vol. LXXXVI). Paris, 1972.
- Gärtchen 1905 — *Gärtchen P.* Die primären Präsentien mit o-Stufe in den idg. Sprachen. Breslau, 1905.
- Garde 1976 — *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave, 1. Paris, 1976.
- Gäters 1956 — *Gäters A.* Das Präteritum in den lettischen *Dainas*. — *KZ*, 1956, Bd. 73.
- Gauthiot 1913 — *Gauthiot R.* La fin de mot en indo-européen. Paris, 1913.
- Gelb 1969 — *Gelb I. J.* Sequential reconstruction of Proto-Akkadian. Chicago, 1969.
- Gelb 1977 — *Gelb I. J.* Thoughts about Ibla. — *Syro-Mesopotamian Studies*, 1977, vol. 1, № 1.
- Georgiev 1975 — *Georgiev V. I.* Die Entstehung der indoeuropäischen Verbal-kategorien. — *Linguistique balcanique* (Sofia), 1975, XIII, 3.
- Girdenis — Žulys 1972 — *Girdenis A., Žulis V.* Рец. на: Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — *Baltistika*, 1972, 8 (2), p. 193—202.
- Godel 1975 — *Godel R.* An introduction to the study of Classical Armenian. Wiesbaden, 1975.
- Goldschmidt 1940 — *Goldschmidt V.* Essai sur le «Cratyle». Paris, 1940.
- Gonda 1970 — *Gonda J.* Notes on names and the name of God in ancient India. Amsterdam — London, 1970.
- Götze 1929 — *Götze A.* Die Pestgebete des Muršiliš. — *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, 1929, Bd. 1, Heft 2, S. 161—251.
- Götze 1933 — *Götze A.* Die Annalen des Muršiliš. Leipzig, 1933.
- Götze — Pedersen 1934 — *Götze A., Pedersen H.* Muršiliš Sprachlähmung. København, 1934.
- Goetze 1962 — *Goetze A.* Рец. на: КВо X. — *JCS*, 1962, vol. XVI, № 1.
- Grassmann 1873 — *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
- Grünenthal 1933 — *Grünenthal O.* Zum Perfekt. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милегич. София, 1933.
- Gurney 1977 — *Gurney O. R.* Some aspects of Hittite religion (The Schweich lectures of the British Academy 1976). Oxford, 1977.
- Gusmani 1961 — *Gusmani R.* Contributi micrasiatici all'etimologia di $\eta\mu$. — La parola del passata, 1961, f. LXXVII.
- Gusmani 1961a — *Gusmani R.* Nuovi contributi lidi. — Istituto Lombardo Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere, 1961, vol. 45.
- Gusmani 1964 — *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
- Güterbock 1956 — *Güterbock H. G.* Notes on Luwian studies. — *Orientalia, nova series*, 1956, vol. 25, fasc. 2, p. 113—140.
- Haas 1966 — *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmalern (Linguistique balcanique, X). Sofia, 1966.
- Hahn 1969 — *Hahn E. A.* Naming-construction in some Indo-European languages. Case Western, 1969.
- Hamp 1965 — *Hamp E. P.* Evidence in Albanian. — In: Evidence for laryngeals, ed. by W. Winter. The Hague, 1965, p. 123—141.

- Hamp 1965a — *Hamp E. H.* Evidence in Celtic. — Evidence or laryngeals, ed. by W. Winter. The Hague, 1965, p. 224—235.
- Hamp 1969 — *Hamp E. P.* On Proto-Ainu numerals. — In: Papers from the Fifth Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. April 18—19. Chicago, 1969.
- Hamp 1972 — *Hamp E. P.* Lith. *javai, javiena*. — *Baltistica*, 1972, VIII (2), p. 169—170.
- Hamp 1973 — *Hamp E. P.* On Baltic, Luwian and Albanian participles in — *m. — *Baltistica*, 1973, IX (1), p. 45—50.
- Hamp 1974 — *Hamp E. P.* *yra*. — *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 1974, vol. XVII, p. 7—8.
- Hamp 1976 — *Hamp E. P.* The accentuation of Lithuanian compound verbs. — *Baltistica*, 1976, XII (1), p. 25—29.
- Hamp 1976a—1978 — *Hamp E. P.* On the Baltic verbal ending *-ki*. — *Baltistica*, 1976, XII (1), p. 29—30; 1978, XIV (2), p. 110—114.
- Haudry 1970 — *Haudry J.* L'instrumental et la structure de la phrase simple en indo-européen. — *BSL*, 1970, t. 65, p. 44—84.
- Haudry 1971 — *Haudry J.* Le suffixe indo-européen *-men*. — *BSL*, 1971, t. 66, p. 109—137.
- Haudry 1978 — *Haudry J.* L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Lyon, 1978.
- Haudry 1979 — *Haudry J.* L'indo-européen. Paris, 1979.
- Hawkins — Morpurgo-Davies — Neumann 1974 — *Hawkins J. D., Morpurgo-Davies A., Neumann G.* Hittite hieroglyph sand Luwian. New evidence (*Akad. d. Wiss., Phil.hist. Kl.*, 1973). Göttingen, 1974.
- Hemon 1975 — *Nemon R.* A historical morphology and syntax of Breton (Mediaeval and Modern Breton series), vol. III, Dublin, 1975.
- Heubeck 1969 — *Heubeck A.* Lydisch. — *Handbuch der Orientalistik. I. Abt. 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2. Altkleinasiatische Sprachen*. Leiden Köln, 1969, S. 397—427.
- Heusler 1913 — *Heusler A.* *Altislandisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1913.
- Hill 1969 — *Hill J.* Volitional and non-volitional verbs in Cupeño. — In: *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Illinois, 1969.
- Hilmarsson 1978 — *Hilmarsson J.* On the Baltic 2d Sg. thematic ending. — *Baltistica*, 1978, XIV (1), p. 20—26.
- Hiersche 1963 — *Hiersche R.* Gab es im idg. ein *o*-stufiges primäres Präsens. — *IF*, 1963, Bd. LXVIII, S. 149—150.
- Hirt 1928—1929, IV—V — *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. Heidelberg, Bd. IV, 1928; Bd. V, 1929.
- Hjelmslev 1956 — *Hjelmslev L.* Études de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien. — *Scando-Slavica*, 1956, II, p. 62—86.
- Hoffmann 1967 — *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsuntersuchung. Heidelberg, 1967.
- Hoffmann 1967a — *Hoffmann K.* Der vedische Prekativtyp *yešam, ješma*. — *MSS*, 1967, Hft. 20, S. 25—37.
- Hoffmann 1968 — *Hoffmann K.* Hethitisch *luk(k)-, lukki-*. — *KZ*, Bd. 82, S. 214—220.
- Holisky 1978 — *Holisky D. A.* Stative verbs in Georgian, and elsewhere. — *International review of Slavic linguistics*, 1978, vol. 3, № 1—2 (Special issue, Classification of grammatical categories ed. by B. Comrie), p. 139—162.
- Holub — Kopecky 1952 — *Holub J., Kopecky F.* *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1952.
- Houwink ten Cate 1970 — *Houwink ten Cate Ph. H. J.* The records of the Early Hittite Empire (C. 1450—1380 B. C.). Leiden, 1970.
- Huntley 1967 — *Huntley D. G.* L'aspect du *iti* en vieux slave. — *Revue des études slaves*, 1967, t. 46.
- Iamblich 1884 — Iamblich. *De vita pithagorica*. Petropoli, 1884.
- Imparatti 1964 — *Imparatti F.* *Le leggi ittite (Incunabul graeca, v. VII)*. Roma, 1964.

- Ivanov 1969 — *Ivanov V. V.* Indo-European verb: two series of forms. — In: Xth International congress of linguists. Abstracts of reports. Bucharest, 1967.
- Ivanov 1970 — *Ivanov V.* Suffix *-sk- > Baltic -šk- and the problem of verbs denoting sounds. — *Donum Balticum. To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15. March 1970*, ed. by V. Rūķe-Draviņa. Stockholm, 1970, p. 206—210.
- Ivanov 1973 — *Ivanov V.* On binary relations in linguistic and other semiotic and social systems. — In: *Logic, language, and probability*. Dordrecht 1973, p. 196—200.
- Ivanov 1974 — *Ivanov V. V.* On antisymmetrical and asymmetrical relations in natural languages and other semiotic systems. — *Linguistics*, 1974, № 119.
- Ivanov 1975 — *Ivanov V. V.* Aryen du Mitanni *alka(-) vartanna* et védique *ekavrt-*. — *Melanges linguistiques offerts à E. Benveniste*. Paris, 1975, p. 283—288.
- Ivanov 1977 — *Ivanov V. V.* The relation between different grammatical levels in the linguistic evolution. — *Die Sprache*, 1977, 23; 1, S. 20—24.
- Ivanov 1978 — *Ivanov V. V.* Zur Herkunft einiger baltischer Verbalformen. — *Zeitschrift für Slavistik*, 1978, Bd. XXIII, H. 5, S. 608—616.
- Ivanov 1978a — *Ivanov V. V.* The structure of the Ket myth of the «denicheur des aiglons» and its American Indian parallels (*Working Paper*). Urbino, 1978.
- Ivanov 1979 — *Ivanov V. V.* Syntactical archaisms of Old Hittite. — *IH*, p. 73—78.
- Jakobson — Pomorska 1980 — *Jakobson R., Pomorska K.* Dialogues. Paris, 1980.
- Jakobson — Waugh 1979 — *Jakobson R., Waugh L. R.* The sound shape of language. Bloomington — London, 1979.
- Jasanoff 1977 — *Jasanoff J. H.* The *r*-endings of the IE Middle. — *Die Sprache*, 1977, Bd. 23, Heft 2, S. 159—170.
- Jasanoff 1978 — *Jasanoff J. H.* Stative and Middle in Indo-European (*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*, Bd. 23). Innsbruck, 1978.
- Jasanoff 1979 — *Jasanoff J. H.* The position of the hiconjugation. — *IH*, S. 79—90.
- Jaynes 1976 — *Jaynes J.* The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976.
- Jēgers 1966 — *Jēgers B.* ~~Verkannte~~ ~~Bedeutungsverwandschaften~~ baltischer Wörter. — 1966, Bd. 80, S. 6—162, 291—307.
- Jensen 1930 — *Jensen H.* Bemerkungen zum urgeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen. — *IF*, 1930, Bd. 48, S. 117—126.
- Josephson 1972 — *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972.
- Jucquois 1970 — *Jucquois G.* Les postpositions de hittite et l'accentuation des preverbes en indo-européen. — *Le Muséon*, 1970, v. LXXXIII, № 3—4; p. 533—540.
- Juška 1954 — *Juška A.* Lietuviškos dainos, 1. Vilnius, 1954.
- Kammenhuber 1959 — *Kammenhuber A.* Esquisse de grammaire palaite. — *BSL*, 1959, t. 54, fasc. 1.
- Kammenhuber 1964 — *Kammenhuber A.* Die hethitische Vorstellung von Seele und Leib, Herz und Leibesinneren, Kopf und Person. — *Zeitschrift für Assyriologie*, 1964, Bd. 22, S. 164—167.
- Kardelytė 1957 — *Kardelytė J.* Liepiamosios nuosakos dvejospos formos ir juvartojimas rytu lietuvos tarmese. — *LKK*, c. 181—188.
- Kauliņš 1932 — *Kauliņš J.* Viriešu un sieviešu kārtas dažadojums atgriezniskos darbības vardos. — *Filologu biedrības raksti*, XII. Rīgā, 1932.
- Kazlauskas 1966 — *Kazlauskas J.* Lietuvių kalbos imperatyvo morfemos -k(i) kilme. — *Baltistika*, II (1), 1966, c. 69—72.
- Kazlauskas 1968 — *Kazlauskas J.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika (Kurčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis), Vilnius, 1968.
- Kerns — Schwartz 1946 — *Kerns J. A., Schwartz B.* Multiple stem conjugation and Indo-Hittite isoglosses. — *Language*, 1946, v. 22, № 1.

- Kiparsky 1973 — *Kiparsky P.* The inflexional accent in Indo-European. — *Language*, 1973, vol. 49, p. 794—849.
- Kiparsky — Halle 1977 — *Kiparsky P., Halle M.* Towards a reconstruction of the Indo-European accent. — *Studies in stress and accent*. Southern Californian occasional papers in linguistics, 1977, 4, p. 209—238.
- Klein 1957 — *Pirmoji lietuvių kalbos gramatika 1653 metai (M. Danielis Kleinii Grammatika litvanica et compendium litvanico-germanicum)*. Vilnius, 1957.
- Klingenschmitt 1975 — *Klingenschmitt G.* Tocharisch und Urindogermanisch. — *FW*, S. 148—163.
- Kluge 1926 — *Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre. Halle, 1926 (3 Aufl.).
- Knobloch 1952 — *Knobloch J.* Die beiden Knochenreihen. — *Die Pyramide*, 2. Jahrgang, 1952.
- Kølln 1969 — *Kølln H.* Oppositions of voice in Greek, Slavic and Baltic (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab Historisk-filosofiske Meddelelser, 43, 4). København, 1969.
- Kortland 1974 — *Kortland F. H. H.* Old Prussian accentuation — *KZ*, Bd. 88, S. 299—306.
- Kortland 1975 — *Kortland F. H. H.* Slavic accentuation (PdR Press Publications in Slavic Accentuation I). Lisse, 1975.
- Kortland 1977 — *Kortland F. H. H.* Historical laws of Baltic accentuation. — *Baltistica*, 1977, XIII (2), p. 319—330.
- Kortland 1979 — *Kortland F. H. H.* The Old Irish absolute and conjunct endings and questions of relative chronology. — *Ériu*, 1979, vol. XXX, p. 35—53.
- Kortland 1979a — *Kortland F. H. H.* Towards a reconstruction of the Balto-Slavic verbal system. — *Lingua*, 1979, vol. 49.
- Kořínek 1938 — *Kořínek J. M.* Presentní tvary kořene *dó-* 'davati' v jazycích slovańských a baltických. — *Listy filologické*, 1938, roč. 65, seš. 6.
- Koschmieder 1958 — *Koschmieder E.* Die Aussprache der Nasalvokale im Alt-kirchenslavischen. — *Die Welt der Slaven*, 1958, Bd. 3, S. 236—247.
- Krahe 1947 — *Krahe H.* Das Suffix *-alo-* in Illyrischen Eigennamen. — *Revue des études indo-européennes*, 1947, t. 2, fasc. 1—2, S. 159—169.
- Krahe 1948 — *Krahe H.* Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen. Heidelberg, 1948.
- Krahe 1954 — *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
- Krause 1948 — *Krause W.* Abriss der Altwestnordischen Grammatik, Halle (Saale), 1948.
- Krause 1951 — *Krause W.* Zu einigen tocharischen Personalendungen. — *KZ*, 1951, Bd. 69, H. 3—4, S. 150—164.
- Krause 1952 — *Krause W.* Westtocharische Grammatik. Bd. 1. Das Verbum. Heidelberg, 1952.
- Krause 1954 — *Krause W.* Das Numerussystem des Tocharischen (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Jahrgang 1954, N 1), Göttingen, Vadenhoeck und Ruprecht, 1954.
- Krause 1955 — *Krause W.* Zum Gebrauch des Parals und des Duals im Tocharischen. — *KZ*, 1955, Bd. 72, H. 3—4, S. 233—234.
- Krause 1955a — *Krause W.* Zur Entstehung des lateinischen *ui-* and *vi-* Perfekts. — *Corolla linguistica*. Wiesbaden, 1955.
- Krause — Thomas 1960, 1 — *Krause W., Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Grammatik. Heidelberg, 1960.
- Kroeber 1911 — *Kroeber A. L.* The languages of the Coast of California North of San Francisco (University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 9). Berkeley — Los Angeles, 1911.
- Kronasser 1956 — *Kronasser H.* Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956.
- Kronasser 1966 — *Kronasser H.* Hett. *eku-* 'trinken' und andere Archaismen des Hethitischen. — *Acta balticoslavica*, 1960, III.
- Kuiper 1937 — *Kuiper F. B. J.* Die indogermanischen Nasalpräsentia. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam, 1937.

- Kuipers 1960 — *Kuipers A. H.* Phoneme and morpheme in Kabardian (Janua Linguarum, № 7), Mouton. The Hague, 1960.
- Kuraszkiewicz 1934 — *Kuraszkiewicz W.* Gramoty halickowołyńskie XIV—XV wieku. Kraków, 1934.
- Kurschat 1870—1874 — *Kurschat F.* Deutsch-litauischer Wörterbuch. Halle, 1870—1874.
- Kurschat 1876 — *Kurschat F.* Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
- Kuryłowicz 1925 — *Kuryłowicz J.* Injonctif et subjonctif dans les *Gathās* de l'Avesta. — *Rocznik Orientalistyczny*, t. III. Lwów, 1925.
- Kuryłowicz 1932 — *Kuryłowicz J.* Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. — *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1932, t. 30, fasc. 1, p. 14.
- Kuryłowicz 1956 — *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956.
- Kuryłowicz 1958 — *Kuryłowicz J.* Le Hittite. — *Proceedings of the VIII International Congress of linguists*. Oslo, 1958.
- Kuryłowicz 1964 — *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Kuryłowicz 1965 — *Kuryłowicz J.* Indoeuropejskie perfectum w słowiańskim. — In: *Studii z filologii polskiej i słowiańskiej*, v. V. Warszawa, 1965.
- Kuryłowicz 1968 — *Kuryłowicz J.* Indogermanische Grammatik Bd. II. Akzent. Ablaut, Heidelberg, 1968.
- Kuryłowicz 1977 — *Kuryłowicz J.* Problèmes de linguistique indo-européenne (Polska Akademia Nauk. Prace językoznawcze, 90). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1977.
- Kuryłowicz 1979 — *Kuryłowicz J.* Die hethitische *ḫt-* Konjugation. — *HI*, S. 143—146.
- Lambert 1969 — *Lambert W. E.* Some current psycholinguistic research: the *tu-vous* and *le-la* studies. — In: *Substance and structure of language*. Berkeley, 1969.
- Lambertz 1952 — *Lambertz A.* Der alb. Aorist auf *-va*. — *IF*, 1952, Bd. 60.
- Landar 1964 — *Landar H.* Seven Navaho verbs of eating. — *International Journal of the American linguistics*, vol. 30, 1964, № 1.
- Lane 1949 — *Lane G. S.* On the present state of Indo-European linguistics. *Language*, vol. 25, 1949.
- Lane 1959 — *Lane G. S.* The formation of Tocharian subjunctive. — *Language*, 1959, vol. 35, № 2, p. 158—179.
- Lane 1966 — *Lane G. S.* On the interrelationship of the Tocharian dialects. — In: *Ancient Indo-European dialects*, ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel. Berkeley and Los Angeles, 1966, p. 213—233.
- Laroche 1955 — *Laroche E.* Études de vocabulaire. V. — *RHA*, 1955, t. XIII, f. 57.
- Laroche 1957—1958 — *Laroche E.* Comparaison du louvite et du lycien. 1. — *BSL*, 1957—1958, t. 53, fasc. 1, p. 159—197.
- Laroche 1959 — *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959.
- Laroche 1960 — *Laroche E.* Les hiéroglyphes hittites, 1 partie. Paris, 1960.
- Laroche 1962 — *Laroche E.* Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure. — *BSL*, 1962, t. 57, f. 1, p. 23—43.
- Laroche 1963 — *Laroche E.* Études lexicales et étymologiques sur le hittite. — *BSL*, 1963, t. 58, f. 1, p. 58—80.
- Laroche 1965 — *Laroche E.* Études de linguistique anatolienne. — *RHA*, 1965, t. XXIII, fasc. 76, p. 33—52.
- Laroche 1969a — *Laroche E.* Vocatif et cas absolu en anatolien. — *Athenaeum*, 1969, v. 47, p. 173—178.
- Laroche 1973 — *Laroche E.* Un syncrétisme gréco-anatolien: Sandas-Héracles. — *Les syncrétismes dans les religions grecque et romaine*. Paris, 1973, p. 103—114.
- Laroche 1973a — *Laroche E.* Les hiéroglyphes d'AltIntepe. — *Anadolu (Anatolia)*, 1973, XV, p. 55—61.

- Laroche 1979 — *Laroche E.* Anaphore et deixis en anatolien. — *HI*, S. 147—157.
- Lehmann 1963 — *Lehmann W. P.* Inferences on the Proto-Indo-European verb system based on internal analysis of Sanskrit. — *Труды 25-го Международного конгресса востоковедов*, т. IV. М., 1963.
- Lehmann 1973 — *Lehmann W. P.* Explanations for some syntactic phenomena of Indo-European. — *Glossa*, 1973, vol. 7, № 1, p. 84—88.
- Lehmann 1974 — *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European Syntax. Austin, Texas, University of Texas Press, 1974.
- Lehmann 1974a — *Lehmann W. P.* Subjectivity. — *Language*, 1974, vol. 50, № 4, pt. 1, December, p. 622—629.
- Lehr-Splawiński 1926 — *Lehr-Splawiński T.* Les voyelles nasales dans les langues lechites. — *Revue des études slaves*, 1926, vol. 6, p. 54—66.
- Lehr-Splawiński 1929 — *Lehr-Splawiński T.* Kilka uwag o nosówkach prasłowiańskich. — *Prace filologiczne*, 1929, 14, c. 635—643.
- Lejeune 1955 — *Lejeune M.* Les correspondances italiqnes de lat. *finxit* et de lat. *fecit*. — In: *Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer*. Wiesbaden, 1955, p. 145—153.
- Lejeune 1966 — *Lejeune M.* Le verbe vénète. — *BSL*, 1966, t. 61, fasc. 1.
- Lejeune 1974 — *Lejeune M.* Manuel de la langue vénète. Paris, 1974.
- ~~Leskien 1919~~ — *Leskien A.* Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch. Heidelberg, 1919.
- Leumann 1952 — *Leumann M.* Morphologische Neuerungen im Altindischen Verbalsystem. Amsterdam, 1952.
- Leumann 1959 — *Leumann M.* Kleine Schriften. Zürich u. Stuttgart, Artemis Verlag, 1959.
- Leumann 1963 — *Leumann M.* Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1963.
- Levi 1933 — *Levi S.* Fragments des textes koutchéens. Paris, 1933.
- Levin 1975 — *Levin J. F.* Dynamic linguistics and Baltic historical phonology. — *General linguistics*, 1975, № 15.
- Lévi-Strauss 1962 — *Lévi-Strauss C.* La pensée sauvage, Paris, 1962.
- Lewy 1961 — *Lewy E.* Kleine Schriften. Berlin, 1961.
- Liebert 1957 — *Liebert G.* Die indoeuropäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie. Lund, 1957.
- Liewehr 1938 — *Liewehr F.* Beiträge zur slawischen Sprachwissenschaft. — *Zeitschrift für slawische Philologie*, Bd. XV, 1938.
- Lindeman 1979 — *Lindeman F. O.* Remarques sur la flexion des verbes du type *de tehti en hittite*. — *IH*, p. 153—157.
- Locker 1955 — *Locker E.* Der sprachliche Ausdruck der Negation. — *Istituto Lombardo di scienze e lettere. Rendiconto. Classe di letteri*, 1955, v. 98.
- Lorentz 1958 — *Lorentz F.* Pomoranisches Wörterbuch, Bd. 1. Berlin, 1958.
- Lukas 1953 — *Lukas J.* Die Sprache der Tubu in der Zentralen Sahara (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientalforschung, Veröffentlichung № 14), S. 59—62.
- Lunt 1966 — *Lunt H. G.* Attempt at a generative description of the Slovene verb. — In: *Lencek R. L.* The verb pattern of contemporary Slovene. Wiesbaden, 1966.
- Lunt 1974 — *Lunt H. G.* Old Church Slavonic Grammar, 6 ed., completely revised and extended with an epilogue, Mouton. The Hague — Paris, 1974.
- Lunt 1975 — *Lunt H. G.* The Old Church Slavonic Aorist: A problem in general description. — *Xenia Slavica. Papers presented to G. Ruzicic*. Ed. by R. Lencek and B. O. Unbegaun, The Hague — Paris, 1975.
- Machek 1949 — *Machek V.* Hittito-slavica. — *AOr*, 1949, v. 17, pt. 2, c. 125—138.
- Machek 1952 — *Machek V.* Česká a slovenská slovesa s priponovým s. — *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university*, roč. 1, č. 4—2. *Řady jazykovědné (A)*, 1952.
- Machek 1953 — *Machek V.* Les verbes slaves en *-chati*. — *Lingua poznaniensis* 1953, IV.

- Machek 1954 — *Machek V.* Slovanska intenziva slovesná s priponovym — *statí.* — In: Studie a práce lingvistické, 1, Praha, 1954.
- Machek 1954a — *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Mc Cone 1979 — *Mc Cone K.* Pretonic preverbs and the absolute verbal endings in Old Irish. — *Eriu*, 1979, vol. XXX, p. 1—34.
- Mc Lendon 1978 — *Mc Lendon S.* Ergativity, case and transitivity in Eastern Pomo. — *International Journal of American Linguistics*, 1978, vol. 44, № 1.
- Mareš 1969 — *Mareš F.* Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen. München, Sagner, 1969.
- Martin 1964 — *Martin S. E.* Speech levels in Japan and Korea. — In: *Language, culture and society*, ed. by D. Hymes. New York, 1964, p. 407—415.
- Martinet 1956 — *Martinet A.* Linguistique structurale et grammaire comparée. — In: *Travaux de l'Institut de linguistique*, vol. 1. Paris, 1956, p. 7—21.
- Martinet 1978 — *Martinet A.* Des jers slaves aux voyelles caduques du japonais. — In: *Studia linguistica*, ed. by H. Birnbaum. Lisse, 1978, p. 263—266.
- Mathiassen 1975 — *Mathiassen T.* Die Personalendungen im baltischen Verbum unter besonderer Berücksichtigung der 2. P. Sg. lit.-lett. — *Indo-europäische Grundl. Versuch einer neuen Deutung.* — *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, Bd. 24, 2, 1975, S. 199—205.
- Mažiulis 1966 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbės paminklai. Vilnius, 1966.
- Mažiulis 1970 — *Mažiulis V.* Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970.
- Mažiulis 1971 — *Mažiulis V.* Рец. на: *Baltic linguistica.* — *Baltistica*, 1971, 7 (1), c. 101—106.
- Mažiulis 1972 — *Mažiulis V.* Iš baltų veiksmažodžio fleksijos istorijos. — *Baltistica*, I priedas, 1972, c. 95—100.
- Mažiulis 1974 — *Mažiulis V.* Altpreußische Etymologie. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1974, Bd. XIX, 2, S. 212—220.
- Mažiulis 1975 — *Mažiulis V.* Seniausias baltų rašto paminklas. — *Baltistica*, 1975, XI (2), c. 125—131.
- Meid 1963 — *Meid W.* Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Flexion. Wiesbaden, 1963.
- Meid 1974 — *Meid W.* Das germanische Präteritum. Indogermanische Grundlagen und Ausbreitung im Germanischen. Innsbruck, 1974.
- Meid 1979 — *Meid W.* Der Archaismus des Hethitischen. — *III S. 159—176.*
- Meile 1935 — *Meile P.* Interference du temps et de l'aspect chez Plaute et chez Terence. — *Revue des Etudes Latines*, 1935, 13, p. 66—73.
- Meillet 1906 — *Meillet A.* Les alternances vocaliques en vieux-slave. — In: *Memoires de la Societe de linguistique de Paris*, 1906, XIV, p. 193—209; 332—390.
- Meillet 1908 — *Meillet A.* Sur l'aoriste sigmatique. — *Melanges F. de Saussure*. Paris, 1908, p. 79—106.
- Meillet 1916 — *Meillet A.* I.-e. **mola-*. — *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, 1916, v. 20.
- Meillet 1936 — *Meillet A.* Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1936.
- Mellaart 1979 — *Mellaart J.* Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? — *Antiquity*, 1979, vol. LIII, № 207, p. 1—18.
- Meriggi 1957 — *Meriggi P.* Zum Luwischen. — *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, 1957, Bd. 53, H. 3—4.
- Meriggi 1962 — *Meriggi P.* Hieroglyphisch—hethitisches Glossar. Wiesbaden, 1962.
- Meriggi 1966, I — *Meriggi P.* Manuale di eteo geroglifico. Parte I. Grammatica (Incunabula Graeca, vol. XIII). Roma, 1966.
- Meriggi 1967, II — *Meriggi P.* Manuale di eteo geroglifico. Parte II. Testi, 1ª serie. I testi neo-etei piu o meno completi (Incunabula graeca, vol. XIV). Roma, 1967.

- Meriggi 1975, II — *Meriggi P.* Manuale di eteo geroglifico. Parte II. Testi, 2^a e 3^a serie (Incunabula graeca, vol. XV*). Roma, 1975.
- Michalski 1963 — *Michalski S. F.* Hymnes philosophiques du Rgveda. — В кн.: История и культура древней Индии. М., 1963.
- Michelini 1977 — *Michelini G.* I deverbativi «indoeuropei» in -i/-aie/o-; con particolare riferimento alle lingue baltiche. — *Baltistica*, 1977, XIII (1), p. 250—259.
- Michelini 1977a — *Michelini G.* Il destino dei «suffisi» in nasale indoeuropei nelle lingue baltici (con particolare riferimento al lituano). — *Baltistica*, 1977, XIII (2), p. 349—351.
- Milewski 1954 — *Milewski T.* Paralele hetycko-słowiańskie w ewolucji kategorii rodzaju. — *Ročník slawistyczny*, 1954., t. XVI, čz. 1.
- Milewski 1969 — *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe (Polska Akademia Nauk, Prace Komisji językoznawstwa, № 18). Wrocław, 1969.
- Miller 1970 — *Miller J. E.* Stative verbs in Russian. — *Foundations of language*, 1970, vol. 6, p. 488—504.
- Mitchell 1979 — *Mitchell T. F.* The English appearance of aspect. — *Function and context in linguistic analysis*. Cambridge, 1979, p. 158—184.
- Mittelberger 1963 — *Mittelberger H.* Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-hethitischem Glossar. — *Die Sprache*, Bd. 9, 1963.
- Mühlenbachs — **Endzelins**, I—IV, 1923—1932 — *Mühlenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca. **Rēdīgājis, papīdinājis, turpinājis**, J. Endzelins, I—IV. Rīgā, 1923—1932.
- Muller 1927 — *Muller F.* Nochmals 'Vier' und 'Acht'. — *Indogermanische Forschungen*, 1927, Bd. 44, S. 137—138.
- Narten 1964 — *Narten J.* Die sigmatischen Aoristen im Veda. Wiesbaden, 1964.
- Neu 1968 — *Neu E.* Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen. — *StBoT*, 1968, H. 6.
- Neu 1968a — *Neu E.* Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen. — *StBoT*, 1968, H. 5.
- Neu 1974 — *Neu E.* Der Anitta-Text. — *StBoT*, 1974, H. 18.
- Neu 1976 — *Neu E.* Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystem. — In: *Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics*, ed by A. Morpurgo Davis and W. Meid. Innsbruck, 1976, S. 239—254.
- Neu 1979 — *Neu E.* Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — *HI*, S. 177—196.
- Neu — **Rüster** 1975 — *Neu E., Rüster Chr.* Hethitische Keilschrift-Paläographie, II. — *StBoT*, 1975, H. 17.
- Neumann 1964 — *Neumann G.* Drei luwische Wörter. — *MSS*, 1964, Bd. 16, S. 47—48.
- Neumann 1969 — *Neumann G.* Lykisch. — In: *Handbuch der Orientalistik*. I Abt., 2 Bd., 1—2 Abschn., Lief. 2, *Altkleinasiatische Sprachen*. Leiden — Köln, 1969.
- Nieminen 1956 — *Nieminen E.* Slawisch (*j)ustro*, (*j)utro* und verwandte. — *Scando-alavica*, 1956, II.
- Nyman 1977 — *Nyman M. A.* Where does Latin *sum* come from. — *Language*, 1977, vol. 53, № 1, p. 39—60.
- Oettinger 1976 — *Oettinger N.* Die Militarischen Eide der Hethiter *StBoT*, H. 22, 1976.
- Oettinger 1976a — *Oettinger N.* Der indogermanische Stativ. *MSS*, 1976, 34, S. 109—149.
- Oettinger 1979 — *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums (*Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft* Bd. 64). Nürnberg, 1979.
- Oettinger 1979a — *Oettinger N.* *šawitra*- «Horn», eine hethitische *-tro- Bildung. — *HI*, S. 197—203.
- Onians 1954 — *Onians R. B.* The origins of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate, New interpretations of Greek, Roman and kindred evidence and of some basic Jewish and Christian beliefs. Cambridge, 1954 (2 ed.).

- Otrębski 1934 — *Otrębski J.* Wschodniolitewskie narzecze twereckie. Część I. Gramatyka. Kraków, 1934.
- Otrębski 1956—1965, I—III — *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. I—III. Warszawa, 1956—1965.
- Otten 1943 — *Otten H.* Zum Palaischen. — Zeitschrift für Assyriologie, vorderasiatische Archäologie und verwandte Gebiete, 1943, Bd. XIV (Neue Folge).
- Otten 1953 — *Otten H.* Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Untersuchung der Luvili-Texte. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung. Veröffentlichung № 19). Berlin, 1953.
- Otten 1953a — *Otten H.* Die inschriftliche Funde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Boğazkoy im Jahre 1952. — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, Bd. 86. Berlin, 1953.
- Otten 1958 — *Otten H.* Hethitische Totenrituale (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung, Veröffentlichung № 37). Berlin, 1958.
- Otten 1969 — *Otten H.* Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes. — StBoT, 1969, H. 11.
- Otten 1973 — *Otten H.* Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. — StBoT, 1973, H. 17.
- Otten — Souček 1969 — *Otten H., Souček V.* Ein althethitisches Ritual für das Königspaar (StBoT, H. 8), 1969.
- Palionis 1967 — *Palionis J.* Lietuvių literatūrinė kalba, XVI—XVII a. Vilnius, 1967.
- Palmaitis 1974 — *Palmaitis L.* Asmeniniai įvardžiai ir borealinių kalbų proto-sistemos rekonstravimas (remiantis vakarinių tarmių medžiaga). — Baltistica, 1974, X (2), c. 53—63.
- Palmaitis 1975 — *Palmaitis L.* Dar dėl ide. fleksinės sistemos atsiradimo. — Baltistica, 1975, XI (1).
- Palmaitis 1976 — *Palmaitis L.* Prūsų kalbos negimininių įvardžių formų kilmė. — Baltistica, 1976, XII (2), c. 156—165.
- Paul 1956, I—II — Deutsches Wörterbuch von Hermann Paul, bearbeitet von Alfred Schirmer, I—II Halbband, 5 Aufl. Halle (Saale), 1956.
- Pedersen 1894 — *Pedersen H.* Bidrag til den albanesisket sproghistorie. — Festschrift til V. Thomsen. København, 1894.
- Pedersen 1899 — *Pedersen H.* Albanisch und Armenisch. — KZ, 1899, Bd. 36 (NF 16), H. 3, S. 340—341.
- Pedersen 1907 — *Pedersen H.* Neues und Nachtragliches. — KZ, 1907, Bd. XL.
- Pedersen 1933 — *Pedersen H.* Zur Frage nach der Unverwandtschaft des Indoeuropäischen mit dem Ugrofinnischen. — Mémoires de la Société finno-ougrienne, 1933, 68, S. 308—325.
- Pedersen 1938 — *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938.
- Pedersen 1941 — *Pedersen H.* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indo-europäischen Sprachvergleichung. København, 1941.
- Pedersen 1946 — *Pedersen H.* Lykisch und Hittitisch. København, 1946.
- Pedersen 1947 — *Pedersen H.* Hittite *dalugnula* and *barganula*. — Journal of Cuneiform Studies, 1947, vol. 1, № 1, p. 61—64.
- Pedersen 1953 — *Pedersen H.* Hittitisch *-aš, -an, -at*. — Lingua Posnaniensis, 4, S. 60—61.
- Pettinato 1979 — *Pettinato G.* (in collaborazione con Alberti A.) Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh-Ebla. Napoli, 1979.
- Pisani 1953 — *Pisani V.* Due etimologie polacce. Paideia, 1953, 8, № 2.
- Pisani 1956 — *Pisani V.* Рец. на: Birwé R. Griechisch-arische Beziehungen im Verbalsystem. — Archivio glottologico italiano, 1956, vol. XVI, fasc. II, p. 151—165.
- Pisani 1959 — *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Scritti scelti di V. Pisani. Torino, 1959.
- Platzmann 1874 — *Platzmann J.* Grammatik der Brasilianischen Sprache mit Zugrundelegung des Anchieta. Leipzig, 1874.

- Pohl 1975 — *Pohl H. D.* Das slavische Imperfekt auf *-ax-* und *-aax-*. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1975, Bd. 38, S. 344—360.
- Pohl 1977 — *Pohl H. D.* Slavisch und Lateinisch (Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft, Beiheft 3). Klagenfurt, 1977.
- Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern, 1959.
- Polomé 1964 — *Polomé E.* Diachronic development of structural patterns in the Germanic conjugation system. — *Proceedings of the Ninth International congress of linguists*, 1964, p. 870—880.
- Puhvel 1979 — *Puhvel H.* Hittite words with initial *ptt/pat* Sign. — *HI*, p. 209—217.
- Pulleyblank 1963 — *Pulleyblank E. G.* An interpretation of vowel systems of Old Chinese and of written Burmese. — *Asia Major*, new series, 1963, vol. X, pt. 2.
- Pulleyblank 1965 — *Pulleyblank E. G.* Indo-European vowel system and qualitative ablaut. — *Word*, 1965, vol. 21, № 1, p. 86—101.
- Pulleyblank 1965a — *Pulleyblank E. G.* Close/open ablaut in Sino—Tibetsn. — *Lingua*, 1965, vol. 14, p. 230—240.
- Renou 1928 — *Renou L.* Les formes dites d'injonctif dans le Rgveda. — In: *Études de linguistique offertes par quelques amis à Emile Benveniste, Paris, 1928*, p. 63—80.
- Renou 1955 — *Renou L.* Les pouvoirs de la parole dans le Rgveda. — In: *Renou L. Études védiques et paninéennes, t. 1. Paris, 1955*, p. 1—27.
- Risch 1955 — *Risch E.* Zu den hethitischen Verben vom Typus *tebbi*. — In: *Corolla linguistica*. Wiesbaden, 1955, S. 189—198.
- Risch 1975 — *Risch E.* Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas. — *FW*, 1975, S. 247—258.
- Rix 1967 — *Rix H.* Zur Vorgeschichte von absoluter und konjunkter Flexion im Altirischen. — In: *Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie*. J. Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet, hrsg. von W. Meid. Innsbruck, 1967, S. 202—211.
- Rix 1976 — *Rix H.* Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.
- Roos 1976 — *Roos J.* A new root *TER — 'speak clearly'? Some comments on Greek *τόπος* and Hettite *tar*. — In: *Miscellanea tragica in honorem J. C. Kamerbeck*. Amsterdam, 1976, p. 223—231.
- Rosenfeld 1956/1957 — *Rosenfeld H.-Fr.* Die germanischen Zahlen von 70—90 und die Entwicklung des Aufbaus der german. Zahlwörter. — *Wissenschaftl. Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald, Gesellsch. — und sprachwissenschaftl. Reihe*, 1956/1957, Jahrgang VI, № 3.
- Rosenkranz 1952 — *Rosenkranz B.* Beiträge zur Erforschung der Luwischen. Wiesbaden, 1952.
- Rosenkranz 1953 — *Rosenkranz B.* Die Hethitische *hi-* Konjugation. — In: *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*. Bd. II, Heft 3, Januar 1953, S. 339—349.
- Rosenkranz 1955 — *Rosenkranz B.* Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen. Heidelberg, 1955.
- Rosenkranz 1958 — *Rosenkranz B.* Die Entstehungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen. — *Die Welt der Slaven*, 1958, III, Heft 2.
- Rosenkranz 1958a — *Rosenkranz B.* Die hethitische *hi-* Konjugation und das idg. Perfekt. — *KZ*, 1958, Bd. 75, Heft 3/4, S. 215—221.
- Rosenkranz 1966 — *Rosenkranz B.* Zur indo-uralischen Frage. — In: *Istituto Orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica*, VII. Roma, 1966, p. 173—175.
- Rosenkranz 1966a — *Rosenkranz B.* Рец. на: B. Collinder Hat das Uralische Verwandte? — *Biblioteca Orientalis*, Jaargang, 1966, 23, № 3—4, S. 204—206.

- Rosenkranz 1971 — *Rosenkranz B.* Zur Entstehungsgeschichte der Indogermanischen Verbalflexion. — Institut für Sprachwissenschaft-Universität Köln. Arbeitspapier № 16, 1971.
- Rosenkranz 1975 — *Rosenkranz B.* Nichtalphabetische Schriften der antiken Welt. Köln, 1975.
- Rosenkranz 1979 — *Rosenkranz B.* Archaismen im Hethitischen. — *HI*, S. 219—229.
- Roşu 1959 — *Roşu A. Văcaspati.* — Mitteilungen des Institut für Orientalforschung, 1959, Bd. VII, H. 2.
- Rudzīte 1964 — *Rudzīte M.* Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964.
- Rudzīte 1970 — *Rudzīte M.* Verba *let* atematiskas formas mūsdienu latviešu izloksnēs. — In: Donum Balticum. Stockholm, 1970, c. 418—428.
- Ruiz-Platzmann 1898 — Der Sprachstoff der Guaranischen Grammatik des Antonio Ruiz übersetzt und hier und da erläutert von J. Platzmann. Leipzig, 1898.
- Rüster 1972 — *Rüster Chr.* Hethitische Keilschrift-Paläographie. — *StBoT*, 1972, H. 20.
- Rysiewicz 1956 — *Rysiewicz Z.* Studie językoznawcze. Wrocław, 1956.
- Sabaliauskas 1957 — *Sabaliauskas A.* Atematiniai lietuvių kalbos veiksmažodžiai. — In: Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai, Straipsnių rinkinys. Vilnius, 1957.
- Sabaliauskas 1959 — *Sabaliauskas A.* Del lietuvių kalbos žodžio *javas* kilmės. — Lietuvio TSR Mokslu Akademijos darbai, Serija A, 1959, 1 (6).
- Sabaliauskas 1967 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksikos rada. — *LKK*, 1967, c. 5—140.
- Sabaliauskas 1976 — *Sabaliauskas A.* Del lie. formos *nuodu* 'mudu'. — *Baltistica*, 1976, XII (2).
- Safarewicz 1953 — *Safarewicz J.* Przyczynki do gramatyki historycznej języka łacińskiego. — Sprawozdania z posiedzeń naukowych, za rok akad. 1952/1953. Institut językoznawstwa Univerasyteta Jagellońskiego. Kraków, 1953.
- Safarewicz 1969 — *Safarewicz J.* Historische lateinische Grammatik. Halle (Saale), 1969.
- Sandoz 1973 — *Sandoz C.* Opuscules de grammaires indoeuropéenne I. (Universität Bern, Institut für Sprachwissenschaft, Arbeitspapier 10). Bern, 1973.
- Schleicher 1856 — *Schleicher A.* Litauische Grammatik (Handbuch der litauischen Sprache, 1). Prag, 1856.
- Schmalstieg 1956 — *Schmalstieg W. R.* The phoneme /v/ in Slavic verbal suffixes. — *Word*, 1956, vol. 12, № 2.
- Schmalstieg 1959 — *Schmalstieg W. R.* The Indo-European semivowel in Balto-Slavic. — *Language*, 1959, vol. 35, № 1, p. 16—17.
- Schmalstieg 1973 — *Schmalstieg W. R.* New thoughts on Indo-European phonology. — *KZ*, 1973, Bd. 87, S. 99—157.
- Schmalstieg 1974 — *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian Grammar. The phonology and morphology of the three catechisms. University Park and London, 1974.
- Schmalstieg 1974a — *Schmalstieg W. R.* Some morphological implications of the Indo-European passage of *-oN to *-ō-. — *KZ*, 1974, Bd. 88, S. 187—198.
- Schmalstieg 1976 — *Schmalstieg W. R.* An introduction to Old Church Slavic. Cambridge, Mass, 1976.
- Schmalstieg 1977 — *Schmalstieg W. R.* Speculations on the I. E. active and middle voices. — *KZ*, 1977, Bd. 90, H. 1—2, S. 23—26.
- Schmalstieg 1978 — *Schmalstieg W. R.* A note on Hittite *da-ah-ḫi*. — *Linguistica* (Ljubljana), 1978, XVII, p. 3—7.
- Schmalstieg 1978a — *Schmalstieg W. R.* Lithuanian construction of the type *jo būta* as a reflection of the Indo-European middle voice. — *Baltistica*, 1978, XIV (I), p. 15—19.
- Schmalstieg 1980 — *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980.
- Schmid 1963 — *Schmid W. P.* Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Otto Harrassowicz. Wiesbaden, 1963.

- Schmid 1966 — *Schmid W. P.* Baltische Beiträge. IV. Zur Bildung des litauischen Praeteritums. — Indogermanische Forschungen, 1966, Bd. 71, H. 3, S. 286—296.
- Schmid 1967 — *Schmid W. P.* Baltische Beiträge. V. — Zur Bildung des Praeteritums im Lettischen. — Indogermanische Forschungen, 1967, Bd. 72, S. 116—122.
- Schmidt 1977 — *Schmidt G.* Das germanische Schwache Praeterit mit idg.-*dh-*. — KZ, 1977, Bd. 90 (1976), H. 1—2, S. 262—270.
- Schmidt 1967 — *Schmidt H.* Brhaspati und Indra. Wiesbaden, 1967.
- Schmidt 1889 — *Schmidt J.* Ein Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, Bohalu, 1889.
- Schmidt 1964 — *Schmidt K. H.* Altirish ro. fitir und das Deponens des sog. suffixlosen Praeteritums. — Die Sprache, 1964, Bd. X.
- Schmidt 1964a — *Schmidt K. H.* Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. — Glotta, 1964, Bd. XLII, H. 1/2.
- Schmidt 1970 — *Schmidt K. H.* Zum Typus der baltischen Personalflexium. — Donum Balticum. To Professor Christian Stang. Stockholm, 1970, p. 480—484.
- Schmitt 1967 — *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
- Schuhmacher 1972 — *Schuhmacher W. W.* Beiträge zur Synchronie und Diachronie austronesischer Sprachen. 3. Fijian *dua* 'one': *rua* 'two'. — Acta orientalia (Copenhagen), 1972, 34, S. 204—205.
- Schwyzler 1939, 1 — *Schwyzler E.* Griechische Grammatik, Bd. 1. München, 1939.
- Seebold 1971 — *Seebold E.* Versuch über die Herkunft der indogermanischen Personalendungssysteme. — KZ, 1971, Bd. 85, H. 1, S. 185—210.
- Senkus 1958 — *Senkus J.* Kai kurie Lazunu tarmes ypatumai. — Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, Serija A. 1958, 1, c. 183—193.
- Senn 1934 — 1935 — *Senn A.* Sie athematischen Verba in Mikalojus Dauksza's Schriften. — Studi baltici, IV. Roma, 1934—1935.
- Senn 1966 — *Senn A.* Handbuch der litauischen Sprache. Bd. 1. Grammatik. Heidelberg, 1966.
- Shevelov 1977 — *Shevelov G. Y.* Jesmi 'I am' and some verbal endings in Slavic. — Papers on Slavic philology. 1. In honor of J. Ferrell. Ann Arbor, 1977, p. 249—257.
- Sievers — Brunner 1951 — Altenglische Grammatik nach der Angelsächsischen Grammatik von E. Sievers neubearbeitet von H. Brunner, Halle (Saale), 1951.
- Skardžius 1935 — *Skardžius P.* Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.
- Skardžius 1943 — *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Stawski 1953 — *Stawski F.* Słownik etymologiccki języka polskiego. Kraków, 1953.
- Słownik staropolski 1957, II—III — Słownik staropolski, t. II, z. 4 (10), t. III, z. 1 (14). Warszawa — Kraków, 1957.
- Solta 1963 — *Solta G. R.* Die armenische Sprache. In: Handbuch der Orientalistik, hsg. von B. Spuler, I, Abt., 7 B. Leiden/Köln, 1963.
- Solta 1970 — *Solta G. R.* Der heth. Imperativ der 1. Per. Sg. und idg. *l*-Formans als quasi-desideratives Element. — Indogermanische Forschungen, 1970, Bd. 75, S. 44—84.
- Sommer 1947 — *Sommer F.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
- Specht 1920 — *Specht F.* Litauische dialektische Texte aus Russisch—Litauen. Grammatische Einleitung. Leipzig, 1920.
- Specht 1928 — *Specht F.* Zu den altpreussischen Verbalformen auf *-ai, -ei, -sai*. — KZ, 1928, Bd. LV.
- Specht 1929 — *Specht F.* Syrwid's Punktay Sakimu. Gottingen, 1929.
- Specht 1930 — *Specht F.* Lituania. — KZ, Bd. LVII, 1930.
- Specht 1935 — *Specht F.* Zur Geschichte der Verbalklasse auf *-e-*. — KZ, Bd. LXII, 1935.
- Specht — Baranowski 1920, I; 1922, II — *Specht F.* Litauische Mundarten gesammelt von A. Baranowski, Bd. I, Leipzig, 1920; Bg. II, 1923.

- Stang 1929 — *Stang Chr. S.* Die Sprache des litauischen Katechismus von Mazvydas. Oslo, 1929.
- Stang 1932 — *Stang Chr. S.* Perfektum und Medium. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1932, Bd. 6.
- Stang 1942 — *Stang Chr. S.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stang 1957 — *Stang Chr. S.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Stang 1961 — *Stang Chr. S.* Zum baltisch-slavisches Verbum. — International Journal of Slavic linguistics and poetics., 1961, v. IV, p. 66—74.
- Stang 1962 — *Stang Chr. S.* Die athematischen Verba im Baltischen. — Scando-slavica, 1962, t. VIII.
- Stang 1966 — *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo — Bergen — Tromsø. 1966.
- Stang 1972 — *Stang Chr. S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972.
- Stang 1975 — *Stang Chr. S.* Ergänzungsband, Addenda et corrigenda zur «Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen». Oslo, 1975.
- Stang 1977 — *Stang Chr. S.* Litauisch -k(i), -g(i), -gu. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1976, Bd. 30, 2, S. 127—131.
- Starke 1977 — *Starke F.* Funktionen der dimensionalen Kasus und Adverbien im Althethitischen. — StBoT, 1977, H. 23.
- Stieber 1969—1973 — *Stieber Z.* Zarys gramatyki poronawczej języków słowiańskich, 1, 2. Warszawa, 1969, 1973.
- Stolz — Debrunner — Schmid 1966 — *Stolz F., Debrunner A., Schmid W. P.* Geschichte der lateinischen Sprache. Berlin, 1966.
- Streitberg 1920 — *Streitberg W.* Gotisches Elementarbuch. 6. neubearb. Aufl. Heidelberg, 1920.
- Strunk 1967 — *Strunk K.* Nasalpräsentia und Aoriste. Heidelberg, 1967.
- Strunk 1972 — *Strunk K.* Ai. *babhūva*, av. *buuūua*: ein Perfektbildung im Indo-Iranischen. — KZ, 1972, Bd. 86, H. 1, S. 21—27.
- Strunk 1977 — *Strunk K.* Überlegungen zu Defektivität und Suppletion im Griechischen und Indogermanischen. — Glotta, 1977, Bd. 55, 1—2, S. 2—34.
- Strunk 1979 — *Strunk K.* Heth. *h̄uekzi*, heth. *h̄ānikzi* und die indogermanischen Nasalpräsentien. — HI, S. 237—256.
- A. Sturtevant 1947 — *Sturtevant A. M.* Gothic morphological notes. — The Journal of English and Germanic philology, 1947, vol. XLVI, № 1, p. 407—412.
- Sturtevant 1942 — *Sturtevant E. H.* The Indo-Hittite laryngeals. Baltimore, 1942.
- Sturtevant 1951, 1 — *Sturtevant E. H. and Hahn A.* A comparative grammar of the Hittite language, vol. 1. New Haven, 1951.
- Svennung 1958 — *Svennung J.* Anredeformen. Uppsala, 1958.
- Szemerényi 1954 — *Szemerényi O.* Latin *promulgare*. — Emérita, vol. XXIII, 1959, p. 159—179.
- Szemerényi 1964 — *Szemerényi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European ablaut. Naples, 1964.
- Szemerényi 1970 — *Szemerényi O.* The Indo-European name of the 'Heart'. — In: Donum Balticum. Stockholm, 1970, p. 515—533.
- Szemerényi 1970 — *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
- Szemerényi 1972 — *Szemerényi O.* Comparative linguistics. — Current trends in linguistics, vol. 9. Linguistics in Western Europe, Mouton. The Hague — Paris, 1972, p. 119—195.
- Szemerényi 1979 — *Szemerényi O.* On reconstruction in morphology. — Linguistic and literary studies in honor of A. A. Hill, III, ed. by M. A. Jazayery, E. C. Polomé, W. Winter. Lisse, 1979, p. 267—283.
- Śmiech 1966 — *Śmiech W.* Polskie *nie ma* 'abest'. — Rozprawie komiśy językowej, t. XII. Łódź, 1966, s. 22—28.
- Tchekhoff 1978 — *Tchekhoff C.* Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite. — BSL, 1978, t. 73, f. 1, p. 225—241.

- Tchekhoff 1978a — *Tchekhoff C.* Aux fondements de la syntaxe: l'ergatif. Paris, 1978.
- Tesnière 1925 — *Tesnière L.* Les formes du duel en slovene. Paris, 1925.
- Thieme 1952 — *Thieme P.* Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952.
- Thieme 1953 — *Thieme P.* Die Heimat der Gemeinsprache (Abhandl. d. Geistes — und sozialwiss. Kl. d. Ak. d. Wiss. u. Lit. in Mainz, Jahrgang 1953, № 11), 1954.
- Thieme 1954 — *Thieme P.* Die Wurzel VAT. — In: *Asiatica. Festschrift F. Weller.* Leipzig, 1954.
- Thomas 1952 — *Thomas W.* Die Tocharischen Verbaladjektive auf -l. Eine syntaktische Untersuchung (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung, Veröffentlichung, № 9). Berlin, 1952.
- Thomas 1954 — *Thomas W.* Die Infinitive im Tocharischen. — *Asiatica. Festschrift Friedrich Weller.* Leipzig, 1954.
- Thumb — Hauschild 1959, II — *Thumb A.* Handbuch des Sanskrit. Mit Texten und Glossar. Eine Einführung in das sprachwissenschaftliche Studium des Altindischen. II Teil. Formenlehre. Dritte stark umgearbeitete Auflage von R. Hauschild. Heidelberg, 1959.
- Thurneysen 1885 — *Thurneysen R.* Der indogermanische Imperativ. — *KZ*, 1885, Bd. 27, S. 172—180.
- Thurneysen 1907 — *Thurneysen R.* On certain initial changes in the Irish verb after preverbal particles. — *Erju*, 1907, v. 3, p. 18—19.
- Thurneysen 1946 — *Thurneysen R.* A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- Tischler 1977 — *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977.
- Toporov 1978 — *Toporov V. N.* Lit. *gra*, lett. *ir* und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen. Typologie. — *Zeitschrift für Slawistik*, 1978, Bd. XXIII, H. 5, S. 617—627.
- Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
- Trubetzkoy 1925 — *Trubetzkoy N. S.* Les voyelles nasales des langues lechites. — *Revue des études slaves*, 1925, 5, p. 24—37.
- Trubetzkoy 1926 — *Trubetzkoy N. S.* Gedanken über den lateinischen *ā*-Konjunktiv. — In: *Festschrift P. Kretschmer.* Wien, 1926.
- Trubetzkoy 1954 — *Trubetzkoy N. S.* Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954.
- Trubetzkoy 1975 — *Trubetzkoy N. S.* Letters and notes, Prepared for publication by R. Jakobson. The Hague—Paris, 1975.
- Turner 1966 — *Turner R. L.* A comparative dictionary of Indo-Aryan languages. London, 1966.
- Vaillant 1939 — *Vaillant A.* L'imparfait slave et les preterites en -ē- et en -ā-. — *BSL*, 1939, t. 40, f. 1.
- Vaillant 1946 — *Vaillant A.* Les origines du medio—passif. *BSL*, 1946, vol. 42.
- Vaillant 1950, I 1974, V — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. I, Lyon — Paris, 1950; II, Lyon — Paris, 1958; III, Paris, 1966; IV, Paris, 1974.
- Vaillant 1962 — *Vaillant A.* Slave *žinje-*, *žeti* «moissoner». — *Revue des Études Slaves*. 1962, t. 41, fasc. 1—4.
- Vaillant 1965 — *Vaillant A.* L'accentuation du participe en -l-. — In: *Lingua viget* (Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky). Helsinki, 1965, p. 157—160.
- Van Brock 1964 — *Van Brock N.* Les thèmes verbaux à redoublement du hitite et le verbe indo-européen. — *RHA*, 1964, t. XXII, fasc. 75.
- Van Brock 1971 — *Van Brock N.* Le traitement des nasales voyelles en tokharien. — *KZ*, 1971, Bd. 85, S. 280—295.
- Van Wijk 1927 — *Van Wijk N.* Die sogenannten Verbe iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen. — *IF*, 1927, Bd. XLV.
- Van Wijk 1933 — *Van Wijk N.* Le problème des prétéritoprésents slaves et baltiques. — *Studi baltici*, v. 3, 1933.

- Van Windekens 1968 — *Van Windekens A. J.* Etudes de phonétique tokharienne, X: les préfixes privatif et intensif A *ā-*, B *a-* etc. — *Orbis. Bulletin international de documentation linguistique*, t. XVII, 1968, № 2, p. 408—434.
- Van Windekens 1975 — *Van Windekens A. J.* Etudes de morphologie tokharienne. — *Orbis*, 1975, t. XXIV, N 2.
- Van Windekens 1976 — *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, vol. I. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université catholique néerlandaise de Louvain, fasc. XI). Louvain, 1976.
- Ventris — Chadwick 1973 — *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mace-naean Greek. 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973.
- Vetter 1953 — *Vetter E. V.* Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.
- Volteris 1904 — *Volteris E.* Lietuviska Chrestomatija, St.-Pb., 1904.
- Vondrak (1924—1928), I—II — *Vondrak V.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 2 Aufl., 1924; Bd. II, 2 Aufl., 1928.
- Wackernagel 1924—1926, I—II — *Wackernagel J.* Vorlesungen über Syntax. Bd. I. Basel, 1924 (2 Aufl. — 1926), Bd. II — 1926.
- Wackernagel 1953, I, II — *Wackernagel J.* *Kleine Schriften*, Bd. I, II, Göttingen, 1953.
- Wackernagel — Debrunner 1930 — *Wackernagel J., Debrunner A.* Altindische Grammatik, III. Nominalflexion, Zahlwort, Pronomen. Göttingen, 1930.
- Wang 1969 — *Wang W. S.* Competing changes as a cause of residue. *Language*, 1969, vol. 45, p. 9—25.
- Wang 1976 — *Wang W. S.-Y.* Language change. — Origin and evolution of language and speech (*Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 280), New York, 1976, p. 61—72.
- Watkins 1962 — *Watkins C.* Indo-European origins of the Celtic verb. 1. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
- Watkins 1967 — *Watkins C.* Remarks on the genitive. — In: *To honor Roman Jakobson*, vol. II. Paris, 1967, p. 2191—2198.
- Watkins 1967a — *Watkins C.* Latin *sōns*. — In: *Studies in historical linguistics in honor of G. S. Lane*. Chapel Hill, 1967, p. 186—194.
- Watkins 1969 — *Watkins C.* *Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Indogermanische Grammatik, Bd. 3, T. 1. Heidelberg, 1969.
- Watkins 1970 — *Watkins C.* Studies in Indo-European legal language, institutions and mythology. — In: *Indo-European and Indo-Europeans*. Berkeley — Los Angeles, 1970, p. 321—354.
- Watkins 1970a — *Watkins C.* Remarks on Baltic verb inflexion. — In: *Baltic linguistics*, ed. by T. F. Magner and W. R. Schmalstieg. University Park and London, 1970, p. 165—170.
- Watkins 1971 — *Watkins C.* Indo-European Roots. — In: *The American Heritage Dictionary of the English language*. New York, 1971.
- Watkins 1972 — *Watkins C.* Hittite *ga-nu-ut* 'by the jaws'. — In: *Indo-European Studies* (1). Cambridge, Mass., 1972, p. 87—99.
- Watkins 1973 — *Watkins C.* The denominative statives in *-ē-*. — In: *Transactions of the Philological Society*, 1971, p. 51—92.
- Whitney 1962 — *Whitney D. W.* Sanscrit grammar. Delhi, 1962.
- Wilbur 1970 — *Wilbur T. H.* The ergative case and the so-called ergative-type languages. — Papers from the Sixth regional meeting. Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois, 1970, p. 416—424.
- Winter 1952 — *Winter W.* An Indo-European prefix **h₂-* 'together with'. — *Language*, 1952, vol. 28, № 2, part 1, p. 186—191.
- Winter 1962 — *Winter W.* Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen. — *IF*, 1962, Bd. 67, S. 16—35.
- Winter 1965 — *Winter W.* Tocharian evidence for Proto-Indo-European laryngeals. — In: *Evidence for laryngeals*, 2 ed. The Hague, 1965.
- Winter 1979 — *Winter W.* The distribution of short and long vowels in stems

- of the type Lith *ėsti: vėsti: mėsti* and OCS *jasti: vesti: mesti* in Baltic and Slavic languages. — In: Recent developments in historical phonology. The Hague, 1979.
- Wright 1962 — *Wright J. C.* Vedic *bhu-ṣ*, Iranian *buš-*, *bauš-*. — Bulletin of the School for Oriental and African Studies, 1962, v. 25, p. 282—293.
- Zeps 1964 — *Zeps V. J.* Optional rules in the formation of the Old Church Slavonic aorist. — *Language*, vol. 40, 1964, № 1.
- Zinkevičius 1957 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos įvardžiuotinių būdvardžių istorijos bruožai. Vilnius, 1957.
- Zinkevičius 1966 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966.
- Zinkevičius 1970, 1; 1971, 2 — *Zinkevičius Z. M.* Petkevičiaus katekizmo (1598) tarmė. — *Baltistica*, 1970, VII (2); 1971, VII (1), c. 67—86.
- Zubatý 1945—1954, I, 1—2; II — *Zubatý J.* Studie a články. Praha, Česká Akademia věd a umění, sv. I. Výklady étymologické a lexikální, č. 1, 1945; č. 2, 1949, sv. II. Výklady tvaroslovné, syntaktické a jine.

Принятые сокращения

- ДТС — Древнетюркский словарь. Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969.
- ДЯМА — Древние языки Малой Азии. Под ред. И. М. Дьяконова и В. В. Иванова, М., 1980.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. I — М., 1965—.
- СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I. М., 1974.
- ССТМ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Под ред. В. И. Цинциус, т. I—II. Л., 1975—1977.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева, I—VII. М., 1974—1980.
- AOГ — Archiv Orientalní.
- BSL — Bulletin de la Société linguistique de Paris.
- FW — Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Regensburg. 9—14 September 1973. Hrsg. von H. Rix. Wiesbaden, 1975.
- HI — Hethitisch und Indogermanisch. Vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Altkleinasiens. Hrsg. von E. Neu und W. Meid (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, hrsg. von W. Meid, Bd. 25). Innsbruck, 1979.
- IF — Indogermanische Forschungen.
- KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
- LKK — Lietuvių kalbotyros klausimas. Vilnius.
- LKZ — Lietuvių kalbos žodynas, I—X. Vilnius, 1941—1980.
- MSS — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München.
- RHA — Revue hittite et asianique.
- StBoT — Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden.

Указатель морф и словоформ

Старославянский

бѣж 169
 ба-снѣ 169
 беремѣ 169
 боаж 175
 боантѣ 176
 борж 103
 боатиса 176
 вылине 186
 быти 182, 197
 варнтѣ 174
 везете 29
 веантѣ 120
 въ 21
 вѣ 17, 19
 вѣдѣ 68, 176
 вѣж 167
 гезм 43
 глаголиж 104
 гонѣ 112
 горнтѣ 173
 гребж 175
 гана 111
 гравити 115
 гънатн 111
 давати 138
 даадѣ 134
 дады 134
 даж 137
 ддрѣ 137
 дастѣ 66
 -деждаж 152—153
 деж 153
 дѣж 155
 довадѣти 120
 ѣзем 43
 ѣсем 43
 ѣсмѣ 16, 80, 86—87
 ѣс-те 27
 жегж 129
 женж 110
 жжж 112
 жжти 112
 знаж 169
 зъвати 184
 нмама 132
 нмѣти 132
 истина 143
 нстѣ 143
 нти 99
 кады 57
 кыпѣти 124

лакомѣ 121
 лопата 150
 мелж 170
 можетѣ 131
 моантѣ 171
 моръмарж 104
 мѣнтѣ 172
 мы 19
 мыгжти 121
 мьзда 143
 марж 174
 на 21
 намѣ 21
 настѣ 21
 нашѣ 21
 нощи 111, 118
 ны 21
 нѣ 40, 78
 нѣсть 40, 78
 о-дежда 156
 о-дѣвати 156, 157
 пасж 57
 поласж 127
 приспѣ 161
 проснаѣ 16
 прѣспѣ 161
 раванѣ 132
 родити 131
 родѣ 131
 рыдати 128
 спѣветѣ 161
 спѣж 161
 ставнтѣ 160
 стаж 159, 212
 станж 159
 стениж 103
 стоѣ 160
 стрѣгж 115
 съмажити 121
 съпнтѣ 118, 128
 съ 81
 сѣдѣти 130
 сѣж 162
 сѣсти 130
 сѣтѣ 166
 сжтѣ 90
 саж 130
 оуспѣ 161
 шинж 166
 ѣамѣ 93—94

Болгарский

преживам 184
 съм 43, 86
 яда 94

Сербо-хорватский

бѣдем 175
 бран 103
 вѣста 163
 гнѣла 111
 грѣбем 175
 дѣтелина 96
 дѣспнѣти 161
 јасли 200
шт.ок. jèsi 89
 жѣти 112
 клѣти 171
 мѣѣти 170
 мѣлитн 171
 Предислав 147
 прѣпорашити 105
 сам 43, 86
 сѣјати 162
 стѣти 160
шт.ок. žèti 129

Словенский

bédem 175
 brân 103
 búhnuti 197
 d'ètelya 96
 doji 168
 gnâla 111
 grêbem 175
 jâsla 200
 preživati 184
 rediti 131
 sem 43, 86
 spèti 161

Чешский

др. dèju > deji 140
 др. diem 108—109, 140
 др. dieti jmè 110, 140—142
 др. dím 108—109, 140
 др. jèslì 200
 jèti 98
 jsem 43
 jsou 89
 kláti 171
 mliti 170
 modliti 171

др. не 41
др. не 41, 78
pršeti 105
Předislav 147
др. střěhu 115
stǎňu 103
trá-toř-iti 104
др. žvátí 184

Верхне-лужицкий

jaša 200
klóč 171
mlěc 170
žwač 184

Польский

biegą 128
dzieć 140
ст. dzieć imię 110,
140—142
dziecelina 96
ст. jat 99
ст. jeśc 90
ст. justřenka 210
mlęc 170
modlic 171
odejzie 98
Przediastaw 147
są 89
strzeżę 115
żuć 184

Кашубский

bъšni 181, 197

Словинский

sóč 89

Полабский

zǎvat 184

Древнерусский

дѣлати 140
нѣсть 90
нѣсто 143
нѣстѣца 143
нѣтъ 41, 78
рѣдѣ 131
стерегу 115
хрѣотати 107

Русский извод церковно-славянского

брѣнемъ 103
есѣ 89
прѣпожсавьс 127

Русский

бегу 128
бороть 103
бушевать 197

диал. бьяеть 176
былье 181
диал. вел'йт 120
гналá 111
дятел 96
дятлина 96
еда 94
есть 90
ехать 98
жать 112
жевать 185
колбда 171
колбть 171
мжить 121
могу 131
молить 171
опоясать 127
пояс 127
снежить 123
спелый 161
ставит 160
обл. таратора 104
тараторить 104
Усень 211
успела 161
услех 161
успею 161

Украинский

бігу 128
жувати 185
жүти 185
іда 94
пояс 127
ясла 200

Общевалтийский

*vede 44

Прусский

abserģisnan 116
aina-wārst 163
alkins 121
arwis 132
asmai 16, 74, 84
ast 75—90
asti 85—89
atträtwei 105
auwerus 174
ayte-genis 110
bia 176
boūsei 196
buttan 181
dadan 167—168
daia 137
dantimax 96
dantis 96
däst 66
ēilai 102
ēisei 98
em-baddussisi 175

emprijki-sins 81
eykete 102
garrewingi 173
gemton 188
giwassi 45
gunnimai 111
guntwei 111
imma 132
immais 45
ist 93—94
kakint 121
lopto 150
maddla 171
meicte 121
mes 18
naūsesmu 21
noūsons 21
nuson 19, 21
po-laikt 125
po-stai 159
quoi 62, 121
quoitlaisi 45
saytan 166
seisei 195
sēiti 193
senditams 140
sindats 130
stinons 103
tarin 165
umnode 112
waisei 175
wumpnis 112
wans 21

Литовский

abūdu 19
akmuō 57
ст. alk-ti 121
aūšta 66
barnis 103
ст. barti 103
bedū 175
ст. beg-mi 128
bijo 176
диал. bit(i) 178
butas 181
dantis 96—97
dāvė 138
dė 61—62
dėga 129
ст. demi 139—140
dovanà 138
dūodu 9
ст. dūomi 9, 134—139
ст. dūosti 66, 134—139
dūotis 137
ēda 94
edesys 200
ēdroti 25, 97
ēdrūs 25, 97
eimi 97—99

einù 65
duaa. eikel 102
 eīti 99
cm. esle 102
duaa. esmè 16, 84
 esmi 73—90
 esmu 74
 es-tè 27, 84—85
 est 92—93, 95
 ěsti 75—90, 119
 ganioti 112
 gāno 112
 ganýti 112
 gāri 173
 gedāuti 175
 geniù 110
 genù 110
 gēria 175
 gīmti 188
 ginè 110
 ginti 112
 grēbia 175
 gróbia 175
 gūndyti 111, 113
 gynēti 110
 ima 132
 jodyti 99
 jója 98—99, 137
 juósmi 127
 júosta 127
 jūs 19
 kalù 171
cm. kosti 123
 kupēti 124
cm. liekmì 125
 lópeta 150
 māga 131
 muldo 171
 malù 108, 170
cm. megti 130—131
 mekstai-s(i) 58
 merdi 174
cm. miegmi 121
 mēs 18—19
 miŋga 121
 mīni 172—173
aykum. mūdvi 19
 naktis 118
 nakvinti 111
 nakviša 111
cm. nakvoti 111, 118
 nērà 77
 niežti 122
 pa-gunikis 111
cm. pa-kakti 120
 pa-selýs 163
cm. pa-welmi 119
 pīrmdelē 167
 plāuja 168
 pūčia 167
 aŋda 131

cm. ráumi 128
 sakýs 44
cm. sanczio 76
cm. sant-i 76
 sapúoti 118
aykum. sē 61
 sedēti 129—130
 sēdi 44
 sēja 162—163
 sérg-ti 115—117
 sésti 55, 129—130
 siēja 164
 siūlas 166
 siūva 166
 skélti 174
 sniegti 123
 sniŋga 123
 spēja 161
 stenù 103
aykum. stò 61
 stoja 158
 stóvi 160
 sūka 44, 58
aykum. sūkava 17
 sūko 44
 širdis 143
 tārti 105
 tartis 105
 tāšýti 13
 te-sāikai 44
 te-sukiš 44
aykum. tikiva 17
cm. troksti 121
 tuōdu 19
 ùpè 112
 vėdè 13, 44, 59
 vedù 13
cm. veidzmi 176
ж.м. vėdvi 19
 vėjas 167
 vėrda 174
 yrà 75—83, 119
 žengiu 175
duaa. ziāuna 184
 zinójo 169
 žuv-ėdra 25

Латышский
duaa. àime 16
 aīkstu 121
 atruomu 131
 bařt 103
 beđu 175
 bēg 128
 bi 62
 bijāt 176
duaa. bija 178
cm. buewis 179
 celietāšs 28
 dāvana 138
 degu 129

dēju 140, 155
 dējš 167
 devn 138
 dzimt 188
 dzenèt 110
 dzēnu 110
 dzinu 110
 eđà 94
 ēdesis 200
 ēmu 93
duaa. ēsam 84
 ēsmu 74
 eška 201
 gā 61.62
 gāju 137, 186—187
duaa. iēmu 98
 inu 65
 ir 75—90
 jābāt 179
 jādu 99
 jāj 98—99
 juósta 127
 kacēt 121
 kalu 171
 mēdzu 131
 merdēt 194
 mēs 18
 minu 172
 nē 41
 nevaid 68
 niēz(t) 122
cm. pa-liekt 125
cm. puš 167
 radīt 131
duaa. raužu 128
 saīte 160
 sērde 143
 sēdēt 129—130
 sēj 162
 sēju 164
duaa. sest 55, 129—130
 snāju 168
 spēju 161
 spējums 161
 stāj 159
 stāvju 160
 stēnu 103
 škeiřt 171
 šuvu 166
 terēt 165
 tešu 13
 upa 112
 vejš 167
 veřdu 174
 zobs 184
 zauqāt 184

Общегерманский
 *arma- 117

Готский
bairaiwa 17
daddjan 168
-dedun 153
gaggan 175
graban 175
hahan 61
iddja 100
ist 80
laihv 125
malan 170
man 172
nē 40
nist 40, 78
saian 163
saiso 164
siujan 166
uns 21
waiwō 167
weis 19

Кельтские

Галльский
dugiontiio 179
ieru 139
vo- 20

Древнеирландский
ar·a·bi 179
ar·sissedar 157
·berair 52
·beram 16
·berar 52—53
bofe 179
·cartar 52
cretim 143
ēod- 94
fedid 13
·fitir 53
·gofit 114
guigid 175
is 42
ithim 93
·molor 171
ni 40
n-oirg 41—42
orgid 41
ro·ort 41
seurc 115
sí 23
siacht 61
sfd 130
sfl 163
snigid 123
·tá 40, 78, 159
·tét 40

Корвуэльский
gor 53

wit 19
witum 16
Древнеисландский
át 94
æsir 23
berjask 104
erom 84
gana 111
ofn 112
rauta 128
sá 163
sannr 75, 81
sera 164
skilja 171
ver·róm 84

Древневерхненемецкий
kiuwan 184
riozan 128
säen 163
snlwid 123

tatun 153
tōm 154
wajan 167

Древнесаксонский
dōm 154
obarseu 164
saian 163
sind(un) 90

Древнеанглийский
daedon 153
knēow 169
ofen 112
reótan 128
sāwan 164
sind(on) 90
seowjan 166
sōð 75, 81
spōwan 162

Валлийский
chwi 23
gwyr 53
ср. hebyr 52
ср. malu 170
serch 115

Бретонский
caner 53
goar 53
serc'h 115

Фаликский
doniad 138

Латинский
adficere 147—148
agō 48
aptus 12
condo 149, 153
crēdō 143—145
dedī 61, 136
dixī 65
dō 57—58
duim 138
edō 93, 95
est 80
ēstis 27, 85, 95
fatur 169
fēcī 155
feriō 104
ср. fhefhaked 61, 153
fodiō 175
iānuā 98
iī 100
-inunt 65
ср. it 98

liqui 125
mēminī 172
nēui 168
nīuet 123
nōs 21
nōui 169
offendere 113
omnis 37
Ops 118
plēui 168
serō 164
sistō 157
sōns 75
ср. spropondī 61
spēs 162
stō 57, 158
sum 42—43, 85
sumus 84, 85
sūtum 166
sūtus 166
uerbum 11
uēscor 68
uidēre 53
uīqintī 20
uolō 119
uult 119

Оскский
didet 136
fifukus 155
fufans 180
sūm 43

Умбрский
foia 155, 159
ferar 52—53
herter 52

ier 53
kumaltu 170
purdouiti 138
stahu 159
Венетский
didor 136
doto 136
vhagsto 142, 155

Тохарские

*-mä 15
swätsi 184
täka 77
*-tä 29
yok- 11

Тохарский А

ak-au 43
arki 63

ars-am 57, 65
aš-am 18
kam 185
na-sam 43, 74, 84, 86
nätsw- 185
papärs 105
päš- 57
pa-štak- 158
pat- 175
särk- 115
täkä 155
täp- 184—185
was 19
ya- 12
ya- 98, 159
yäm 43

Тохарский В

ekmem 187—188

er-sau 43, 65
eš-ne 18
iya- 98, 159
keme 185
kwā- 184
mätsts 185—186
ne-sau 41, 74, 78, 84,
86—87
sark- 115
stare 77—78, 158
ste 59, 78, 158
tättam 152—153
we 19
wene 18—19, 21
yam 43
yanem 65
yene 18, 21

Лувийско-ликийские

Лувийский

клиннописный
adari-tán 25—26
áiaru 51
áiaru 51
Annuramenzi 27
arpašai 47
ašpa 47, 74, 87
awi-ši 12
a-ti 12
āya-ši 12—13
haltittari 52
harduwatt- 131
hišhiya- 165
huehuija- 167
iḫa 100
iti 12, 98
mammana- 172
manaḫa 172
muwai 47

tatariya-man 106
titai-meš 168
waryi- 13

Лувийский иероглифический

aiaru 52
as(a)ha 47
as(a)ti 12
aya-ti 12
ázzastan 26—27
hartu-ha-ra/i-tu-sa 131
hasu 23
hi-s(a)-hi-mi-n(a) 15, 165
i-di 98
lai 47
pi-i 47
pi-pa-sa/i 47—48, 67
pi-ya-i 47
sa₅-sa₆-r(a/i)-la-i 47, 48

tā-ha 57, 135—136
tā-i 47, 135—136
dam(a)-má-i 47
tanu-wa 153
tartar(i)a- 106
tiwata 160
tu-wa/i-i 47, 142, 157
wa-i-mi-sá-(ti) 12

Ликийский

-di(ti) 12
ko-v 48
mšmi 172
ta- 135
tas 15
tideimi- 168
-tor-u 48
-tro-v 48
xbade 153
xixbati 153

Другие анатолийские

Палайский

ašandu 33
ḫapar-i-ši 11
ḫuwarninai 47
kittar 38, 55
muši 47
šapawinai 47
šup- 118
tu 38
wer-ti 11

Хеттский

araiš 65
ar-ḫi 60
arš(a) 65
ašandu 33

ašant- 75, 82, 97
ašanzi 33, 90
ašeš-(ḫe) 55, 130
adant- 96—97
auš-ta(t) 66
ek^x-ši 11
epp-un 12
eššir 75
éš-(mi) 11, 13, 32, 74,
80, 82, 86—87, 90
eš-ri 75
eš-ta(ri) 55
ét-mi 11, 93
étri 25, 97
etriya- 25,
ézzasten 26—27

ḫap- 112
ḫappina 112
ḫarki- 63
ḫark(-ta) 41
ḫardu- 131
ḫaššu- 23, 37
ḫatrae-š 12
ḫišša- 166
ḫumant- 37
ḫuwai-/ḫuya- 166—167
ḫuwant- 167
irma-lant- 117, 132
išḫai/išḫiya- 164—166
išḫiul 166
išpai-/išpiya- 161
ištark- 116—117

it 98
 iya- 98, 100
 iya/e(š) 12, 13
 iyannai- 65
 galgalturi 104
 gangaḥḥi 61
 karat- 143—148
 kitta(ri) 38, 54
 kiya 54
 kwén-zi 11, 14, 26,
 110—115
 lappa 150
 lukki-t 13—14
 luk-ta 56, 91, 118
 mai- 60
 maldai- 171
 malla(-ḥḥi) 108, 170
 meḥur 60
 mer-ta 91, 174
 neḥḥi 60, 161
 neku(-ttat) 91, 111
 pahš- 57
 pai- 15, 98

papparš- 105
 pariparai- 107
 piran dai- 147
 piš 65, 67
 pe/iddai- 12, 175
 šai-/šiya- 163—164
 šakḥi 61
 šakuwá 18
 šeli 163
 šeš-(zi) 11, 25, 60
 šipantaḥḥi 56
 šisd-uar 130
 šummi- 23
 taḥḥi 57, 61, 65—66,
 135—139
 takkis-ta 13, 14
 -tani 15
 tar- 106
 tar-šk- 106
 da-ške-š 12
 te(ḥḥi)/tiya- 61, 139—157
 tekkuššai 65
 te(mi) 108—109

tittiyant- 152
 tuk 38
 ukturi 104
 -u-men(i) 14, 18
 u(w)a/e-t 13, 100
 uwate-(t) 13, 25, 44
 -wani 15
 wa(r) 11
 wék-mi 11, 60
 weš 19
 zik 38
 ziké-t 13

Лидийский

da- 135
 kan-tor-u 106
 kan-tro 106
 tatro 106
 -u 38
 -uv 38
 -v 38
 ↑ es 14

Индо-иранские

Митаннийский арийский
 a-i-ka- wa-ar-ta-an-na
 163

Кафирские
(нуристанские)
расуны yasē 127

Древнеиндийский

ábharava 17
 á-bhū-ta 26
 āda 94
 a-dā-t 58, 134
 a-dhā-t 61, 139
 adikṣi 65
 ād-mi 93, 95
 ākārsam 42
 akṣani 18
 ā-mṛ-ta 91, 162, 174
 ānitam 61
 āp-nó-ti 12
 armaka- 117
 ārta 55, 60
 asma 23
 āsmi 74, 80, 86—87, 90
 a-sthā-t 61, 157
 asthiraṇ 77, 157
 āsur 75
 as-te 55
 asura 23
 aśayat 54
 attana 27
 av(a)ri 119
 bhara-ma 15
 dhāti 129

dhay- 168
 eka-vṛt- 162
 e-(ti) 98
 gā- 137
 gargar- 105
 hānti 11, 26, 110—115
 ihi 98
 iṣā 166
 iyar-ti 60
 kāstate 123
 māmite 60
 nā 41
 nāma-dhā 140—142
 nar 27
 nāsti (=na-asti) 40, 78
 paprā-u 168
 pari-dhā 147
 prā-kupita- 124
 prāpa 107
 rireca 125
 rocate 13
 ródimi 128
 sa- 164—165
 sādāt- 130
 sant- 80—82
 sānti 33, 90
 sasti 11, 60
 śéta 54
 sitā 162
 so- 164—165
 sphāyate 161
 śrad dhā- 143
 stan 103
 syati 165
 syūman 166

takṣati 13
 ūpa-vājayati 104
 vāhataḥ 29
 vaš-mi 11, 60
 vayám 19
 vidé 55
 vidur 53
 yā- 98—99, 137
 yuṣma 23

Новоиндо-арийские
ассамск. eṭa 162

Древнеперсидский

āha 80
 astiy 80
 idiy 98
 vayam 19

Пехлевийский
 sraē 143

Авестийский

aēiti 98
м.л. ahma 23
 āḥa 80
 ap-ana 12
 ās-tē 55
 atre. vazana 104
 aviṣana'ti 111
 bābvare 179
 cikōitēreš 66
 dā-ne 57, 136
 ḍaiδ-e 55
 nā 21

maeza 122
nāman dadai 141
nō 21
sae-ta 54
snaēza'ti 123
taša'ti 13
vad- 13
vaem 19
vas'mi 11, 60
xštā 57, 158
yāsta 127
yušma 23
zrazda 143

Согдийский

*pezkin (ny'zkyu) 122
nimiž 121

Осетинский

niz 122
nizgyn 122

Армянский

ham 169
berēr 51, 52
nozdñ. beriwr 53
ed 139
eker 175
elik' 125
em 86—87, 180
et 134
malem 170
malt'ank 171
unim 12
utem 94

Албанский

bijë 181
bûj 181
dhashë 203
dhëmb 185
diég 129
ditë 168
erdha 192
ю.-тоск. (j)eshë 87

Иллирийский

Мессапский

βαυρία 181

gjanj 113
ha- 185
hëngra 185, 199
lashë 203
lësh 206
mund 173
ngjesh 127
ngjéshe 127
ngeshür 127
ngjîshem 127
ngroh 206
njoh 206
piva 68
pre-gijm 188
qe 181
qeshe 181
grah 206
shoh 206
zjarm, zjarg 173

Македонский

γομπους 185
κόμβους 185

Греческий

ἄγω 33
ἄμμε 23
ἀνὴρ 27
ἀργυ-63
ἄρηι 167
δίδωμι 134
ἔδειξα 65
ἔδω 93
εἶδαρ 25, 97
εἶμι 86
εἶρω 11
εἶσι 98
ἐρχομαι 190—192
Ἔχων 11
ἦα 74
ἦσται 55
θεῖνω 113
ζωννομι 127
ζωστήρ 127
ιῆμι 13

ἴθι 98
ἰπός 112
καίτο 54
λέλοιπα 125
μέλος 171
νείφει 123
νήσαντο 168
νώ 21
ονομαθέτης 141—142
σκαλλω 171
σπένδω 56, 61
στέργω 115
τίθημι 54, 139—157
τορέω 166
ὔμμε 23
φάτο 169
φέβομαι 128
φέρετε 58
φημί 169
ωδή 94
ῶρα 57, 65
ῶρτο 55, 60

Фригийский

αββερεται 53
αββερετορ 54
αββεртоρ 53
αββιρετο 54
αδδαхет 147, 155
αδδαхεται 54
αδδαххетера 54
δαхета(ι) 54
δαφет 132, 204
εγедου 33
εγερτοι 54
εитου 33
εхтетои 54
εстаεs 216
εστατοι 54
ιос νι 53, 147
ιαν(ι)ουτται 54
ονομαν дафет 142
оитεитου 33
тедаतो! 54
-τορ 53—54

Оглавление

Предисловие	3
Глава первая	
Индоевропейские прототипы славянских, балтийских и раннебалканских систем глагольных окончаний	5
§ 1. Проблема двух серий глагольных форм в индоевропейском языкознании	5
§ 2. Реконструкция первичных и вторичных окончаний единственного числа первой серии глагольных форм в анатолийском	10
§ 3. Анатолийские, индоевропейские, славянские и балтийские окончания первых двух лиц множественного и двойственного числа	14
§ 4. Проблема индоевропейской оппозиции инклюзива и эксклюзива	20
§ 5. Флексии повелительного наклонения в анатолийском, индоиранском и фригийском	25
§ 6. Индоевропейский инфинитив и проблема относительной хронологии форм первой серии с «первичными» и «вторичными» окончаниями в индоевропейском, балтийском и славянском	34
§ 7. Реконструкция второй серии глагольных форм и ее соотношение с формами первой серии в свете истории индоевропейского медиопассива	46
§ 8. Соотношение форм второй серии с тематическим типом в индоевропейском, балтийском и славянском	56
§ 9. Проблема диалектного преобразования двух серий при становлении новых видо-временных форм	59
§ 10. Отношение сигматических глагольных форм ко второй серии	64
§ 11. Возможная предыстория индоевропейских форм двух серий в свете ностратического внешнего сравнения и типологических данных	67
Глава вторая	
Атематический класс глаголов и отражение индоевропейских глагольных форм первой серии в балтийском и славянском	73
§ 1. Проблема атематического класса глаголов в балтийском и славянском	73
§ 2. Спряжение глагола * <i>es-</i> 'быть' и его история	73
§ 3. Глагол * <i>ed-</i> 'есть'	92
§ 4. Глагол * <i>ei-</i> 'идти'	97
§ 5. Следы архаических форм второй серии (и первой) в классе атематических глаголов в балтийском и славянском	103
Глава третья	
Отражение древних индоевропейских глаголов второй серии в балтийском и славянском	134
§ 1. Глагол * <i>doH-</i> > * <i>dō-</i>	134

§ 2. Глагол <i>*dheH-</i> > <i>*dhe-</i>	139
§ 3. Производные от корня <i>*stoH-</i> второй серии в балтийском и славянском	157
§ 4. Другие глаголы второй серии с корнем на долгий гласный (гласный + ларингальный) в балтийском и славянском	161
§ 5. Отражение в балтийском и славянском глаголе индоевропейских форм второй серии с основой на согласный	170

Глава четвертая

Балтийские, славянские и албанские супплетивные парадигмы как результат объединения глаголов двух серий	177
§ 1. Супплетивизм как отражение истории глагольной системы	177
§ 2. Супплетивизм в парадигме глагола бытия	177
§ 3. Супплетивные отношения в парадигме глагола 'есть, кушать'	184
§ 4. Супплетивные соотношения в парадигме глагола 'идти'	186

Глава пятая

Некоторые архаичные сигматические формы и основы с суффиксами <i>*-s-</i> и <i>*-sk-</i> в балтийском, славянском, фригийском и албанском	193
§ 1. Сигматический показатель в тематическом оптативе	193
§ 2. Сигматические формы от <i>*bhu-</i>	197
§ 3. Сигматические формы от <i>*ed-</i>	198
§ 4. Сигматические формы от <i>*doH-</i> и <i>*dheH-</i>	202
§ 5. Проблема происхождения глаголов на <i>*-sk-</i>	205

Глава шестая

Архаичные производные с носовым аффиксом	212
§ 1. Производные от <i>*stoH-</i>	212
§ 2. Некоторые другие типы архаичных основ с носовым аффиксом	216
Заключение	220
Источники	229
Литература	231
Принятые сокращения	262
Указатель морф и словоформ	263

Иванов Вячеслав Всеволодович

**Славянский, балтийский
и раннебалканский глагол.
Индоевропейские истоки.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Дригина*
Художник *Н. Якубовская*
Художественный редактор *А. И. Алексеева*
Технические редакторы *О. Г. Ульянова, Е. Н. Евтямова*
Корректоры *М. В. Бортькова, В. Л. Гамаюнов*

ИБ № 22340

Сдано в набор 11.11.80.
Подписано к печати 9.06.81.
Формат 60 × 90^{1/16}.
Бумага № 1.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 20,2. Усл. кр. отт. 17
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 1952.
Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2-40к

2

Вяч. В. Иванов